

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Юрий Литвин

Психоделика. Книга для мертвых

Юрий Валерьевич Литвин

Психоделика.

Книга для мертвых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48452892

SelfPub; 2019

Аннотация

Обыкновенному работнику метрополитена снятся странные сны. Крестовые походы, тамплиеры, странная Реликвия, странствующие монахи-бенедиктинцы. Непонятным образом сновидения начинают оказывать влияние на его повседневную жизнь. Сон и явь, жизнь и смерть переплетаются самым причудливым образом. Содержит нецензурную брань.

Юрий Литвин

ПСИХОДЕЛИКА. КНИГА ДЛЯ МЕРТВЫХ.

Часть 1 «Никогда не засыпайте в наушниках».

... заснул я под Manowar, кажется «Hail and Kill» ...

Настройка параметров...

...Едва тронув поводья, я поехал вдоль рядов. Солнце так и не появилось. Облака окончательно сомкнулись в темную, непроницаемую броню и ангелы скрылись за ней навсегда. Ком подступил к горлу, так часто бывало перед битвой, и это меня обрадовало. Как, впрочем, и всегда. Натянув поводья, резко развернул Джигу и хрипло проорал прямо в лица первой шеренги, железную рукавицею своею, указывая в небеса:

– Они не придут! Мы сами придем к ним!

Бойцы невольно попятнулись, ибо морда Джиги, укрытая дьявольской маской смерти, смотрела на них в упор. Конь всхрапнул и встал на дыбы, подыгрывая мне. Я почувствовал, что завожусь. Так-то.

– Хранители оставили нас! И пусть! Зачем они тем, кто спешит на встречу к Богу? Ты! – ткнул рукавицей в бородастое лицо крепкого копейщика, – Кто твой отец?

Боец побледнел и сделал попытку упасть ниц.

– Стоять! – заорал я. Попытка грянуться оземь не удалась.

Губы зашевелились и боец произнес:

– Багги – Левша... Ваша светлость.

– Где он?

– На небесах.

– Как он погиб?

– В бою за короля...

– Да! За короля! – сделав паузу, оглядел внимательные лица пехотинцев, – Он погиб как мужчина, с оружием в руках, а не от старости и не от болезней. И теперь он там! Смотрит на нас, как все наши отцы, и отцы наших отцов!

Краем глаза я увидел, что конница противника начала движение, набрал больше воздуха в стянутую доспехом грудь и завопил, что было мочи:

– Пускай хранители помогут им! Если смогут!! Порвем это стадо!!!

– Ааааа!

Фигурки всадников постепенно увеличивались в размерах. Лорд Гэлуэй отправил посыльного на правый фланг и тот умчался, словно ошпаренный крутым кипятком.

– Порвем, да так, чтобы черти в аду замучились собирать их куски!

– Ааааа!!

Земля отчетливо дрожала под копытами вражеской конницы, а я уже просто вопил в диком хрипло-визгливом диапазоне:

– За короля! Стоять насмерть!

– Насмерть! – подхватили лорды, и мы тесной группой помчались вдоль рядов.

Всегда любил этот момент. За нами поднималась волна упоительного восторга. Я физически ощущал исходящую, от этих условно, еще живых людей, особенно тех, что стояли в первых шеренгах, где выживаемость минимальна, смешанную эманацию смертельного ужаса, надвигающейся смерти и непонятного примитивному разуму человеческому наркотического экстаза, от ощущения собственного «Я», вырастающего в сей переломный момент жизни до необъятных размеров. Да, такие мы есть, и с этим ничего не поделать. Давно замечено, что в смерти, как и в рождении, есть немало общего. Например, крик.

Столкнулись. Мы меж тем вознеслись на поросший травой невысокий холм, над которым гордо реял королевский штандарт, и теперь поле битвы было у нас как на ладони.

Смешные человечки вели только им одним понятную забавную игру. Сталкивались, рассыпались, падали со своих игрушечных лошадок, нанизывались вместе с ними на копья, умирали, выживали, стонали под копытами и сапогами, резали и кромсали плоть разнообразными железными предметами, истекали кровью, а некоторые, некоторые, заметьте, и я в этом уверен, при всем выше перечисленном, еще продолжали о чем-то мечтать и на что-то надеяться.

Такова суть человечья. На всем протяжении короткой сво-

ей жизни, знать о неизбежности скорой смерти, а если не скорой, то непременно наступающей, все равно, после долгой и отягченной болезнями старости, вплоть до полного помутнения рассудка, и все равно, надеяться на лучшее.

Первую волну мы сдержали, более того, противник достаточно крепко увяз в центре, словно пресловутая муха в янтаре, и, судя по всему с бараньим упрямством, будет ломиться туда же и впредь. Благо резервы позволяли это делать, учитывая почти тройное преимущество в живом материале. Действительно, зачем извращаться в тактических изысках, когда можно тупо навалить гору своих и чужих трупов, но при этом выполнить поставленную задачу и отрапортовать о тяжелой, но несомненной победе. А потом еще и награды получить.

Нет, с тем количеством воинов, я бы на месте Арни поступил по-другому, не потому, что я сентиментален, возможно, я тоньше, или изящнее, как вам будет угодно. Все-таки есть еще фланги, да легкая конница, арбалетчики... Да и тяжелая конница в конце концов. Где она, кстати? Ага. Разгоняется, ну вот, так и знал.

«Клубится пыль над бранным полем...» Скачут родимые, как по мне, так рановато, мои несчастные копейщики, держатся пока еще очень неплохо, и перемелют вашу конницу за милую душу, но мы не будем этого ждать. Поможем ребятам, поможем...

Вздыхнув, я отдал короткий приказ и снова тронул пово-

дья. Гэлуэй недовольно покосился, но промолчал. Старый волк сразу все понял и как всегда расстроился, ну не любит он, когда я лично лезу в драку. Хороший он человек, душевный. Джига тоже сразу все понял. И не надо мне умничать насчет душевной организации лошадей.

Перехват выдался на славу. Скажу без ложной скромности. Гэлуэй, наверняка, был горд своим учеником и воспитанником, наблюдая все это с холма.

Мы выскочили, как черти из табакерки. Эти глупые всадники подняли копытами своих лошадей столько пыли, что наш удар оказался для них смертелен. Арни подозревал, что у нас есть для него сюрпризы, но, несмотря на отсутствие у него каких бы то ни было полководческих талантов, надо же хоть изредка подстилать, ту самую пресловутую соломку. Ан нет. Всадникам было больно, очень больно. Несколько минут все проходы на небеса были буквально забиты их отчаявшимися душами. Представляю, какая там, на небесах, вышла давка.

А мы что? Мы ничего. Просто воспользовались тактической безграмотностью полководца. Если Арни можно так называть.

В принципе, пред Всевышним все равны, но в бою зачастую преимущество получает тот, кто имеет страшного, закованного в железо коня, добрую кольчугу, желателно из дорогих, немного внезапности и щепотку везения в чересседельной сумке. Все это у меня сегодня наличествовало, и

потому успех был на моей стороне.

Ловя недовольные взгляды светлейшего лорда Гэлуэя, мы с Джигой снова поднялись на холм. Свита приветствовала нас одобрительным ропотом.

– И? – поинтересовался я.

Гэлуэй повел наплечниками:

– Без участия вашей светлости, конечно, никак нельзя было обойтись?

– Никак, тем более, что король нынче прихворал, – улыбнулась «Наша светлость». Любит он меня подразнить. Переживу. – Противник отступает.

Лорд кивнул:

– Я в курсе. Еще немного и я поверю в победу.

– Я верю в нее всегда!

Тут на холм взлетел посыльный от Локси. Локси командовал левым флангом.

– Ваша светлость! Лорд просит разрешения атаковать!

Мы переглянулись с Гэлуэем.

– Рано, – сквозь зубы и бороду процедил он. – Возможно это ловушка.

– Хм, отдать нам почти всю конницу, чтобы заманить в ловушку? Там и ловцов-то уже не осталось, – я расстегнул доспех и широко вдохнул пропитанный войной воздух. Стало значительно легче.

– И, тем не менее, я считаю, что это ловушка, – повторил лорд.

Я внимательно посмотрел на него и кивнул, все-таки в чутье старику не откажешь.

– Отправим туда сотню этого молодца, – я покрутил в воздухе девой рукой, – как его? Фер... Хер...

– Вертера, – подсказал услужливый Марк, прикрывавший меня справа.

– Угу, этого... Пускай сымитируют контратаку, и сразу, запомни, сразу назад. Все понял?

Посыльный кивнул и в тот же миг исчез. Я оглянулся, услышав странный хрюкающий звук слева.

– Что?

Гэлуэй был доволен и даже слегка улыбался в усы.

«Молодец, мальчик!» – говорили его прищуренные глаза старого хитрого лиса. Или волка? Короче, лисоволка. Все равно он был доволен своим учеником.

х х х

Помню в детстве, часто мне снился один и тот же сон. Раскаленная каменная пустыня, палящее с безжалостных небес солнце. Набитый песком рот и я, ползущий неведомо куда в истерзанной, превратившейся в ключья одежде. Иногда я умирал, иногда нет, терял сознание... Согласен. странно терять сознание во сне, но клянусь я не преувеличиваю, это было. Ощущения от кошмара были настолько реальны, что я просыпался в холодном поту, лежал в своей до боли знако-

мой комнате и не мог поверить в то, что все это всего лишь сон.

Обычно после этого я заболел. Болезни были неприятными и сопровождались высокой температурой. Меня начали активно лечить и вскоре я выздоравливал. Но проходило время, и сон возвращался опять.

Родителей своих я не помню, только тетю Валю – воспитательницу нашего детского дома. Добрейшей души была женщина, Царствие ей Небесное... Очень она за меня переживала. Книжки разные всегда приносила, интересные. Благодаря ей и частым болезням, я много перечитал в детстве. Хотя учиться так и не полюбил, ну скажите на милость, какая учеба в дурдоме, в смысле в детдоме? Да и не приветствовалось у нас это как-то. Не любили мы умных. И умные тщательно ум свой скрывали.

Потом я вырос, и сны прекратились, и простужаться я перестал. Вытянулся в росте за 185, выучился в училище, простите за каламбур, на слесаря третьего разряда... Так-то вот. Работать пошел. Потом два года на пользу родине. Водку пить научился по-человечески. Но с тех пор я возненавидел пустыни и все, что с ними связано. Ну не любил я их, что тут поделаешь? Наверняка, и у вас есть подобные детские комплексы. Как без них. Вспомните, обязательно есть нечто подобное, что вызывает у вас стойкое отвращение.

В последствие, читая некоторые статьи известных психологов, я узнал, что многие люди даже не помнят своих дет-

ских кошмаров, но они плотно сидят у них в подсознании и по мере своих сил оказывают воздействие на последующие поступки. О как!

Мне в этом плане, можно сказать еще крупно повезло. Свои ночные кошмары я помнил, и как требует сюжетная линия повествования, в один прекрасный момент все вернулось. Впрочем, обо всем порядку.

Когда-то я пытался писать, мне казалось, что я способен создать мудрую книгу, наполненную собственными переживаниями, но потом почувствовал, что совершенно не хочется, чтобы о моих переживаниях кто-нибудь узнал. Зачем? У людей своих переживаний хватает, и к тому же неприятно, если попадется кто-то, кто начнет копать во всем этом, или того хуже вымерять линейкой черепушку повествования. Неприятно это, мерзко и некрасиво. Некрофилией пахнет. Потому книги я писать бросил, а вот сохранившаяся вредная привычка делать заметки осталась, чисто для себя, главное все это успеть уничтожить, перед тем как ступлю на Путь, единственно верный и правильный. Но с другой стороны, должен же я как-то развлекаться в свободное от приносящей основной доход работы время? Вот и подумайте теперь любезнейший Ватсон о том, как мы будем коротать тоскливые осенние вечера...

Точная настройка...

Где-то за стенкой тихо играет Jimi Hendrix... Чей там? Ага... "Purple Haze"... Медленно проваливаюсь в сон... или это сон наваливается на меня...

На приступ пошли только семнадцатого, сообразив, что тянуть дальше нет никакого смысла. Люди волновались и рвались в бой. Командиры угрюмо молчали. Каждая ночь уносила несколько жизней, лазутчики из крепости делали свое дело умело и совершенно бесшумно. Хотелось скорее покончить с затянувшейся осадой, но приказа все не было. И наконец, дождались.

Ударили разом и со всех сторон. Противник оказался не готов к подобному натиску, а быть может просто смирился с неизбежным. Долгое ожидание выплеснулось кипучим потоком, сметающим все на своем пути. Венецианцы подвели корабли прямо под стены города вплотную. Люди карабкались по мачтам и снастям и переваливались внутрь.

И уже на стенах изливали на врага всю накопившуюся за время осады ярость. Таким нехитрым образом удалось захватить несколько башен.

Видя, что все плохо, противник от отчаяния бросил в бой огромное ополчение, где были собраны все, кто только мог держать в руках оружие, включая стариков, женщин и даже детей. Их было никак не меньше ста тысяч человек, но плохо обученных ратному делу, и собственно единственное, что они могли сделать, так это умереть. И делали они это страш-

но. Как коровы на бойне. С тем же застывшим выражением тоски в глазах. Создавалось впечатление, что они были чем-то очень напуганы эти бедные умирающие люди, толи, рассказами о наших зверствах, толи свирепостью своих начальников, а скорее всего невидимой за этой толпой линией вооруженных гвардейцев, которые перекрывали этому живому щиту пути возможного отступления. По отрешенному виду этих несчастных горожан было заметно, что они уже не здесь, а там... В ином мире, и им совершенно все равно, где погибать, за стенами города, или снаружи. Многие просто падали на колени и молились, выпустив из рук свое нехитрое оружие, матери прятали за собою детей, дети орали. Это было очень странное сражение.

Мы двинулись строем, сомкнув щиты. По опыту знаю, что это производит впечатление на противника даже весьма искушенного. И этот монотонный, леденящий кровь стук. Крики несчастных усилились, но что нам-то было делать? Они перекрыли собой дорогу.

Прозвучала команда и арбалетчики дали первый залп прямо в упор этой разношерстной толпы. Промахнуться было практически невозможно. Каждый дротик нашел свою цель. Истошный вопль сотни голосов был ответом на залп.

Щиты сомкнулись с глухим стуком, перезарядка. Второй залп довершил дело, но болты полетели уже в спины. Противник дрогнул. Чего напрочь не было у этого воинства, так это боевого духа. Да и откуда ему было взяться?

Когда пролилась первая кровь и изрядно пролилась, перепуганная толпа горожан помчалась назад в город, давя саму себя и тех, кто думал отсидеться за их спинами. Они рвали своих гвардейцев, подобно тому, как голодный бешеный пес рвет случайно подвернувшуюся ему добычу. Они словно мстили своим же защитникам за все, что случилось. Нам оставалось только войти в город вслед за ними.

Ишмет держался справа от меня, я помню его изумленные глаза и постоянное цоканье языком, а Патрик был справа, в своей неизменной помятой, надвинутой до самых бровей каске. В тот день мы толком и не вступили в бой, а все уже было предрешено.

Отброшенные назад в город люди стали в панике разбегаться по своим и чужим домам, они прятались в подвалах и сараях, а некоторые особенно усердные стали нам помогать, выдавая собственных командиров и некоторых, по их мнению неблагонадежных сограждан. Нашлись и такие, что вместо того, чтобы пытаться хоть как-то остановить неприятеля, присоединялись к нам и спешили к дворцу, вознося хулу императору и роду его. Как говорили древние: «Ничто так не преходяще, как слава мирская!». Бунт был успешно поддержан, и на том героическая оборона завершилась. Во славу Креста!

На следующий день говорили, что контрибуция составила около тонны золотом, и это было лишь то, что собирались отправить во Францию.

Глава I

Pink Floyd “Hey You”

Явь

Крысы в метрополитене жили и жили весьма успешно. Гигантские. Размером с человека. И головы у них были человеческие, и руки, и ноги, и одевались они неплохо, кое-кто даже имел личный или служебный автотранспорт. Но в душе они были крысами. Как там... Мышки были маленькие и бегали очень редко, а вот крысы... Ну да, где-то так. Их было вполне достаточно для того, чтобы отравлять жизнь подавляющей части подземного населения, которую, как и везде, составляли в целом нормальные мужчины и женщины, которые собственную значимость ощущали два раза в месяц, читай, аванс и получка, когда после принятия на грудь можно было гордо ее выпятить и рассказать окружающим, что без меня и подобных мне метрополитен и дня бы не проработал. А вот начальство не столько помогает, сколько ставит препятствия нормальному производственному процессу. Но увы, как говаривал незабвенный Корвин: кладбища полны людьми которые при жизни считались незаменимыми, и оттого все возвращалось на круги своя, мышки работали, прочие руководили, а электрички бегали по туннелям, по кругу

по кругу, по кругу... Эх, я завернул, ну да ладно... Короче, жадные жестокие старые дети. Те что никак не наиграются в свои неприглядные кровавые игры.

– А я у тебя бизнес отберу!

– А я воспитательнице пожалуюсь.

– А я...

И так до бесконечности. Но это на самых верхних уровнях, у нас-то попроще, но принцип тот же, да и крови поменьше.

Как говорили мудрые, во многом знании – многие печали. Вот оттого, наверное, действительно люди мудрые, ни в коей мере, мудрости своей при жизни не выказывают. Ни к чему это им, оттого изредка встречая подобных индивидуумов, не переставал никогда поражаться их умению скрывать, нивелировать и отчасти даже искусственно кастрировать остроту собственного ума при общении в первую очередь с «крысами».

Вот и сегодня в ожидании второй ступени, наш бесспорно великий и могучий мастер Карп Захарович, быстренько разогнал по станциям личный состав вкупе с дежурным персоналом, а мя грешного нагнул на святое дело обновления маркировки слесарного инструмента.

Благо приедет проверяющий, глядь, а маркировки обновлены, он подумает: «О! Обновлены маркировки». А рядом висит такой же точно стенд, но не со слесарным инструментом, а с защитными средствами. А вот тут-то и заключалась

хитрая мудрость Карпа Захаровича. Он сказал:

– Защитные средства не обновляй!

Не поняли? Поясню.

Проверяющий два стенда на контрасте увидит, обязательно замечание напишет – обновить стенд защитных средств, и довольный после этого уйдет, и счастливой ему дороги. Замечание плевое, несерьезное, и ему хорошо и мастеру. И у всех остальных желающих создастся устойчивое впечатление того, что в службе работа поставлена, как положено. Конечно, не без недочетов, но у кого их нет? А тут все наглядно. Замечание, срок исполнения пятого? Пятого. Исполнено? А как же. Красота!

Восхищаюсь я, значит, мудростью мастера своего и потихоньку маркирую слесарный инструмент. Работа это неспешная, суеты не приемлющая, и приятная глазу к тому же. Мне на похмелье, самое то. Благо сотку с утра в раздевалке уже провалил, и прямо сейчас расслабончик легкий по телу пошел. Сейчас бы это дело повторить, организм мой говорит негромко, и подремать, мозг ему вторит. Я про себя киваю и конечно с этими серьезными внутренними голосами не спорю, но при этом, шепчу им, чуть попозже. Они говорят: «Ааа!» и утихают. Знают ведь, не обману их, не обману.

Тем более, что перед приездом высоких гостей, мне с участка надо будет по любому исчезнуть, не зачем им на меня смотреть. Мне так Карпуха и сказал с утра.

– Промаркируешь, и свалишь на Восстание, или еще, куда

не важно. Не хрен им на глаза попадаться.

И как всегда был прав. Не хрен. Заодно, и здоровье поправлю, а то до обеда сдохнуть можно с непоправленным. Якши?

Поехал, короче. На Восстание.

А в дороге главное, что, главное, чтоб весело было. Можно над пассажирами приколоться, но это не интересно, они и так пуганые, да и проблем потом не оберешься. Вычислят шутников в момент, и доказывай потом, что ты из лучших побуждений пытался билетика по вагону проверить.

Был у нас один такой приколист. Народ же замученный в электричке едет, весь в мыслях своих, вокруг вообще ничего и никого не замечает. Ему, народу, без разницы в маршрутке ехать в метро или на пригородном паровозе. А всюду требования.

Вот и начинает в ответ на приказ: «Предъявите билетик, гражданин!» лихорадочно по карманом шарить, и очень удивляется, когда билетика не находит.

Потом-то уж до человека парадоксальность ситуации доходит, а уж поздно. Шутка удалась. Дурацкая. Ну, обматерили шутника пару раз по-русски, да разок по-украински, а ему хоть бы хны.

А вот нашелся бы кто-нибудь проникательный и потащил бы в первый отдел за попытку нажиться на пассажире через использование служебного положения, или еще там чего-нибудь в этом роде. И пиши письма, мелким почерком. Хрено-

вые это шутки.

Иногда и женщины наши могут приколоть, мало не покажется. Я как-то на работу ехал со своей станции, а там по утрам толпа такая, что только держись. Контролеры на крик исходят, мне б их нервы. Толпа валит, кто по жетонам, кто по удостоверениям, кто по поддельным удостоверениям, за всеми не уследишь. А неприятности подстерегают бедного контролера на каждом шагу. Чуть бдительность ослабишь, тут тебя и сдали, опять же камеры повсюду понатыканы, слежения, а пассажир-то непонятливый, у него свои проблемы имеются важные, ломит напропалую.

Ну и чего-то там у них произошло по-женски, то ли аппарат жетон проглотил, то ли удостоверение спорным оказалось. Кричит пассажирка:

«Пустите, опаздываю!»

Ей нормально объясняют:

«Иди в жопу!»

Она не понимает:

«Пустите!»

Ей опять:

«На выход, гражданочка не задерживайте пассажиропоток!»

Она, исчерпав все аргументы:

«Вы женщина, или нет?!»

И тут ответ, убойный:

«Я не женщина – я на работе!»

Ага? Ага.

С другой стороны и среди пассажиров идиотов хватает, это я вам вполне авторитетно говорю. Плавали, знаем.

Есть те, что в тоннель лезят, за интересом. Просто так, поглядеть, чего там во тьме?

Есть еще забавники, станут на краю платформы, голову в туннель сунут и смотрят туда, смотрят тупо. Дежурная по громкой связи орет, аж разрывается, а товарищу хоть бы хны. Пока поджопник от милиционера не получит, не угомонится.

Некоторые лезут в тоннель с улицы через вентиляционные киоски, таких отлавливает милиция и штрафует за порчу имущества. Ибо режут суки сетку рабицу, а бывало, что и двери.

Забравшись же внутрь столько можно всего придумать, что аж дух захватывает. Тут и краской из баллончика можно полметрополитена разрисовать, и украсть что-нибудь и напугать кого-то до полусмерти. Короче, гуляй – не хочу.

Можно еще просто на рельсы с платформы прыгнуть, а потом назад влезть, попугать кого-нибудь. Не с целью самоубийства, просто так. Кстати если счеты свести с жизнью пожелаешь, то тоже с умом надо под электричку сигать, а то сигают многие, а результат у всех разный. Ну да, чур, меня, чур.

Самые смешные, на мой взгляд, по электричкам бегают, сверху. Ага, прикол это такой, заскочить на последний ва-

гон, чтобы подальше от машиниста, и бежит через все пять в головной, пока стоянка. А там спрыгивает. Друзья шутника все это на камеру снимают и хохочут.

А есть еще придурки с огнетушителями побаловаться в вагоне, но это просто диагноз.

Одно обидно, никакая падла не докумекает про то, что кому то потом все эти художества придется разгребать. Ну не получается, чтобы само все восстанавливалось. Человеческий труд для этого приходится применять.

А в целом пассажиры у нас хорошие, мирные.

Вот и сейчас, залетел один в последний момент в вагон, чуть дверями его напололам взъерошенного не передало, глаза чумные, горят как светодиоды на вывеске, еще и серьга в ухе болтается. Успел студент.

А тут дедушка такой сидит напротив и негромко так, чтоб все услышали, с апломбом комментирует голосом незабвенного Утесова:

– Ну, вот и все собрались, без этого пидораса никак не уехали бы...

Народ грохнул. Студент набычился, не сразу, а когда смысл сказанного дои него болезного дошел. Кричит:

– Сам ты козел старый!

А голосочек-то тоненький женский. Вагон так и покатился, а дед палкой об пол стукнул и отвернулся гордо, типа «не гоже мне со всякими меньшинствами в перепалку вступать!»

Молодец. Порадовал ветеран. Настоящий, как поется пол-

ковник. Студент только одну остановку и выдержал, выскочил на следующей и исчез.

Настроение хорошее на полдня обеспечено, теперь и поработать не грех.

Прибыл на станцию, записался у дежурной, прошел в венткамеру, и на фуфаечке в уголке задрых на полчаса, хорошо, блин! Сон еще приснился тот еще, как в кино и качество HD. Ярко так! Представьте, средневековье, и я вроде как команду армией, и битва... А чем кончилось не знаю, чудно!..

х х х

Сон

Бело-синее небо Венеции весело кружилось над головой. Облака неслись куда-то безумным карнавальным хороводом и напоминали венецианские маски. Ветер дул с моря и обещал скорое плавание. Я думал о грядущих испытаниях и пытался понять, что движет нами в этом отчасти безумном, отчасти чудовищно рациональном мире. Мы такие разные и такие одинаковые притом, со всеми нашими жалкими человеческими проблемами и желаниями, страхом смерти, и страхом жизни, пока находимся здесь, не понимаем смысла собственного пребывания под этим небом. Наделенные разумом и отчасти божественной сущностью, чувствуем себя

богами лишь под влиянием винных паров, а в остальное время боимся собственной тени и собственных поступков, постоянно сравнивая их с малопонятными догмами, изложенными в старинных книгах и вбитых в наши несчастные головы большей частью малограмотными сельскими священниками и иже с ними.

Как понять, что правильно, а что нет? Где та грань, за которой кончается добро и начинается тьма?

Бесстрастное небо ответа не давало. Жестокое солнце выжигало мысли мои одну за другой. Одну за другой...

Этот мир был прост и сложен одновременно. Я всерьез подозреваю, что сельские священники на самом деле были в курсе, но сознательно не давали нам этого понять. Вот вам небо, вот указующий на него перст. Держитесь этого, и будет вам рай. Все, достаточно.

А ведь если внимательно присмотреться к окружающей действительности, то по мере отдаления от перста, краски мира становились другими. Появлялись тени и оттенки, и попавшие в это сплетение полутонов с удивлением и растерянностью обнаруживали самих себя, окруженных непонятными, но такими заманчивыми соблазнами, видели ответвления главного пути и такие заманчивые кривые дорожки, что невольно допускали в свои несчастные головы мысль: «А правы ли были наши учителя?»

И сие шло вовсе не от скудоумия, не от неумения анализировать и адекватно реагировать, нет, это включались некие

внутренние аспекты человеческой сущности, некие резервы подсознания, когда организм кричал каждой клеточкой своей сущности:

«Вот оно! Хватай! Пользуйся!»

И хватали, и отворачивались от перста и от неба, и проклинали учителей своих и злую судьбу свою, и гибли так и не осознав греха, ибо жили во грехе, каждый в своем.

И лишь немногие знали, что можно быть и за и против, и отчасти над всем этим. И обладая достаточным знанием, постигали, что важно лишь придерживаться направления, а способ передвижения особого значения не имеет.

Я вздохнул тяжело и направился к стоящему на холме красивому замку, увы, я так и не сумел полюбить морские путешествия. И в глубине души ясно осознавал, что предчувствие скорой болтанки в жалкой посудине посреди неприветливых волн навевало на меня все эти мрачные мысли...

Арк всхрапнул и понес меня вверх по потрескавшейся дорожке, вымощенной, пожалуй, что римлянами, умели ведь строить на совесть, на века. Сейчас уже так не делают. Империя, рухнувшая несколько веков назад, напоминала о себе повсюду, когда я въехал в красивый тенистый парк, то внимательно рассматривал древние статуи пытаюсь определить их возраст, и не являются ли они банальной подделкой. Глядел, глядел, ничего не понял, кроме того, что это действительно красиво. Особенно впечатлил меня крупный бородастый мужчина сражавшийся со львом, по сути, голыми му-

скулистыми руками. И он и лев были выполнены в натуральную величину, и я невольно поежился, вжившись в образ. Лев был прекрасен, но по замыслу неведомого скульптора, похоже, что у него не было, ни единого шанса.

Жутко хотелось спать, при том, что уже вечерело, а мы с верным моим Арком проделали немалый путь. Однако, поручение, данное мне, отдых не предусматривало. С тех пор, как я покинул своего доброго наставника и выбрал для себя стезю рыцаря странствующего, необремененного собственностью и обязательствами перед сюзереном, я имел кроме Господа нашего одного только хозяина – самого себя. И пока мне не наскучила подобная жизнь, я брался за различные поручения, и выполнял их так хорошо, как умел.

Вы скажете, что я превратился в обыкновенного наемника? Пусть так. С одной только поправкой, наемники мы с Арком были необыкновенные, ибо брались лишь за ту работу, которая помимо прибыли приносила нам, мне удовлетворение. Арк был удовлетворен, когда был накормлен, напоен и обласкан, а я помимо этого тешил свое грешное самолюбие осознанием собственной исключительности, ибо обожал сложные, подчас неразрешимые задания. На востоке, как когда-то рассказал мне Гийом, а уж Гийому можно верить, он по праву считался одним из самых светлых умов нашего смутного времени, существовал орден ассасинов и об этих парнях ходили самые сказочные слухи, об их умениях и навыках, об их исключительных дарованиях, неприсущих

простым смертным. Я тоже умел кое-что, ибо славные люди обучали меня искусству войны, но честно скажу я, мечтал бы пообщаться с этими отважными воинами поближе. Хотя сомневаюсь, что они стали бы меня обучать искусству. Убили бы по-тихому, как умеют и все. Глубоко внутри я очень их уважал, и даже где-то пытался подражать, если позволяла ситуация.

И еще, если бы поблизости существовали драконы, я бы их тоже навестил. Но поблизости их не наблюдалось. Честно скажу где-то в глубине души я все-таки верил в их существование, но увы-увы... Учитывая отсутствие сих загадочных и, не побоюсь этого слова, легендарных созданий в последнее время я плотно сотрудничал с орденом тамплиеров и как раз сейчас по поручению одного моего знакомого магистра, клянусь он бы убил меня на месте, если бы узнал, что я так непочтительно его называю, должен был встретиться с неким весьма приближенным к сильным мира сего и обсудить одно интересное дело. Этот самый магистр часто обращался к моим услугам, когда орден не хотел быть втянутым во что-нибудь сомнительное. А я как вы уже поняли, был только рад, тем более что рыцари платили исправно и вовремя, что было весьма удобно и не побоюсь этого слова приятно. Хотя у ордена и своих умельцев хватало, это я к тому, чтоб вы не подумали, что я такой уж совсем исключительный и незаменимый западный ассасин.

Арк презрительно фыркнул и я понял, что последнее сло-

восочетание произнес вслух. Это у меня бывает, ибо большую часть времени я разговариваю сам с собой. Ну и с конем конечно, а он не любит, когда я хвастаюсь без причины.

Я предъявил Знак встретившим меня молчаливым смуглым стражам, одетым в восточные одежды и они предложили мне спешиться, дав понять, что о коне позаботятся, как о себе. В этом я не сомневался нисколько, Знак давал мне такое право, а статус особы, к которой я прибыл на переговоры, позволял надеяться на то, что с моим фыркающим другом будут обращаться достойно. Важно кивнув напоследок, я проследовал за столь же молчаливым слугой туда, где ждал меня...

х х х

Глава II

Rhapsody of Fire “Danza Di Fuoco E Ghiaccio”

Явь

...Я так и не понял, кто меня там ждал. Снова снилось что-то историческое. Италия походу. Или Испания. Нет вроде Италия. Такое вот у меня было внутренне стойкое впечатление. Видимо перечитал Реверте. «Учитель фехтования» и прочее. А почему все-таки тогда не Испания? Фиг знает...

Но красиво, ярко так, красочно. И замок этот на холме. Море... И ощущение того, что я не местный, а вроде как в командировке, что ли... Брр... Объяснил. Да ладно, не парьтесь. Ничего странного, и не такое снилось, бывало. Однако, как базлает один мой знакомый чукча, какое-то ощущение непонятное, вроде пил и в то же время мало... Нет не так... Короче сон из серии сильно заколдованных, в смысле реальных. Словно и не сон...

И сам себе я во сне понравился, длинный такой худощавый, но мускулистый. На баскетболиста похож профессионального, из НБА, которая фантастика, только не на черного, а на белого, типа Дирка Новицкого, только брюнета, и не в трусах, а в кольчуге такой из мелких колечек, и в плаще длинном, и вместо кроссовок, сапоги высокие, даже не сильно стоптанные, удобные, короче, для верховой езды и вообще...

В общем, анекдот слушайте, было у отца три дочери. Пришла пора их замуж выдавать. Че делают в таких случаях нормальные отцы? Правильно, берут лук со стелами и пуляют в белый свет, как в копеечку. Первая стрела сбивает олигарха, а кого ж еще? Их понимаешь, тут как свиной нерезаных. Ага. Кричит отец старшей дочке:

«Беги, подбирай!»

Той только того и надо, побежала, подобрала.

Вторая стрела сбивает банкира, немолодого, но при баблосе. Средняя дочка считай, тоже пристроена.

Ну а младшенькой, как обычно – засада. Сбивает стрела бегущего по лесу дикого кабана. Ну, прикиньте, бежал себе зверюга по лесу, тут ему стрела в зад. Он и упал, лежит, в себя приходит. Мало ли... А батя довольный такой, руки сполоснул, лук спрятал и говорит младшенькой:

«Давай, чеши, подбирай свое счастье...»

Та в лес, бродила, бродила, нашла кабана, а тот глядит девушка симпатичная, притворился тяжелораненым и глазки свои хитрющие прикрыл. Холи им кабанам, какая-то стрела в жопе. Дурочка руками всплеснула, к зверюге кинулась, давай хлопотать, и вслух сама с собой разговаривает:

«Ой! Это ж, наверное, принц заколдованный мне попался, надо его поцеловать, и он в человека превратится!» Ситуация...

Кабана от смеха разрывает, но терпит, паразит, молча. А та его все целует. Кабану по фиг, конечно, но приятно, давай ей бока подставлять. Младшенькая глядит – пошел эффект, давай еще сильнее целовать, и бока паразиту вычесывает, тот прибалдел, конкретно, возбуждился, и наконец, говорит человеческим голосом:

«Я сильно заколдованный, тут поцелуем не обойдешься, тут сосать надо!..»

Весело? Отож, такая вот история... К чему это я? А просто, вспомнилось. Теперь продолжим...

Размышляя о превратностях быстротекущей жизни, я пришел к возможно не оригинальным, но вполне закономер-

ным выводам о том, что какают все люди одинаково, а у савана карманов не имеется. Из этого постепенно сложилась целая философия, и в собственных глазах я уподобился как минимум старику Конфуцию. В связи с этим, и отношение мое к окружающим стало соответствующим. Отрицая ценность материального, философия сия, не исключала наличия минимального комфорта, а ля, кусок хлеба и крыша над головой, но всерьез отпугивала от меня женщин. Это было даже хорошо, потому что «одного раза» никто не отменял, а последующие половые акты с одной и той же партнершей были мне малоинтересны. Как правило. Были, конечно, и исключения, но правила никто не отменял. Они, как обычно, лишь подтверждали их.

Так я и жил лет примерно до сорока, ничем особо несвященный и пристрастий, выходящих за рамки моих скверных привычек не имевший.

Ну а иначе-то как? Как, спрашиваю я вас? Ну вот, сижу, не трогаю никого, конец рабочего дня. Дремаю, обняв телефон, благо мастер куда-то срулил и оставил меня за старшего, на телефоне. Наверняка, где-то существует параллельная реальность, в которой никто не желает звонить, по этому странному внутреннему номеру 56-87, так? Так. Однако, какая-то сволочь все-таки звонит по этому номеру. Разрывая защитное кольцо благодатной дремы над моей похмельной головой, и вынуждая меня, матерясь во всю мочу моих слабых прокуренных губ, отрывать тяжелую голову от рук и

прикасаться к холодной, неприятной, словно змеиная кожа телефонной трубке, и шептать в нее:

– Пятый участок...

По правилам надо еще и фамилию называть, но только не мне, и не сегодня. Обойдутся, кто б ты ни был, неизвестный, хоть господь Бог, хоть Диспетчер.

– Шаповалова мне позовите! – визгливый неприятный женский голос. Похоже на начальницу мелкого калибра. Явно не из нашей службы. Только этого мне не хватало.

– Нету, – отвечаю.

– А где он? – вполне естественный вопрос для подобного развития разговора.

– В жопе, – тоже довольно логично отвечаю я, делаю отбой и кладу трубку рядом с телефоном.

А как иначе? В этом до чертиков логичном мире странная начальница попыбует перезвонить по этому номеру либо для того, чтобы все-таки разыскать своего неуловимого Шаповалова, либо для того, чтобы наказать неведомого мерзавца, злостно скрывающего местонахождение вышеуказанного работника. Или, не дай Бог, тоже НАЧАЛЬНИКА.

Тут вообще отдельная тема. Мрак. Это примерно как наблюдать за огнем, водой и тем как другие работают. Вечно это наблюдать можно.

Превращается человек в НАЧАЛЬНИКА медленно и незаметно для глаз. Исполдволь, изо дня в день, но уверенно, если имеет к этому делу внутреннее предрасположение. Сна-

чала начинает по-тихому убегать от своих товарищей после работы, ссылаясь на неотложные дела. Это значит, что кто-то ему пообещал, что у него появилась перспектива возвыситься. С глазу на глаз пообещал. И понеслось:

– Ты на водку идешь?

– Та не мне надо в одно место...

– А ну понятно...

– Та не я серьезно, у меня там...

И далее в таком же духе. И ничего уже не сделаешь, пропал человек. Начальничек в нем завелся. Укусили, блядь.

Потом через время, глядишь, командовать подлец начинает: «Ты, мол, давай туда, а ты, мол, держи так».

Сделаешь замечание – обидится, выскажешь подозрение – надуется и в сторону отойдет, и оттуда на тебя глазами злобно зыркать начинает.

И самое страшное – бороться бесполезно, он сам себя уже воздвиг на пьедестальчик. Пока маленький, но от великого до смешного, как известно...

А потом, глядишь, туда-сюда, через месяц другой, исчезает человек, и приходит на соседний участок, надутый припезденный индюк, и сообщает:

– А я ваш новый мастер, и зовут меня теперь не Петя – Коля, а какой-нибудь Петр Парамонович, и попрошу шепотом и на вы, и попрошу на работе не бухать, и во-время на нее родимую приходите и уходите с нее тоже соответственно.

И звонят потом люди, и интересуются, как вы мол, в сво-

ем в целом здоровом коллективе такую падлу воспитали? И ответить им нечего.

Вот когда я стану начальником, мне дадут отдельный кабинет, и я буду в нем сидеть. Но не просто сидеть. На дверях кабинета я напишу: «Водка. Кофе. Кунилингус». Как-то так... Да. Но пока этого не случилось, мы обойдемся скромной раздевалкой с неудобными лавочками и опасным столом.

Я встряхнулся и пошел в раздевалку, а там уже народ кучкуется, и не просто так, а со смыслом. И смысла походу и на меня хватит. Я выпил предложенную рюмочку и объявил:

– А сегодня у нас в программе секс с загорелыми мулатками, тигры, пеликаны и розовый фламинго в гламурных шортах. Но пока мулатки задерживаются, я предлагаю отведать «тамянки» из лучших сортов...

– Ты где уже пизданул? – спросила уборщица Инна и так выразительно на меня посмотрела, что я тряхнул чубом и возвестил:

– И в ответ на ваши мысли, мадемуазель, честно отвечу: «Да, пизданул!» – возвестил и добавил, – чуть-чуть...

– Ага, два раза... – зевнула моя партнерша по распитию напитков и воскуриванию табачных изделий.

– Налей же наливальщик, это невыносимо! – продекламировал я кого-то из Самойловых, и Инна приняла это за основу.

Забулькало, цокнулись. Понеслось. Примерно минут че-

рез десять мир потерял свои четкие очертания и стал приятным на ощупь, как фланель. Не знаю что это, но звучит красиво, даже, скажу вам, высокохудожественно звучит.

Пропал человек. Совсем.

Слава Богу, конец рабочего дня и можно потом идти домой, и спать, спать, спать...

х х х

Сон

За стрельчатыми окнами замка понемногу темнело. Замку явно было лет сто, а то и все двести, сейчас таких уже точно не строили. Ожидание затянулось, и я уже серьезно подумывал о том, чтобы выбрать один из двух возможных вариантов. Повернуться и уйти, либо стукнуть в закрытые створки украшенных бронзой дверей и привлечь внимание того надменного дворецкого, который около получаса назад напыщенно бросил мне:

– Ждите!

После чего ушел доложить хозяину в своем нелепом наряде, делавшем его похожим на евнуха, как я их себе представлял, хотя если честно не видел никогда. Но как по вашему может выглядеть мужчина, лишенный, ну этого самого, а про евнухов, именно так, говорил Гвидо-премудрый, доверять которому я привык, хотя и подозревал, что половина

его странных историй придумана им же самим, или подслушана у бывалых, но тоже любящих приврать моряков в какой-нибудь таверне у порта.

В этот самый момент двери отворились снова и «евнух» слегка кивнув, произнес:

– Прошу вас.

Герцог оказался довольно неказист для столь громкого титула, а ведь он был в свите короля при Дорилее... Да мало ли кого там не было?

Не скажу, что с тех пор как я оставил своего неугомонного наставника, слишком часто общаюсь с подобной публикой. Да и раньше в основном это происходило в походах и на поле брани. Верхом этого общения стал небольшой изумруд, пожалованный мне самим Ричардом, ныне королем английским, несколько лет назад находившимся лишь на пути к своему трону. Потом наши пути разошлись... С Ричардом и наставников, с изумрудом – нет.

Я представил это непропорциональное тщедушное тело закованным в броню, хотя тьфу, просто под наплечниками и панцирной скорлупой, и мне стало герцога немного жаль. Наверное у него были иные таланты, хотя бы потому, что именно к нему Де Фок отправил меня на встречу. Да еще и напутствовал, зная мой несносный характер, лишнего не говорить, больше внимать. Впрочем, все это я научился делать еще тогда, когда стал работать с этим старым лисом де Фокком. Он всегда любил порассуждать про Орден внутри Ор-

дена, ответственность за принятие решений. И прочее... Я это все научился пропускать мимо ушей, но иногда вставлял пару-тройку реплик, вгоняя магистра в состояние легкой протрации и скрежета зубовного. Потом, после нескольких успешно выполненных заданий он стал держаться проще, оттаял и перестал утомлять меня досужими рассуждениями. Почти...

А чего усложнять-то? Взять задание, получить задаток, выполнить задание, получить достойное вознаграждение. Все.

Мной были довольны, и я бывал довольным. Я уже упоминал, что с тамплиерами было приятно иметь дело?

Это вам не вассальная присяга, когда пашешь на доброго сюзерена от звонка до звонка практически за спасибо, а потом сидишь, подсчитываешь раны и думаешь, а не дурак ли я? Сэр Ричард конечно герой, но он отчего-то считал, что сражаться под его знаменами само по себе уже есть наивысшая в мире награда. А уж сгинуть за его великолепие – это просто песнь песней. Мой наставник тоже так считал.

А я нет. И оттого покинул этого глубоко симпатичного мне человека к вящему неудовольствию некоторых достойных рыцарей.

Двигаясь собственной дорогой, я стал тем, кем являюсь в настоящий момент, по моему собственному определению: рыцарем странствующим, безжалостным.

Смешно? Нисколько. Я знал многих достойных и благо-

родных персон, оставивших за спиной недобитого противника, и потом от него же получавших рубленые и колотые подарки в свои благородные прямые спины.

И что потом? А как всегда в нашей быстротекущей жизни приходит разочарование, граничащее с отчаянием. А жизнь прекращается. Потому благородство это не мое. Зато жив пока.

Впрочем, человек, посвятивший себя военному ремеслу, быстро учится трезво смотреть на вещи и не требовать для себя многого. Тем более, что в награду наши командоры обещают почетные места по правую руку от Господа, правда, существенный момент, не в этой жизни.

Ладно, заказ принят, сказано прибыть – прибыл, сказано – личные инструкции герцога, значит личные инструкции, а герцог он, или царь ибелинский меня не касается. Тамплиеры платят, тамплиеры заказывают.

Хотя... Взгляд жесткий, профиль хищный, на ястребка похож. Имею я такую привычку людей с животными сравнивать. И вообще считаю, что мы тоже животные, посмотрите внимательно вокруг, и вы со мной согласитесь, чтобы не утверждала на этот счет официальная церковь. Ну, голова великовата, с кем не бывает. А ручки и ножки детские тонкие. Вырождаются герцоги, вырождаются...

Все эти немного сумбурные мысли промелькнули у меня в голове, пока шел обмен приветствиями и герцог также внимательно рассматривал меня, как и я его светлость. Потом

он отослал своего евнуха куда подальше, и я понял вдруг, что герцог меня нисколько не раздражает. Все дело было в этом идиоте дворецком. Вот ему бы я охотно влепил пару затрещин, просто так, за долгое ожидание аудиенции, за его чересчур гордую, как для слуги осанку, и просто, чтобы размять конечности. Оно, говорят, полезно.

– Давайте по простому, – предложил герцог, скользнув цепким взглядом по моему лицу.

«По простому, так по простому», – это явно пришлось мне по вкусу, времени жаль, да предисловий не люблю. Да, и герцог видимо знал, что я не из тех, перед кем необходимо ломать комедию, как принято в так называемом высшем свете. В конце концов, у нас чисто деловая встреча. Взаимовыгодная.

– Без лишних предисловий, – словно угадав ход моих мыслей, а скорее всего так и было, продолжил он. – Вы, я полагаю, человек прямой и неглупый, оттого, наверняка, догадались о цели нашей, скажем так, беседы?

«И тут вот непонятно, интересная манера говорить, вроде и спрашивает, а с другой стороны звучит как безоговорочное утверждение. Еще немного и я поверю, что под Дорелеей, он участвовал в схватке, а не просто наблюдал за ее ходом с холма».

Я медленно кивнул, решив открывать рот только в самом крайнем случае. Немного осторожности, еще никому никогда не вредило.

Герцог стал говорить, говорил странно, словно размышлял сам с собой:

– Ваш Координатор...

«Ого! Де Фок у нас еще и координатор, а не только плешивый осел?»

– Шесть рыцарей...шесть рыцарей испивших бурю...хм... никак не вспомню автора этих строк...– он внимательно поглядел на меня, я спокойно склонил голову под этим взглядом, совсем не нужно ему видеть, что у меня в глазах, – вас рекомендовали самым наилучшим образом, впрочем, иного я и не ожидал. Поэзия, тем более высокая поэзия, это, безусловно, прекрасно, но не в данный момент.

– ... в нашей миссии ставку делаем не на количество людей, а на их умения и опыт. Знаю, вы бывали в Святой Земле и лично знакомы с Ричардом «Да и Нет».

«Ого! А он шутник!» Это прозвище дали королю за то, что он часто менял ранее принятые решения, но знали об этом немногие.

– Возможно, при выполнении миссии пригодится умение выдать себя не за того... некоторое лицедейство. Вы понимаете?

Я многозначительно кивнул.

– Что отчасти по некоему недалекому видению, противоречит рыцарскому кодексу, но ведь мы с вами знаем, что многие великие рыцари прошлого для достижения победы не гнушались маленьких военных хитростей.

Он быстро взглянул на меня, я оставался недвижим, в тайне надеясь, что именно так должен вести себя Темный Намник Храма при подобной беседе.

Герцог кивнул и продолжил.

– Как вы понимаете, Сам... – он поднял глаза к потолку, что означать должно было некое наивысшее руководство, на которое мне как всегда было глубоко наплевать. Никого конкретно, но в тоже время весьма прозрачно, – не может давать подобные поручения. Более того, в случае провала предприятия, все, я подчеркиваю, все исполнители должны будут умолкнуть навеки с тем, чтобы даже намеком не дать повода к подозрениям. И не дай Бог, бросить тень на Орден и... – он снова сделал паузу, и продолжил, – того, с кем Орден сотрудничает в данный момент. Ибо всякий союз, пусть временный, но идущий на пользу делу Церкви, есть богоугоден. Априори...

«Эко, загнул!» – восхитился я про себя. И в очередной раз порадовался, что являюсь скажем так, внештатным сотрудником организации, и не связан Орденскими обетами и прочей дребеденью, которая так забавляла меня в общении с представителями этой достойной... Отвлекся, ну вот, наконец, прослушаю самое интересное.

– Но вы как достойный христианин, более того, как человек в руки которого Церковь вложила оружие, и призвала... Впрочем, это излишне, вы сами все прекрасно понимаете. Не так ли?

Впервые за время беседы мне задали конкретный вопрос. Понимая, какой герцог желает услышать ответ, я коротко кивнул и ответил:

– Да.

– Отлично! – герцог зябко потер ладони и повторил, – отлично! Мы не ошиблись в выборе, думаю, другие участники экспедиции, а в дальнейшем будем именовать наше предприятие именно так, нас тоже не разочаруют. Не могу не сказать и о том, что вас прекрасно характеризовали, и особенно, ваше знание языков. Английский, французский, германский и итальянский, не так ли... И это наречие, на коем изъясняются сарацины...

– Еще и испанский, – пробормотал я в крайнем смущении. Какой я оказывается... Ну а что, к тридцати с хвостиком годам я изрядно поездил по миру и неплохо запоминал слова, да и спутники у меня были достойные, а людям намного приятнее общаться с тобой на родном языке. Да и нравилось мне если честно запоминать значения одного и того же слова на разных наречиях. Нравилось...

– Отлично, – мой собеседник хищно потер руки, – зябко здесь, вы не находите? Разумеется испанский... То, что папа организовывает поход это безусловно прекрасно. Но цели этого похода, истинные цели известны весьма и весьма ограниченному числу лиц. Ваша же цель будет более конкретной и намного более важной, чем то, что будут знать. Скажем так, непосвященные...

Вот тут мне стало немного нехорошо. Если я правильно понял своего собеседника, то он имеет ввиду то, что крестовый поход затеваемый сильными мира сего, является лишь прикрытием чего-то более важного чем... Однако.

То, что я по своему скудоумию считал хорошим владением лицом, оказалось неправдой, герцог прочитал смятение мыслей моих, как хороший звездочет читает ночное небо и слегка улыбнувшись, произнес:

– Полно. Вам стоит знать, что в этом мире, не все происходящее происходит так, как об этом повествуют человеческие хроники. Не овцы вы есть, но пастыри, – он строго поднял вверх узловатый перст, потом неожиданно улыбнулся легкой обескураживающей улыбкой, – В этом мире некоторые вещи должны находиться в нужных руках. Иначе, – улыбка пропала с его лица, и герцог снова стал похож на ястребка, – иначе этот мир перестанет быть тем, чем он есть.

Он незаметно перешел с французского на язык германцев и теперь с улыбкой наблюдал за мной. Наверное, в этот момент мое лицо выражало вообще непонятно что, потому что герцог снова смягчился и посмотрел на меня по-отечески, так отец, читай пастырь, смотрит на своего сына, читай овцу, тьфу, ягненка.

– Я просто хотел, чтобы вы осознали суть. Сатанинские силы, захватившие Святой Город и Гроб Господень, не знают следующего. Господь наш пославший сына своего на муки, во искупление грехов человеческих пожертвовал и си-

ей реликвией для того, чтобы светоч веры нашей находился в руках неверных имея тайную цель неверных сих от ереси уберечь. Ибо сила великая находится в Гробе Господнем, в самом существовании его, и сила та может влиять на умы неверных и со временем по нашей глубочайшей убежденности превратит их в праведников...

У меня голова пошла кругом от всего этого. О чем он? Я даже отвлекся от мерного журчания сего монолога и смог внимать ему лишь ближе к его окончанию.

– Помимо Гроба Господня, – он вещал монотонно, словно проповедник, которому давно наскучили собственные проповеди, – существуют и другие Реликвии, коими Церковь владела, владеет или будет владеть во веки веков... О некоторых из них вам знать не нужно. Скажу более. Знание того, что вы знаете об их существовании, уже само по себе налаживает на вас некоторые обязательства.

Тут я даже позволил себе глубокомысленно кивнуть.

– Вот-вот... Но об одной Реликвии вам знать необходимо. Грядет великая битва, по тому, что происходит в нашем брэнном быстромеменяющемся мире вы сами, полагаю, должны быть в курсе этого вопроса.

Я снова глубокомысленно кивнул. О грядущих битвах нам говорили постоянно, и мы готовились к ним. Я мысленно подобрался, наконец-то пошел конкретный разговор.

– А в битве главное, что?

– Дух, – я позволил себе вставить слово.

– Хорошо, но необходимо еще и доброе оружие... Не так ли?

– Так.

– И та Реликвия, за которой вы отправитесь к неверным как раз и является этим оружием.

Герцог лучезарно улыбнулся, и это было настолько неожиданно насколько и страшно. У него оказались черные зубы. То есть совсем черные. Представляете?

– Учтите, участники предприятия выступают представителями разных Орденов, более того могу предположить, – по лицу скользнула легкая улыбка, я бы назвал ее змеиной, – особых частей этих Орденов, вы понимаете о чем я...

«Ага, такие же наемники как и я».

– Но делаем мы одно дело. Богоугодное дело. Задача ваша осложняется тем, что длительное время само существование Реликвии было под вопросом. Считалось, что это одна из легенд, но совсем недавно мы получили достаточно верные сведения о том, что она действительно существует, и была предпринята попытка добраться до нее, но увы... – он развел руками.

«Боже все милостивый! Как же у них все сложно! Ну, зачем простых вещах говорить так сложно?»

Словно читая мои грешные мысли, герцог продолжил:

– Надеюсь, вы понимаете, что нет никаких гарантий того, что вам удастся заполучить эту вещь. Но если это произойдет, во-первых, Реликвию необходимо будет в кратчайшие

сроки доставить в один из наших замков на побережье, совершенно неважно в какой именно. При этом ваше вознаграждение увеличится вдвое...

«Ого!»

– Во-вторых, если предприятие завершится провалом, то вам необходимо будет явиться ко мне с полным отчетом о проделанной работе и том знании, что вы обретете за время вашей миссии. Знание – это тоже своего рода оружие. Сложно?

Я пожал плечами, а что тут говорить? Тамплиеры, госпитальеры, испанцы, все стягивают в свои гнезда Реликвии, золото, влияние, мощи святых, подобно сорокам и так было всегда и так будет пока стоит Церковь. И никому не надо про это знать, на то существуем мы, скромные труженики меча и кинжала.

– Окончательный расчет по возвращении. Вопросы?

– Что представляет собой Реликвия?

Снова змеиная улыбка.

– Всему свое время, в данный момент вам необходимо знать только то, что Реликвия целиком поместится, скажем, вот в такой ларец, – герцог показал размер двух раскрытых ладоней.

– Небольшая верно? Называть ее будем тоже просто. Реликвия. Согласны? Если вам удастся встретиться с ней, вы не ошибетесь, ведь насколько я знаю, вы участвовали в деле Фомы Критского?

Я медленно кивнул, осведомленность герцога поражала. Как и его манера не договаривать важных вещей.

– Церковь не может допустить того, чтобы Реликвия оказалась в неправильных руках.

Я кивнул. Вот конкретно и намного понятнее.

– Находится она ориентировочно вот здесь, – Герцог что-то нажал на столе, и на стене, откуда ни возмись, появилась тщательно прорисованная карта. Присмотревшись, я узнал очертания Святой Земли со всеми ее Городами и кучей непонятных значков. Похожая карта была у Наставника, и потому я сразу узнал и Аскалон, и Яффу и, разумеется, сам Святой Город.

– На днях мы получили подтверждение того, что Реликвия, наконец-то находится в пределах досягаемости нашего человека, однако, он самостоятельно не может до нее добраться. Для этого туда отправитесь вы... Ваши спутники присоединятся к вам по дороге... Они же владеют дополнительными знаниями об этой вещице и надеюсь, поделятся ими с вами. Понимаете?

Клянусь, он мне подмигнул!

– Путь вам предстоит неблизкий и лишние знания могут стать обузой...

«Ага, скажи проще, перехватят и будут пытаться, а я дурак дураком... С другой стороны очень даже разумно. И скорее всего сам герцог не до конца уверен в том, что эта загадочная вещица на самом деле существует. Но деньги платят хоро-

шие, и за что? Просто чтобы я проверил очередную сказку?»
– Вот, кстати, возьмите, оранжевый шарф, достойная вещь...

Криво улыбнувшись. Герцог протянул мне яркую тряпку. Терпеть не могу ярких тряпок! Но принял шарф я совершенно невозмутимо и со всем возможным достоинством.

х х х

Глава III

Luca Turilli's Dreamquest "Black Rose"

Явь

Загадочное слово ВОМД расшифровке не поддавалось, до тех пор, пока мне не довелось добраться до технической документации. До этого же чего только не довелось выслушать по этому поводу, причем и просто от острословов, и от опытных работников метрополитена. Сходились на одном – «В» – это однозначно, вентилятор. Ну, а другие буквы особого значения не имеют.

Оттого буква «М», например, расшифровывалось не только как «механический», но и как «метрополитеновский», и как «многофункциональный», и еще почему-то «метрический». Тогда как «О» – только лишь, как «объединенный» и

«осевой». Про «Д» промолчу, так как тут фантазия объяснителей разгуливалась окончательно, и однажды чуть до драки не дошло, так хотелось показать себя опытнее товарища по работе. Но водка в который раз выступила в роли прекрасного примирителя, и на том инцидент был исчерпан.

Верна к тому же оказалась и странная на первый взгляд, но весьма глубокая по смыслу поговорка, о том, что не стоит справлять малую нужду против воздушного потока, развиваемого ВОМДом. В оригинале он звучала так: «Не ссы против ВОМДа». Емко и убедительно, а с учетом того, что воздушный поток хорошо налаженного вентилятора запросто сбивал с ног, еще и верно.

Кстати в наших условиях особенный и немного зловещий смысл приобретала и поговорка: «Не беги впереди паровоза». Где паровоз можно было заменить на словосочетание «подвижной состав». Тот, кто много ходил по шпалам все поймет с полуслова.

ВОМДы стояли в тоннеле, на глубине в специальных камерах, за железными дверями и решетками. Когда-то Саня ляпнул, что здесь очень удобно прятать убитых милиционеров. Несмотря на откровенный цинизм фразы, с ней трудно было не согласиться, кроме нас и случайно забредавших сюда диггеров, здесь никто не ходил, так, что прятать было можно все, что угодно.

Но в основном, нам приходилось тут работать, так как вентиляторы иногда ломались, и нам приходилось их чи-

нить. А еще в камерах было холодно летом, и очень холодно зимой. Потому без водки мы сюда не ходили, это было вредно для здоровья, об этом тоже немало говорилось ветеранами, и писалось на стенах самих камер.

Тут вообще много чего писалось, как официально, так и не официально. Из официального ужасно нравился плакат: «Не влезай – убьет!». Мне, почему то, всегда представлялась здоровенная баба с расставленными ногами, лежащая горизонтально и грозящая каждому злонамеренно взглянувшему на нее мужику огромным и почему-то красным молотом. Или вот эта, грустная: «Уходя, гаси свет». Она была настолько созвучна с моим внутренним миром, что я всегда надолго перед ней зависал, и свет гасить забывал. Вдумайтесь, «уходя»...

Это экзистенциализм какой-то прямо слово...

Или более распространенная, для пассажиров: «Выхода нет». Тоже оптимистично, идет человек на нервах после работы, читает такое, и на рельсы. Жизнь – говно, типа. Где-то читал, что в Японии таблички эти запретили на хрен. Процент самоубийств в метро нереальный был. А у нас ничего, нормально.

А уж когда я попадал на ремонтные мастерские, и видел развешенные по стенам картинки с изображенными на них ужасными судьбами попавших в станки человечков, в моем воспаленном недосыпанием мозгу рисовались апокалипсические картины в купе с методическими пособиями инкви-

зиции.

Этот было нечто, ибо фантазия работников сферы охраны труда явно была заточена на элементарное отпугивание работников от труда, не иначе.

На стенах было много различного народного творчества, которое в целом не приветствовалось, и перед комиссиянными смотрами, раз в полгода жестоко уничтожалось. И правильно, ну кому, допустим, интересно, что «Сергея – мудака», и «Все – козлы». Но некоторые надписи здорово помогали в работе, особенно, те, которые были с датами. Зайдешь на камеру ВОМД и читаешь «Марина – 86», и знаешь, что капитальный ремонт на вентиляторе делался в 1986 году, а значит, подшипники надо менять по любому, и если задний еще так сям, то передний однозначно. Настроишься, вздохнешь, вскроешь, проверишь, точно и к бабке не ходи.

«Марина» – это позывной капремонта, без нее ни одна машина лет тридцать из ремонта не выходила, и пока мы есть, не выйдет уже.

Спускались на камеру обычно по стволу, при помощи узких металлических лестниц. Груз и инструмент спускали на веревках, с пролета на пролет. Если не было освещения, использовали фонари. Практически всегда было весело и интересно.

Внизу по старой метровой традиции должна была быть глубокая лужа, оттого не лишними были резиновые сапоги, либо АЗК. А то промочишь ноги и работай потом, полдня в

сырости, внутри железобетонной шахты.

Спустившись и без лишней суеты, распив первую половинку, закурили, и приступили к разборке агрегата, вывесив табличку «Не включать – работают люди». К этой табличке у меня никогда не было претензий, все по делу. Ну, работают люди, так чего ж включать-то. Закончат – включите. А вешать ее в ШР было необходимо, ибо запрется какая-нибудь крыса человекоподобная

На шахту и трахнет всех без разбору, причастных и не совсем.

«Пачему у вас люди работают, не вывесив предупреждающие плакаты? А? Скотина – мастер, смирно стоять!»

Мастер выживет, не умрет, замечание серьезное конечно, но не смертельное, зато потом всех причастных непосредственно к факту отсутствия таблички, (нас, разумеется) так поймает, что мало не покажется никому.

Оттого охрану труда блюдем, как и безопасность пассажиров, всегда и в любом состоянии, себе дороже.

– Сигаретку дай! – обратился ко мне Вова. Не наш человек, с другого участка, на усилении. Усилитель блин, а сигарет своих нет, на хрен мне такое усиление. Но делать нечего дал. Не жлоб же. Закурили.

– История одна была, – говорю, – подошел один типуха к другому на улице, вечером, говорит: «Курить есть?» А тот добрый очень., полез в сумку достал пачку, «на» – говорит. Тот закурил, смотрит в сумке всякая хренотень, пакеты ка-

кие-то с едой, колбаса там, сыры. Говорит: «Слышь, мужик, дай поесть чего-то, а то голодный такой!» Тот раз, ему колбасы отломал. «На!», – типа. Ага. Тот пожрал, смотрит, а мужик одет прилично, а уже темнеет на улице и холодает к тому же. Попросил одежкой разжиться, тот не возражает, типуха охренел совсем, говорит, а давай, я тебя в жопу выебу, раз ты такой добрый. А тот подумал и говорит: «А давай!» – все равно секаса давно не было. Выебал, короче, тому понравилась, и шо?

– Шо? – спрашивает Вова.

– А ни хуя, нормально все. До дома проводил, и стали они жить вместе, прожили лет двадцать и померли в один день от СПИДА. Такая вот любовь, на. С первого взгляда, то есть.

– Тьфу, блядь! – сплюнул брезгливый Вова, затаптывая бычок.

Санек рядом тупо давился от хохота.

– Такие дела, братуха. Отсюда мораль – сигареты лучше свои иметь...

Тут уже и Колян заржал, а я докурил и не спеша стал инструмент разбирать, ну его на хуй Вову этого, усилитель, сука.

Потом ни к селу, ни к городу вспомнился давешний сон. Да так ярко. Италия... Реликвия... Че за реликвия? Третью ночь подряд. Это ж надо! Надо Петровичу рассказать, бригадиру нашему. Тоже поржем...

Сон

Неприятности начались даже раньше, чем я мог предположить. Практически сразу, как часто бывает в нашей быстротекущей жизни.

Вечерело. Вокруг не было ни души. Я ехал вдоль симпатичной рощицы и присматривал местечко для короткого отдыха. Присмотрев, спешился и расседлав Арка отправил его прогуляться к воде, благо судя по всем признакам недалеко протекал ручей. Сам же собрался перекусить, но предварительно справить малую нужду. Воткнул в землю меч и принялся разбираться со своей нехитрой амуницией, чтобы добраться сами знаете до чего. И тут хрустнула ветка, да громко так. Тут же кто-то выругался на местном наречии. Моментально обернувшись и одновременно выдергивая меч, я увидел несущихся на меня всадников. Их намерения угадывались сразу и потому, не теряя времени, я кинулся наутек вглубь рощи.

Их оказалось трое. Поначалу я немного преувеличил опасность, посчитав, что врагов четверо, но их оказалось трое, просто у них был лишний конь. Чего они стоят мы узнаем чуть позже, а пока необходимо их разделить, чтобы не сражаться со всеми одновременно... На-ка, вот! Удар сверху я отразил легко, и вежливо пропустив всадника, ткнул его

в бок без особых затей, держа в поле зрения остальных и одновременно прикидывая пути дальнейшего отступления. Всадник стал заваливаться в седле, и я понял, что мой первый удар получился. Количество нападавших уменьшилось на треть. Оставшиеся направили коней одновременно с двух сторон, я отпрыгнул за дерево. В него моментально воткнулся метательный нож. Из доспеха на мне оставались только наплечники, что было неплохо из-за большей свободы маневренности и плохо из-за слабой защищенности моего бедного тела.

Конница в лесу воюет плохо. И пусть тут был не лес, а небольшая роща, я попытался использовать все преимущества, которые послал мне Господь. Прежде всего, древесные стволы. Я бросился вглубь рощи, туда, где деревья и кустарник создавали неодолимую преграду для конника. Оказавшись пешим по причине природной необходимости, я позволил противникам уравнивать шансы. Хорошо еще что нужда была малой, а то бы у них гляди и преимущество образовалось бы. Хорош герой, сидящий в спущенных штанах под кустом! Как же я их проглядел, наверное, задумался. Проклятый герцог со своими заданиями! Слава Богу, что эти никакие не ассасины, те подкрались бы совершенно незаметно, и шансов бы не было уже у меня. Да обыкновенный стрелок принес бы больше пользы при нападении на одинокого путника. А эти прямо в лоб. Благородные что ли?

Совершенно сумбурные мысли скакали в моей голове, по-

ка я прыгал и маневрировал, пытаюсь добиться удобного для себя расположения атакующих.

Ну вот, можно попробовать, я резко затормозил и бросился прямо под копыта лошади, обмотанные какими-то тряпками, с диким нечеловеческим криком. Ага! Вот почему я их проглядел, вернее прослушал...

Лошадь сделала попытку встать на дыбы, седок попытался достать меня клинком, я подставил под удар наплечник, и лезвие нелепо скользнуло по нему, уводя за собой всадника. Парень явно потерял равновесие и был схвачен мною и жестоко вытянут из седла и нанизан на кинжал, аки каплун в канун праздника... Каплун – канун, как-то так... Только без каштанов. В сгустившихся сумерках мне показалось, что у него нет лица, но когда оно приблизилось, то понял, что ошибался. Лицо было скрыто под маской, столь уважаемой здешними любителями карнавалов. Этот, правда, уже оттанцевал.

Жалко лошадь сбежала. Пока я боролся со своим знакомым каплуном, третий негодяй решил, что моя несчастная спина только и ждет, чтобы в нее воткнули короткое копьё. Э нет. Все было не так, бдительности я не потерял, более того настолько обнаглел, что решить взять третьего разбойника живьем и с пристрастием допросить. Даже дерево успел подходящее приметить, он бы на нем неплохо смотрелся в своем шутовском наряде настоящего охотника за головами странствующих рыцарей лишенных всего.

Но, увы, увы, мечты мои так и остались мечтами. Копьем он пользоваться не умел. В том месте, куда он целился, меня не оказалось. Какой доверчивый ассасин... И надо же такому случиться, вы не поверите, он тоже потерял равновесие. Да что же за день сегодня такой? Наверное, день Неловкого Разбойника. Интересно есть ли у неловких разбойников какой-нибудь свой святой? Наверное, есть... Иначе несправедливо получится.

Вобщем, я немного помог и ему выпасть из седла, и он это проделал, да так громко, что деревья вздрогнули. Наверное, шею сломал. Мне даже неудобно немного стало. Ну, надо такому случиться?

Раздосадованный я присел на пенек и вдруг вспомнил про четвертого коня. Должен быть стрелок! Ведь если это банда, то у них наверняка есть стрелок, который выцеливает жертву сидя в безопасном месте, а потом остальные добивают и грабят раненого или убитого путника. Отчего они сразу кинулись на меня, а шут их знает, может, решили, что и так справятся. Нет это точно не ассасины, тьфу, вт же привязалось! И даже не... Странные они какие-то. Нет, с кем-нибудь они бы и справились, может друг с другом...

Мысль я додумывал уже лежа в высокой траве и внимательно осматривая окрестности. Понятно, что мои заячьи петляния по лесу в условиях плохой видимости основательно сбили стрелка с толку. Вот где он сейчас? Я прислушался, вечерняя роща была наполнена множеством звуков, по ней

бродили неприкаянные кони. Мой верный Арк так и не вернулся с водопоя, но его судьбой я мало заботился, ибо сей хитрый зверь, побывавший во многих переделках, умел вести себя, как подобает.

Темно-то как! Я, наконец, решился и, встав во весь рост, двинулся в сторону дороги перебегая от одного древесного ствола к другому.

Наконец я засек какое-то движение слева от меня. Толи это был чей-то конь, толи не конь... Я сменил позицию, мой преследователь тоже. Значит не конь. Стало совсем темно, прицелиться он не сможет, разве что у него кошачий глаз.

Меня охватила та бесшабашная веселость, которая приходила ко мне здесь, в моменты настоящей опасности. Это не было равнодушием к собственной судьбе, нет. Скорее это просто была твердая уверенность в окончательном и бесповоротном Успехе. Именно так, Успехе С Большой Буквы.

И мой противник это почувствовал. У него не было теперь ни единого шанса, а я был настолько исполнен этою непонятной, но такой чистой и свежей Силы, что победил бы, будь их не четверо, а пятеро, шестеро да сколько угодно. Не одолеть им меня сегодня, не одолеть.

В несколько гигантских прыжков я преодолел разделявшее нас расстояние и с удовлетворением увидел, что мой незнакомый друг, поняв, что его обнаружили, теперь удирает от меня без оглядки. Тогда я свистнул, послышался топот копыт по траве, потом чавкающий звук удара, от столкнове-

ния двух тел, конского и, надеюсь, человеческого сдавленный вскрик и короткое конское ржание. «И упал он клинком сиим сражен». И нечего нападать на одиноких странствующих и немного безжалостных рыцарей. Поделом.

Кто-то ткнулся мне в затылок мокрыми противными губами. Арк, конечно. Этот конь имеет удивительную способность исчезать при первой опасности в том случае, если седок на нем отсутствует. Потом он внимательно следит с безопасного расстояния за тем, как его хозяина пытаются убить неприятные разбойники, но потом у него просыпается совесть и он спешит на помощь, потому что вспоминает о том, что еще толком не ужинал и мыться ему, если что придется в одиночку. Примерно так я понимаю сегодняшнее поведение моего боевого напарника. В конном же строю ему равных нет. Потому что в конном строю много зрителей из числа людей и конечно же лошадей, а Арк у нас позер каких свет не видывал. Ему, видите ли, публика нужна для подвигов, а в темном лесу ему не интересно. Вот что это? Он словно говорит мне своим поведением, вместе мы сила, а по отдельности каждый сам за себя. Я потрепал его по шее, и конь всхрапнул что-то типа:

– Ну вот, снова нарвался на неприятности. Говорил я тебе, не стоит останавливаться в незнакомом месте...

– Умный ты больно! – зачем-то произнес я вслух и Арк подмигнул мне хитрым глазом. – А поить тебя не надо было?

– Надо! – Арк мотнул головой и на меня полетели капли

воды с его роскошной гривы.

– Ну, ты хоть переживал за хозяина?

– А то! – откликнулся Арк и поплелся к четвертому телу, я поплелся следом, надо же было поглядеть, кого мы там пришибли. А вдруг и вправду ассасин, хотя бы начинающий...

Вот Джига был не такой. Джига был... Сердце мое на миг сжалось, и я отогнал от себя воспоминания. Не вернуть...

Арк фыркал, ему не нравилась эта быстро потемневшая роща, тревожили чужие неприкаянные кони, и мертвецы ему тоже были не по нраву.

Взошла луна. Все вокруг приобрело сказочные очертания, было свежо и покойно. Что ж, пора изучить трофеи, и сделать выводы. Но для начала...

Я наконец-то облегчился и подошел к сбитому моим верным Аркоцефалом телу. Оно было укрыто собственным плащом, голова же укутана сплошным черным платком с прорезями для глаз. Как говорит мой новый друг герцог, можно обойтись без лишних церемоний.

Без церемоний, так без церемоний. Ну, не люблю я их, церемонии эти, чай не церемониймейстер. Ни в отношениях с мужчинами, ни с женщинами. С женщинами тем более. Увы, я не далеко не монах, скажу иначе, я совсем не монах, и даже не монах воинствующий. Убедившись, что поверженный Арком враг дышит, я взрезал кинжалом маску и немного удивился. Поверженный оказался женщиной. Здравствуй-те, святые угодники. Этого еще не хватало.

В моем состоянии было не до сантиментов, я принялся тормошить неудавшегося стрелка и мои усилия не пропали даром. Незнакомка застонала и открыла глаза. Предательская луна заглянула в них и обнажила прятавшийся там испуг.

– Демон! – с ненавистью произнесла она вместо приветствия.

– Чего это? – я слегка опешил.

– Демон! – повторила знакомка.

Нарисовалась проблема. Женщина, и притом явно не в себе, а с ними я не воюю, в смысле и с теми, кто женщина, и с теми, кто не в себе. Нет, это не обет, это как бы получше сказать, наверное, это, образ жизни и отчасти воспитание. Но поугагать надо.

– Кто тебя послал смертная? – спросил я загробным голосом, а именно так в моем представлении должны разговаривать демоны, я прижал к ее горлу мизерикордию.

– Убей меня! – в глазах женщины загорелся огонек фанатизма, я сплюнул и перестал кривляться. Спрятал кинжал и выпрямился.

– Хватит смертей на сегодня, вставай и скажи, чего ты решила, что я демон?

Она долго молчала, потом осознав, что никто ее не держит медленно села и стала приводить в порядок одежду. Женщина что с нее взять. Внутри ее черепа, что-то поскрипывало и жужжало, я просто физически чувствовал напряженную ра-

боту этого незаурядного женского ума. Отошел на пару шагов и наступил на валявшийся в траве небольшой арбалет. Пнул его в сторону и в сердцах выругался. Арк тут же подошел, чтобы меня успокоить.

– Так ты не демон? – спросила она, глядя на то как я вытираю Арка и привожу в порядок поклажу.

– Кто сказал тебе эту глупость?

– Ты был в замке! – это прозвучало как обвинение.

– И что? Это запрещено? Я много где бывал, я путешественник.

– Но герцог...

– Что герцог? Я мало с ним знаком и не имею с ним общих дел.

– Он общается с дьяволом, – после раздумья сообщила незнакомка.

– Интересно, но мне интересней другое, за что вы напали на меня. Нападали бы на герцога...

Она снова задумалась. А говорят, что местные красавицы обладают определенной живостью ума. Мда. Такое впечатление, что я где-нибудь во Фландрии, да и с красотой тут тоже проблема. Фигура так еще, а вот лицо... Вытянутое какое-то, лошадиное... Арк и то симпатичней будет.

Понемногу разговорилась. Ее звали Мария. А спутниками ее были, единокровный брат Горацио и пара здешних мелких дворянчиков, отчего-то решивших, что мой герцог виноват в страшных вещах. Оказывается, после того как он поселил-

ся в здешнем замке у них перестали нестись куры и с урожаем возникли проблемы, там еще что-то было, но я слушал в пол уха, как всегда при общении с женщинами. А Мария уже болтала вовсю. Слава Господу ее спутники как-то одновременно принялись стонать, и поток красноречия сменился заботой о ближнем своем. Пришлось и мне присоединиться и оказывать помощь этим балбесам и бездельникам. Лучше б за курами своим следили, чем охоту на людей устраивать.

К счастью, или, к сожалению, от встречи с великим и ужасным мной никто не погиб, но пострадали прилично, и то будет наука ассасинам недоделанным. У брата Горацио была серьезная рана в боку, у второго подпорчено брюхо, а третий еще не пришел в себя от удара о землю, но это было делом времени.

Когда все пришли в себя и собрались в кучу, я задал простой вопрос:

– И что мне с вами придурками делать?

Придурки смотрели хмуро и молчали. Я им немного помог:

– Во-первых, запомните, герцог – государственный человек!

При этих словах головы слушателей поникли.

– Во-вторых, если я сообщу, куда следует, о вашем поведении, то сами понимаете, что с вами будет!

Головы опустились еще ниже.

– И в третьих! Вы украли мое время, а я спешу по очень

важному поручению, оттого вы просто обязаны предоставить мне сменную лошадь и накормить горячим ужином...

Головы взглянули на меня благодарными взглядами и я наконец-то получил возможность отлучиться к ручью, напиться вдоволь холодной воды и искупать Арка.

Мы нуждались в отдыхе, а пока суд да дело, наступила ночь, а ночью и заблудиться можно легко, хотя как я уже убедился, в этой богатой на ассасинов провинции все дороги ведут не в Рим, а к морю. И все как одна опасные.

х х х

Глава IV

Manowar “Swords in the wind”

явь

Сегодня меня чуть не убило. Уф... Бывает же такое. Бывает. Послали меня насосникам помогать. Работы типа у них минного, а времени мало. На водоотливную. Ну, послали и пошел, дело-то не хитрое. Взялся клапан менять. Три болта снял, все нормально, за четвертый взялся, чегой-то не то... Кручу гайку, что-то тугенько идет. Взял ключ удлинил, все равно туго. Зову Гришку, иди, мол, помогай. Стоим, друг напротив друга, я кручу, он болт придерживает. Труба вер-

тикально между нами. Сотка, изогнутая. На самом выходе, как стрельнет и мне в лицо. Как отпрыгнул до сих пор не пойму, хорошо она дальше не пошла. Ключи в разные стороны, Гриша Тушканчик бледный, как смерть. Метростроевцы долбаные в натяг конструкцию смонтировали, видать не состыковывалось у них, вот она и распрямилась курва...но ничего, покурили, успокоились. Пока на обед ехали все сон давешний вспоминал. Чудно совпало, там меня тоже укокошить пытались...

Мечи все еще стучали у меня в ушах, а неумолимая реальность все плотнее и плотнее обступала меня. И как всегда в таких случаях нашелся человек, который все мне объяснил.

– Я тебе так скажу, – вздохнув, сообщил Петрович, вытирая рот сухой своею ладошкой, – сны твои итальянские, полная херня, вот у меня помню было, Лизаветка в армии снилась, так уж и снилась. Сильно ее хотел. Каждую ночь, недели две... Потом приехала проведать, выебал ее и до свидания, перестало... А вообще, я че хочу сказать? У настоящего болельщика смысл жизни проявляется дважды в неделю. На выходные, когда играет очередная тур чемпионата, и в среду, когда играют международные. И никогда не заморачивайся! Наливай, время в обрез.

Он погрозил мне пальцем и сделал такое выражение лица, как будто у него только что милиционер отобрал половину аванса.

– Ну, что ты там цедишь? Все разливай!

– Так может еще на раз?

– Не выдумывай, некогда нам расслаживаться. Работа ждет.

Это да, это он точно, насчет работы. Я когда-то видел, как обедают метростроевцы, те, что непосредственно в тоннеле, на водоотведении или на укладке. Вот так вот как стояли, инструмент положили на землю. На шпалы присели, тут же бутерброд развернули, бутылку открыли, на троих по стаканам разлили за раз, ебнули, загрызнули, и снова за инструмент и вперед. Вот и весь обед – три минуты. Курят по ходу пьесы, ибо некогда и работы полно. А нам-то чего спешить, мы ж эксплуатация, часом раньше, часом позже. Какая разница?

Можно вообще на все забить и за второй сбегать, завтра, в конце концов, тоже на работу выходить. Но нет, Петрович сказал, Петрович сделал. Придется сегодня заканчивать. Ну и ладно, подумаешь...

Каждый уважающий себя метрополитеновец где-то в глубине души убежден, что обслуживаемое им оборудование тоже имеет собственную душу. Нет, он никогда не признается вам в своих мыслях, даже мысли о подобном не допустит, но тем не менее это так. Придите когда-нибудь ночью на станцию, походите по служебным помещениям, сами все увидите.

Одно знаю точно, ни один насос не будет работать, если сам того не захочет. Вот так вот. Ни один.

И каждый работник знает, что чтобы насос этот заработал, за ним необходимо ухаживать. Вовремя проводить техобслуживание, менять смазку, сальники, подшипники, и будет тогда он служить тебе верой и правдой.

А иначе... Вода в тоннеле – страшная вещь. Поднимется до головки рельса и амба. Пиши, пропало. Откачивать нужно. В некоторых местах постоянно. Да, так и живем в постоянной борьбе с силами природы.

Сегодня я с Петровичем на насосе. А что вы? Линейный участок, это вам не хухры-мухры. Тут и ВОМДы и местная вентиляция, ну та, что поменьше в размерах, и насосы и прочая сантехника с унитазами, оборудования море, и все на нас. Бывают дни некогда и стакан вина пропустить, со всех сторон: «Давай! Давай!»

Сегодня еще по-божески, хоть пообедали нормально, теперь и потрудиться не грех.

Труд – это процесс. Наблюдая и активно участвуя в жизни подземки, я понял одну интересную вещь – весь смысл нашей жизни в постоянном движении. Вот пока присутствует оно, все крутится, одно за другое цепляясь. Одни умирают – другие приходят, и процесс этот поддерживают, отчасти ничего о нем не зная. Ну, словом, все как в обычной жизни. Механизмы стареют, как и люди, мы их лечим по мере сил. Понятие даже такое есть – усталость металла. От этого и оборудование иногда умирает, отработав ресурс, и тогда, хочешь, не хочешь, ставят новое. И все крутится, вертится...

Когда-то, изрядно выпив после работы, мы провели мозговой штурм на тему, сколько времени протянет метрополитен, без человека. Мнения разделились, но в целом получилось – недолго. До первого серьезного отказа, а там по цепочке. Тоннель заполняется подземными водами, замыкается электрика, горит все что может гореть, плавится все, что может расплавиться. В целом наблюдается картина, близкая по содержанию к Рагнареку. Что не есть гуд. Так что, ощущение нужности у нас присутствовало, несмотря на средненькие в целом зарплаты.

Есть одна простую истину, о том, что люди делятся всего-навсего на две категории – богатых и бедных. И богатые при этом беззастенчиво используют своих оппонентов. И раз уж суждено было родиться в категории номер 2, то нужно по возможности избегать того чтобы твое тело, твой мозг использовали сытые наглые ублюдки. А потому расслабляемся и тупо живем в удовольствие. Насколько позволяют наши скромные средства.

А то начинают некоторые умничать, вот ты неправильный, вот ты блядь, не патриот. Та пошли вы на хуй, говорю я подобным умникам, все что вы ни делаете кроме жрать, спать и совокупляться, вы делаете в угоду тем, кто заказывает музыку в этой жизни. Нравится вам им помогать? Помогайте, а мне не нравится, мне на них насрать. Такая вот не хитрая, но очень жизненная философия. Так-то вот... Можете назвать меня тупым животным, мне от этого ни холод-

но, ни жарко. Но вы не заставите меня плясать под ваши дудки и делать то, что я не хочу.

И если иногда приходится делать что-то вразрез с моими принципами, то это обусловлено только суровой жизненной необходимостью и элементарным выживанием, не более. Вот в армию меня например заперли, два года жизни – ко-ту под хвост, но отслужил? Отслужил, еще и как. А куда де-ваться? Теперь отстаньте. И размышляя подобным образом о превратностях нашей быстро текущей жизни, пошел я бухать. А че еще делать? Не в общагу же переться. Скучно там в общаге.

х х х

сон

Корабль шел на юго-восток, так утверждал капитан, ста-рый прожженный южным солнцем, сицилийский бродяга, коих великое множество пребывало в портах великой стра-ны во все времена. Как в лучшие, так и в худшие.

Ветер держался попутный, и те, кто не лежал вповалку, скрученный морской болезнью, могли в полной мере ощу-тить Благодать Божью, вдохнув соленый воздух Средиземно-морья и устремив взгляд прямо по курсу, туда, где, по словам капитана, лежала Земля Обетованная. Цель нашего похода.

Наполненные попутным ветром, несущие крест паруса су-

дов окружали меня со всех сторон. Флотилия насчитывала десяток крупных торговых судов и несколько посудин поменьше. Охранники и торговцы, все как обычно. Врядли пираты позарились бы на нас в этом походе, ибо слишком велико было количество вооруженного люда, стремившегося в святую землю исполнить свой долг пред Господом. По крайней мере, так они говорили, на разных языках и наречиях, а как по мне, то подавляющее большинство ехало пополнить свой карман за счет имущества неверных, коим не посчастливится оказаться у них на пути.

Трюмы флотилии были наполнены товарами и людьми. Как по мне, так последних было больше. И большую часть груза составляло оружие. Самое разное. На самом крупном корабле, как сказал мне в порту один всезнайка, коими полны порты всего мира, везли в разобранном виде осадные орудия. Слухи о Третьем Крестовом Походе уже всю будоражили умы человеческие. Слишком многие мечтали вернуть утерянный Иерусалим.

Путь наш лежал на Мальту. Кто только не владел этим прекрасным островом. Сейчас он был под Сицилийским королевством. Не так давно турков прогнали отсюда, и если нам христианам удастся подольше удерживать Мальту у себя под контролем, то она превратится в удобнейшую базу для всего крестоносного движения. Сицилийцы облюбовали его неспроста. Прекрасный перевалочный пункт, замечательный средиземноморский климат. В общем и целом ла-

комый кусок суши в относительной близости, как от наших берегов, так и от Святой земли. Кстати, наш груз должен был быть выгружен на острове, а взамен мы должны были взять на борт более мирные товары для торговли с Султаном, ибо у нас перемирие, как у двух убийц живущих по-соседству. Вроде все нормально, только ночами не спят, и ножи время от времени точат. Ну и конечно, паломники, паломники, паломники...

По-моему после взятия Иерусалима султаном, количество христиан, стремящихся в Святой Город, только возросло. Такой вот парадокс.

На данный момент, наши «успехи» в Палестине привели к тому, что от Иерусалимского королевства осталось только громкое название. Иерусалим был потерян бездарно и по-моему уже безвозвратно. Потеряно было все, что с таким трудом завоевывалось христианами на этой негостеприимной земле. Нас тут не ждали, и нас не хотели здесь. Не знаю, что я должен был отыскать, но вся моя миссия выглядела очередным жестом отчаяния, когда утопающий хватается за соломинку.

С другой стороны предчувствие Третьего крестового похода действительно витало в воздухе. Очень многие власть имущие жаждали реванша. Тот же Вильгельм Сицилийский не мог допустить окончательного изгнания христиан, ибо чувствовал, что если турки сумеют выполнить эту угодную Аллаху задачу, то что помешает им прийти на Сицилию?

Пока же держался Тир, держались крепости, да и султану нужна была передышка. И те и другие готовились к грядущим битвам, но сейчас не имели возможности их начать.

Вот было бы забавно, если бы откуда-нибудь из-за гор, объявилась бы сейчас третья сила, которая бы воспользовалась тем, что и мы и турки ослаблены, и установила бы свой контроль над этими местами. Момент был тот, что нужно. Да только где ее взять?

В данный момент у меня были варианты добраться до Иерусалима, либо под видом паломника, либо в качестве охранника торгового каравана. Ибо и тех и других султан в Город пускал пока беспрепятственно. С одной стороны, говорили, что, будучи человеком просвещенным, он с уважением относился к чаяниям верующих, стремящихся поклониться Гробу Господню, а с другой стороны торговое значение Города тоже никто не отменял. И торговые выгоды для империи были очевидны.

В целом там, куда я плыл было все также беспокойно, хотя большой войны и не было. Но, франки сидели укрытые в крепостях. Арабы же совершали набеги как на крепости, так и на караваны, идущие к ним. Франки тоже не чурались разбоя, но называли его богоугодным, если грабили неверных, и никак не называли, если случайно нападали на своих. Однако, тем не менее, торговля велась во всю, ибо звонкая монета одинаково мила, что франку, что сарацину.

Итак, я плыл на Мальту. Ветер развевал мои кудри, а ле-

вая рука была подвязана широкой оранжевой лентой. Вроде как сломана. Герцог при нашем прощании вручил мне ее со словами:

«Когда будете на корабле, повяжите ее на одежду, это будет знаком для ваших спутников». Я не придумал ничего лучше перелома и приспособил подарок своего нанимателя так, как посчитал нужным, и теперь озирал водную гладь с этой оранжевой перевязью одновременно зорко присматриваясь к попутчикам. Пока никто не беспокоил, мало ли что у кого болит, но чувствовал я себя как-то неудобно, что ли, больно уж яркий цвет имел мой аксессуар.

Тут я отвлекся от созерцания морских просторов, потому что на палубе назревала нешуточная драка. Вот уж действительно беда всех этих совместных походов – еще и до берега не добрались, не то что до неверных, а уже здоровые мужчины, мающиеся временным бездельем, начинают выяснять кто сильнее. Либо чье служение более Господу угодно. Да и вопрос национальности никто не отменял, разумеется.

Нет, чтоб объединиться перед лицом грядущих испытаний и укрепиться в вере своей, делают все наоборот. Всплывают старые обиды и столетней давности пограничные истории, когда чей-то дед под флагом того или иного вождя гонял по лугам да по горам другого деда. Тоска...

Я повернулся на шум и убедился в своей правоте, увидав как несколько решительно настроенных французов-южан, наполовину обнаживших клинки, явно не для их чистки, во

всю свою гасконскую прыть наседают на громадного германца, который ухмыляясь, строит им козу и даже не делает попытки вынуть из ножен лежащий у его ног немалых размеров двуручный меч, слава Богу, хоть не изогнутый. Честное оружие. Страшное оружие в умелых руках, скажу я вам по секрету. Обращаться с ним – целая наука. А вот обладателей подобных мечей с изогнутым лезвием, я не любил, да и не только я, и в бою им пощады не было, уж больно ужасные раны наносили они своими мечами-монстрами, а потому обладатели подобного оружия и истреблялись безжалостно. А прямой двуручный меч лучше всего говорил о характере владельца: с таким приятно иметь дело, разрубит напополам и привет, не подставляйся, сам виноват.

У этого во всех отношениях великолепного воина имелись в наличии: гигантский рост, широченные плечи, многократно ломаный нос и заплетенная в косички рыжая борода, а также открытый и честный взгляд старого бойца, который, несмотря на внушительные данные, никогда не будет калечить людей зря. Это было мне по душе, но зарвавшихся засранцев необходимо учить, и тут я понял, что мы в этом вопросе солидарны. Взвесив шансы сторон, я понял, что у лягушатников шансов нет, хотя они, конечно же об этом еще даже не догадывались. Их напор и решительность сделали бы им честь на поле брани перед лицом неверных, или на базаре где-нибудь в окрестностях Беарна, перед лицом их жен и невест, но только не здесь и не сейчас.

Словом я решил соотечественникам, хотя какие они мне уроженцу Лангедока соотечественники, у них свое море, у нас свое, об этом поведать, предварительно подмигнув германцу, отчего его улыбка стала еще шире. Потому что нести потери не добравшись до места глупо, а проучить этих любителей покричать и помахать конечностями никогда не помешает. И им польза будет, и команду повеселим.

С соотечественниками у меня вечные проблемы. Имея неосторожность появиться на свет в милом моему сердцу Лангедоке, я большую часть детства и юности провел в Англии, так уж сложилось, а во Францию вернулся в более солидном возрасте вместе с лордом Гэлуэем и отчаянным королем Ричардом, понятно с какой целью. Так что, не сложилось у меня с соотечественниками.

После моих слов, сказанных на том языке и с тем акцентом, что принят на моей малой родине, гнев обиженных воинов французского льва обернулся на меня, и клинки полностью обнажились, а гасконская слюна из широко открытых пьяных ртов полетела в мою сторону в опасной близости от моей же одежды.

И хотя, в случае необходимости я мог изъясняться на нескольких языках и наречиях, причем, используя разные местные диалекты, в сложившейся ситуации я выбрал самый быстрый и не особо гуманный способ разрешения конфликта. Скучно мне было, что тут поделаешь, а так какая-никакая разминка. Сырости я опять же не люблю, потому подняв

правой рукою, лежавший неподалеку трос с крюком на конце, я немедленно прихватил ближайшего ко мне недотепу рукою «раненой» и зацепив его крюком за пояс, перевалил через борт и отправил на освежающие процедуры за борт.

Германец захохотал и схватив за шиворот сразу двоих отправил их следом за первым.

Оставшийся не удел горячий гасконский жеребец захлопал глазами, попятился и сел на задницу под оглушительный хохот генуэзцев из числа команды и прочей разношерстной публики с удовольствием наблюдавшей за развитием конфликта.

Германец подошел ко мне и протянул громадную ручищу:
– Гарольд...

Так мы и познакомились. Он не был богат и подобно мне рыцарь сей обходился без слуг, что в крестовом походе не было редкостью. Я же время от времени подумывал о том, чтобы кого-нибудь нанять, но все никак руки не доходили. А в глубине души, наверное, я просто свыкся с тем, что работаю один и не нуждаюсь в помощниках.

Пока веселые матросы с удовольствием вылавливали наших незадачливых двуногих пловцов. Удивительно похожих на лягушек, если смотреть сверху вниз, выяснилось, что мой новый знакомый – наемник, и плывет в Святую землю немного подзаработать. Он был немногословен, но дал понять, что немного поиздержался в последнее время, и будет честно сражаться на стороне того, кто платит звонкой моне-

той. Религиозным фанатизмом от него и не пахло, по-моему он вообще молился древним богам, или кто там у них у готов? Или как их назвать? Всегда путался во многообразии германских племен. Если умел молиться вообще. Пока же он не вступил ни в один из отрядов, но рассчитывает встретиться на Мальте земляков из Любека и присоединиться к ним. Сам он был младшим сыном совершенно небогатого, но весьма многодетного барона перспектив на родине не имел совершенно, потому я, завидев родственную душу, тут же испытал к этому бродяге совершеннейшую симпатию. Баронет, ага, заливай дальше.

Узнав, что я тоже вроде бы как сам по себе и не принадлежу ни к одному из многочисленных землячеств и не связан никакими особенными обетами, предложил похлопотать за меня у них, я вежливо отказался, сославшись на другие планы. Гарольд тактично не стал настаивать, и мы отправились перекусить, благо время подбиралось к ужину, а ужин пропускать согласитесь, является дурным тоном у всякой нации и народности. Устроившись на палубе и рассуждая о том как скоро должна показаться суша, и не беспокоит ли меня «раненая» рука, мы с моим новым товарищем, продегустировали сначала то вино, что приобрел в окрестностях порта Гарольд, а потом то, что выдали мне в дорогу недорезанные венецианские ассасины, решили что мое лучше, и принялись угощать друг друга нехитрой снедью, что была припасена у каждого и удивляться сходством наших гастроно-

мических пристрастий. Потом еще продегустировали вино, и еще и еще...

х х х

Yellow “Desire”

Глава V

явь

Итак, все тот же странный сон. Ффу, че это за напасть? Оперный кордебалет. Не знаете? И я не знаю. Куда я плыву? Зачем? Хрен его знает. Вот самое интересное, что во сне помню, а наяву ни хренаськи.

Вот водочки выпью, авось прозрею. А где у нас тут можно выпить? Правильно, на капремонте. Капремонт это такой участок, что... Короче ремонт. Капитальный. И люди там работают капитальные, а не какие-нибудь. Ну вы поняли... И проблемы решают как производственные, так и общечеловеческие. А это вам не хухры-мухры... Тьфу, привязалось...

По пути попалась станционная с кактусом. Она смотрела на сморщенное растение и что-то бормотала себе под нос.

– Не обращайтесь на меня внимания, – сказала она, – это я с кактусом разговариваю.

– Та я вижу, – ответил я, – ничего страшного. Страшно

будет, если он отвечать начнет.

Женщина в красном похлопала глазами и спросила:

– А это как?

– А это значит, что-то вы съели не то, – вежливо отвечал ваш покорный слуга и важно прошествовал на участок, сопровождаемый веселым смехом не лишённого чувства юмора МУМа.

МУМ – это не просто уборщица, это механик уборочной машина. Так-то. Серьезная у нас организация и профессии серьезные.

Вот и на участке капитального ремонта, решались серьезные проблемы выживаемости человеческого вида как такового. Не больше, не меньше. А именно: сколько человек может прожить без кислорода. Мнения участников дискуссии проверялись экспериментально. Умывальник уже был заткнут и наполнен водой, и Вася уже пытался погрузиться в него, но мешал носик бронзового крана.

Я спросил у мужиков на всякий случай:

– Вот смотрю я на вас и не вкурю, толи вы сунниты, толи вы шииты...

На что мне резонно ответили:

– Синиты они, потому что синие, бля!

Согласился и с этим мнением.

– Я маленький и толстый, но ебу хорошо! – хитро прищурившись объявил пока суть да дело Жека.

– О!!! – обрадовано загалдели мужики, – ну ты и сказанул!

– А шо?

– Га-ага-га! Ебарь, бля!

– Потому что бабе не главное как ты выглядишь, им на это вообще наплевать... Она мне говорит...

– Юрок, отсыдь от него! – захлебываясь смехом, сказал Вася Селиванов, – а то он ебет хорошо!

Юрок испуганно отсел. Новый взрыв хохота потряс раздевалку.

А насчет проблемы выживаемости вида человеческого, выход нашли быстро, ибо тем коллективное мышление и отличается от сугубо индивидуального, что выход находится моментально практически из любой ситуации.

Сурик припер чистое, явно недавно поступившее со склада ведро и наполнив его водой установил в центре раздевалки. Потом тяжело вздохнул и со словами:

– Учи вас тут... Засекайте! – стал на коленки и сунул голову в воду.

Сурик был наполовину армянин, наполовину... не знаю даже кто, но это и не важно. Главное он просто был, и этого было достаточно. Он запросто на спор выпивал бутылку водки из горлышка, и подозреваю, что выпил бы и вторую, да только кто ж ему даст. При этом был маленький, сухой и имел еще одно полезное качество – по нему никогда не было видно пьяный он или нет. Наверное, потому что вдыхал и выдыхал всегда внутрь себя.

Повисло томительное молчание, большинство собрав-

шихся внимательно смотрели на часы. Когда прошла минута, стоявший до тех пор недвижно опершись на умывальник, Василий с каким-то странным клетотом подскочил к экспериментатору и легким движением руки набросил дужку ведра ему на затылок. После чего моментально отпрыгнул в сторону, едва сдерживая идиотское бульканье служившее смехом.

Все замерли. Сурик вскочил. Мотнул головой, вода из ведра щедро окатила присутствующих. Раздался звериный рык, а потом грохот, это ведро с очередным рывком головы со всей силы врезалось в умывальник. По белой керамике поползла трещина. Еще рывок и, о чудо! Освобожденный от своего рыцарского шлема и вымокший до нитки Сурик с горящими нешуточной ненавистью глазами оглядел дискуссионное поле.

– Кто? – спросил он у давящихся смехом товарищей по работе, и не дождавшись ответа поднял ведро и запустил его в Василия, конвульсивно корчащегося на лавочке, – Сука!

И только старый бригадир Тимофеич тихонько произнес из-за своего прокуренного шкафчика, за которым он любил в обед отдыхать:

– Мастер узнает – убьет гандонов на хер. Как теперь мыться?

Сон

– Говорят, что сильный не сможет здесь победить.

– Как это?

– А вот так. Гроб Господень такая штука, что освободить его может лишь слабый, но безгрешный и духом неиспорченный.

– Да где ж набрать-то таких?

– О! Вот вопрос вопросов!

Паломники примолкли, и какое-то время, молча сидели, слышался только плеск волн и легкое постукивание четок..

– Дети... – произнес черный капюшон.

– Что?

– Дети. Могли бы...

– Собрать детей в поход? Да это безумие!

– Отчего же, – показалось, из-под капюшона на миг появилась и также быстро исчезла язвительная ухмылка, – как раз, то, что нужно. Они чисты и непорочны, они добудут...

– Да возможно ли это?

– Только так и возможно, ибо сказано...

Чего там было сказано, я уже не слушал. От этих фанатиков одни неприятности. Детей в крестовый поход! Как вам? А ведь пошлют, и найдутся такие, что сами пойдут, и родители найдутся, что благословят. Ага, султану в рабство... Голова моя бедная! Я осторожно пощупал свой череп, эко вчера мы надегустировали. Изрядно, однако. А с другой стороны плавание проходило довольно-таки монотонно, а как оно еще должно было проходить?

Мерное покачивание палубы успокаивало и наводило на богословский лад. Тяжелый дух трюма, где было сыро и душно, гнал меня сюда, свежий попутный ветер гнал судно вперед и редкие проблески солнца доставляли мне огромную радость. Хорошо еще, что я не подвержен морской болезни. Не стань я тем, что есть, была бы мне дорога – в мореходы. Выйдя на палубу, я долго всматривался в горизонт, но ни паруса ни знака не было там. Погода не баловала, было сыро и неприветливо.

Вздыхнув, я снова вернулся в трюм, вот так и буду бродить, подобно вечному скитальцу.

– А действительно, – произнес правый паломник, – все сходится...

– Что сходится?

– Ну, то, что ты говорил минуту назад. И насчет безгрешности и непорочности.

– Сейчас такие дети пошли... – левый паломник никак не хотел сдаваться.

– Обычные, чего там.

– Да их перережут здесь! И сюда еще нужно добраться, да нет, бред это все. Бред.

– Ты б еще девственников вспомнил. Безгрешных.

Сидевшие сзади забулькали смехом. Отсмеявшись, снова замолчали. Потом черный капюшон проговорил, словно нехотя:

– Вся эта затея изначально обречена. Столько попыток и

все зря.

– Да,– кивнул левый,– столько жизней...

– Когда-то Ричард сказал...

Чего там сказал старина Ричард, я уже не слышал. Мне надоело слушать их бредни, и я снова перебрался на палубу. Нет, против бесед я ничего не имел, отчасти, они были даже познавательными. Но уж слишком много было в них шелухи, которая попеременно с откровенными сказками, превращала сей диспут в подобие рыночного общения малограмотных торговков овечьей шерстью. Нет, это тоже считалось нормальным, но как по мне то слишком утомительным.

А что до Ричарда... Я повоевал под его рукой, в свое время мой суровый наставник добрый лорд Гэлуэй в числе прочих стал под его знамена, и мы прошли добрую половину Франции, участвуя в совершенно непонятных лично для меня междоусобицах, ну и что? Как по мне, так все эти короли одним миром мазаны. Когда им нужна твоя жизнь они берут ее без остатка, а вот когда у тебя возникают проблемы...

Потом отыскался мой бравый германец, и не один, а с небольшим винным бурдючком. Он объяснил мне, что вчера не стал предлагать, так как, по его мнению, вино скисшее, и не чета тому, которым угощал его я.

Несмотря на протесты, он сделал попытку вылить его за борт у меня на глазах, что ж похмелье всяк переносит на свой лад. Пришлось спасти изделие портовых мастеров, пустив в ход весь арсенал умений наемника в купе с навыками крас-

норечия. И в результате всего этого заветный бурдючок был спасен и распит нами на корме под завистливыми взглядами некоторых членов команды судна.

– И ничего не прокисло, просто оно само по себе кисленькое, – объяснил я Гарольду.

Он важно кивал в ответ, и по всему чувствовалось, что завтрак удался. Потом я предложил ему послушать религиозный диспут, и Гарольд радостно откликнулся на мой призыв.

Мы спустились в трюм, и я тут же стал подремывать, а Гарольд с интересом прислушивался к болтовне на непонятном для него языке, иногда он толкал меня вбок, прогоняя дремоту и я, зевая во весь рот, переводил ему самые интересные места по мере своих скромных сил. Германец улыбался в бороду и даже кивал, хотя как по мне то иногда с трудом улавливал смысл обговариваемых вещей, ибо иногда беседа паломников сворачивала в дремучие религиозные дебри, а может быть он был хорошим актером, сказала моя врожденная подозрительность, но это странно для такого отчаянного рубаки коим, несомненно, являлся мой новый германский друг, немедленно откликнулась моя вера в хороших людей.

Убив еще немного времени, мы снова поплелись на палубу. Я принялся смотреть вдаль, а Гарольд долго и громко прокашливался и чихал. Покончив с прочисткой носа и горла, он помочился за борт и, подняв вверх большой палец, важно произнес:

– Зеер гут! – при этом улыбался от уха до уха. Я кивнул и продолжил всматриваться в горизонт, но тот скрывался в ключьях тумана и не желал открывать нам свои тайны.

– Погода как у нас дома! – пояснил свою радость Гарольд, и легкая тень омрачила его чело, но ненадолго, этот великан попросту не мог долго грустить и предаваться унынию. От тряхнул своей гривой и отчетливо произнес:

– Будет лучше!

– Согласен, – откликнулся я по-каталонски, и спросил уже на германском:

– А известно ли вам любезнейший рыцарь, что вручение сумы и посоха как символов паломничества главе похода во все времена сопровождалось серьезными истериками и взрывом религиозного пафоса у окружающих. Например, Бернар Клервосский в городе Везеле рвал свою рясу на полоски и раздавал экзальтированно настроенным верующим, чтоб те нашивали их на одежду в виде крестов, и после того, как толпу обуял восторг, некоторые пребывая в исступлении, раздирали в форме креста плоть свою, и даже вырезали кресты на своем теле.

Гарольд усмехнулся и пробурчал что-то вроде:

– Дуракам закон не писан...

– Ого, смелое заявление!

– Я воин, молитвами пусть занимаются те кому это положено по сану... – немец кивнул в сторону трюма, – я свое скажу добрым мечом и топором тоже могу сказать... Могу

еще ногу кому-нибудь сломать...

– Уважаю вашу точку зрения, – вежливо откликнулся я на сие проявление героизма. – Учти, королю Людовику Папой была вручена вместе с сумой орифламма – знамя французских королей, видимо вместо посоха.

– А это еще причем?

– А притом, что вашим посохом, похоже, будет двуручный меч, а сумой сарацинский колчан для стрел.

Германец шутку оценил и гулко захохотал. Потом насмеявшись вдоволь, вновь стал серьезным и спросил:

– Ты бывал там, Клемент?

– Угу...

– И как там?

Что ему ответить?

– Да как везде, Гар... Тоже люди живут. Увидишь.

– Я люблю смотреть новые места, – мечтательно произнес великан.

Да уж новые места. После разгрома и потери Иерусалима, очень быстро от королевства христиан остались жалкие крохи. Завоевания первых лет были смыты сарацинской волной подобно следам на песке. Мы были чужими в тех краях, сама земля отказывалась терпеть наше присутствие. Палестина была утеряна, утеряно и большинство городов. Сопrotивлялись мусульманам лишь несколько замков на побережье в Антиохии, да в Триполи. Но сопротивлялись с остервенением, до последнего бойца. Держался Тир.

Крестоносцы вступили в Иерусалим почти сто лет назад. Однако, захватив Святой Город, жить там остались единицы. Тем самым власть Папы в Святой Земле удерживалась очень слабо. Уже через девять лет мусульмане и евреи, изгнанные из Иерусалима, добились разрешения оставаться на своих землях в окрестностях города и посещать Город, хотя и без права там жить постоянно.

Иерархия общества тогда выглядела так: неверные в самом низу этой лестницы, чуть выше восточные христиане, потом католики – франки. Тем же яковитам или армянам разрешалось сохранять свою религию, но при этом их считали еретиками и не разрешали даже приближаться к Гробу Господню. Теперь нашего влияния в Иерусалиме нет. Теперь все с точностью до наоборот.

В Городе царит Ислам.

Правда, Саладин, захвативший Святой Город, решил показать, что лоялен к иноверцам, и не стал противиться тому, чтоб оставшиеся в городе христиане исповедовали свою веру. И Гроб Господень доступен паломникам со всего света, но при этом, многие христианские храмы вновь стали мечетями, омыты розовой водой, дабы сам дух католичества исчез из испоганенных христианами стен, и заново открыты для истинных верующих. Для своих, для мусульман.

А вот тамплиеров там не любят. И это мягко сказано, да и есть за что, уж рыцари крови пролили мусульманской...

Лет десять назад я имел честь побывать в тамплиерском

замке Тортоза, что в Сирии, командовал там тогда нынешний верховный магистр Ордена Жерар Де Ридфор, этот старый безумец с руками по локоть в крови, причем как своих, так и чужих, в общем, истинный образчик борьбы за веру. Знающие люди утверждали, что во многом благодаря его тупому фанатизму христианская армия и была разгромлена при Гаттине. А сам он попал в плен.

В свое время де Ридфор, будучи простым фламандским дворянином был вынужден продать свою невесту за золото в количестве ее живого веса. Ну как продал, он-то ничего за нее не получил, все захапал этот бес Раймунд, который Триполийский, под началом которого и служил тогда старина Жерар. Там, что получилось, у девушки этой наследство неплохое было и многие на него глаз положили, Де Ридфор был в числе главных претендентов, но вмешались богатые итальянцы и перекупили невесту вместе с землей и титулом, предложив Раймунду выплатить вес девушки золотом, а в обмен она замуж выходит за их человека. Тот денежки прибрал к рукам, а де Ридфор вышел из себя, расплевался со своим командиром и ушел в орден тамплиеров. Где и преуспел, быстро став одним из магистров. А девица крупная была, говорят, полтораста фунтов. Так-то вот.

Я же выполнял одно поручение, ну это не важно, а важно то, что как раз после моего прибытия сарацины предприняли серьезную попытку штурма этого великолепного во всех отношениях замка. Пришлось задержаться и поучаствовать

в обороне. Жаркое было дело и ничего у них не вышло, скажу я вам. Да. Вот об этом я и поведал Гарольду.

Моему новому другу были интересны и ценовые вопросы в Святой земле и мы немного поговорили о торговых делах. Я рассказал, что цены на товары в Палестине всегда были значительно выше чем у нас, и мы посетовали на то, что тому, кто собирался воевать Гроб Господень, приходилось, хочешь, не хочешь, а все везти с собой.

– Вот и с деревом у них там проблема... – зевая во всю мощь произнес Гарольд и я ним согласился. – Если бы я был купцом, я бы им дерево возил. Дома у нас его много, да только где денег взять?

Жутко захотелось спать. И это на голодный, заметьте, желудок! Чудны дела твои, Господи!

Мы снова спустились в трюм и под бормотанье паломников устроились в уголке. Я прикрыл глаза и ясно увидел главную башню Торгозы и лучников прятавшихся в ней, увидел как живых сэра Томаса, Габриэля, и этого стрелка из Шрусбери... эх, да что ж это за погода такая, клонит и клонит ко сну... Услыхал пение стрел и снова погрузился в сон...

Глава VI

The Byrds “Ballad of Easy Rider”

А знаете, я уже стал привыкать. Снится, ну и снится. Плыть куда-то по воле волн хорошо!

Вообще, скажу я вам, хорошо плыть по воле волн. Куда-нибудь, да принесет.

А сегодня у нас... Сегодня у нас, как бы это сказать... Короче.

Таких дам я называл LaTabla, что в переводе с испанского означало – доска. Нет, нет, Боже упаси, я ни в коем случае ничего против них не имею, чур, меня, чур! Но раз назвал, значит, назвал, и в моей личной классификации женщин, подобные создания имеют такое название. А там вообще много разных названий в моей классификации, и все нетрадиционные, в смысле оригинальные, как мне кажется.

Там есть девушки «потому что». Это которые сразу не дают, а кобелятся, и на все вопросы «не смеются тихо», а четко отвечают: «Нельзя». А когда спросишь: «Почему?»

Отвечают, что? Правильно: «Потому что!» Логично? Еще и как. Как по мне так наша вселенная просто переполнена такими вот простыми вещами, и логичными к тому же.

«Хрен вам, любители оргазма и прочих пошлых, умных слов...» К чему это я? Да видимо, просто так, музыкой навеяло.

Вот, а еще есть дамочки «умные, но несчастные». Объяснить? Думаю не к чему. Или «девушка, достойная большего».

Ох, до чего неприятный типаж, обычно это красивая, но стервозная особа, снисходительно презрительно рассматривающая окружающую реальность и присутствующих в ней мужчин с таким видом, будто познала истину в абсолюте. И абсолютом в данном случае, это не выпитая ею бутылка одноименной водки, а самая, что ни на есть философская категория, данная ей в мыслях и ощущениях.

А мысль при этом одна, где бы найти идиота, который вознес бы ее брэнное тело на пьедестал и при этом покрыл бы его позолотой и драгоценными камнями. Желательно ничего при этом, не требуя взамен.

Не хило? Еще и как!

Самое смешное в том, что идиоты действительно находились и причем, довольно регулярно.

Но проблемы идиотов – это проблемы самих идиотов. И тут уж ничего не поделаешь. Я считал, и довольно справедливо, полагаю, что ни в коей мере не стану повторять чужих ошибок, а потому и был не женат. Да и постоянной дамы старался не иметь, хлопотно это. Все мои романы заканчивались в течение двух-трех месяцев, оттого, что вполне резонно я считал, что этого вполне достаточно.

Более того, по моему глубокому убеждению, вечных романов просто не бывает с учетом того, что человек такое создание, что никак не желает совокупляться с одним и тем же партнером вечно. Это генетически заложено, на уровне подсознания, как у зверей, естественный подбор, отбор и про-

бор. Кто б чего мне не говорил и не доказывал, это есть так. И не надо рассказывать, что не встретил я ту единственную, которая, ну вы поняли. Встречал и не однократно. С золотым ободком правда не попадалась, да и нету их, как Петрович говорит. А уж с ним-то, надеюсь, вы спорить не будете? С Петровичем-то? То- то.

Так, что любезные мои, вся эта романтика не для нас, суровых подземных рыцарей. И нечего нас дурить и рассказывать нам за женскую любовь.

Зашел когда-то в бухгалтерию немного, как говорили в старину, подшофе. Хотел комплимент сделать, говорю: «Ох, какой тут рассадник!» потом чую, не то что-то... Добавляю: «В смысле цветник!»

Обид было! Зато мастерам, которые на тот момент в помещении находились, очень понравилось!

Вот женская любовь к деньгам – это другое дело. Хоть в бухгалтерии, хоть где. Это нормально, и вполне по Фрейду, Дарвину и Ницше. Можете еще для солидности в этот список добавить Федора Михайловича Достоевского, тоже был несчастный человек, натерпевшийся от прекрасной половины.

Кстати, вот с ним бы мы побухали, так побухали, было бы, что обсудить из серьезных человеческих проблем. Раскольников опять же... Не согласен тут я с ним, что старушка, круче надо было брать, круче... Можно же, например, богатеньких додиков подстергать в укромных местах и там мочить.

А деньги отбирать на благотворительность. Додиков же не жалко никому кроме самих додиков. Опять же можно ребят верных найти безбашенных и вместе с ними орден какой-нибудь тайный организовать и куражиться всласть над богатыми. Вот только вряд ли удастся все на благотворительность отдавать, потому что обязательно оружие понадобится, всякая хрень, приспособления, и не факт, что ребята эти себе денег не потребуют. А там только начни, и пошло: у того жена, у того теща. Не напасешься финансов.

А так конечно красиво, типа Белая Стрела или Олень какой-нибудь. Знак придумать соответствующий, это чтоб боялись суки. Тайное, нах, общество, не хухры-мухры, понимаешь...

И вперед с песнями. Я тут уже одного присмотрел, здоровый гад, наглый, ни хуя такого не жалко. Заманить за гаражи, как-нибудь, например, типа там машину обоссать и убежать, он погонится, а там его ждут. Ага.

Или просто вечерком подойти по темноте, пьяным притвориться, начать варнякать разную херню, короче, спровоцировать. А там пусть он только раскроется, а раскроется он обязательно, потому что считает себя пупом земли и царьком, еби его в душу.

А дальше дело техники.

К чему это я? А так просто, размышляю...

И совсем некстати... Вот уже третье поколение, когда-то поселившихся над моим, точнее общим, общаговским бал-

коном голубей, гадит прямо на мою несчастную голову, благо балкон у нас последний, если считать снизу. И над ним только небо. И гадя, пытается выводить своих птенцов над нашей законною территорией, несмотря на потери, это когда яйца со скоростью метеорита вонзаются в серый асфальт.

Нахальное хлопанье их крыльев сводит с ума меня, соседей-курильщиков и всех окрестных котов. Это похоже на бесконечное безумие. Можно, наверное, любить животных, но не тех, что устраивают заповедник у тебя на макушке. Не знаю.

Отвлекся, а ведь хотел чегой-то умного сказать... Ммм. В целом человечество делится на две категории, те, кто ходит под зонтиком, и те, у кого зонтика нет. Это я и понял, сегодня промокнув под дождем.

И вот сидишь, бывало, думаешь. А живи я не в эти в целом сытые и благополучные времена, а где-то в Средневековье, или туда еще глубже. Как бы оно все сложилось. Причем не боярином и не рыцарем, а обычным человеком. И сколько таких до меня прожило, и сколько в землю сырую полегло, и тоже, наверное, думали, а как так? И надеялись на что-то, и верили...

Лучше не думать обо всем этом, проще не думать, а ведь думается. Страшно представить себя средневековым крестьянином, страшно воином первой шеренги, когда на тебя несется толпа разъяренных берсерков, а кроме плеча товарища рассчитывать тебе вовсе не на что.

Или вот те же крестоносцы, что часто приходят ко мне в моих болезненных снах, что гнало их с насиженных мест в неизведанное? Зачем им все это? Много вопросов, ответов нет.

И ведь срывались и ехали, за тридевять земель, это даже по нашим меркам. А по меркам Средневековья? А ну-ка из Фландрии до Хайфы? А вам слабо? То-то... И хорошо еще, что нас грешных воспитывают в рамках добра. А если б зла? Это я к тому, что с детства, по сути, нам Заповеди Господни внушают все кому не лень, начиная с детского сада. Не убий там, не укради. И живут в основном по этим параметрам потом. Плюс опять же судовая система следит, чтоб не грабили, не убивали. Хотя если крадешь вагонами, а убиваешь миллионами, но и судовая система под тебя ложится, ну, да ладно с ними, с «избранными», я про простых людей. Про нас.

Интересно, что бы в мире происходило, если б с детства нам наоборот внушали, всем поголовно, кради и убивай? Все бы в бронниках ходили с оружием? Следили бы друг за дружкой. И истребились бы сами собой довольно быстро. А те, кто остались бы все равно, потом бы к тем же Заповедям бы пришли. Так что ли? Иначе гибель рода человеческого в полном, блядь, объеме...

– Знаешь, я думаю, что когда уже и людей не будет, по улицам все равно будут ездить они... – это Шурик неожиданно вывел меня из меланхолии.

– Кто?

– Гы-гы... Он ткнул пальцем в прижавшийся к обочине старенький автомобиль. – Они – это красные «Жигули»! Прикол?

– Прикол, – согласился я, и мы пошли бухать. А че еще делать? Выходной.

сон

Очередной день плавания был ознаменован сразу несколько печальными событиями, связанными с гибелью помощника капитана. Не то чтобы он был мне особенно близок, но тем не менее, сие видение присутствовало, и я не имею права не отреагировать.

Сначала было все как обычно, честно поделив имеющуюся в наличии снедь, я завтракал в компании Гарольда и уже готовился погрузиться в ставшее для меня за время плавания состояние равнодушного отупения, позволявшее неплохо коротать время во время путешествия, как по палубе пронесся странный ветерок. Ветерок шепота, странных же перемигиваний, в основном среди членов экипажа и вслед за ним стойкое ощущение готовящегося действия.

В трех словах: все замерло в ожидании.

А выяснилось следующее, помощник нашего капитана, некий Карлетто, накануне повздорил с пассажиром. Да повздорил серьезно, и явно не по религиозному поводу, а по поводу нечестной игры в кости.

Ну, баловались этим злом, и члены команды и все прочие, а чем еще прикажете заниматься здоровым мужчинам, заключенным посреди морской пучины в утлом суденышке, в ожидании неизвестного?

Повздорив, решили устроить нечто вроде поединка, и поединок этот был не то, чтобы до смерти, но в принципе, ее подразумевал. Решили так, дабы испытать судьбу, завязать друг другу глаза, стать друг напротив друга, и немного покружив по тесной каюте замереть на месте, а после каждый делает по три шага и рубит мечом туда, куда подскажет ему слепое же провидение, кто останется жив и невредим. Тот и прав.

Не вру, так как, знавал я истории и пострашнее. Придуманные людьми под воздействием винных паров. Но тут на судне выбор аттракционов был весьма ограничен, из-за ограниченности, же в пространстве. Тогда как по времени ограничений не было.

Зрелище получилось на славу. Парни вытащили ножи и стали друг напротив друга, помощник капитана был коренаст и нетороплив и основателен, его противник курчавый и смуглый уроженец Корсики напоминал змею, он долго кривлялся пытаясь вывести помощника из равновесия, водя ножом на уровне глаз противника, а потом неожиданно ужались куда-то вниз похоже пропорол помощнику голень, тот мгновенно озверел, его кажущаяся беспечность исчезла сама собой и он попер на корсиканца подобно закованному в

броню коню. Но и тех бывает, достают, достали и нашего героя, благо из брони на нем был только тяжелый пояс. Корсиканец ушел с линии атаки, буквально перетек куда-то вправо и словно играючи подрезал сопернику сухожилие аккуратно над коленкой.

Ну, и как вы уже поняли, в результате этой странной во всех отношениях дуэли, не повезло помощнику капитана.

Тот не сразу понял, что произошло, крутнулся на месте, но ноги уже не держали, он слегка пошатнулся и корсиканец аккуратно разрезал ему горло под одобрительные крики пассажиров и возмущенные вопли команды.

Германец восхищенно хлопал в ладоши, я прочитал про себя молитву, и настроение у меня испортилось, не люблю напрасных убийств. Думаю, ссоры можно было, и избежать, а виною всему азарт и жажда наживы. Вот шахматы другое дело, Набор шахмат, искусно вырезанных из бука, подарил мне в свое время Гийом, он же и обучал меня этой древней игре. Теперь я повсюду таскаю их с собой. Нравится мне, есть в шахматах что-то от нашей жизни.

Набор не занимает много места в моем багаже, но всегда оказывается к месту, чтобы скрасить мое времяпровождение.

Гарольд, как выяснилось, не умеет играть в шахматы. Но изъявил желание научиться. И скажу вам, способный ученик у меня появился. Память у него просто великолепная. Фигурки, правда, называет на свой лад. Обороне предпочитает

атаку, но стал осторожен, когда я показал ему, как опасно увлекаться атакующими действиями. Стал укреплять тылы. Кстати, я заметил, что в процессе обучения невольно копирую манеру Гийома. Даже стихи декламирую. Тот тоже прямо баллады пел о уязвимости царственной особы и хитростях конницы и бесстрашии пешек, коих Гарольд упорно называет латниками. Некоторые путешественники с интересом присматриваются к нашей игре, но не лезут и не докучают. И двуручник рассматривают с интересом на расстоянии...

Ну и пусть, нам не жалко. Сегодня сыграли четыре партии, и в четвертой уже получилась ничья. Два одиноких вояждя на доске, по выражению моего партнера. Однако. И это в первый же день. А я считал, что обыграю германца легко и в четвертый раз.

Кстати, к поражениям своим он относится спокойно, а вот ничьей обрадовался как ребенок. Сначала, правда не понял, что произошло и озадачился, когда кроме королей на доске не осталось ни одной фигуры. Спросил:

«А как дальше играть?»

Я объяснил, что в шахматах иногда бывает и ничья. Когда встречаются равные игроки. Тогда Гарольд принялся радоваться, даже попрыгал немного, и еще звуки издавал воинственные, и в грудь себя кулачищем колотил. А потом сказал, что жаль, что шахматные фигурки нельзя есть по-настоящему. С особенным удовольствием Гарольд съел бы коня, причем всех. Я возразил, что если бы такое произошло нам

не во что стало бы играть. Германец подумал и заявил, что по прибытию на сушу он изготовит несколько комплектов съедобных шахмат из хлебного мякиша и уверил меня, что к этому времени он уже будет меня обыгрывать. Я пожелал ему всяческих успехов, и мы стали думать чего бы еще съесть, да так, чтоб еды хватило до конца путешествия. Шахматы, как выяснилось, ужасно улучшают аппетит.

х х х

Глава VII

Clannad “Sinil A Run”

явь

А эти разговоры у киосков, на разливе! Это же песнь песней!

– Ты лимончиком неправильно закусываешь. Шкурку не ешь.

– Почему?

– Она грязная, надо мякушку выгрызать. Оно и полезней.

– Хрена полезней, – вступает в разговор абсолютно незнакомый человек в плаще.

– Полезней, я говорю, там самый витамин!

– Хуямин, витамин – в шкуре.

– Залупа у тебя в шкуре, еще по пятьдесят?

– Не...

– А по чуть-чуть?

– По чуть-чуть, угу...

– Не вопрос, тебе мужик братъ?

– Бери,– говорит плащ,– а все равно витамин в шкуре.

– Та еб же твою...– О! Анекдот!

– Куме а правда, що тебе Микола в лиси отъибав?

– Та ни, брехня, який там лис – так два берьозки...

Стаканчики из вредной пластмассы, лимончики, апельсинчики, знакомые лица в окошечках. Сигаретки, папироски, зиночки, светочки, иришечки, дешевые зажигалочки, еще по сто, та не, по сто много, а может... может, может, пока может – хорошо...

Потом национальный вопрос непременно, политика, выборы, так их. Футбол, как без него. Армия, причем почему-то котируется именно советская.

– А ты где служил?

– Германия, Грузия, Дальний Восток, Узбекистан. (Нужное подчеркнуть).

– Ну ни хера себе, братан!

– А войска?

– Пехота, авиация, погранцы, десантура. (Аналогично).

– Та вообще! Братуха!!!

– А у вас уставщина была?

– Та не – дедовщина, как положено.

– И у нас...

Работа, работа и еще раз работа.

– На хуя палить денег, когда можно на базаре набрать этих автоматов...

– А им так выгоднее, когда подороже, иначе же откат не получат.

– Отож, суки...

– Отож...

– Пидоры!

– Еще и какие, истинные пидорасы!

– Согласен. Давай по пивку?

– Обязательно.

И все это под рыбку, под килечку, под осьминога, в конце концов, под стружечку, да под разговор.

– Сидим в засаде мы с Трезором

Трезор не ссыт – и я терплю...

– А я недавно в супермаркете мясо акулы брал.

– На котлеты?

– Какие на хрен котлеты! Так жрали, замороженное, под пивко.

– Зачем?

– Просто. Бухие ж были...

А еще про женщин, как без них...

– Хотя, в целом, в целом, заметь. Без них можно обойтись.

– Легко. Они вообще не нужны.

– О! Выпьем!

– Ага...

Пьют.

– Хотя знаешь, была у меня одна, давно.

– И у меня была.

– Та ладно!

– А то...

– Ну давай за них, блядей.

– Давай...

А чуть дальше о науке...

– Умные люди утверждают, что нельзя понижать градус.

Только повышать. Так-то!

– Согласен.

– Потому что с понижением градуса, в организме происходят разные неприятные вещи. Гипертония, там, аритмия, даже отит.

– Итить?

– Иногда... Но редко, а с повышением, только на здоровье, только в удовольствие. Будешь, как бык здоровый, и заметишь, ни одна хворь к тебе не прицепится. Ни там грипп, ни геморрой...

– А у меня уже...

– Грипп?

– Та не, этот.

– А, ну так это уже возраст. Ты какого года?..

– Человеку свойственно, ик, сори, свойственно опасаться чего либо, марсиан, глобального потепления, китайской экс-

пансии...

– Чего?

– Китайской, ик... Короче чего думаешь Гао Цзе не дал император захватить мир? Оттого, что у них был другой план выжидательный. На долгие годы рассчитано все...

У них и флот был и ресурс. А взяли закуклились в своем Китае. На века. А там и британцы подсуетились. Но ничего они свое еще возьмут.

– Та ладно...

– Я тебе говорю!

– ...Бомарше был талантище!

– У него был скверный вкус...

– Нет, ты говоришь предвзято!

А религия?

– ...близость Бога через его творение!

– не смехи...

– Бог и разум не совместимы, ик...

– У тебя ни того ни другого! Кто ты? Я тебя спрашиваю кто ты?

– Буба Касторский, блядь!

– Тогда спляши!

– И спляшу!

И все это до темна, до изнеможения, словно никто не хочет, чтобы наступило завтра. И повышается градус, и отступают болезни, и уходит тоска по безвозвратно утерянному. Короче, «Ромео и Джульбарс или Ебутся Медведи» – траге-

дия в трех актах

И наступает ночь.

Что у нас сегодня? Плавание продолжается?

сон

На Мальте мне предстояло встретиться с другими участниками нашей экспедиции. Так я думал. Честно говоря, моя оранжевая повязка сильно раздражала. Меня. Это надо было додуматься, нацепить ее на меня! И долго так ходить еще? Видите ли, по замыслу пославшего меня так было необходимо. Нельзя что ли амулет какой-нибудь было придумать, или еще чего. Ладно, так, значит так. Мне поручили работу и я должен ее выполнить.

Что представлял собой я без ордена? Никчемную заблудшую песчинку в пустыне бытия. Что представлял собой я без Церкви? Ох... Будучи уроженцем Лангедока я рано покинул родные места, и где только меня не носило, но божественную природу папской власти я признавать решительно отказывался. И с годами все более и более укреплялся в этом еретическом мнении. А что делать? Ну не похожи эти святоши на агнцев, и на ангелов они не похожи. Вот волки в овечьей шкуре, это про них. Но тссс... Я не был катаром, и не причислял себя, ни к какой секте, но в чем-то я разделял взгляды земляков, хотя в целом по жизни старался всеми этими вещами не заморачиваться. Так что пусть они все

вместе взятые, считают меня добрым католиком, а что думаю я по этому поводу, пускай остается моим личным делом.

Теперь о деле. Попутчики... А так ли необходимы были мне эти попутчики? Я настолько привык работать один, что заранее воспринимал их как некую обузу. Судите сами, доставить некую шкатулку, ларец, что там еще, пусть даже и с очень ценным содержимым, обыкновенная курьерская задача. Мне даже не предложили кого-нибудь влиятельного сарацинского вельможу убить по дороге, значит, этого вполне можно было избежать. Тогда почему тот, кто в данный момент владеет Реликвией не может самостоятельно переправить ее в лагерь короля? Тоже вопрос. Одни вопросы. Ясно-сти нет совершенно.

Да, я не знал, что именно мне предстоит доставить, но любая Реликвия всего лишь простите, вещь. А любую вещь можно куда-нибудь доставить, при соответственном уровне подготовки конечно. Тут наш герой скромно усмехается и притупляет взор. Сейчас миссия выглядела так, поди, за три моря и принеси мне неведомо что. Но так ли неведомо?

Итак, я примерно знаю, где она находится, это Иерусалим или его окрестности. Далее Реликвию перевозить проблематично, либо, внимание, человек ею обладающий не может покинуть территорию своего обитания. Узник? Интересный вариант, отметим как резервную версию. Монах, давший обет не покидать своего монастыря? Еще интересней. Значит тогда и Реликвия не может покидать монастыря, особен-

но если она его собственность, или хранится там... С другой стороны – это точно оружие, и очень серьезное, раз Орден желает им вооружиться перед началом Крестового похода.

Мда, однозначно Иерусалим. Количество монастырей и мечетей там зашкаливает, как и количество разнообразных святынь. Причем время от времени святыни меняют места своего пребывания по прихоти руководства этих самых религиозных сооружений. Бывали случаи...

Так что, скорее всего, я стал участником обыкновенной разборки между лицами наделенными властью. Например, захотелось Святому Бернарду стать Пророком... Но препятствует этому некий, скажем, Луи... И пара-тройка Хасанов с той стороны, при том, что все одновременно претендуют на обширный кусок земли с выходом к морю и правами вести беспроцентную торговлю при условии, что некая вещица будет преподнесена в качестве подарка лицу, которое выступит гарантом предстоящей сделки... Как-то так... Не слишком ли я намудрил? Не слишком неправдоподобно?

А если по-другому. Допустим герцог, или кто-то еще из верховных, договорился с неким представителем, пусть даже из противоположного лагеря, о том, чтобы за небольшую мзду нам передут, скажем, некую мусульманскую Реликвию, обладание которой, или не так, весть о том, что столь дорогая каждому сарацину вещь теперь принадлежит неверным... Да уж... Политика, тут мне стало неловко. Не люблю политику, а особенно людей, некоторые ею занимаются.

И еще, немного зная о делах подобного рода, я совсем не был уверен, что человек этот, или же группа людей добровольно захотят расстаться с тем, чем владеют. Пусть даже имели место самые серьезные договоренности. Как говаривал один мой давний знакомый: «В вашем саду все ужасно запущено, особенно садовники».

Принадлежность к организации, даже косвенная, давала мне сопричастность к великим деяниям, конфиденциальность и полномочия. Но это по эту сторону моря, по другую сторону делами вершила иная организация, и вершила весьма недурно, потому, вскользь упомянутым выше ассасинам совсем не пристало знать о моей миссии, но охоту за различными Реликвиями они, насколько мне было известно, вели весьма активно, особенно в окрестностях великого Города, куда всевозможные Реликвии стекались со всего света. И тамплиеры, и особая служба султана отслеживали эти вещи и отделяли зерна от плевел, ибо на одну действительно стоящую находку приходилось не менее тысячи вещей никакой ценности не имевших совершенно. Вполне возможно, что деревянный ларец, на поиски которого я отправился тоже, был всего лишь ложной целью.

Ложная цель – забавное словосочетание...

Гордыня – тяжкий грех, и тем не менее, они выбрали меня. Притом, что у Ордена своих штатных лазутчиков, убийц и просто ловких малых хватал. Значит, орден подстраховался на случай провала, чтобы исключить самую возможность

причастности к этому делу. Я не сомневался, что де Фок моментально умоет руки, если я с этой вещицей попадусь в руки неверных.

Да, к моим услугам прибегали в делах щекотливых, не терпящих огласки. Без ложной скромности поясню, что стоил целого отряда, правда, если надо было действовать не в чистом поле, а, скажем так, в условиях затруднительных для противника, которые я сам ему и создавал. Бывали случаи, вспомнишь, так вздрогнешь.

Когда-то конный отряд германцев, таких же красавцев, как и мой новый друг Гар, гнал меня по лесу, осеннему красивому мокрому лесу, в полной уверенности, что жертва окажется именно там, куда ее загоняют. Они были молоды и полны честолюбивых замыслов, у них были луки и добрые кони, в результате я сижу на этом корабле, бессмысленно переставляя шахматные фигурки, подобно перебирающему четки монаху, а мои преследователи тихо и без особого шума отправились поодиночке на небеса. Все восемь человек. А всего-то я использовал принцип «разделяй и властвуй» и умело выбирал места для засад, а не несся сломя голову сквозь кустарник и волчьи ямы.

Что-то не складывалось, и к тому же были сомнения и не малые в том, что все пройдет гладко. Да и любезный мой де Фок, отправляя меня на встречу к герцогу, выглядел странно. Словно кто-то ему здорово задницу прищемил. Так мне показалось. И еще мне показалось, что он не хотел поручать

миссию мне. Но у него не было другого выхода. Ну так уж мне показалось. Зная этого старого лиса, я немного научился читать между строк, и улавливать скрытый смысл между слов, произнесенных вслух.

С точки зрения руководства, наилучшими в плане управления были именно фанатики, люди беззаветно преданные системе взглядов, принятых в Ордене, и с одинаковым воодушевлением, шедшие как в бой, так и к обедне. С одинаковым блеском в глазах. Эти были плотью от плоти ордена и работали за идею.

Нет, там тоже хватало уродов. Были красавцы, вроде Антуана Жирного, которые молясь постоянно, отвечали за кассу, и робкий стыд из-за не совсем по делу потраченных денег постоянно пробивался сквозь их неистовую религиозность из глубины их хитреньких свиноподобных глазок. Эта скотина должна мне... так, Клемент, не отвлекаться, позже сочтемся.

И такие были нужны, и их терпели до поры. Ибо отцы Ордена прекрасно понимали одно – человек грешен, и грешен постоянно, как в помыслах своих, так и в поступках, но Господь все видит и знает, как страсти человечьи можно использовать на благие дела. И знание этого процесса, делало отцов – Отцами. За что я любил этих ребят, это за то, что платили исправно, и работа у них была всегда. Интересная.

Большая часть рыцарей храма, были, прежде всего, солдатами, но притом добрыми сыновьями Божьими, и таких вре-

мя от времени следовало посылать на войну. А в мирное время держать в черном теле, чтоб злее были. Одна лишь принадлежность к Ордену уже и так всемерно возвышала их над толпой, а суровый устав говорил, о том, что истинный рыцарь Храма должен быть беден и заботиться о Спасении, как собственном, так и окружающих. Богатства же Ордена вещь угодная Богу и копятся для дел предстоящих и простым храмовником неведомым, и знать каждый должен только лишь то, что должно и не более.

Солнце припекало немилосердно. Где же мои попутчики? Люди, взбиравшиеся на борт нашего судна взамен тех, кто оставался на Мальте, проходили мимо меня безо всякого интереса. Я пытался увидеть или предугадать, кто может стать моим попутчиком. Может быть, этот рыцарь в плаще госпиталяера, что зычно раздает приказы окружающим? Или кто-нибудь из его окружения, хотя бы вон тот немолодой арбалетчик. Как-то странно он смотрит, ах, простите, он крив на один глаз.

А это что за компания оборванцев? Рожи-то, рожи! Одна краше другой! Одеты ужасно, в какие-то рваные плащи, хмелем разит за несколько шагов вокруг, а ведут себя как благородные. Во всяком случае, имеют повадки отпетых грубиянов и любителей выпустить кому-нибудь кишки. Наемники, вроде меня? Похоже. Ох, уж эти сицилийцы, вечно у них разговоры, мятежи и железо из-под плащей выпирает.

Оранжевая мерзкая тряпка, выданная мне герцогом, опо-

стылела мне настолько, что передать это словами было не возможно. Она была возмутительна, она была вызывающе яркой и привлекала ко мне ненужный интерес. В основном смотрели с сочувствием, как на раненого, но я не люблю приковывать к себе взгляды, я люблю быть незаметным...

Притом, что я путешествовал без слуг, выдавая себя за бедного рыцаря, странствующего в поисках приключений на свою задницу. Это как раз никаких вопросов не вызывало, много нас тут таких собралось, тут не то что слуга, тут конь был далеко не у каждого, зато благородного происхождения хватало, многие даже бумагами друг перед другом хвастались, даром, что грамоте не обучены. Я в свое время в юности немало таких бумаг лично изготовил, благо учитель был хороший...

По палубе протопала группа паломников с поводырем, слепые? Похоже на то, идут, бормочут что-то.

Тут появился Гарольд и отвлек меня флягой местного вина. Он уже успел побывать на берегу и теперь вернулся с целым мешком местных достопримечательностей, но судя по его хмурому лицу не в самом лучшем настроении.

– Холодненькое, – сказал он, увлекая меня в тень, – сейчас то, что нужно.

Я согласился и составил ему компанию. Оказалось, что ребята из славного города Любек уже отбыли в Святую землю неделю назад и Гарольд попросту опоздал, но он ни в коем случае не откажется от путешествия и нагонит их в Яфф-

фе. Это было хорошо, и я приложился к фляге.

х х х

Глава VIII

Jefferson Airplane “White Rabbit”

явь

Вот сегодня я сосредоточился во сне и ухватил ключевое слово: «Мальта». Это надо осмыслить, это надо с кем-нибудь обсудить.

Холод становился невыносимым. Свисающие с потолка камеры сосульки напоминали сталактиты.

– Ну, хоть не сыро, – сказал Александр, и я согласился с ним.

«Уж не сыро, так не сыро, это он прав на все сто пудов. Нет, с Шуриком мы обсуждать это не будем». Шурик, он вообще какой? На муфлона похож, я его так и прозвал муфлон, а как еще, если жует все время что-то. Он меня еще спросил, а кто такие муфлоны, я возьми и ляпни, индейцы. Ему понравилось, так и зовем теперь, ничего не обижается.

– Может, костерок соорудим?

Александр постучал пальцем по лбу, своему.

– Ебанулся? Костерок! Нас самих тогда на костерок от-

правят.

Я вздохнул.

– Позамерзаем нахрен. В угоду инквизиторам.

– Ничего страшного, сейчас поработаем, согреемся.

– Водки бы...

Непьющий Александр поморщился:

– Зачем она?

– Ты так не говори, – я погрозил ему пальцем, – тут нельзя такое говорить. Души умерших метрополитеновцев не поймут.

Прогрохотала электричка.

– Вот, – назидательно произнес я, – правда. Слышишь, как воют?

Где-то далеко вверху, ближе к поверхности завывал ветер.

– Тьфу, на тебя, – впечатлился Александр, его так все называли бригаде, Александр, потому что не пил, и иногда строил из себя неизвестно что. А меня просто называли – Саня, чтоб отличать от напарника ВОМДовца. И жалели, потому что знали, сегодня мне будет нелегко. В одиночку я тогда еще не пил.

За этой нехитрой беседой мы уже разболтали решетки и прислонили их к стене.

– И кто это конструкцию такую удумал, интересно?

– На заводе, наверное.

– Не, метростроевцы похоже варили, из того, что было. Вот на той линии хорошие решетки, складные и снимать не

надо, пупок рвать.

– Ой, а то ты не знаешь, что у нас все на пупка.

– Задолбало.

– Ага, еще как. Давай, Санька тебя развяжем, сейчас бы сто пятьдесят в самый раз, да под хамсичку.

– Не я бы под колбаску. Вот раньше...

– Ну да, как говаривал незабвенный капитан Баранов, – Время нынче тяжелое – не до оргазмов...

– Гы...

– Вот тебе и «гы», правда жизни...

Александр задумался о тех временах, когда мог себе позволить, и лицо его приняло одухотворенный оттенок. Наблюдая людей, по тем или иным причинам бросивших пить, для себя сделал вывод: «Ну его на хуй». В смысле бросать. Только вред один для психики, а соответственно для всего организма.

Постепенно теплело, от движения, но от промерзшего пола сквозь подошвы рабочих ботинок тянуло так, что хотелось бежать со всех ног, куда-нибудь на солнце.

Молча собрали и установили съемник. Первая попытка снять подшипник провалилась.

– Ну вот, пиздец, – констатировал Александр.

– Подкрался незаметно, – подсказал я.

Напарник хмуро посверлил глазами непослушный узел и принялся ожесточенно протирать инструмент, это означало крайнюю степень раздражения.

– Делать что будем?

– Сейчас, сейчас. Мы его по-другому зацепим.

Оптимизму Александра мог бы позавидовать сам Карнеги. А еще умению наживать врагов.

Попробовали по-другому, но с тем же результатом.

– Может ну его на хуй? Лом гнется.

Александр завелся не на шутку.

– Если гнется лом, значит... значит, надо другой рычаг.

Рычажок... О!

Его взгляд ухватил забытое строителями сверло, примерно метровой длины.

– Каленое! Примерзло зараза. – и с чувством продекларировал, -

Чтоб не потерять к себе самоуважение,

Я устроил для тебя семьяизвержение

После чего схватил кувалду, чтобы отбить сверло от пола.

– На него явно поссали, – предупредил я, – теперь не отобьешь. Знаешь какая моча у метростроя. Шо клей.

– Знаю... Кххм...

Металл звякнул о металл и сверло, сопровождаемое раскатистым эхом покатилося, подпрыгивая по камере отскакивая от бетонных стен, запрыгало по кафельной плитке и угомонилось только в районе затвора.

– Так-то, знай падло, – прокомментировал Александр, по-

добрал сверло, зачем-то подул на него, словно хотел отогреть и вставил вместо рычага.

Через пять минут подшипник не устоявший перед бешеным напором моего вооруженного напарника с громким хлопком напоминающим выстрел слетел с насиженного места.

Я заплодировал, Александр раскланялся, день начинался неплохо.

х х х

сон

Кто-то пьяно протопал в опасной близости от моей головы, я невольно откатился в сторону по палубным доскам.

– Чтоб вас! – судя по голосу, это был все тот же надменный господин, из того десятка странно одетых рыцарей, что присоединились к нам на острове, с немалой компанией слуг и груза. Странность заключалось в том, что по их одежде невозможно было понять к какому роду племени они принадлежат.

– Проклятые нищоброды, нигде нет от вас спасенья!

Он кого-то пнул и свалился на то место, где я лежал секунду назад. От него сильно разило. Очевидно, вне стен монастыря рыцари могли себе позволить, а быть может, это был животный страх перед морской пучиной. Накануне он плел

что-то насчет тварей морских, русалок греховных и прочих опасностей, что поджидают мирных путников в дороге.

– Полегче, милейший! – вырвалось у меня.

– Кто это еще тут! – заревел он, пытаясь подняться на ноги. – Вольдемар!

– Ваша милость!

– Я...

– Эй, приятель, – я ухватил за рукав подоспевшего слугу, – уведи от греха своего господина, иначе дело может плохо кончиться. Для него...

Для убедительности я слегка пнул слугу, и тот не удержавшись на качающейся палубе врезался в хозяина.

– Да, кто это тут! Да я... – господин упал в объятия слуги и тут же стал из них вырываться. Пришлось хорошенько приложить его подвернувшейся под руку колотушкой, не совсем по-рыцарски, но с учетом обстоятельств и окружающей водной стихии, сойдет.

Сознание он не потерял, ибо сопротивляемость пьяных к подобным ударам судьбы, как известно, велика, однако и на ногах не устоял. Упав на колени, он продолжил исторгать из себя угрозы в адрес обнаглевших богомольцев, и что-то там еще про Папских угодников.

Кончилось тем, что слуга все-таки утащил его прочь. Я понемногу успокаивался и подошел к борту корабля, дабы успокоить и свой мочевого пузырь. Звезды тихо мерцали над нашим судном, и полная луна смотрела укоризненно. Суета

сует.

Завершив процесс, я уж совсем было решил продолжить свой отдых, как негромкий голос сзади произнес ключевые слова:

– Святой Бенедикт не ведает о том, что творится под стенами Акры, не так ли?

Я быстро обернулся, сзади стоял и требовательно смотрел на меня средних лет смуглый человек в рясе с надвинутым на лицо капюшоном.

«И никакие они не слепцы», – отчего-то подумалось мне, когда я взглянул в его черные пронзительные глаза. Это были глаза воина и монаха. Шрамы, украшающие его лицо, говорили сами за себя, и я на короткий миг поймал себя на мысли, что смотрю на свое отражение.

– Тамплъ, – непослушным языком произнес я, все-таки это было довольно неожиданно, хотя я и ждал чего-то подобного, – Замок на горе, даст приют страждущим и блаженным.

Монах или воин кивнул и пожал мне руку орденом тайным пожатием, после чего произнес:

– Идем брат, нам о многом нужно поговорить...

Я пошел за ним. Еще два монаха мирно сидели на корме, перебирая четки и творя молитву. При нашем приближении они вскочили и учтиво поклонились. Глядя на их хитрющие итальянские морды, я признал в монахах близнецов. Эти были проще, но как говорится из молодых да ранних.

– Мы братья, – пояснил тот, кто обратился ко мне с паро-

лем, – по вере и по крови. Я – Франциско, это двое Пьетро и Паоло...

– Да уж... – я не знал, что тут и сказать. Петр и Павел да еще и бенедектинец Франциско, что уже само по себе забавно.

Франциско улыбнулся, от его улыбки бросало в дрожь, черты лица исказились неимоверно, шрамы сложились в странный узор... Ммм. Не знаю, как это описать, но смотреть на него стало нестерпимо, я с трудом сдержался, чтобы не отвести взгляд:

– Именно так.

Я скомкал ненавистную оранжевую тряпку и бросил ее за борт. Братья проводили ее полет взглядом.

– Аминь, – прокомментировал Паоло.

– Слишком вызывающая, как по мне, – откликнулся Пьетро.

– И кто у них следит за маскировкой...

– Руки оторвать, – в глазах братьев гуляли веселые чертики. Я непроизвольно сжал руки в кулаки.

– Цыц, – приказал Франциско, и птички щебечущие умолкли в момент, только чертики из глаз никуда не исчезли.

– Забавные ребята...

– Слишком молоды.

– Это, к сожалению быстро проходит. Вас всего трое...

– О, эти двое стоят целой армии...

– Не сомневаюсь...

Один монах шмыгнул носом, другой дал ему подзатыльник.

– Стойте смиренно бродяги, – строго шикнул на них Франциско, – Пьетро старше на 20 минут.

– На полчаса...

– Закрой пасть!

Пасть захлопнулась с громким стуком. Франциско отвел меня в сторону.

– Каждый из нашей команды выполняет свою работу. Тот, что постарше отменный лазутчик, проберется там, где не пройдет никто.

– А тот, что помладше?

– О, это особый случай он умеет управлять той штукой, за которой мы идем...

– А что это...

– Не знаю, и никто не знает. Но парень разберется, когда она окажется у него в руках.

«Достали эти загадки, право...»

Мы вернулись к нашим, ммм, баранам?

– Меня зовут Клемент, – сказал я.

– Кто зовет? – неловко пошутил Паоло и уставился на меня своим ясными голубыми глазками.

«А глаза у братьев разные, у Петра серые, у Франциско черные. Чудно.»

Я оскалился и он осекся. Не все выдерживают, я понимаю, у меня Арк примерно также скалится, сарацинские лошади

бегут от него без оглядки. Эти двое воинами не были. Что ж у них другие таланты. Пускай.

– Несчастный случай, – поклонившись произнес старший монах, как я его назвал про себя, – остер подлец на язык и бабам нравится, несмотря на сутану, липнут как мухи.

– Ах, вот как?

Он чуть дернул краешком губы и пригласил меня за собой.

– На этом пока распрашиваемся, я не знаю, кто тут еще плывет с нами, и потому не стоит привлекать внимание частыми беседами. Вы рыцарь, мы служители. По прибытию на место мы будем двигаться к Городу вместе с другими паломниками, приедем к какому-нибудь каравану, будет неплохо, если вы Клемент наймете в охрану этого каравана, будем держаться вместе.

Я кивнул, все это выглядело разумно.

– И еще, германца своего тоже прихватите, такой человек может оказаться полезным, для нашей миссии...

На том и расстались.

х х х

Глава IX

Grateful Dead “Dead”

Сегодня работаем в ночь. И спать не придется совсем. Ночи, я вам скажу, разные бывают. Бывают, как говорит Петрович, с молодкой, а бывают даже и без водки. Сегодня как раз такая, и все оттого, что действительно надо потрудиться. И еще будет хорошо, если вовремя из туннеля выйдем, а то бывает, что и сигналы уже все закончились, и время жим-жим, а не успеваешь. Хоть плач. Бывало и дежурная в тоннель за нами бегало, мол, уже бы и поезда пора пустить. А вы все трудитесь.

Замена тоннельного водопровода. Целое дело, как положено, с дрезиной, сварщиком, сварочным же аппаратом и толпой долбоебов вроде меня. Которые все это тягают.

Скажу сразу, и все меня поддержат, что центральной фигурой при таком виде работ является сварщик. Попадется хороший, все успеем вовремя, без особого шума и пыли, попадется такой как Блохин, пизда-ляля.

Этот, во-первых, трезвым никогда в ночь не выходит, во-вторых, все нервы выебет окружающим, а в-третьих, что самое интересное – варить не умеет. Резать – да. Варить – нет.

А где хорошего сварщика сейчас найти на государственное предприятие? Негде, все по фирмам. И это факт. Неоспоримый.

А у нас больше из народа. Простые. Один был из бывших эсеров, наверное, не иначе. Бутылка водки с утра вместо зав-

трака, под чебурек, в обед – бутылка, как положено, под кашку с помидорчиком, ну и в шабаш, само собой, разумеется, под че придется, в смысле под че попадется. И хоть бы хуй.

Ну, поварит когда-никогда, ерунду. А трубу никак. Сидит, плачет и никак. Нервный зараза был. Уволился, ушел в ЖЭК.

Другой разговоры любил разговаривать. Вместо работы. Тут тебе, допустим, надо по-быстрому, чух-чух, а он сядет кабеля раскидает и сидит трындит. То электрод не такой, то условия. Всю душу с тебя вынет, падла. Час целый протрындит, потом насрет вокруг шва и давай собираться, и хоть кол ему на голове теши!

Говоришь: «Так оно ж течет!»

А он: «А я причем? Электрод – говно, тройка, а четверки нету».

Ты ему: «Так давай найдем».

А он: «Хрен ты такой как надо его найдешь!»

Вот и поговори с ним.

Ладно, работу ж делать надо все равно, идешь на поиски побираться благо друзей полметрополитена. Приносишь еще через полчаса одолжив какой надо...

А он начинает слова орать всякие малопонятные: Аустенит! Цементит! Зерно крупное, а тут лакуна!

Хер, что докажешь, короче, и так вот приходится работать. По мне чем с этой сваркой заводиться, лучше на сгонках слепить, где возможно, а то наслушаешься. Но дело в

том, что на сгонках не всегда можно.

А вот Леха у нас молодец, чик-чирик и готово, да только свалит, наверное, от нас скоро, на себя работать будет. Оно то и правильно, а все равно жаль.

Правда, сегодня он с нами, а это с другой стороны тоже не есть гуд, в том плане, что работать будем не разгибаясь. Он варит, как робот, а мы тягай, только успевай подносить и относить.

И начальство тоже, сука. Не дремлет, посмотрят сколько мы за ночь выгнали и давай план корректировать, а Леху допустим через пару ночей тоже начальство к себе и умыкнет на дачу в корыстных целях, и пришлют какого-нибудь Славика, или Петю... И опять скандал.

Так и живем, а что делать? Начальству оно видней. Да еще Господу Богу, и все... Такие дела. Да.

Ну а сегодня скандал начался сразу, как говориться по выходу на работу. Только собрались на станции в полном составе и сразу крик:

– На хуй оно мне надо!

Это сварщик дядя Федя узнал про сегодняшнее задание.

– Та ладно успокойся!

Это мы в попытке его успокоить.

– Та пошли вы на хуй со своим Захарычем!

Это он про нашего мастера с апломбом.

– Та все будет нормально!

Это опять мы. Чтобы его болезного успокоить по мере

сил. Но тщетно, не хочет Федя успокаиваться.

– Я ебал такую работу! Ясно?

Ясно, чего ж не ясно. В конце концов, бригадир не выдерживает и орет почище Федора, на обе соседние станции говорят слышно было:

– Та пишов ты на хер, сварщик ебанный! И шоб тебя тут я не видел больше, заебал!

Повисла тишина, мы в немом восторге взирали на Петровича, мгновенно взлетевшего в нашем рейтинге на такой пьедестал, что прям головы кружились от этой высоты.

Сказал, так сказал, как отрезал. Понравилась реакция Федора, он вдруг сдулся, надвинул кепку на глаза и как-то совсем по-юношески, шмыгнув носом, сел на скамейку сообщив:

– Ну и хуй с вами,– потом оглядел нас всех и хитренько засмеявшись, сказал, – видать у Петровича депрессия началась, ох и строгий у вас бригадир.

И пальцем еще погрозил.

Петрович закурил и хлопнул Федора по плечу:

– Депрессия бывает разная, жидкая и газообразная! Электрод тебе в лакуну!

Тут уже заржали все и славненько в эту ночь потрудились. Да и по времени нормально получилось.

х х х

сон (дневной, после ночи)

Итак, три брата, втершихся в компанию слепцов-паломников, но видящих при этом отлично. Профессиональный убийца, лазутчик и неведомый умелец. Хороша команда, думаю, их наниматели довольны. Хотя как по мне одному лучше, спокойнее и рассчитываешь только на себя.

Размышляя подобным образом, я вскоре наткнулся на тело несчастного рыцаря-хама. Хотя почему несчастного? Дрых он сейчас без задних копыт и пузыри пускал, вполне себе живой, а мог бы уже общаться с архангелом, или с кем там общается подобная публика после...

Франсиско да, это воин серьезный. Еще из тех. Подобных ребят я определяю сразу. Не чета нынешним. Он был словно из безвременья, в смысле сошедший с фресок, оставшихся со времен Римской Империи.

Именно такими я их представлял, маленьких, но неуступчивых, слаженно сражавшихся в строю. И умиравших вместе. Когда уже все-все кончено. Известно, что строй этих «малышей» легко справлялся с ватагой здоровенных жителей лесов. И это при том, что многие из варваров по праву и по поведению считались берсерками.

В нем скрыта была мощь, не видимая глазу простого смертного, и потому в компании богомольцев он особо не выделялся. До тех пор пока вам не удастся взглянуть ему в его глаза. А там был северный холод, а там было то, о чем

великие философы говорили с почтением: «Конец пути».

Примерно так.

Петр и Павел, хм... От классических персонажей близнецы отличались серьезно. В моем понимании. Те жуликами не были, а наши, похоже, от Бога. Хороший вор даже в раю найдет чего украсть, кто сказал? По-моему Гийом, хорошо сказал. Это когда один его преданный слуга исчез вместе с парой стоящих целое состояние картин. Пьетро тоже из этих. И глаза у него бегают у паразита.

Паоло замедленный какой-то, даром, что близнецы. Судя по всему религиозен да еще с тем пылом юности, который... Ну вы поняли, эти юноши одинаково пылко носят с юбками и религией, только нужно вовремя внушить им мысли о том, что есть для юноши хорошо, а что плохо. Младшему объяснили, что религия – это хорошо, ну а реакции организма молодого и растущего – это видимо от дьявола. Думаю, он постоянно молится, а ночами истязает свою плоть. Вот вырастет, выучится, и может стать великим деятелем церкви, да таким, что дай ему волю на кострах бы горели все колдуны, колдуньи да неверные от Яффы до Аскалона, посмей они не принять католическую веру. Короче, Папой Паоло я не назначил бы ни за какие коврижки, даже за собственную кардинальскую митру, ибо недолго пришлось бы мне ее носить, так как в глазах этого юноши отчего-то, при взглядах в мою сторону, светилось неприкрытое подозрение. Доверял он видимо только Папе и своим братьям, а мрачный тип в

видавшем виды штопаном плаще доверия этого не внушал.

А направо его другим путем, может и стал бы нормальный ученым каким-нибудь, книги б писал, или читал, поглядим на его таланты, поглядим. Такая вот у нас компания получилась, пестренькая. Ага.

Ну а нашему Гарольду суждено было послужить нашему делу, не ведая о том. Я называл это использовать втемную. И мне приходилось это делать, принимая во внимание мою привычку, работать одному.

Что мы имеем на сей раз? А имеем мы плохо обученного шахматной игре варвара, умеющего обращаться с двуручным мечом. По всему честный малый, неиспорченный славой и деньгами. Гарольд, безусловно, будет нам полезен. Громадный рост, яркая диковатая внешность. Он привлечет внимание, и на его фоне братья станут еще более незаметными. Он никоим образом не должен скрывать своего военного прошлого. Надо уговорить его наняться охранниками вместе, думаю, он будет только рад этому. В этих местах кто только не живет, и наемников хватает. Всяких. Одним больше, одним меньше. Зарабатывает себе человек на жизнь ратным трудом, ну и что?

Немало рыцарей, не только оруженосцев, слуг или простых лучников, а именно рыцарей, осело в этих местах. И служили потом как Султану, так и его недругам. Вообще тут клубок интересов образовался, без бурдюка доброго вина и не разберешься. И у мусульман единства не было, были ши-

иты, были соответственно сунниты, в чем у них разница я не вникал, но лупили они друг друга будь здоров. А египтяне еще, а всякие сельджуки. Ужас. И у всех свое. И обычаи и боги. Иногда уживались, чаще нет. Таковы были здешние нравы. Вот тамплиеры – те случай особый, со своими обетами, принципами, бесконечными молитвами, кожаными портками и власяницами, по степени фанатизма могли дать фору местным приверженцам ислама. Подчас с ними было очень тяжело. Ведь мы-то обычные люди со своими страхами и желаниями, а у них Орден, дисциплина.

Франциско, конечно, многое не договаривает. Вернее он ничего не говорит о деле, но даже из того, что он сумел до меня донести, я делаю некоторые выводы. Во-первых, он в нашей группе главный, пусть так, я не претендую, на данном этапе, во-вторых, за нами явно следят, по крайней мере, он этого опасается, и в третьих он с братьями будет действовать из второй шеренги, а в первую отправляет меня с германцем. С одной стороны это не совсем честно, но кто говорит о честности в нашем ремесле, где все пропитано хитростью и стратегией... А с другой стороны это вполне разумно, в плане успешного выполнения миссии, мы будем держаться на виду, парочка весьма колоритная получилась, лесной дикарь и рыцарь оранжевой перевязи, тьфу...если наши противники попытаются устранить нас, то у Франциско будет время для маневра.

В том, что тут пахнет турками или арабами, что лично

для меня никакой разницы не имеет, я не сомневался ни на миг, но почему они не завладели Реликвией самостоятельно, тем более если она имеет такую ценность и находится у них под носом? Непонятно. Значит ли это, что ее нельзя взять простому человеку. И этот намек на способности Паоло? Зная способности и возможности ассасинов и прочей обученной тайным ремеслам публики, я был уверен, что на своей земле, а Иерусалим в данный момент находился под Саладином, они найдут все что угодно и притом достаточно быстро, однако по той уверенности, с которой говорил герцог, Реликвия находится в надежных руках, или в надежном месте. Проблема только в ее доставке.. Уф, голова кругом от этих мыслей. Вот Гарольд молодец, храпит во всю мощь и в бороду не дует.

Я сделал круг по палубе и снова оказался у тела госпиталяра. Он уже не храпел. Он был мертвее мертвого, а каким еще надо быть с перерезанным от уха до уха горлом? И кто-то моментально завопил у меня над ухом:

– Убили! Убили! Хватай убийцу!

На шум моментально собрались почти все, кто находился на судне. Гарольд тут же стал у меня за спиной, а неприятный человечек в скособоченной шапке и с разорванным ухом орал тыча в меня пальцем:

– Я видел, как они спорили! Этот грозился убить этого!— он поочередно тыкал пальцем то в меня, то в мертвеца и брызгал слюной из губастого рта во все стороны.

Гарольд схватил его за шкуру и отбросил в сторону:

– Scheiße! – выругался он и добавил, указывая на меня, – этот человек не виновен!

– Гарольд спокойно!

– Если кто-то дернется, сломаю ногу! – на всякий случай предупредил грозный германский рыцарь.

Слуги мялись вокруг тела хозяина и выглядели заспанными. Кто-то крикнул капитана, и генуэзец важно прошествовал по палубе и завис над телом, внимательно его рассматривая.

Потом скривился и произнес:

– Хорошая работа! Сицилианская!

Неприятный, он ехал с компанией подобных ему субъектов, которые обычно отправлялись в Святую землю с целью пристать к крестоносному войску в качестве слуг, подручных мастеровых или легкой пехоты, поднялся и принялся шептать капитану на ухо. Эта публика сражалась неважно, зато мародерила со страшной силой и верой в себя. Я вынул кинжал и продемонстрировал тщательно отполированное лезвие капитану. Он оттолкнул неприятного и ощерился улыбкой:

– Я знаю. Что это не ты, гордый рыцарь. Ты убил бы его в поединке, а ты-то приятель, отчего решил, что этот человек виноват?

Глаза неприятного полезли на лоб:

– Так ведь я сам видел, как они ругались ... пред тем...

– Этот рыцарь переругался со всей командой, – капитан указал на тело неподвижно лежащее у его ног, – и был пьян как свинья. – Я проведу расследование, пройдемте со мной для беседы, сэр – он довольно учтиво пригласил меня следовать за собой и гордо пошел прочь.

В каюте, когда мы остались один на один он сказал без обиняков:

– Тебя подставляют рыцарь...

Я усмехнулся:

– Надо полагать... – и добавил, – а почему вы мне помогаете?

– Потому, что так надо, – прямо заявил генуэзец, – за тебя хлопотали, и хлопотали щедро, так что можешь рассчитывать на меня до того момента, как войдем в порт. А большего знать не положено.

– Благодарю, – я слегка кивнул, – а это отребье?

– Проведу для них расследование, – зевнул капитан, – может быть, кого-нибудь повешу, им же по большому счету все равно. А мне тем более, так-то. А к этому с ухом присмотритесь. Скользкий тип...

– Глупец...

– Возможно так, а возможно и нет... – капитан предложил мне кружку вина и я не стал отказываться.

На том и расстались. Гарольд встретил меня и с неподдельной радостью на лице выслушал мой рассказ о том, что все подозрения сняты. Монахов нигде не было видно, они

словно растворились, и неприятный растворился вместе с ними. Мы, спустившись в трюм и поболтав еще немного, стали устраиваться на ночлег, германец спросил:

– Думаешь, капитан найдет убийцу?

Я ответил резонно, мол, на все Воля Божия. С тем и отошел ко сну.

х х х

Часть 2. ТАРТАНОВАЯ АРМИЯ

Глава X

Blackmore's Night "Under A Violet Moon"

явь

Было холодно и неудобно. Неудобно здесь было всегда, особенно без водки, а вот холодно только зимой. Летом на камере ВОМД замечательно, когда наверху жара, а тут на тридцатиметровой глубине прохлада и тишина. Электричка проедет, сквознячок поднимет, и опять тихо. И освещение интим создает, потому что лампочек как всегда не хватает, а дневной свет сюда не проникает к сожалению моему величайшему. Еще было интересно, а найдет ли капитан убийцу. Прямо детектива.

Почувствовав, что напарник отстал, я крикнул в темноту:

– Ты где?

На что вполне резонно мне ответили:

– В пизде, как свернешь, налево. Сейчас possu...

– Ага, там хорошо сейчас, – отозвался я, – тепло и сыро.

Где ж выключатель?

Выключатель нашелся на ближайшем шумогасителе. Я повернул ручку, и мутноватый свет от единственной лампочки напомнил о том, что человеческая цивилизация добралась все-таки и в этот забытый Богом уголок.

Из философии: сегодня я наконец-то понял, что значит выражение «кризис среднего возраста».

Это значит, что тебе сорок лет, на кармане у тебя сорок монет, что соответствует примерно, после последнего повышения цен на ликероводочные, бутылке водяры емкостью 0,7 и при этом никаких перспектив.

Окончив процесс, подал голос напарник. Он решил проявить свои нехитрые вокальные данные, выдав следующий перл:

Мандавошки по спине

Кто-то вспомнил обо мне...

Я против воли хихикнул. Ну, не припомню я такой песни! Хоть тресни. Простите, за неожиданную рифму.

– Ты опять импровизируешь, сволочь? – поинтересовался

я.

– Ага,– радостно отозвался Александр,– А вот еще...

Когда мы зашли на двадцатый
Все ВОМДы включились на реверс,
Но я оставался спокойным,
Терпел и допил свою водку.

Потом появился Петрович
И стало без водки труднее
Хороший он все-таки парень,
Одно только плохо – непьющий.

– Это Петрович-то непьющий? – удивился я.

– Ну,– несколько смутился Александр,– это я для рифмы так.

– Вечно у тебя из-за рифмы содержание страдает...

Я вспомнил, как в одной из своих переделок, а пострадала тогда песенка шофера, ну та, из старого фильма, Санек сочинил примерно такое:

Электричка узкою лентою вьется,
Выбито давно лобовое стекло.
Пьяный машинист со штурвалом ебется
А мы на фекалке качаем дерьмо...

Бред же. Согласны? Ну, где это видано, чтобы машинисты в рейс пьяными выходили? Никакой художественной правды и реализма. Сплошной сюр... А вот насчет фекалки он верно подметил, паразит. Верно, ничего не скажешь. Поэт, бля.

А вообще, если так разобраться по-взрослому, у нас тут талантов на все случаи жизни, одних поэтов штуки четыре, ну и прочих тоже хватает. Кутюрье. В смысле художников. Нет, серьезно, по части острого словца, молодцов хватает. Вот если название какое придумать кому надо, или дело открыть, пожалуйста, обращайтесь. Один парикмахерскую открывал для жены конечно. Целый конкурс провели, неделю головы ломали. Сколько водки перепили, ни в сказке сказать, ни... Короче «Завиток» победил. Объяснить? Не буду, но вдумайтесь только в смысл. Это одновременно можно в задних комнатах и пекарню содержать и салон интим услуг с таким названием. Вот. Широко мыслить надо.

Блин, опять в лужу ступил, раззява. Будет теперь ботинок мокрый до конца дня, сука.

«Эхе-хе, житие мое...»

Ну, да ничего не поделаешь, такая у нас работа. Еще бы света поболее, было бы совсем неплохо. Все это я думал про себя, сражаясь с замерзшим замком. Наконец он соизволил отомкнуться, и я прошел внутрь.

Внутри было чуть теплее из-за близости тоннеля, но не намного. Вообще-то эта камера у нас считалась теплой. Не в том смысле, что действительно теплой, а в том, что бывает

холодней и намного. Ничего, поработаем – согреемся.

Я возьми да и ляпни:

– Знаете Александр, чтобы душа попала на небо она должна стать легкой как воздушный шарик!

– Крути гайки философ! Задолбал...

А я че? Я ниче...

х х х

сон 0010

Плавание подходило к концу. Убийцу капитан не нашел. Немудрено, когда на корабле плывет целая толпа убийц, благо, что прикрытая крестом. Тело рыцаря было предано пучине, а на меня перестали обращать внимание. Тот малый с разорванным ухом тоже куда-то запропастился, скорее всего, решил не попадаться на глаза, оно и правильно, мало ли что. Хорошо было бы его допросить, но у меня не было такой возможности устроить допрос здесь на корабле. Не к чему это. Вопросы лишние станут задавать, зачем пытаешь, что узнать хочешь.

Жаль, что не зашли на Кипр, это и не планировалось, но как-то интересно получается, второй раз направляюсь в Святую землю и все мимо. А я хотел посмотреть тамошние места, мне о них рассказывал Гийом. И еще один чудной архитектор, с которым я познакомился в Падуе. Он стремился

на Кипр, и говорил мне что этому чудесному острову просто необходим его талант. Он показывал мне чертежи нового замка с вырубленным прямо в скале рвом. И еще другого чем-то похожего на знаменитый Бельвуар, выстроенный по концентрическому плану, с прямоугольной внутренней территорией, прямоугольными угловыми башнями и круглой восточной башней. Причем башни внешней стороны нарисованы были в разных формах и отличались друг от друга – геометрией. Одна была цилиндрической формы, другая прямоугольной, третья многоугольной, и так далее. И еще там был мост, ведущий к воротам над вырубленным в скале рвом. Мало ли чудаков живет на свете. Хотя пусть бы этому повезло, похоже, что он искренне любил рисовать свои замки. Да только Комнину тамошнему правителю это не нужно, не такой человек, вот если Ричарду удастся Кипр захватить, и удержать, то тогда таланты архитектора могут пригодиться. При должном подходе остров можно запросто превратить в неприступный бастион. Благо, расположение и рельеф позволяют это сделать.

На Кипре, кстати, делали превосходный сахар, который продавали потом с немалой прибылью. Захотелось сладкого, но ни меда, ни кипрского сахара у меня не было. Жаль.

Общаться с братьями я избегал, тем более, что паломники держались на судне обособленно, и ни с кем не общались. Потому тот разговор оставался единственным. При встрече я изредка ловил на себе неприязненные взгляды близнецов,

да и только. Но и что мне с того. Не знаю, чем я ему не угодил, и чего он там про меня себе придумал, в принципе на это мне было наплевать. Наверное, не приветствовал питье вина. Паломник.

Иерусалим в то время был под рукой арабской, но христиане вполне свободно могли совершать святое паломничество к Гробу Господню. Военные же отряды к нему сейчас не ходили, хотя воины-монахи и патрулировали дороги, охраняя паломников, стремящихся к Иерусалиму. Купцы же, прибывающие в Святую землю со всего света старались иметь собственную охрану, которую либо везли с собой, либо вербовали из числа свободных наемников на месте. Вот такой торговец и был мне нужен.

Я поделился этими мыслями с Гарольдом, и идея ему понравилась, а как не понравится, хороший купец и платить должен был хорошо. А как можно хорошо не заплатить двум таким замечательным рыцарям?

Можно тогда и товара лишиться.

Увы, на нашем корабле подходящие купцы не плыли, но Гарольд сказал, что в порту недостатка в них не будет, ибо торговля в тех местах развивается довольно живенько, и охранник для каравана, хороший, разумеется, всегда в цене.

На том и порешили, хотя германцу хотелось скорее нагнать земляков, но я уговорил его в том плане, что хорошая драка от нас никуда не денется, а вот заработать немного денег не помешает, и тем его успокоил.

– Хорошая драка всегда вокруг нас,– наставительно сказал Гарольд,– нужен только хороший повод, чтобы ее начать! Я что-то ляпнул насчет христианского смирения, и сей гордый воин поглядел на меня как на неразумного ребенка.

Такая вот философия. И знаете, я с ним полностью согласен. Когда я спросил его верный ли он христианин, Гарольд смутился. Дело в том, что Христа он уважает и сильно, но Одина уважает еще больше. Как его отец и дед, и отец деда. Этот древний воинственный бог с детских лет был ему ужасно симпатичен, и в его голове до сих пор не укладывалось, как можно было отказаться от него в пользу мирного сына плотника. Насколько я знал, у многих были схожие проблемы в миропонимании и мироощущении. Люди привыкшие к ратному труду никак не могли понять чем библейский рай лучше Валгаллы, и отчего убий и укради считается смертным грехом.

Клемент, а как ты думаешь, драконы существуют?

Я чуть не поперхнулся от такого резкого поворота разговора. Умеет же задать вопрос!

– Думаю нет. Раньше конечно существовали. Давно.

– Жаль, вот с драконом бы я сразился. – Гарольд заметно погрустнел, – может за морем где-нибудь есть?

– Может и есть.

– Вот. Мне рассказывал один человек, что при строительстве одного города пришлось много копать, и они откопали еще один город древний, и много костей, и золота... – голу-

бье глаза германца мечтательно вспыхнули, – и среди костей был скелет огромного животного, когда его сложили в кучу, тот получился дракон!

– Сказки!

– Точно тебе говорю. И знаешь, если они были, то за морем, не за этим, нет. Дальше! – он махнул рукой на восток. – Там точно могут быть драконы.

– Ну, может быть...

– Да!

Такой вот у нас диспут научный получился.

Удалось также решить вопрос и о конечной цели нашего путешествия. И решающую роль сыграла тут целесообразность. Кроме того, что Гарольд никогда не видел драконов, он еще никогда не бывал и в Иерусалиме, и сам изъявил желание побывать в нем. Это меня обрадовало, ибо альтернативой было перемещение между прибрежными крепостями в составе небольших караванов, где и плата была небольшой, а участие в серьезном караване с серьезными товарами для Святого Города сулила совершенно другую прибыль. Это и качнуло чашу весов. Друзья из Любека подождут. А тут появилась возможность, и заработать и в Святом Городе побывать!

И мы пошли разминаться, мечами на качающейся палубе, как обычно собрав вокруг себя немало восторженных зрителей.

Прекрасно, а к вечеру партию в шахматы. Гарольд легко

признал мое превосходство в этой игре и с жадностью внимал моим немудреным советам относительно тактики и комбинаций, и к концу плавания он стал делать некоторые успехи, конечно, до уровня Гийома, или старого Гарри, ему было далековато, но он не унывал, и с жадностью постигал эту науку, компенсируя свои поражения на доске успехами в рукопашных схватках, или как сейчас на мечах. Честно признаю, я немного поддавался, ну как не порадовать человека? И приемами подленькими я не пользовался, не к чему это.

Я выбросил все лишнее из головы и принялся защищаться под одобрительный гомон свободных от вахты моряков.

х х х

Jefferson Airplane “Tobacco Road”

Глава XI

явь

Сегодня шел на медкомиссию и меня едва не сбил грузовик. Тупо так, съехал на тротуар и в меня, я еле успел отскочить, а этот зараза въехал в киоск, прямо напротив троллейбусной остановки. Народ собрался, стал его из кабины вытягивать, а он спит пьяный, прикиньте? Такая история, у меня сразу всякое желание на медкомиссию идти пропало, позво-

нил Петровичу и нажрались мы с ним славно, на нервах. Он меня успокаивал, а хули успокаивать, живой и хорошо, мы люди нетребовательные. В больничку попозже пойду, время терпит.

Медкомиссия – это отдельная песня. Сразу уточню – каждый работник метрополитена раз в год должен предоставить свое тело врачам. Для планового медицинского осмотра, это как с оборудованием. Техобслуживание ТО-1, 2, 3, 4 – проводится для всех видов оборудования, вот и человек в подземке точно такое же оборудование, как говорится, специально обученное и годное согласно приказа, потому и его необходимо осматривать в указанные сроки.

Зато женщин наших можно употреблять без боязней венерических, тут все под контролем.

Ехали с Петровичем на маршрутке. Люблю маршрутки, весело там. Толпа ввалилась, по стенкам нас размазало, но все равно прут и прут.

Особенно, я заметил, беременные активны бывают. Отчего? Так, еще одна загадка цивилизации.

Как раз в этот момент одна беременная нахраписто лезла вперед.

– Но! – крикнул Петрович, – ты того! Осаживай!

– Та пошел ты на...!

– Там у тебя сейчас вылезет кто-то! Не напрягайся! – коллега отчаянно держался за поручень. Но чувствовалось, что рука вот-вот соскользнет.

Вспомнил про медкомиссию, настроение испортилось. Проходить-то все равно надо. А не хочется до ужаса.

Медкомиссию можно проходить двумя способами – честно и за деньги. Пока ты молод и полон сил, то можно идти честным путем, ну и если ты не машинист, к ним требования повыше будут. А вот если тоннель уже высосал из тебя немалую часть жизненной силы, тогда надо проходить за деньги. Врачам тоже жить надо, и нам мороки меньше. Нет, если ты действительно серьезно болен, тебя, конечно, не пропустят, а если не сильно, то отдал, и никто тебе не задает глупых вопросов, типа, а когда вы высмаркиваетесь у вас ни откуда ничего не капает? Или, какого цвета стул вы предпочитаете в это время дня.

И еще. Кроме обычных врачей, есть еще и необычные. Зовут их нарколог и психиатр. Вот с ними обращаться нужно особенно аккуратно и трепетно. Тут важно помнить следующее – водку пьют все, а действует она на всех по-разному.

Потому перед посещением нарколога все причастные рекомендуют не употреблять алкоголь в течение одиннадцати дней, ну, или хотя бы семи. Об этом активно дискутируют в курилках, очередях и просто при очередном застолье. Но как показывает практика, за день или два перед посещением наркологического центра, обязательно, я подчеркиваю, обязательно случается либо свадьба, либо похороны, либо день рождения прочно забытого родственника, когда никак нельзя отказаться и приходится нажираться в хлам, несмотря на

все предупреждения умных и опытных товарищей по работе. И вот тогда-то в дело вступает волшебная двадцатка. Это как у американцев – волшебный четвертной, в смысле, двадцатипятипенсовик. Волшебная двадцатка вручается медсестричке, отбирающей вашу кровь на анализ в самом центре. Умная сестричка даже уколет ваш многострадальный палец и даст ватку, но при этом ваш анализ будет прекрасен и чист.

Дальнейшее является делом техники. Тут надо достойно отыграть свою роль в кабинете врача. Во-первых, надо быть внимательным и учтивым. Во-вторых, обязательно, гладко выбритым, в общем, производить впечатление приличного человека. А на все вопросы отвечать твердо, я не пью и точка. Не дай вам Бог сказать, что вы позволяете себе пропустить рюмочку по праздникам. Опытный врач сразу же насторожится и расколется вас как гнилой орех. А если вам зададут странный на первый взгляд вопрос о вашей изношенной печени, то здесь необходимо, тяжело вздохнув и потупив взор, сказать о навсегда ушедшей, но буйной молодости, и тогда разочарованный врач тоже украдкой вздохнет и подпишет ваши бумаги.

А то однажды наблюдал я лихого сварщика из некоей частной конторы, который дыша свежим перегаром, с дикими воплями кричал в кабинете у доктора, о том, что некогда ему тут антимонии разводиться, ему, видите ли, на работу надо, стоит, мол, работа пока он тут с бюрократами от медицины сражается. Нет, возможно, конечно, его к работе и допусти-

ли, но не сразу и явно не за двадцаточку.

А вот у психиатра тактика совершенно другая. Там специалисты такого уровня работают, что куда там линейным сержантам с вашего района, на глазок определяющим степень вашей личной загазованности. Тут человек смотрит на тебя и сразу видит все поколения твоих родственников и степень их причастности к таким патологиям, что мама не горюй. Потому пройти психиатра можно только молитвой, уповая на его хорошее настроение.

А то вот ведь как бывает зачастую. Приходит на прием расстроенный жизнью человек, а ушлый доктор ему задает безобидный на первый взгляд вопрос:

– Какие у вас отношения с коллегами по работе?

Человек ему отвечает сквозь зубы:

– По-разному?

Доктор сразу насторожился:

– Как так по-разному? Ругаетесь что ли?

Человек без всякой задней мысли:

– Не без того, начальство бешенное, его бы к вам сюда.

А психиатр сразу раз, и что-то пишет, а если приглядеться на бумаге уже фраза созрела для протокола: «Не умеет поддерживать отношения с товарищами по работе и руководством». И снова вопрос в лоб:

– А в семье, как? С женой половой жизнью живете?

Человек все еще ничего не подозревающий, усмехается кривовато и отвечает нормально так, но уже несколько с вы-

ЗОВОМ:

– Смеетесь?

Доктор кивает и снова что-то записывает. Типа: «Напряженные отношения в семье».

А потом чтобы уже окончательно убедиться, что перед ним псих конченый, доктор предлагает вам сбацать на рояле прямо у него на подоконнике. Говорит, эдак, лукаво щурясь:

– А представьте, что это рояль и сыграйте мне что-нибудь.

Нам-то со стороны цель понятна, спровоцировать несчастного человечка и реакции его определить, а человек- то и так весь на нервах. Сразу кричит:

– Вы что себе позволяете! Думаешь, халат одел, так все можно?

А «халату» только это и надо.

– Я вас не пропущу, – заявляет, – вам необходимо обратиться в один из наших центров и пройти курс лечения. Сейчас оформлять будем.

И что тут делать? Правильно снова платить деньги, и причем, деньги немалые. Потому, что психиатры – это специалисты самой высокой марки, и уж они-то знают прекрасно, как правильно эти деньги зарабатывать.

Отсюда вывод – лучше один раз заплатить в меру и потом спокойно целый год работать, чем потом поднимать здравоохранение страны на должную здравоохранительную высоту за свой счет.

И потому, на следующий день, проулыбавшись полдня и

облегчив свой наличный счет на несколько сотен, я благополучно прошел медкомиссию и снова стал готов к труду и обороне родного метрополитена тем более, что во сне ничего интересного не происходило. Еще и прививку сделали от гриппа. Болючая зараза!

х х х

сон

Несмотря на то, что около года назад Саладин разрушил стены, город продолжал жить. И порт принимал суда со всего света. А что делать? Жизнь продолжается только правители меняются. В порту было людно Товары, прибывавшие по морю, переносились на берег и препровождались на многочисленные базары. Создавалось впечатление, что основанная финикийцами Яффа представляла собой один гигантский портовый базар, или базарный порт, как кому больше нравится. А что еще могли основать в таком месте блестящие мореплаватели? На мелких рынках продавались мясо, рыба, овощи, сахар. А еще было много пряностей, что являлось одним из основных видов дохода приезжающих сюда купцов, кроме того значительный объем азиатских товаров попадал через франкские поселения в Византию и в Западную Европу. С Запада же везли мануфактуру, лес, зерно и многочисленных паломников. Назначенные чиновники

взвешивали товар и взимали налог, обычно исходя из стоимости товара, это если дело касалось оружия, а в случае если товар был весовой, типа вина, масла или зерна – исходя из его количества. Процент налога варьировался, тут я особо не вникал, но бывало, он доходил до четверти от стоимости товара. А бывал и совсем невысоким отчасти даже символическим. Тут я подозреваю, дело было сугубо личное и отчасти основывалось на личных связях торговцев. Хотя тот же король или магнат мог пожаловать отдельному лицу часть дохода, иногда в форме процента от определенного налога. После того как такие суммы вычитались базарными или портовыми чиновниками, оставшиеся деньги поступали в местную и в центральную казну. Это меня капитан просветил, между прочим, у этого парня свой интерес был повсюду, где пахло звонкой монетой. Пока шла разгрузка, мы с Гарольдом, его двуручным мечом и тремя моими конями во главе с Арком, спустились по досками на землю и перекрестившись двинулись в город, сунув монетку сборщику податей, крутившемуся у причала. В целом мне здесь даже понравилось. В отличие от той же Акры, в которой мне пришлось побывать несколько лет назад. Несмотря на то, что Акра была самым оживленным портом на всем побережье, и главной притягательной мишенью для кораблей и караванов, а также местом встречи мусульманских и христианских купцов со всего мира. Ее дороги и улицы заполнены народом, пожалуй, сильнее, чем здесь в Яффе, но здесь как-то дыша-

лось легче. А там было подчас трудно поставить ногу на землю. Да и сам город показался мне слишком грязным, полным отходов и фекалий... На Мальте, как я уже упоминал, Гарольду не повезло, любекская дружина к моменту нашего прибытия уже отбыла в Святую Землю и нам было никак ее не догнать. Особых планов у товарищей Гарольда не было, вернее я догадываюсь, что они были, но об этом не принято говорить вслух в приличном обществе. Говоря по-простонародному, они прибыли сюда грабить, и не исключено, что вскорости мы будем иметь удовольствие пересечься с этими славными во всех отношениях парнями. О героических похождениях таких вот любекских рубак во времена Второго Крестового похода я был наслышан, особо геройствовали они отчего-то на православных византийских территориях, когда сильно хотели кушать, а вот в бою с неверными не преуспели, и если бы не тамплиеры...

Мы не стали задерживаться на острове и тем же судном, с теми же генуэзцами, за вполне умеренную плату пошли на Яффу, зная, что там вполне можно было прибиться к какому-нибудь каравану, либо примкнуть к отряду по защите паломников, причем желательно богатых. Их, видите ли, как утверждал все тот же загадочный источник, а я подозревал, что у этого источника кривой итальянский нос и зовут его боцман Николо, арабы не трогают, и драться не придется, просто проехать до Иерусалима и забрать денежки. И все. Ну-ну, сказали мы с моим жизненным опытом, и разубеж-

дать германца до поры не стали. Зачем? Жизнь научит. Вообще-то в отношении Гарольда у меня созрел некий план в том смысле, чтобы самому нанять этого крепкого парня. Всего я ему не расскажу, но легенду придумаю, пусть поработает на меня. А что такого? Ибо идеи идеями, но в свете тех проблем, что вставали предо мной хороший наемник за звонкую плату мог помочь мне их решить, возможно, даже с большим успехом, чем какой-нибудь религиозный фанатик. Но всякого помощника лучше покрепче к себе привязать. Это тоже мой жизненный опыт говорит. И для начала я подарил германцу коня, по-царски так. Он обомлел, стал отказываться, я настаивал, объяснил, что самому с тремя лошадами управиться трудно, а слугу нанимать не желаю, а раз мы теперь работаем вместе, то бери и все. Потом рассчитаемся. Гар долго теребил свою бороду, а потом сообщил, что согласен при том условии, что будет лично ухаживать за всем нашим конным воинством, а когда разбогатеет, то... Я хлопнул его по плечу и на этом прения прекратились. Но пока я решил сыграть в откат и посмотреть, какие тут предлагают суммы, чтобы после сыграть на повышение и банально перекупить германца. Заодно и себе цену узнать, что тоже иногда интересно. Перекусив в портовой харчевне, германец тут же принялся за дело и, ухватив за шиворот какого-то оборванца, а их тут крутилось превеликое множество, устроил прямо в обеденном зале небольшой допрос с пристрастием

. – А-ну-ка скажи нам, где тут войско серьезное собирает-

ся? – спросил он и попросил меня перевести. Он уже знал о том, что я не первый раз на Востоке и знаю немного местную речь. Информатор, назвавшийся Хасаном извивался ужом в цепких лапах германского воина и пропищал, что-то насчет того что все уладит наилучшим образом.

– Молодец! – похвалил его Гарольд и дал турку, или кто он там был, хорошего пинка, – Веди нас к командиру, если сторгуемся, дадим тебе бакшиш! И захохотал, ну такой вот веселый человек оказался. Поплелись за нашим провожатым. Слава Иисусу, идти пришлось недалеко. Пункт сбора каких-то вооруженных людей оказался совсем неподалеку. Командовал тут страшноватого вида лохматый рыжебородый тип, явно не арабского происхождения, но к месту и не к месту приплетающий имя Пророка и носящего неприметное арабское же имя. Борода у него была крашенная, и подозреваю, что не совсем настоящая, но он как и все на востоке ужасно ею гордился, и на наши бороды тоже поглядел одобрительно. Кстати, за время путешествия у меня отросла вполне солидная черная с легкой проседью тамплиерская борода и я решил ее оставить, только подправлял время от времени. Вообще я сделал для себя вывод еще в предыдущие визиты, что тут имея бороду договариваться с людьми легче, чем без нее, ну не любят они гладко выбритых. А звали его Ахмед, и при купце он был кем-то вроде распорядителя. Торговался он тоже истинно в восточном стиле, и когда назвал сумму, я подумал, что немец его сейчас просто зако-

падет в песок. Были бы мы с бритыми лицами, он нанял бы нас за сущие гроши. Однако обошлось, сторговались, Гар даже не полностью обнажил свой двуручник, так чуть-чуть засветил на солнышке и все. Ахмед упрямился больше для виду и поддержания репутации, ибо деньги естественно были хозяйские, а, как мне потом объяснили, со сделки он получал от купца процент, и потому был очень заинтересован в нас, нашем оружии и нашей боевой выучке. Скажу честно, на месте родителей этого сквалыги, я бы назвал его Исааком. Так как в случае успешного завершения путешествия этот процент увеличивался. Ну и приобрел купец двух замечательных воинов-хранителей с тремя конями, да с двуручником.

х х х

Глава XII

The Byrds “Everybody’s Been Burned”

явь

Пришли нынче на работу, а Захаровича на месте нет. Всегда был, а тут нет. Беда... Сидели, сидели, скоро уже и селектор должен начаться, а его все нет и нет. И главное, что никто не знает, где он. Даже бригадир.

Захарович – то всегда предупреждал, если что, а тут...

Неуютно, как-то стало. Вроде, как не хватает чего-то

в картинке мировосприятия. Кастанеда, блин, не к месту вспомнился.

Ведь как бывает, ходишь на эту работу, ходишь, тут тебе – бац! И вся картина восприятия окружающего мира рушится, как карточный домик. Из-за какой-нибудь мелочи. Привычка – великая вещь. Говорят, есть специальные институты, где всю эту хрень на людях испытывают. Ну, там охрану труда, безопасности всяческие. Я это так себе представляю, собирают по предприятиям людишек, и на опыты. Кого на растяжку кидают троса испытывать, кого с высоты бросают и проверяют потом, какая высота опасная для здоровья, а какая нет. Кого в яму с вредными газами кидают и ждут наверху – сдохнет, не сдохнет. А потом инструкции составляют.

А стопроцентно, так и есть. Вот вспомните, пропадали у вас на работе люди или нет? Обязательно пропадали. Бывает же так, ходит человек на работу, ходит, потом раз – нету. Спросят, а где такой-то? А в отпуске, говорит начальник, по семейным. Все сразу раз и забыли. И начальник молчит, потому что ему говорить правду не велено. Себе, как говорится дороже. Ведь бывает и такое, что и начальники пропадают. Так-то...

Вот нет мастера на месте, да и хуй бы с ним, а все-таки на душе беспокойно как-то. Сидишь, и мысли всякие несуразные в голову лезут против воли. О конце света и о том, что а вдруг наверху ядерная война отгремела и ядерная зима началась, а мы тут сидим и не знаем ни хуя, а мастер наш в

подземном бункере у отцов города и метрополитена последние указания получает.

Как-то незаметно, я обратил внимание на то, что уже пару минут говорю вслух и члены моей бригады – без которой мне не жить, зачарованно мне внимают. Ну, естественно, те, кто уже успел похмелиться сильно зачарованно, а остальные не сильно, потому что процентов на пятьдесят все еще думают о водке.

Потом бригадир Петрович покачал седой головой и закурил со словами:

– Херню ты, Сашко, городишь, еба...

А молодой зачарованно покрутил дзьобом, это мы так на украинский манер его немалый шнобель называем и восхищенно произнес:

– А че, в натуре, натурально ведет...

Я тоже закурил и сказал:

– А то...

Бригадир наш матюгнулся и снова стал наяривать телефонный диск, но все никак не мог никуда дозвониться. Наконец, ему надоело, он снова закурил и произнес сокрушенно качая головой:

– Як пороблэнно...

Я уже к тому времени покурил и не удержался, чтобы не ввернуть:

– Точно, война...

Это оказалось последней каплей, Петрович заорал с по-

лоборота:

– Та якого хера ты все триндишь и триндишь, ебаний пиздобол! Яка в сраку війна, сыдыш за нее плачешь, курва! Ну запизднывся человек и шо? Сразу хуйню начинаешь молоть...

Громадный Петюня, который любил когда-никогда после душа походить голышом по раздевалке, распевая при этом арию инопланетянки из «Пятого элемента», причем противным женским сопрано, приобнял Петровича за плечи и прогудел подмигивая мне незаметно:

– Та не расстраивайся ты Петрович из-за Сашка, че ты, прям как я не знаю завелся...

– Та пицов ты на ххх... – вырвался Петрович и рванул из комнаты весь на нервах в коридор, размахивая руками. У него явно наболело и требовало выхода. Ну, бывает, работа же вредная. Уже из коридора он завопил:

– И все вы пошли на хуй!

Бригада грохнула, ржали все, включая уборщиц.

Буквально через минуту появился Захарович, взмыленный и растерзанный, точно транспорт подвел, но он-то нам отчитываться не будет. Не по чину. Поздоровался и спросил:

– Вы, че, суки опять Петровича довели? Смотрите у меня...

И быстренько стал всех разгонять по работам, война закончилась не начавшись. День быстренько покатился по наезженной колее.

Х Х Х

СОН

Купца звали Зибанежад, сложно и непонятно. Прибыл он из Египта. Благополучно перекрестив его в Зибу, мы приступили к выполнению своих обязанностей. А именно: строго озирать окрестности, благо разбойников пока не предвиделось.

И устроилось все как-то быстро. Удачно этот Зиба нам подвернулся, нечего сказать. Тронулись мы из Яффы на следующее утро еще затемно, и это было разумно, потому что дни тут стояли жаркие.

Мрачные же бородачи оказались охранниками, но заплатил им купец намного меньше, чем нам, ибо особой выучкой, да и качеством снаряжения они похвастаться не могли. Больше они на разбойников походили, но тут было так, если тебя наняли, ты караван охраняешь, а если – не наняли, то ты на него имеешь полное право напасть, так и живут. Одно слово – неверные.

Кроме этих местных, от самого Нила с купцом прибыл совсем небольшой отряд одетых в белое лучников, но их было всего пятеро, и командовал ими племянник купца, совсем еще мальчик с разрисованным странным узором лицом, восседавший подобно фараону на прекрасном гнедом скакуне

с притороченным к седлу норманнским тяжелым арбалетом. Судя по виду племянника, арбалет он навесил только для солидности, ибо силы его мускулов хватило бы в лучшем случае только на то, чтобы в случае погони арбалет свой выбросить под копыта вражеской лошади. А вдруг зацепится и упадет? Тем более, что с другой стороны у юноши висел изящный лук, и полный колчан разноцветных стрел к нему, вот этими игрушками он пользовался с огромным удовольствием. По крайней мере, морские птицы не гадили нам на головы, пока мы находились в прибрежной полосе.

Проныра Ахмед, сносно болтающий по-французски, что еще более убедило меня в его иудейском, но тщательно скрываемом происхождении, моментально прилепился к нам, видимо, плут сразу сообразил, что люди мы серьезные и с нами лучше дружить, а потому просвещал нас насчет местных нравов, потчюя шикарными красочными историями о погибших рыцарях и купцах, злобных разбойниках и красавицах, ставших наложницами против собственной воли. О том, что я здесь не в первый раз ничего сказано не было. Меньше знает – крепче спит. Потому я с интересом слушал его болтовню, что доставляло Ахмеду чрезвычайное наслаждение.

Помимо каравана с товарами, нам предстояло охранять и большую группу паломников, движущихся к Святому Городу, надо ли говорить, что капюшоны братьев были тут как тут, и из-под них время от времени на меня строго поглядывали .

Итак, я вновь на востоке, и снова вижу и это солнце, и эти мелкие облака на фоне золотой синевы. И воздух, здесь на побережье совершенно особенный.

Неожиданно нахлынуло ощущение того, что я вернулся сюда спустя не десять, а тысячу лет. словно был я здесь, когда-то давным-давно, так давно, что уже и сам не помню когда. Но я тряхнул головой и ощущение пропало.

Гарольд же производил впечатление полностью довольного жизнью германца. В кошеле у него весело позвякивал задаток, седельные сумки были набиты хлебом, сушеным мясом и вином. Он даже напевать что-то пробовал. Не знаю что именно, но слушать это пение было забавно.

Я перевел взгляд на верблюдов, потом на Гарольда, уловил некое сходство, и представил моего германца верхом на этом странном животном. Потом верблюда на Гарольде. Мне стало весело, и я насупился, чтобы мое внутреннее веселье не вырвалось наружу. Наемник он всегда насупленный должен быть и серьезный. Так-то вот.

Запах моря все еще ощущался в воздухе, хотя мы уже выехали из города. Дорога вела вдоль побережья, тут было намного безопасней.

Не знаю, каков был уровень местных бойцов, но то что на нас посматривали с восхищением наши же коллеги, и цокали при этом языками несколько льстило нашему самолюбию, оттого мы и посматривали грозно по сторонам, чтобы, так сказать, имидж не нарушать, а усиливать. Из рассказов

Ахмеда я понял, что два рыцаря нашего уровня стоят двух десятков подобных оборванцев. На самом деле без ложной скромности, я бы немного увеличил эту цифру. А нарваться на шайку из сорока-пятидесяти человек, это надо было особым везением обладать. Но в таком количестве тут только люди эмира могут промышлять или ребята из Любека, кстати, все забываю спросить у Гарольда, сколько их сюда ехало. Так ради интереса. Сейчас спрошу.

Гар показал две руки с оттопыренными пальцами, потом один палец прижал. Себя.

Вот и выходит, что нашим присутствием купец очень гордился. Даже, несмотря на то, что мы нацепили лишь часть имевшегося у меня доспеха, ослепительно игравшего на солнце на зависть нашим смуглолицым коллегам. У германца напому кроме короткой кольчужки своего ничего не было. Получив задаток он попытался прикупить себе шлем, но не сошелся в цене с торговцем и воспользовался моим запасным. Но сейчас шлемы мы не надевали, ехали в легких полотняных шапочках, прикрывавших нас от набирающего силу солнца.

Интересно, в случае нападения паломники наши будут молиться или возьмутся за оружие? Франциско этот да, он будет драться, а вот насчет остальных я уверен не был, там еще слепых была половина, и потому остальная часть нашего духовного воинства впечатления бойцов не производила. Да это и не их дело. Так ничего и не придумав, я снова стал

вглядываться в горизонт.

Солнце забралось на небо уже довольно высоко и щедро дарило нам свое тепло, хотя, на мой взгляд, как и на взгляд Гарольда делиться теплом можно было бы и не так щедро.

Мы обменялись мнениями по этому вопросу и снова какое-то время ехали молча.

Встретили разъезд тамплиеров. В белых плащах с крестами, с флажком. Все как надо. Старший поинтересовался все ли у нас нормально и пожелал доброго пути. Ага, я тоже вблизи города добрый, а вот заеду подальше, и вы меня вряд ли узнаете....

Бросалось в глаза то, по пути деревенских домов сохранилось совсем мало. Наиболее прочные постройки оставались лишь в «новом городе», что сложно назывался Аль-Кубайб, там – были дома городского типа даже двухэтажные, с мастерскими на первых этажах и жилыми помещениями наверху. Рыцарские же резиденции, располагались немного в стороне от нашего караванного пути, насколько я помнил – в Хирбат-аль-Бурдже, Кидне и Баит-Итабе.

Причем последний принадлежал, Ордену, но я не собирался его посещать сейчас. Деньги у меня были, а вот на обратном пути, можно будет разжиться ими, предъявив кое-какие гарантии спрятанные в моем поясе. Кстати очень удобно, едешь налегке, приходишь в представительство, предъявляешь необходимый свиток, или некий знак и получаешь у казначея наличность. Все-таки тамплиеры были молодцы. И

новостями там свежими подогреют, что тоже в нашей жизни никогда не было лишним. Всегда полезно знать, кто слева, кто справа.

Я бывал в Итабе в свой первый визит и помню, что здание было двухэтажным очень высоким, прекрасно подготовленным к ведению возможных боевых действий. Его толстенная входная дверь была защищена навесной бойницей со смотровой щелью, узкая лестница в стене вела в зал на первом этаже. Внутри были выстроены четыре флигеля, выходящих в центральный двор с входом с южной стороны, из-за этого к залу теперь можно было пройти прямо из двора по внешней лестнице. Несколько лет назад некий рыцарь Джон, тогдашний хозяин этого миниатюрного замка продал Баит-Итаб храму Гроба Господня, чтобы выкупить себя у мусульман. И Орден с удовольствием расположил там свое представительство. И источник там у них замечательный, а в этих местах вода всегда являлась основной ценностью.

В целом караван у нас пестренький получился, с одной стороны египтяне, с другой наши паломники. С одной стороны хорошо, свои не нападут, даже паломников защитить помогут, а турки и прочие местные задумаются, а стоит ли братьев мусульман резать. Хотя мусульмане они тоже разные бывают, и тогда наша кажущаяся защищенность из преимущества превратится в слабость. Ладно, поживем, увидим.

Глава XIII

Sun Dial “Fly Into The Sun”

явь

Когда стали приходиться сны... Точнее – пришел Сон. Именно так с большой буквы. Сколько уже это длится? Зачем это мне? Сегодняшний сон был настолько реальным, что просыпаться просто не хотелось, екарный бабай. Нет, у меня, как думаю, и у всех случались сновидения, из которых хотелось бежать без оглядки. Случалось... Да мало ли что.

Втайне я подозреваю, что когда-нибудь настанет момент, что проснуться не удастся. Теперь то, что все мы называем реальностью, разделилось для меня на две половины. Бодрствующую и отдыхающую. Да, как смены в караульном помещении. Те, кто служил в роте охраны, прекрасно меня поймет, кто не служил, пусть поверит на слово.

И самое смешное, сны мои совершенно не вяжутся с окружающей действительностью, похоже я был на грани умственного помешательства. Или нет? Или это нормально, весь этот Ближний Восток? Временами мне кажется, что истинная реальность – это сон, а тот бред, которым я занимаюсь в обычной жизни, всего лишь эфемерное отражение потока бесконечных сновидений. И даже не моих. Чужих сновидений. Особенно, когда пьян, или сильно пьян. В умат...

А еще мне кажется, что я – связующее звено между двумя мирами. Только не знаю только между какими. С одной стороны сны – это, наверняка, чье-то прошлое. Может быть даже мое. Скорее всего, мое, или той сущности, частью которой я являюсь. А с другой стороны, с учетом целесообразности природы, в чем все мы уже неоднократно смогли убедиться, глупо предположить, что во снах своих, я просто переживаю заново, какую-то из своих прошлых жизней. Глупо это и бессмысленно. Но опять же, свобода выбора, воля, в конце концов...

В сновидениях всем вышеназванным я обладаю в полной мере. А тут еще эта «невыносимая легкость бытия». Это состояние эйфории, что ли, ощущение того, что все понарошку, все ненастоящее и можно при случае проснуться. Даже тогда, когда меня атаковали эти трое, в темном лесу не было даже краешка мысли о смерти, о страхе я не говорю вовсе.

И эти мысли при пробуждении: «Ах, вот если б так в жизни!» Одолел бы я ту троицу в нынешней реальности? Фига! Усрался бы, от страха в первую очередь, и от неуверенности в своих силах во вторую. И кто-то по-другому бы поступил? Сомневаюсь.

Нет, я читал и об информационном поле Земли, про ноосферу и прочую литературу. Очень и очень плотно интересовался исследованиями о жизни после жизни, но все-таки... Однозначного ответа о том, что с нами бывает После, никто не давал. Наука, религия... В современном мире все

уже настолько плотно переплелось между собой, что мои подозрения о том, что истина как всегда находится где-то между имели под собой достаточно серьезные основания.

Потом мне попала интересная фраза, насчет того, что каждому воздастся по вере его. Во как. По Вере. И если принять за факт, что сознание или осознание себя как личности после смерти никуда не исчезает, а всего лишь сбрасывает ненужную более, отжившую, телесную оболочку, и попадает при этом в иную область, либо выходит на другой более тонкий, высокий, кому как нравится, подчеркните, уровень на котором не действуют привычные нам законы. Время и пространство ведут себя, как им заблагорассудится, расширяя наши возможности. Так это вроде бы и неплохо.

А вот Вера... Получается так, что личность, не имеющая ее, зависает где-то в неких подпространствах, ибо за время пребывания на земле, душа ее не набрала необходимого опыта жизни после... Или. Вот тут уже голова начинает идти кругом и не только у меня.

Многие говорят в этом месте: «Да ну его, не морочь яйца. Наливай, да пей!»

Это уход от проблемы. Типа все образуется само собой. Может и так, а может быть и нет. Во время чрезмерных излиятий я часто впадал в состояние «Ощущения крайней важности происходящего».

Хотелось придумать себе, что-то и чтобы это что-то непременно сбылось. Там, после... На уровень какой-то пе-

рейти. Ну, не может быть, чтобы жизнь человеческая, любая была просто так. Каждый день видим доказательства обратного, в том смысле, что все что происходит на Земле, строго подчинено неким законам бытия, и до смешного целесообразно. А посему проживание в коммунальной квартире некоего субъективно метафизического Васи, глубоко целесообразно, даже если и прожил он всего лет тридцать и потом на голову его свалился конкретный кирпич. И проблема не у кирпича, а у Васи в том, что прожил он дурак-дураком и ничего про свою жизнь так и не понял.

Потом возможны варианты – либо его переводят куда-то, и он продолжает выполнять свое предназначение, либо вставляют душу в новое тело и ставят те же задачи, которые он выполнить не успел.

А скорее всего это происходит автоматически, и вообще очень напоминает некую компьютерную игру. Про многожизненность. Такое впечатление, что кто-то очень могущественный, в свое время придумал ее, запустил некий механизм и теперь все это крутится, крутится, крутится. А может и сам уже давно перешел на другой уровень, и все это никому на хрен не нужно, а просто вертится по инерции. Кто знает? В дерьмовую погоду мне кажется, что все именно так и есть. На нас давно плюнули, и мы тут похоже многого не решаем, просто живем и играем в нее не зная правил Игры, которая уже давно никому не нужна.

Такой подход подразумевает эту пресловутую Предначер-

танность... О! Как много у меня получается сегодня заглавных букв. Хрен с ним, действительно пора налить чего-нибудь и выпить. За здоровье.

– Глиняная армия императора Цинь-Шихуанди, – важно прочел Петрович из газеты и поправил очки на кончике носа, подозреваю, что они ему на хуй не нужны эти очки, однако ж носит для солидности старый баклан.

– Чего хуй? – пошутил Санек. Петрович строго посмотрел на него из-под очков.

– Молчи упыреньш, слушай и развивайся. Так, что тут... Униальный, сука, памятник древности. Представляет собой огромное число выполненных из обожженной глины фигур воинов, лошадей и колесниц в натуральную величину. Находится в окрестностях Сианя. На стройке работало 700 тысяч осужденных (с ударением на второй слог) и других рабочих.

– А слесаря там были? – не унимался Санек.

– Тьфу, зараза, сооружали ммм... 246 год до нашей гребаной эры. Когда император еще пацан был, а когда он умер то начались гражданские войны. Интересно. Ага... Потом восставшие ворвались в гробницу и подожгли ее предварительно хорошенько пограбив. Крыша понятно прогорела и рухнула, разбив многие фигуры. Армия изображена на марше, солдаты в походных колоннах, разбиты на отделения во главе с офицерами.

– А у нас в армейке ефрейтора отделениями командовали...

– Да заткнись ты, Санек. Читай Петрович. Интересно.

– Хмх... Фигура каждого воина проработана до мельчайших деталей, вплоть до портретной индивидуальности. Хера там, китайцы все одинаковые. Все, как там... ага... терракотовые фигуры, даже кони были первоначально раскрашены в яркие цвета...

О, грузит Петрович не по-детски, я стал задремывать. Армия терракотовая.

А я вот странного человека видел сегодня, причем дважды, во-первых внешность запоминающаяся, не знаю как описать, но мне подобные типы были всегда особенно неприятными. Я бы назвал этот типаж: скучающим пидорасом на отдыхе... Как-то так. Такое себе чмо представьте, сухонький, аккуратненький и с понтом под зонтом. Личико птичье остренькое и кожа как у лягушки, в пупырышках припудренная. Так самое интересное, что мы на машине ехали со Славянской до Артемовской. Эти на разных линиях станции по прямой ехать минут десять трактором, а вот если на поезде, да с пересадками, ну как пассажиры нормальные ездят, так минут 35 получается, это если еще интервал божеский. Так представьте, мы в аварийку грузились, он по-близости крутился, вроде как скучал, и зыркал по сторонам еще. Мы еще поржали с него, малехо. А потом переехали и выгрузаться стали, а он с пешвыхода выруливает. Опять на нас зырк-зырк и ушел, я только вслед глазами прохлопал и забыл потом за него напрочь. А сейчас вот отчего-то вспомнил. Это ж надо

такому, как он раньше нас добрался, ума не приложу. А может и не он, а другой пидорас, или пидорас-близнец. Развелось их понимаешь...

х х х

сон

Напали на нас ближе к вечеру, когда все еще было жарко. Отряд состоял из трех десятков оборванцев самого жуткого вида с лицами скрытыми тряпками. Нет, тут многие так ходили, это не вызвало удивления, состояние лиц его вызвало. Но об этом после...

Они напали стаей, выскочив из-за нагромождения камней, представлявших собой развалины какого-то строения, толи незаконченного, толи разрушенного после, неведомо. Когда мы увидели его, я еще успел подумать:

«А неплохое место для засады», – и хотел обрадовать эту нехитрую мыслью германца. Но не успел, потому что вокруг нас засвистели стрелы, и куча разбойников с заунывным мычанием набросилась на караван.

Но правда делали они все как-то неумело, что ли. Гарольд привычно заорал на охранников, отдавая команды и строя их за остановившимися повозками. Я же без труда определил главаря, и объехав начавшуюся свалку сам напал на него и его помощника, пытавшихся руководить нападением.

После того, как два трупы свалилось к ногам моего коня, и я стал присматривать себе новые жертвы, все уже практически было окончено.

Германец блистательно справился с поставленной задачей, он замечательно владел двуручником, то втыкал его в землю и враг сам натыкался на лезвие с разбега, то умело подставлял под меч собственное плечо, приседал, рубил, вобщем, разбойники нарвались на достойный отпор с нашей стороны, и теперь улепетывали, лишившись своего руководства, что называется, в разные стороны.

Вооруженное легкими луками и длинными ножами воинство, ничего не могло поделаться со строем, возглавляемым Гарольдом, а лишившись командира, поняли всю бесполезность своих действий по захвату добычи, и теперь с прежней скоростью спешило к спасительным развалинам, теряя бойцов падающих под стрелами египтян и болтами арбалетов, коими предусмотрительный Зибанежад снабдил своих погонщиков.

«Отбились», – тоскливо подумал я, все происходящее все менее и менее нравилось мне. Случайное нападение? Здесь это не редкость, вот только я не настолько наивен, чтоб думать так. О миссии знали и не только герцог. На мне уже впору было бы сделать большими буквами надпись, что-нибудь вроде: «Вот рыцарь, ищущий ценную Реликвию. Убейте его немедленно».

Нас весьма очевидно прощупали и в следующий раз напа-

дут небольшой армией.

Возникло сильное желание вернуться в порт и передать герцогу привет через представительство. Смысл продолжать путь, если исход предприятия ясен?

Когда все более ни менее завершилось, мы остановились над одним из поверженных наземь врагов и Гарольд лезвием меча приоткрыл ткань, закрывающую лицо разбойника.

Окрик Ахмеда остановил его:

– Это прокаженные, саиб, не стоит касаться их.

Гарольд замер словно проглотил оглоблю, потом чертыхаясь, стал втыкать лезвие в песок, чтобы стереть заразу.

«Прокаженные, ну-ну, – подумал я, – мои новые «друзья» имеют хорошую фантазию, к чему самим марать руки, когда можно все сделать чужими?»

– Полно, пойдем, – я успокаивающе потянул германца в сторону, и тот умерил несколько свой пыл и последовал за мной.

– Постой саиб, – остановил меня Ахмед, – там мои люди допросили одного из этих несчастных, прежде чем он отправился на встречу с Аллахом.

– И?

– Он рассказал, что кто-то наплел им про то, что караван везет чудесное лекарство от проказы...

– Такого лекарства не существует.

– Вот именно, но они решили рискнуть, да и кроме лекарства у нас тоже есть чем поживиться.

– Интересно... И кто заказчик?

Ахмед улыбнулся во всю пасть. Она блеснула золотом. Не пасть – небольшая казна. И как они это делают? Придумали, зубы золотить... Фигляры.

– Неведомо.

– Кто б сомневался... – мне стало совсем грустно. Мои «друзья» передали очередной привет. Крепенько у них тут все схвачено. Да что ж это за Реликвия такая? Нет пора заканчивать... Я конечно неплохой боец, но воевать с Орде-ном ассасинов практически в одиночку. Увольте.

Как они отслеживают мои перемещения? Кто их неведомый сообщник? В составе каравана не было кроме Гарольда и нескольких паломников, включая братьев Эсперо, ни одного человека из тех, что плыл с нами на корабле. Но даже если осведомитель среди нас, то как он сообщает о наших перемещениях? Допустим, среди приближенных герцога есть заинтересованный человек, и первое нападение, вызвано тем, что замок герцога был под наблюдением и отслеживали всех, кто туда прибывал. Более того кто-то подслушал наш разговор и немедленно отдал приказ: «Ату его!», когда понял, что я и есть искомый гонец. Не получилось, выяснили куда я направляюсь дальше и подстроили убийство на корабле, выручил капитан, но добравшись до порта я считал, что оторвался от них, а нет, меня передали местным наблюдателям, и теперь они вычислили с каким караваном я иду, и теперь провал миссии неизбежен. Мне не дадут даже приблизиться

к Святому Городу.

Непонятно одно, почему имея столь умопомрачительные возможности, противник не может сам захватить Реликвию? Видимо дело в Реликвии, но мне это совсем не интересно. Нет, я люблю сложные задания, но тут пахнет чем-то не от мира сего...

Меня словно передают, из рук в руки. Хороший трюк, подослать отряд прокаженных, соблазнив их видом товаров богатого купца, наобещав им волшебных лекарств, а там заодно и одного странствующего рыцаря грохните на всякий случай.

Это сегодня, а что будет завтра и послезавтра? То что случилось сегодня больше походило на проверку сил, или отвлекающий маневр, всерьез на успех нападения я бы не рассчитывал. Посылавший этих несчастных прекрасно знал расклад сил в предстоящей схватке. Другое дело знают ли они о братьях? Мне надо было срочно поговорить со старшим из них. Тем более, что бросить караван прямо сейчас, как-то некрасиво что ли.

В конце концов, я решил до разговора с Франциско оставить все как есть...

Остаток дня наши люди копали яму, стаскивали в нее трупы. Потом купец распорядился натаскать побольше чахлого кустарника и развести костер. Я уехал подальше, вроде как на разведку. Огонь, конечно, сожрет заразу, вот только всю ли? Замотал лицо платком на сарацинский манер. Дышу

Х Х Х

Глава XIV

The Doors “Break On Through”

явь

На стройплощадке Новой станции, дождь шел сильнее, чем в остальных районах города. Мне так казалось. Толи от того, что я уже изрядно вымок, пока пилил до нее от конечной, толи из-за того, что площадка уже сейчас представляла собой небольшое озеро грязи, истоптанное сапогами работяг и изъезженное колесами и гусеницами нагнанной сюда техники.

Посредине пейзажа, как и положено, стоял кран, вокруг разбросаны коробочки вагончиков и штабеля стройматериалов.

Нет, я, конечно, все понимаю, но если я пришел сегодня на работу, то это совсем не значит, что я радостным козлом буду скакать от звонка до звонка и славить великое начальство. А тем более в такой заднице, в которую мы сегодня угораздили.

Мы с Серегой угрюмо вздохнули и переглянувшись пото-

пали к одному из вагончиков, где толпились непознаваемого вида субъекты в касках и телогрейках почище других, в надежде на то, что один из них окажется тем самым Константиновичем, встретиться с которым нам было необходимо.

Вода доходила почти до самого верха голенищ наших сапог. Две косматые собаки из-под навеса смотрели на нас с мало скрываемым удивлением. Редкий Птицман долетит... Про Птицмана я вам позже расскажу, лады?

Добрались.

– ...банный павиан, он ясно? – донесся до нас обрывок чужого разговора. Говорил мужичок с красным лицом в синей вязаной шапке под каской, два других строго и внимательно внимали. На нас не обратили ровно никакого внимания.

Я прокашлялся, Серега зевнул.

– Здравствуйте, а Константиныч...

– Уехал, – ответил обладатель почти новой синей фуфайки.

– Бля, хуево. А за него кто?

– А надо чего?

– Да мы поводу новых ВОМДов...

Двое оживились. Один оставался безучастным.

– Эксплуатация, что ли?

– Ага.

– А Николаевич ваш работает?

– Та не уже на пенсии.

Обладатель красного лица сплюнул и резко пошлепал через площадку к воротам, через которые мы зашли, мимо собак, по пути к нему присоединились сварщик и видимо его помощник доселе скрывавшиеся в вагончике.

– Ты где пошел? – крикнул вслед «синий».

– На хер с пляжа, – последовал ответ, – я этих обсосов ждать не собираюсь!

Двое захохотали, я тоже на всякий случай улыбнулся. Потом сказал:

– Нам бы ЗИП посмотреть.

– Ага, – сказал третий в черной фуфайке, – это запросто, только крановщик сейчас занят.

– Крановщик?

– Ну. Вон твой ЗИП в том ящике, – он ткнул пальцем в сторону кучи здоровенных деревянных ящиков с маркировкой по бокам. Наш, как я понял, был в самом низу. – Хотите, можете сбоку раскурочить, поглядеть, а не хотите, как хотите, его ж все равно перегружать. А крана нет пока.

Мы переглянулись.

– А когда?

– Так обед же, потом раствор в яму подаст и вам поможет. Короче курите.

И эти двое, синий и черный не говоря больше не слова, разошлись в разные стороны.

Тут мы заметили, что по всей площадке началось движение. Тела в фуфайках погрязнее, чем у наших недавних со-

беседников, в не имеющих цвета сапогах прекращали свою возню и целенаправленно выдвигались в сторону ворот.

– Обед у них раньше, чем у нас, – произнес Серега и добавил, – а мы что делать будем?

– Давай и мы перехватим, все равно ждать.

– А где? Я тут не знаю...

– Пошли за местными, наверняка, у них тут точка.

Серега хмыкнул, и мы пошли вслед за всеми.

Угадали. Метрах в трехстах от стройки притаился небольшой магазинчик. Туда и стекались метростроевцы. Стекались в буквальном смысле слова, потому, что дорога до него мало отличалась от жижистого, бурого месива. Деловито рассовывали по карманам телогреек бутылки и отправлялись в обратный путь по грязевому морю к своим вагончикам.

– Да-а-а... – протянул напарник, – работа...

– У нас не намного лучше.

– А я шо, я ни шо.

Мы тоже взяли половинку на всякий случай и поплелись в след за всеми обратно. Снова пошел мелкий противный дождик.

– О, давай, давай...

– Бери сосисочку.

– С горчишкой. Ммм... Замечательно.

– Не то слово, а хлебушек какой! Мяконький!

– Я всегда там беру, лучший в городе.

– Да. Давай еще по одной и покурим!

– Легко...

Жидкость забулькала в пластиковых стаканчиках. Через пару мгновений в наших пищеводах.

– Вещь!

– А то!

Пили прямо в тоннеле, почти околевав от холода, потому что хорошенько вспотели и стали остывать, оттого водка долго не брала, но потом резко двинула по шарам. Нам предстояло перетащить четыре тяжелых редуктора из ЗИПа со стройплощадки на новый, уже стоящий в тоннеле ВОМД. По идее строители обещали обеспечить дрезину, но чего-то там у них не срослось, благо хоть краном в дыру их зачихнули, все же легче. А оставшиеся триста метров до камеры – будьте любезны. Ведь как говорится – два солдата из стройбата заменяют экскаватор?

Перетянув два, и подтянув как можно ближе к камере третьей, мы решили перекусить. С дремотой.

– Опа, есть приход!

– Да ты что?

– Ага, а видал, как метростроевские обедают?

– Ну.

– По колено в воде, хоп-хоп, пять минут и весь обед, и опять работать.

– А что сделаешь? У них так. Обед не нормированный, успел поесть – поел, не успел – ходи голодный.

– Да...

– Ну че, разливай уже всю, та сами пойдем, поработаем.

– Ага.

Снова бульканье по пластику. Выпили, доели не спеша хлеб с сосисками. На душе стало немного легче, в смысле, веселее.

Сергея сунул лом в редуктор, перевернул, чтобы я смог взяться с другой стороны.

– Эх, надо было еще человека брать. Хоть бы менялись!

– Двух.

– Согласен. Жаль, не было никого свободного.

– Как всегда, вечные большие гонки. По вертикали.

– По горизонтали, бля. Когда поднимать будем, тогда вертикаль начнется.

– Да уж. Хера будем поднимать. Завтра. Второй припррем и шабаш. Ну его на хуй.

– Всю жизнь на пупка...

– Отож.

За этой милой беседой мы доперли редуктор до камеры и с невероятным облегчением перевалили через порожек.

– Тама, слышь, а у нас ничего не осталось?

– Ну ты, Серый, даешь!

– Шутка, а пригодилось бы!

– Не то слово... Покурим и за крайним пойдем.

– Ага.

Перекурили, поплелись за последним. Я возьми и ляпни:

– Пришли как-то к писателю Пелевину арлекины. Не просто так. Книгу заказать. Про кого? Понятное дело про Путина. Денег немеряно сулили, мол, материалом обеспечим, только до широких масс надо донести. Так как вы умеете, с изрядной долей сарказма, на тоненького. С юмором.

Мол Достоевского с графом Т пропесочили, так сказать, а чем ВВ хуже? Непорядок.

– Ну и хули? – Серега явно думал о своем, особо не вникая в мои бредни, привык. А я продолжил с присущим мне рабочим пафосом:

– Закручинился писатель Пелевин, но от аванса не отказался. И не видел никто с тех пор тех арлекинов.

Ничего мне товарищ не ответил, пожевал табачок и говорит:

– Завтра Захарович пусть как хочет, но еще пару человек пусть дает. Ну его на хер.

Пожелание повисло в воздухе. В молчании дошли до ящика с редуктором. Пелевина бы сюда да с Никоновым, чтоб не умничали до хуя.

– А ящик куда денем?

– Да ихний бригадир сказал: пусть тут валяется, они заберут потом.

– Тогда ладно, а досточки хорошие.

– Хорошие.

– А по завершении процесса рекомендую еще разок посетить местную точку, вы, сэр Гей, не возраже?

- Сам ты гей, сука-блядь. Но, в принципе, не возраже.
- Уважаю вашу принципиальность.
- Да. Я такой!
- Сякой, бля. Трындишь, как Троцкий.
- Сам ты это слово...

И чтобы вы думали? Доперли мы четвертый редуктор, на раз, и на точку зашли, и благополучно сей день завершили. И самое интересное – даже не простудились.

А на следующий день затащили редуктора на агрегаты, правда не вчетвером, а втроем, но это уже, как говорится, совсем другая история.

х х х

сон

Следующие несколько дней растянулись чередой унылою и однообразною. Под унылое мычание погонщиков и гарольдовы проклятия.

С Франциско мне удалось переговорить на следующий после нападения прокаженных день. Он меня серьезно озадачил.

Сначала я вывалил на него целый мешок моих сумасшедших, но не лишенных логики подозрений, отчасти желая проверить реакцию, отчасти решив расставить некоторые приоритеты, он выслушал меня молча. Я усилил эффект тем,

что по прибытии в ближайший городок брошу все к чертям и уеду, лишь после этого он улыбнулся своей очаровательной улыбкой и стал говорить сам. И поведал мне следующее. Оказывается все то, о чем я ему рассказал ему прекрасно известно. Да, мы как на ладони, да противник знает о нашей миссии, и маршрут нашего передвижения. И да, Реликвию взять самостоятельно он не в состоянии. Тут же меня похвалили за грамотность моих предположений. Я спросил, что, в конце концов, мы ищем. Он не сказал, но заверил, что я все узнаю. Я сказал, что я так не работаю, он назвал дополнительную сумму гонорара, и у меня слегка закружилась голова. Но я справился со своими эмоциями и сказал, что мертвецу золото не к лицу, он снова улыбнулся и сказал, что у нас есть способ обмануть противника и совершенно сбить их со следа, причем именно тогда, когда они будут уверены, что мы у них в руках.

И совершенно он меня добил ответом на мой прямой вопрос принадлежности этих людей к лагерю султана.

Знаете, что он ответил мне? Нет. И добавил, ну как нет, их используют, но они об этом даже не догадываются. Я попросил разъяснить, но Франциско сказал, что мы и так обращаем на себя не нужное внимание окружающих, и попросил потерпеть, мол, скоро все само собой разрешится. И как с ним разговаривать теперь? Вы что-то поняли? Я нет...

И потому, когда Ахмед стал рассказывать про Проклятую крепость, я даже обрадовался. Это меня отвлекло. А расска-

зал он вот что. Оказывается, в этих местах еще во времена Первого Крестового Похода была построена крепость. Точнее форт. Но видимо, из-за нехватки строительных материалов, строили его на месте старой мусульманской мечети, после чего началось.

Поначалу все было как всегда, да только вот одна незадача. Когда отступавшие из-под Иерусалима крестоносные войска решили дать себе отдых за стенами форта, то его просто напросто не оказалось в указанном месте.

Решили, что это обыкновенная ошибка картографа, однако, некоторые знатоки клялись и божились, что, несмотря на однообразность ландшафта, крепость должна находиться именно в этом месте.

Командор Леброньяк, из гасконских рыцарей, был человек горячий и нетерпеливый. Обругав, на чем свет стоит своих знатоков, он приказал двигаться дальше. Примерно после недели блужданий по пустыне, преследуемые конными сельджуками крестоносцы наконец-то увидели стены форта и несказанно этому обрадовались.

Однако добравшись до ворот, долго не могли докричаться до гарнизона. Его попросту не оказалось на месте.

Пропал бесследно. Причем было не понятно, по своей ли воле он его покинул, либо был обманом выманен из-за стен и потом уничтожен. Ни записей, ни пояснений ничего. Разбросанная как попало кухонная утварь и прочие предметы быта, кое-что из обоза, и все.

Леброньяк заявил, что раз нет оружия и людей, значит, по неведомым причинам гарнизону пришлось покинуть форт и видимо принять бой, а быть может враги обманом пробрались в крепость и вынудили гарнизон сдаться, после чего всех увели в плен.

А о нечистой силе заговорили, только тогда, когда вскрыли главный подвал, он же каземат. Там обнаружился пропавший гарнизон. Весь.

Пол каземата был усыпан человеческими костями. И оружие там пропавшее было, и доспехи, и флаги, но самое непонятное, что все это казалось настолько древним, словно пролежало несколько сотен лет. Флаги истлели, кости рассыпались в прах, оружие и доспехи – в труху.

Люди Леброньяка в панике бежали, и через некоторое время блуждания по пустыне оставшихся в живых подобрал дружественный отряд.

После этого Крепость, согласно легенде, частенько, подобно миражу, появляется в разных местах, но никто не пытается даже подобраться к ней.

В конце всего рассказа Ахмед неожиданно переменился в лице, оно из мечтательного стало озабоченным и сказал:

– Они называют эту крепость Тайной. Она есть, и ее как бы нет.

– Кто они? – я подключился к беседе.

– Местные... Жители пустыни.

– Как это может быть?

– Не знаю. Но так говорят. Крепость эта является частью горы, а быть может и наоборот, гора – частью крепости. Никто не знает когда и зачем она была построена. Говорят также... – он запнулся и сглотнул.

– Что говорят?

– Ее строили не люди.

– А кто?

– Либо демоны, либо ангелы.

«Час от часу не легче!»

– Как туда попасть?

– Неведомо, известно лишь то, что в последний раз ее видели там, – он махнул рукой прямо по ходу нашего движения, – Но захочет ли она открыться тебе? Как знать. Говорят, она сама выбирает, кому показаться.

– Опять местные так говорят?

Ахмед цокнул языком, сдвинул шапку на бритый затылок и ответил:

– Э... – и сразу стал самим собой, а не мечтательным рассказчиком- песенником. Эдакий, неверный менестрель. И хитрый.

– Что он там рассказывает? – высказался молчавший все это время германец, – бормочет и бормочет на своем наречии, ни черта не понятно...

– Он говорит, что тут завелась бегаящая крепость.

Глаза Гарольда полезли из глазниц.

– Какая?

– Бегающая, как заяц, вернее как лисица. Сегодня стоит на одном месте, а завтра на другом...

– Так не бывает!

– Говорит, что бывает.

– Не может этого быть, он брешет, как поганая собака, неверные все такие.

Ахмед понял германца без перевода, по красноречивому выражению лица, расхохотался и потянувшись пошел к лошадям.

– Я должен туда попасть. – неожиданно сказал Гарольд когда Ахмед отошел подальше.

Я посмотрел на него странно, умеет удивить!

– И зачем позволю спросить?

– Если не брешет, там должно быть золото. Много.

Такая вот логика. Золото и неведомое всегда идут рядом, я тоже поднялся на ноги, похлопал северянина по плечу и негромко сказал:

– Ну-ну...

х х х

Глава XV

Rainbow “The Tempel Of The King”

явь

Есть у меня знакомый, Иван Данилович, фамилия у него интересная Паладинов, так он во дворе моего дома гуляет с котом, так вот он-то как раз в истории дока. Не кот, конечно, а дядя Ваня, хотя и кот, наверное, тоже, тьфу, на меня... Вечно всякая хрень в голову лезет, сам себя перебивать уже стал со своими шуточками дебильными, так и публики вроде нет, а все коты ученые в голову лезут, с когтями...

Ладно, ну, любит Данилыч это дело. Историю. Где-то он там работал когда-то, я сильно не выяснял, но точно в каком-то институте. Пенсионер уже, но не бухает сильно, а книжки больше почитывает. И я как-то разговорился с ним. Про крестоносцев, потом по рюмке приняли в близлежащем киоске, я ему и про сны свои рассказал, так он даже загорелся всем этим, говорит, что диссертация готовая, это я в смысле, только надо преподнести это все красиво, и оформить.

Тут же и оформили еще по одной. Замечательно получилось, а потом он рассказывать начал:

– Вот вы Саша разобраться хотите, а это не просто будет, сны ваши довольно сумбурные и отчасти фантастические. Крепость эта исчезающая опять же. Я больше с фактами привык. С конкретными фамилиями, а у вас, так скажем, там действуют в основном второстепенные персонажи. Вот, допустим, Четвертый крестовый поход тоже оказался странным. Благословил на него лично Папа Иннокентий III. И поначалу все шло чинно и благородно. Изначально главой был

знаменитый Тибо Шампанский, но он вскоре умер, и тогда рыцарей и прочих возглавил Бонифаций Монферратский.

«Знакомые фамилии, ей Богу знакомые...» – снова пронеслось в моей несчастной контуженной голове.

– Собрали армию, в основном из французов и погнали ее на Венецию, где ушлые венецианцы обещали погрузить всех желающих на корабли и обеспечив всем необходимым доставить в Святую Землю.

«Италия, значит. Как у меня в начале. Кабрини, Бергоми, Барези, пас на Паоло Росси... Гоооооол!!!»

– Потом пошло наперекосяк.

«Ну, кто б сомневался, хоть и нерусские, а все туда же... католики, блин».

– Для начала из двадцати тысяч, на которые рассчитывали изначально, до Венеции добралось всего двенадцать. Местом сбора назначили остров Лидо, что как раз близ Венеции в цепочке песчаных островов, отделяющих Венецианскую лагуну от Адриатики. Да вот незадача, венецианцы потребовали с глав крестоносного войска такую плату за проезд, что заинтересованным лицам сразу стало не до смеха.

«Жида».

– Сели торговаться, с серьезными лицами, естественно, и порешили в качестве платы за транспортные и прочие услуги разграбить в пользу Венеции венгерский город Задар. Хоть и не сарацинский, но и по мнению венецианцев не совсем христианский. Точнее совсем неправильный и в первую оче-

редь оттого, что являлся Задар главным конкурентом Венеции на Адриатике. Ну как его не разграбить?

– Это как Штаты со своей демократией? – ввернул я для поддержки беседы.

– Примерно так, – Данилович нервно дернул рукой, но не на меня, это тик у него такой, хорошо поводок со своим Василием в другой руке держал, а то б кота помотало за прогулку. А так ходит себе важно, бродит. Красивый гад, жирный. Дымчатый.

– Решили – сделали. После трех дней пожаров город покинули последние защитники, во главе с императором Алексеем V Муруфлом и патриархом Иоанном X Калитиром. Город стал добычей, притом, что жителей почти не трогали, все ж не сарацины. Долго же потом по Европе гуляли святыни местных монастырей!

«Ну да, ну да. Знакомая ситуация. Ни черта не меняется в этом мире!»

– И было это в 1202 году, – помолчал, потом продолжил, – Правда, прознавший про то Папа вошел в гнев и отлучил крестоносное войско от церкви.

«Мол, не на то я вас благословлял, сволочи, чтоб вы братьев венгров в угоду меркантильным италяшкам мочили».

Кот пошел на второй круг, беседа продолжилась.

– Стали думать, как ошибку исправлять. Думали, думали, придумали. С подачи тех же венецианцев, кстати. А не замахнуться ли нам на Константинополь. Что-то давненько мы

в Босфоре не омывали обувь свою. И двинули на Византию. Там как раз свергли императора Исаака Ангела, так вот и порешили историческую справедливость восстановить.

– Кого свергли?

– Исаака Ангела...

– Красиво. – сказал я вслух, а про себя подумал:

«Во чешет! Во память у человека!»

– Мда, – Данилович не уловил моей иронии и повел рассказ далее, – А ушлые италяшки, чтобы вы подумали? Правильно. Снова денег не дали, только продукты и фураж, но при этом благородно разрешили в случае успеха предприятия пограбить город всласть, под процент, разумеется.

«А кто б сомневался? Бизнес, прежде всего!»

– Сказано, сделано, Константинополь был взят, а вместе с ним и богатая добыча. В результате сего действия была основательно перекроена геополитическая карта Европы, как принято сейчас выражаться, я сейчас Саша не буду особо вдаваться в подробности, но Иннокентий, который Папа был так доволен падением Константинополя, что снял отлучение с крестоносцев.

– Восстановил, так сказать историческую справедливость. Понятно Данилович, спасибо вам за беседу. Продолжим на днях, если не возражаете.

– Что вы Саша, вы прекрасный слушатель. Один из двух у меня оставшихся.

На этих словах первый и главный его слушатель с громким

«мяу» вскочил на руки хозяину и требовательно попросился домой. Так уж у них в семье было принято. – Вообще-то, – продолжил Данилович, – Если король или принц принимал крест, большинство приближенных ко двору следовали его примеру, в частности, опасаясь немилости своего господина. Записанный Жаном де Жуанвилем разговор двух рыцарей Людовика IX накануне принятия им креста в 1267 году – яркий тому пример. Как же там... Ага. Один рыцарь заметил: «Если мы не примем крест, мы потеряем благосклонность короля; если же мы примем крест, мы потеряем благосклонность Господа Бога, поскольку сделано это будет не для Него, а только из-за боязни огорчить короля». Да и сам Жуанвиль признает, что принести обет его вынудили обстоятельства.

– А кстати, вы знаете почему цвет крестов был разный?

– Чтоб отличались?

– Ну не только, 1188 было решено, что участвующие в третьем крестовом походе подданные Филиппа II будут носить красные кресты, подданные Генриха II – белые, а подданные графа фландрского – зеленые. Кстати ваши сновидения мне кажется, очень близко к началу третьего похода происходят. Там ведь Ричард упоминается?

– Вроде того... и Саладин.

– Ну вот...

– А Реликвии какие-то были известные историкам, в тот период, ну за которой Клементя моего послали?

– Да там много чего было. Да только правду от вымыс-

ла отделять тяжело. Например, Матфей Эдесский описывает в своей «Хронографии» такое событие: «Ночью... одному благочестивому франку явился святой апостол Петр и сказал: «В левой части той церкви хранится оружие, которым безбожное племя иудеев пронзило Христа в ребро. Это копьё находится перед алтарем. Выкопайте его и с ним идите в бой, им вы одолеете ваших врагов, как Христос сатану». Видение повторилось, оно явилось и в третий раз, о нем рассказали Готфриду и Боэмунду и всем князьям. Они стали молиться и, вскрыв указанное место, нашли там, в церкви, называемой храмом святого Петра, копьё Христа».

Но потом его следы теряются. Или Плащаница туринская. Скажите, а Иерусалим там, в чьих руках, в мусульманских?

– Да я как-то не прислушивался особо, но вроде да.

– Тогда это явно тянет на Третий крестовый поход, не иначе...

«Ага, – подумалось тогда мне, – третий значит... Брр...»

х х х

сон

Сегодня был день, когда Готфрид Булонский, разбив войско египтян взял, наконец, Иерусалим. Почти трехсот тысячное войско, собравшееся в Константинополе, не считаясь с потерями, прошло сквозь Святую Землю и выполнило

свою миссию. Тем самым было основано Иерусалимское Королевство, править которым выпало Болдуину. И включало оно в себя Галилею, Яффу, Аскалон, Трансиорданию, Сидон и чуть позднее графство Триполийское. Потом все неоднократно менялось, и границы двигались и замки из рук в руки переходили и города, но худо бедно королевство стояло. И Иерусалим теперь к Саладину перешел, а название прежним осталось. Иерусалимское королевство без Иерусалима. Беда...

А до сего дня кому только не принадлежал Великий Город. Сначала здесь было Израильское царство, затем Иудейское, после тут царил Вавилон, потом пришли персы, за ними, кажется, македонцы, потом египтяне, за ними селе... селвкиды, не знаю кто это, но название запомнил красивое, потом вновь иудеи, наконец Рим, и вслед за ним – Византия. Но явились мусульмане. Некий Умар-ибн-Хаттаб осадил Иерусалим с немалым войском и вынудил к сдаче, при условии, что приняв капитуляцию, запретит разрушать христианские церкви. Свое обещание он сдержал, но не сдержали его преемники. Начались гонения на христиан. Немало построек было разрушено и предано огню, и лишь потом, со временем, все отстраивалось, восстанавливалось и в целом дожило до наших дней.

А уж людей тут побито! Один Аль-Хаким би-Амруллах – разрушитель храмов чего стоит. А другие? Да и наши хороши, в случае успеха во Славу Господа так мусульман ре-

зали, что кровь в мечетях по щиколотку поднималась. И не всегда мусульманская. И не всегда в мечетях. Ну, скажите на милость, какой добрый католик отличит, допустим, копта от турка-сельджука, или будет в кровавом угаре разбираться яковит ты или не яковит? Правильно никто разбираться не будет. Просто зарежут и все, если не сможешь сам себя защитить. И вещают потом с самым серьезным видом: «Материя, из которой сделан крест недорого стоит, если ее продать, но если нашить ее на верное плечо, она стоит царства Божия». Ладно, отвлекся опять.

Крепость появилась подобно миражу на следующий после Ахмедова рассказа день. Естественно мы с Гарольдом вызвались Крепость осмотреть. Нет не из праздного любопытства, наш работодатель бы этого не понял, а исключительно на предмет нахождения в крепости, либо в ее непосредственной близости, очередной засады угрожающей нашему добрейшему купцу. Германец еще и золото искал, мечтатель. Тем более, что других желающих не нашлось. А те, кто не желал, провожали нас странными немного печальными глазами и о чем-то шептались между собой.

Более того убедившись в искренности нашей заботы, Зибанежад даже выделил нам четырех сопровождающих лучников-египтян, которые к затее с осмотром крепости отнеслись не слишком восторженно, но вынуждены были подчиниться приказу. Чтобы хоть как-то их приободрить я пообещал им, что в саму крепость они не пойдут, а будут ожидать,

снаружи, прикрывая нас издалека. После этого они воодушевились и глядели уже не так грустно.

Итак, мы двинулись. Погодка стояла та еще, ни облачка на небе, жаркое солнышко немилосердно нагревает все, что можно нагреть, включая наши несчастные головы, ветер улетел к морю, туда, где прохладная зелень вод, и катятся, катятся неспешные волны... Я помотал головой, морской мираж исчез, крепость с горой нет. Она казалась совсем небольшой, аккуратной, почти не разрушенной. И действительно словно росла из самой обычной горы. Все выглядело абсолютно мирно, и было не похоже, что крепость самостоятельно может, перемещается по пустыне, как ей заблагорассудится. Больно уж запущенным выглядело это место. И, согласен, довольно древним. Но, не зная вчерашней истории, никогда бы не подумал, что вижу что-то особенное, таких брошенных построек немало разбросано по белу свету. Что с того?

Тихо было вокруг, очень тихо. Мы расставили своих лучников на четыре стороны света, приказав орать, если что во все горло и не важно, пойдем мы их или нет, и медленно побрели в сторону головных ворот, которых вобщем-то и не было вовсе. Я прислушался к внутреннему голосу, но он молчал на счет возможной опасности. Я обменялся мнениями с Гарольдом и он подтвердил, что, похоже, местные суеверия настолько заморочили головы простым сарацинским обывателям, что они видят опасность всюду даже в старой никому не нужной наполовину разобранный крепости.

После этих слов я германца прямо зауважал, молодец, а то я переживал, что он такой же мистик, как и большинство его славных соотечественников.

Нет, ее конечно можно было бы восстановить, и при достаточном количестве копий тут даже можно было бы оставить гарнизон, но сейчас...

Мы вошли в ворота и остоленели. Пустыня осталась сзади, лучники, караван, Зибанежад, тревожащийся о сохранности товара. Все осталось там. Пред нами бурлил город. Восточный, богатый, наполненный красками. Люди, люди, десятки, сотни нарядных и оборванных людей, воинов и купцов, ходили, торговались, спорили...

Мы невольно попятнулись и все исчезло. Когда мы пересекли невидимую линию, то вновь оказались там, откуда и пришли. Посреди унылого пейзажа, среди развалин, с четырьмя испуганными купеческими лучниками за спиной.

Быстро переглянувшись, и осенив себя крестом, не сговариваясь снова шагнули внутрь крепости. И все повторилось, жизнь заиграла красками, и навстречу нам двинулся стражник с длинным копьём, и протянул нам руку и прогудел на чистом французском:

– Господа, рыцари, вы уж определитесь, сюда вам, или обратно.

Мы переглянулись и я сказал:

– Сюда...

х х х

Глава XVI

The Velvet Underground “Pale Blue Eyes”

явь

Никогда бы не подумал, что тематика крестовых походов так близка моим современникам. Сговорились что ли?

Данилович это понятно – диагноз, но Вениамин-то каким боком? Не ожидал от старинного товарища по карточным играм, не ожидал. Вот сколько живу, все не перестаю удивляться загадкам. Которые кроются в обычных на первый взгляд людях.

Есть у меня другой знакомый, Руслан, тоже с виду самый обычный человек, машинки стиральные ремонтирует. Так про него рассказали по секрету, что в детстве он стал жертвой педофила, а потом вырос, разыскал врага своего и отомстил. Око за око, короче, в смысле... Ну вы поняли. Ага. И такое бывает.

А Вениамин у меня образованный. С высшим, стало быть, образованием. В университете учился на истфаке. Это после он уже по строительной части пошел, как многие из нас, деньги то надо зарабатывать.

А так оказывается, мечта у него была, отыскать в недрах истории Реликвию утраченную, и потом путем сопоставле-

ния фактов найти ее на самом деле. И передать человечеству, нате, мол, пользуйтесь неблагодарные потомки. Так он тогда смысл жизни своей видел. Да, видать, не судьба.

А тут я, ну, и слово за слово разговорились. Очень он удивлен моими сновидениями оказался. И много мне интересного поведал по интересующему нас вопросу.

И про Иерусалим, естественно.

Оказывается, крестоносцы вступили в Иерусалим в 1101 году. Однако, захватив Святой Город, жить, там остались единицы. Тем самым власть Папы в Святой Земле удерживалась очень слабо. Уже через девять лет мусульмане и евреи, изгнанные из Иерусалима, добились разрешения оставаться на своих землях в окрестностях города и посещать Город, пока без права там жить постоянно.

Иерархия общества по возрастающей выглядела так – неверные – восточные христиане – католики – франки.

Например, яковитам или армянам разрешалось сохранять свою религию, но при этом считали еретиками и не разрешали даже приближаться к Гробу Господню.

А вот Рено де Шатильона уважали, боялись и ненавидели одновременно. В свое время он прославился тем, что откровенно пиратствовал, нападая на торговые караваны из Египта, направляющиеся в Святую Землю.

Про цены мне рассказал на товары в Святой земле. Оказывается, они были в то время значительно выше, чем в той же Франции, и тому, кто собирался воевать Гроб Господень,

приходилось, хочешь, не хочешь, все везти с собой. Во сне я видел, что в портах буквально громоздились горы пшеницы, ячменя, как грузчики вовсю катали бочки с вином, грузили на корабли оружие, арбалеты, луки, стрелы, подковы, наковальни, даже бревна грузили. С лесом-то напряженка была.

– Вполне возможно, что ты, Саня, там бывал в то время. Официальная наука сегодня подобная трактовка сновидений, не то чтобы признает, но и не отрицает, так, что все может быть, – говорил он, раскачиваясь в своем любимом кресле-качалке с пиалой водки в руках. Дома он водку пил исключительно из пиал, что выдавало его несомненное сарацинское происхождение.

Когда я намекнул ему об этом в первый раз по простоте душевной, назвав «чертом нерусским», он нисколько не обиделся, а покивав горбатым своим носом, принялся долго и пространно рассказывать свою генеалогию.

А там было что рассказать. Кого там только не было у него, и русские и евреи, и дагестанцы с лезгинами, даже загадочные ассирийцы поучаствовали. Везет же людям! Такое вот слияние народов. Ладно, засиделся, пойду. К народу пойду. На работу.

А наш народ что?

А веселится народ. Ликует народ. Наверное, оттого, что сны им не сняться никакие окромя эротических и на рельсы их никто не пихает до поры.

– А ты че, левша, Петрович?

– Но...

– Ух-ты, наверное, и дрочишь левой?

– Га-а, га-ага!

– Гаага, блядь. Заебали, придурки!

– Не расстраивайся, Петрович, пока есть, что дрочить, это хорошо!

– Идешь, ты пляшешь...

Люблю я эту бригаду, весело всегда и душой отдыхаешь.

А когда-то решили куклу резиновую купить, ну в смысле бабу для секса. Вскладчину, разумеется. Предложение было высказано настолько неожиданно, что я поперхнулся водкой и долго приходил в себя. Когда пришел, то увидел, что не только меня предложение застало врасплох. Многие мои верные товарищи отплевывались и дико вращали глазами.

Но самое интересное в том, что сам факт покупки ни у кого не вызвал неприятия, ключевым оказался вопрос производственной санитарии, в смысле гигиены труда. По деньгам прикинули, вроде нормально получается. Потом, Николай говорит:

– Проблема.

Все встрепенулись, типа «Чего там?»

– Мыть, кто ее будет? После употребления...

Тут консенсуса не оказалось вовсе. И близко. Тем самым дискуссия сошла на нет сама собой.

Действительно, проблема! Рядились, рядились, ни черта не придумали. Решили, что на хуй баба резиновая не нужна.

Еще водки взяли и на том успокоились.

Есть еще Сеня у нас. Шахматист. Играет правда вообще оригинально. Ставил рядом с доской рюмку и открывал бутылку. Предлагал сопернику пить после каждой взятой фигуры и получив согласие начинал «играть». А играл Сеня виртуозно. Ни одной фигуры, да что там пешечки не уступал. И таким образом ухитрялся убивать все 16 фигурок противника. Вместе с королем. Короля уже совершенно пьяным убивал перочинным ножичком. Вытягивал ножичек из кармана, усмехался кривенько, раскрывал его и легонько королька – тук! И смеется, остатки водочки в рюмашечку вытряхивая. Такие вот Авербухи!

Или, допустим, засиделись ребята после работы. Все разошлись, кроме Крашеного, а тот, надо сказать такой злой в этом деле тип, что пока не нажрется в усмерть никогда не успокоится, один раз на пол упал и плыл, как по реке, потом руками по полу сыграл и утонул. Так вот ушел же вроде вместе со всеми, Крашенный наш. Нет, сделал круг по улице и вернулся в раздевалку. Да не один с другом каким-то бомжеватым, хотя рупь за сто дам, что с другом этим, он там же на улице и познакомился пять минут назад. Бутылку взял, у друга денег, конечно же, не было, ну или сказал, так. Стали пить ее, короче, переклинило мужика. Видимо решил, что как раз конец рабочего дня, снова, и надо душ принять, стал раздеваться догола. Короче, когда Петя-дежурный, это который у нас самый здоровый, пришел на ночную смену, а он

обычно рано приходит всегда, потому как поездник, то обнаружил в раздевалке странную сцену. Сидит на лавочке незнакомый тип, и молча с испугом, смотрит на абсолютно голого Крашеного, который своим удавом на уровне лица незнакомца размахивает и распинаяется вовсю, крича при этом:

– Я таких ебал, что тебе и не снилось! Понял? Я кого хошь выебу в момент!

Ну debil, что с него взять?

Петюня же парень простой, как гаркнет с порога:

– Ах, вы пидорасы ебаные, а ну вон, на хуй, с раздевалки!

Гостя, говорит, как ветром сдуло, правда, вместе с бутылкой, он ее сжимал судорожно, в испуге и смятении не выпустил, истинный ариец оказался.

А Крашенный повел себя странно, в ладоши захлопал и на освободившуюся лавочку упав, мгновенно отрубился.

И такое бывало.

х х х

сон

Мы медленно двинулись в город. Он ослеплял, он подавлял, а может быть, все это было у меня в голове. Я отчетливо понял вдруг, что это тот самый сон во сне. Что так не бывает, даже в сновидениях. Не бывает и все тут. Стражник даже не взял с нас денег за вход, а только загадочно улыбнулся в усы

и пропал. Наверное, он куда-то отошел, но мы так были очарованы открывшейся картиной, что нам уже было не до него.

– Где мы? Ты что-нибудь понимаешь? – Гарольд привел меня в чувство этим простым, но вполне закономерным вопросом.

Отвечать не имело смысла. Одно я знал, это не было Францией и Испанией это не было. Я просто двинулся по довольно широкой улице вслед за какими-то пышно украшенными носилками. Германец последовал за мной.

Вдоль улицы тянулись аккуратнейшие домики европейской архитектуры, но что-то в них было не так все равно. Гарольд увидел симпатичный фонтан с маленьким бассейном и дико расхохотавшись бросился к нему и, упав на колени, принялся пить довольно отфыркиваясь. Пить хотелось и мне, но я не спешил. Кто-то дернул меня за рукав. Черноглазая и чернокожая девчушка в белоснежном фартуке тянула меня за рукав и что-то бормотала на непонятном для меня языке. Судя по жестам, которыми она указывала на Гарольда, я понял, что вода в фонтане явно не питьевая. Я пошел вытаскивать германца из фонтана, и когда мне это удалось, она уже поджидала нас с кувшином холодной родниковой воды.

Напившись, я протянул ей медную монетку, она поблагодарила и спрятала монетку в кармашек фартука, потом как-то чересчур внимательно поглядела на меня и, забрав кувшин, вернулась в дом. По-моему она выглядела расстроен-

ной.

– Эй, черноглазая! – крикнул я, она не обернулась. Рядом отфыркивался Гарольд, вода сбегала с его рыжей бороды, одежда была насквозь промокшей, а настроение судя по довольному выражению лица, превосходным. Я швырнул вторую монетку в бассейн, и мы пошли дальше.

– Как тебе? – спросил я.

– Отлично! – откликнулся Гарольд.

Вскоре мы вышли на дворцовую площадь. Именно сюда стекались горожане и гости. По всему было видно, что ждут некоего зрелища. Нам ничего не оставалось, как присоединиться к толпе и ждать. Самое интересное, что все мысли о караване и ожидающем нас Зибанежаде словно смыло морской волной. Это я сейчас уже понимаю, вспоминая те ощущения, в какой-то момент прошло и удивление по поводу нашего более чем странного путешествия, и прочие неясности отступили, и я Гарольд чувствовали себя тем, кто мы есть и в то же время, не тем что ли. Не проходило ощущение того, что все это просто странный красочный сон. Мы спим?

А потом. Трудно подобрать слова к необъяснимому, но все-таки я попытаюсь. В какой-то момент я почувствовал, что внутри меня что-то толкнуло. Это было ни с чем несравнимое ощущение, но я понял, это неспроста. Мягко, но настойчиво мне давали понять, что наша прогулка несколько затянулась.

Ноги сами понесли меня в сторону ворот, назад. Я погля-

дел на Гарольда, он, молча, шел рядом, но крепко прикусив губу, видимо и с ним происходило нечто подобное.

– Ты понимаешь что-нибудь?

Он отрицательно покачал головой, и чуть позже произнес:

– Я так и эдак пытаюсь повернуть свои чертовы ноги к площади, но ничего не получается.

– Похоже, мы заигрались.

– Это с нами заигрались, – Гарольд потянул из ножен меч, но передумал.

– Давай сэкономим силы и пойдем туда, куда нас приглашают.

Германец наклонился ко мне и шепотом спросил:

– Ты думаешь это они?

– Кто?

– Как кто? Демоны... Те, кто построили все это...

– Все-таки демоны?

– Не знаю, потому нам надо быть готовыми ко всему. Чего мы сюда пошли? Эй! – он выпрямился во весь свой гигантский рост и тронул за плечо какого-то горожанина в одетого в серое.

– Ты кто?

Горожанин приветливо улыбнулся и выскользнув из-под Гарольдовой тяжелой длани ловко ввинтился в толпу.

– И зачем мы сюда полезли...

Я промолчал, продолжая двигаться туда, куда сами собой несли меня ноги.

Незаметно мы добрались до ворот. Все тот же стражник, кусая ус, лукаво спросил:

– Уже назад?

Черт бы меня побрал, но он откровенно насмеялся. Я уж было совсем хотел было остановиться и разобраться с этим прощельгой, и выяснить не из Гаскони ли он, но ноги, которые перестали быть частью меня, вынесли меня из ворот и все исчезло...

х х х

Глава XVII

Cream “White Room”

явь

– Вот, Саша, это здесь. Смотри... Переговоры велись с представителями императора Алексея. Совсем еще молодого на тот момент человека. Решив поднять боевой дух защитников города, Алексей со свитой продефилировал вдоль стен Константинополя на десяти галерах. Ммм...

Однако видом юноши-императора народ вдохновился мало. Своя рубашка считалась ближе к телу во все времена. И уже 5-го июля войска крестоносцев высадились в предместьях Пера, расположенного на противоположной от сто-

лицы стороне залива Золотой Рог, и в тот же день начался штурм Галатского бастиона.

– Галатский бастион, – пробормотал я словно эхо, зажмурился и снова услышал как с мешковатым звуком падают со стен мои товарищи, – мне что-то снилось похожее, но раньше, много раньше... и что было потом?

– Сейчас, ага, вот... На следующий день галерам объединенного войска удалось порвать цепь, которая перекрывала вход в залив и уничтожить находящиеся там вражеские корабли. После этого была произведена высадка десанта в Галате.

Еще через день, седьмого числа пала Галатская башня, увидев это, уцелевшие защитники Константинополя, не принимая боя, отошли за основную городскую стену и укрепились там.

Крестоносцы стали лагерем напротив Влахорианского дворца. Воинов разделили на семь отрядов и принялись одновременно атаковать город и с суши и с моря.

Обороной же руководил Феодор Ласкарис – будущий никейский император и зять Алексея...

«Очень приятно, Феодор...»

В ушах у меня звенело, и этот звук напоминал вибрацию отпущенной тетивы. Данилыч спросил, нормально ли я себя чувствую. Я ответил, что да, нормально. Он снова углубился в книгу.

А какое там нормально? Вчера в футбол набуцались ...

Пошли на футбольное поле. В депо у соседей есть. Так себе полянка, но ворота имелись. Пospорили. Казик вычитал в газете, что на тренировках некоторые клубы отрабатывают интересный формат при фланговых атаках. Норматив – 40 голов за 12 минут. А Гоги сказал, что он 50 ввалит без проблем, только надо, чтоб кто-то подавал хорошо. В одну точку. Выпили, разумеется, за дружбу народов и тут я вспомнил, что являюсь прекрасным фланговым подавальщиком всех времен и тех же народов.

Ну и пошли. Мяч взяли у машинистов, у них в дежурной смене, дежурный мяч был всегда и пошли.

Ох, мы и набуцались! Какие там 50 голов, какие там 12 минут. Было уже под вечер, но духота стояла страшная. Хорошо, газировку взяли. Нет, пять минут мы отбегали четко, я подавал, как мне кажется даже неплохо, но Гоги все никак не мог подстроиться под мои подачи, то ему выше надо было, то ниже. Нет, один гол он конечно забил. И то, потому что вратаря не было. Казик так и не вспомнил, с вратарем это упражнение выполняются, или нет. Решили, что лучше без, а то в норматив не уложимся. Но все равно не уложились, да и фиг с ним.

А я задумался, между тем. Когда-то, путем длительных рассуждений и экспериментов, я вывел породу людей, довольно редкую, заметьте, и назвал ее – рыцарь безжалостный. В какой-то умной книжке я вычитал, что-то насчет того, что рыцари благородные часто гибли по собственной

неосторожности, будучи зашоренным понятиями и принципами собственного благородства. Проще говоря, когда отказывались добивать поверженного противника и получали от него смертельный удар в спину. Так вот, дабы избежать подобного и сохранить рыцарство как вид, сии представители эволюционировали в Рыцаря безжалостного. Далее додумайте сами, ибо смысл сего пассажа понятен. Они не подставляли спину и не оставляли врага за ней. Они уничтожали его. И Клемент мой того же плана мужик. И думай теперь, то ли мои мысли на сновидения записались, то ли его ко мне через ноосферу, или что там...

Эта же психология перенеслась и на их отношения с женским полом. Ибо, как у нас по классике. Дама сердца имела над Рыцарем Благородным власть неограниченную. Просто по тому, что сей достойный самец сам же и вознес ее на некий пьедестал и сам же себе, заметьте, поклялся ей в вечной любви и может быть верности.

Отсюда и все проблемы, которые возникали у Рыцарей Благородных с противоположным полом.

Рыцарь же безжалостный моментально расправляется с предметом своей страсти в тот же миг, как только дама сердца со свойственным большинству женщин цинизмом перестает соответствовать его рыцарским представлениям о том, кто именно должен находиться на построенном им пьедестале. Именно так, безо всякой жалости и последующих за тем душевных терзаний. Грубо говоря – не соответствуете, де-

вушка занимаемой должности – будьте любезны на выход. А там уже выбор мести на усмотрения рыцаря.

– Вот Саша послушайте! – Данилыч водрузил на нос очки и взял в руки книгу. Кот прошелся по столу и спрыгнул на пол.

– Средневековые мусульмане так хорошо представляли себе все детали конца света, что арабский хронист Ибн Касир смог закончить свой исторический труд «Начало и конец» описанием грядущих событий. Во времена крестовых походов многие мусульмане верили в то, что конец света наступит тогда, когда на западе встанет черное солнце, а за ним последуют варварские орды Гога и Магога. Потом эти орды исчезнут, согласно одному описанию, составленному в XII веке в Сирии, перед тем как уйти дальше на восток, они выпьют всю воду из Тивериадского озера. Вслед за Гогом и Магогом придет одноглазый Даджжал, читай – Антихрист, который проедет по Палестине на осле в сопровождении свиты из семидесяти тысяч евреев. Даджжал совершит множество лжечудес и установит свое царствование. Но через сорок дней, читай сорок лет, ммм... с небес спустится Иса, убьет Даджжала и призовет все народы обратиться в ислам. Затем солнце зайдет на востоке, прозвучит первый сигнал трубы – и все живое умрет. При втором звуке трубы все люди, мужчины и женщины, когда-либо жившие на земле, воскреснут и придут на суд в Иерусалим.

В некоторых версиях дается несколько иная хронология

событий и роль Исы отводится Махди – человеку, «ведомому» Аллахом, обновителю веры. Он появится за несколько лет до страшного суда, убьет Даджжала, установит на земле справедливость и силой возвратит людей на путь Аллаха; его короткое царствование, от 3 до 9 лет будет царством изобилия. После этого наступит воскресение мертвых и страшный суд.

– Это у всех так примерно, в смысле религий. Описание Апокалипсиса по большому счету совпадает.

– Ну не совсем...

– Не совсем... Пойду я Данилыч, устал что-то, опять же семьдесят тысяч евреев, где-то собрать надо. Пока то, пока се...

х х х

сон

В свое время некий Роберт Сент-Олбанский перешел к Саладину и принял ислам. Ему были оказаны многие почести, и он даже командовал отрядами султана, но, увы, перебежчиков не любили во все времена, и, насколько нам известно, особого уважения у своих новых партнеров, скажем так, он не снискал. Мусульмане не приняли его. Он не стал своим у них, и перестал быть своим у христиан.

Другой гасконский рыцарь молился в Сордском монасты-

ре, прося у Бога помощи в поисках убийцы брата. Бог внял его молитвам и вскоре убийца был найден. Рыцарь заманил убийцу в ловушку, поквитался с ним, а тело жестоко изуродовал. Расчленил, скажем так. А по завершении процесса презентовал монастырю, в котором творил свою молитву, окровавленные доспехи убитого. И монахи приняли дар. Это тоже было в порядке вещей.

А некий Роберт – герцог нормандский перед тем, как отправится в первый крестовый поход, заложил королю английскому Вильгельму Рыжему все свое герцогство со всеми, так сказать, потрохами. Интересно только были ли они подвержены подобным видениям? Наверное, было, оторопь все никак не проходила, и только мощный хлопок по плечу от Гарольда привел меня в чувство.

Вокруг снова был знакомый пустынный пейзаж, с виднеющимся вдали караваном, сзади развалины замка. Отъехав на несколько шагов от ворот, я истово перекрестился и заметил, что Гарольд занят тем же. Воистину религия приходит к нам на помощь при встрече с необъяснимым. Клин клином...

Наши кони, как ни в чем не бывало, стояли неподалеку. Кажется, даже паслись. По крайней мере, Арк подмигнул мне и негромко всхрапнув, принялся поедать какую-то колючку.

– Прочь отсюда! – крикнул германец, и мы вскочили в седла.

По пути назад к нам присоединились лучники и на на-

ши расспросы отвечали, недоуменно, что да, видели нас бродивших среди развалин, а потом мы углубились и пропали из виду. На вопрос о том, как долго нас не было, отвечали несколько минут. И это тоже было странно, так как, по моему мнению нас не было около часа. А Гарольд считал, что и того больше. Но мы, естественно, не стали говорить об этом нашим спутникам.

Добрались до каравана. На вопрос Ахмеда, мол, что там? Мы ответили дружно, не сговариваясь:

– Да так, ничего.

– Особенного.

– Развалины, жара.

– Противно.

Ахмед глубокомысленно кивнул, погладил бороду, при этом смотрел на нас странно, но промолчал.

– Кончился привал, выступаем, – сказал я ему, и он удалился, по ходу раздавая команды резким своим и противным голосом.

Все занялись своими делами, я люблю, когда все занимаются своими делами, и нас оставили в покое.

До вечера все было спокойно, мы ехали рядом и большую часть пути молчали. Каждый думая о своем. Мне не давала покоя мысль о том, что это дьявольское наваждение, или же наведенная иллюзия, а быть может дверь в иной, отличный от нашего мир. Или в прошлое? Трудно объяснить необъяснимое. И вообще жить трудно.

Насчет иллюзий, я тоже был немного в курсе. Мой старый друг Гийом, когда-то показал мне одного Мастера. Мастера Иллюзий, как он его назвал. Этот ничем не примечательный внешне человек творил удивительное с окружающими нас привычными вещами. А как оказалось потом, все это просто было в моей голове.

Гийом объяснял это особым Даром, которым обладал этот человек. Но помню, поразило меня это представление необычайно. Кто знает, может среди наших случайных попутчиков как раз и скрывается некто подобный тому Мастеру?

Тот же Ахмед, или этот... не знаю, как его кличут. Все время молчит и глядит по сторонам своими страшными обведенными черными кругами глазами. Кто знает. А может мои новые друзья монахи так развлекаются. Те еще бенедиктинцы. Я не особенно разбирался в религиозных вопросах, но ходили слухи, что эти парни не только молятся в своих монастырях, но помимо служения занимаются еще и массой интересных вещей. А мои новые знакомцы еще и статус имели особенный, и могли уметь такое, что простому смертному не только не под силу, но и в голову никогда не придет. Так что...

Гарольд отвлек меня от этих мыслей тем, что сказал:

– Смотри!

И я посмотрел...

Isotope “Illusion”

Глава XVIII

явь

Курили мы под рекламным плакатом. Молчали.

– Зумба, йога, пилатес... – рачно прочитал вслух Александр. – Саня, а ты не знаешь, что такое пилатес?

«Типа ты знаешь, что такое зумба...» – подумал я про себя, но вслух озвучил следующее:

– Это Александр, пилатство по-нашему...

– Сам ты Александр... Как это?

– Произошло от Понтия Пилата. Курсы для начальства специальные. Пилат он как делал? Типа друг ты мне Иешуа, но я тебя казню, в смысле накажу. Так вот . Потом это все в целую науку вылилось... Как нами руководить. Чтоб и вроде как дружить, а по работе наказывать...

Санек помолчал, докурил, выбросил бычек и резюмировал:

– Пиздобол...

– А пиздобол Санечка, это вид спорта такой. Типа футбол, баскетбол...

– Иди уже...

– Яволь! Можешь называть меня балагуром! – гаркнул я так, что какая-то барышня в испуге шарахнулась в сторону. Я тут же перешел на французский и произнес:

– Пардон мадам! – после чего барышня ускорила и исчезла за ближайшим углом. Не любят меня сегодня, а зря. И ведь не эксгибиционист какой-нибудь, а ничего себе вполне, мужчина.

Вообще-то самогон я не люблю. Пить, пью, но нехотя. Водочка другое дело. Но живем мы во времена сложные и непонятные, потому уж если Бог послал самогонки, будем ее пить и нахваливать. Нет, есть, конечно, такая самогонка, что... Вкусная короче, но такую, я называю ее коллекционной, люди делают для себя. А тут... А еще у меня был воображаемый друг. Даже несколько. Но основной – один. Шурик. Это я тоже шутю, он реальный, но все равно как воображаемый, правда, этого не объяснить. Короче Шурик вышел как-то в ночь с легким запахом перегара и с таинственным видом. Развязался. В очередной раз. Вообще-то не понимаю я этого, завязался, развязался. Понты это. Пьешь уже, так пей. Все беды от понтов. Анекдот вам в тему. Идет как-то Леша Попович по Киеву. Слышит звуки чудесной музыки. Подходит к площади, а там толпа. Раздвинул толпу, прошел. Глядит, а там Садко с гусями. И такой весь загадочный. Ударит по струнам и замрет, опять ударит и балдеет. А все вокруг: «Ох! да Ах!» Посмотрел Алеша на эту канитель и как даст музыканту по сусалам, тот и покатился в пылюку. Полежал

немного, встал, утирается и говорит обиженно:

– Чтож тебе Лешенька, или музыка моя не по нраву, или песни мои?

– Да все мне по нраву, – отвечает богатырь, – но вот эти твои понты...

Так вот как-то. Вот. Вышли мы значит в ночь. Шурик мой подмигивает мне и молвит... Тьфу ты, в смысле говорит:

– Я самогончика взял бутылочку, на всякий случай...

– О! – ответил я.

Решили попробовать. Вкус... Что тут можно сказать. Таблица Менделеева отдыхает.

– А она нормальная? – спросил я, когда снова смог говорить.

– Нормальная.

– А зрения не лишимся? А то у меня один товарищ...

– Мммм ... – замотал головой Шурик, – ни в коем случае, точка проверенная.

Налили еще по одной.

– Кем проверенная? – через минуту-полторы продолжил расспросы ваш покорный слуга.

– Людьми...

Влупили по третьей и пошли работать. Целую ночь скажу я вам братцы, я реально прислушивался к своим ощущениям. Вспоминались страшные рассказы знающих людей про все эти метанола-этанола с нитратными группами. Шурик тоже больше молчал и было, похоже, что он тоже прислуши-

вається к чому-то всередині себе. Так і до половини п'ятого допрацювали. А-ну, кришки з підшипників знімати, а кожна кілограм по сто вагом, ну по сто не по сто, а по сьомдесяти точно. Так вель і незручно же... Да смазку старую вынь – новую положи, да вымой все. Короче кропотливая тупая работенка. И тут вдруг, ни с того ни с сего, свет в моих глазах померк. То есть совсем. Нет, я потом конечно понял, что это кто-то с освещением играет. Но тьма вокруг кромешная. И кровь в голове: бум-бум... Я так и замер о отверткой в руке. С грязными и жирными от смазки руками. И первая мысль самая страшная: «Все, блин, отбежался». И тьме вокруг. И тут еще Шурик со стоном таким:

– Саня, Саня... Я ослеп...

Тут меня на смех пробил, но стою молчу. Терплю.

Потом говорю:

– Я тоже, ебаный твой самогон...

– Суки!!! – заорал Шурик в ответ, и тут свет включился.

Надо было видеть его рожу. Я уже не мог больше сдерживаться и не засмеялся, а как у нас говорят, заорал.

– Суки!!! – еще громче завопил напарник и швырнул об стену гаечный ключ на 27.

А на самом деле все было нормально, это наш диспетчер подавал нам аварийно-оповестительный сигнал о том, что пора прекращать работу и готовиться надо на выход. Шабаш. И честно скажу допивать мы эту гадость не стали. Страшно, но об этом никому... Чу.

После ночи домой спать я не поехал. Свидание у меня. С целью потрахаться. Договорились мы со Светой, на утро. Она как раз после смены. А там руки. Из шкафа. Бррр... Но обо всем по порядку. Теперь уже спешить некуда. Светка, она молодец, она мне друг. Как там...

Они сошлись вода и пламя. Одна лишь разница была меж нами, что в детстве я любил дергать девочек за косички. А она мальчиков за яички.

А чудеса началось с одного фраера в электричке. Не люблю таких. Лет уже явно за пятьдесят, а все под Солженицына канают и иже с ними. Мол, все херово, ну с этим я, допустим, согласен, но при этом с таким видом на тебя смотрит, словно только он это понимает, а все остальные и не люди вовсе.

Едет такая херня в вагоне и не сам, а с товарищем. Но товарищ, слава Богу, из наших, из синих. Сидит, слушает гандонов треп, во весь рот зевает, мечтает о водке. А тот, сука, соловьем заливается, нашел типа, благодарного слушателя. «Упаднический шовинизм, подростковый онанизм...» – и все в таком духе. И руками машет, что мельница. Есть же вот люди такие, что любят руками при разговоре помахать, или пуговицу собеседнику открутить, или еще какое членовредительство учинить. Домахался фраерок, до того, что в момент торможения с места сорвался и на меня валиться начал. А я ему что? Вешалка? Как заору:

– Стоять!

Он дернулся, глаза выкатил и еще сильнее в куртку мою

вцепился. Опешил, курва. А я опять:

– Руки, блядь, убрал,– и еще для эффекта почти по Зощенко, – понажираются с утра и ездют, и ездют...

Тот выпрямиться пытается и кряхтит:

– Да как вы смеете, я приличный человек!

– Ага, охуительно! – и товарищу его подмигиваю тихонько, и верите, нет, тот лыбу давит и мне в ответ подмигивает. Видать не только меня достал диссидент хренов. Тут женщина какая-то влезла с комментарием:

– Пьянь, когда вы уже полопаетесь. Нигде от вас спасу нет! С утра готовые...

Интеллектуал наш, наконец, выпрямился, отпустил предмет моего гардероба и переключился на женский пол:

– Ты еще старая кошелка заткнись!

Ага, уже, заткнулась...

– Он еще и обзывается! Молодой нашелся! Из-за вас педерастов страну просрали, так он еще и обзывается!

– Мужчина на женщину б постеснялись ругаться! – это какой-то солидный дед выступил из глубины вагона.

– Та он и на мужчину не похож, вон к молодому человеку пристает, пидор!

Ну, а дальше классика: «Это я пидор?» « Это сам ты пидор!» И в таком духе и таком разрезе, я б с ними еще поспорил, но мне выходить уже нужно было, потому я и покинул это забавное место. А дальше уж как положено, если не задался день с утра...

Сидели у Светки, все нормально, выпили, закусили, покурили. Пора бы и к делу переходить, а я все тяну и тяну. Хорошо мне сделалось, смотрю вокруг, вроде все по делу, и женщина интересная, а как-то лень. Дай думаю еще по одной, А там и еще... Досиделся до того, что подружка моя к насилию прибегла, ну я и не сопротивлялся сильно, а потом уже в наступившей тишине, на границе сна слышу звуки какие-то странные. И вроде как из шкафа.

– У тебя там мыши что ли? – спрашиваю. А та тоже в эйфории лежит голая, пьяненькая и смеется.

– Какие на хуй мыши?

– Обычные, – говорю, ты в шкаф давно заглядывала? Они ж там голодные наверное.

Встает Светлана, подходит к мебели, за дверцу берет тянет, а та не открывается. Меня на ха-ха пробило, кричу:

– Заперлись суки!

Она за дверцу сильнее потянула, а с той стороны руки! Волосатые! И дверцу не пускают. Света орать, я, по-моему, тоже. Самое смешное, что не ее спасать кинулся в первый момент, а за трусами потянулся. Во как! А потом уже к шкафу. Стул по пути прихватив, дверцу рванул, а там мужик сидит. С руками волосатыми. С виду не сильно здоровый, так себе, обычный. И плачет.

– Кто это? – спрашиваю охренев.

Хозяйка, когда способность к речи обрела человеческой, тоже всплакнула от нервов и говорит:

– Владик, а ты что тут делаешь?

Тот молчит.

Я труссы подтянул, на стул уселся и говорю грозно:

– Таак! И кто тут у нас?

Хотя все уже понял, это бывший ее, хахаль. Они вместе жили, у него видимо ключи остались, вот он и зашел по какому-то вопросу, а тут мы. Он видимо не захотел чтоб видели его, вот и принял решение. Светка молчит, Владик тоже, только всхлипывает, чувства у него к Светлане остались. Плюнул я, мне эта картина и без объяснений их чмошных понятная стала, встал, оделся и ушел с достоинством, бросив на последок:

– Сами разберетесь...

Никто меня, слава Богу, не провожал и более того не преследовал. А дома я сразу спать завалился. Под Сузуки, кажется...

х х х

сон 0018

(сон во сне)

– Приветствую тебя, брат! – Гийом уже спешил мне на встречу. На нем была просторная туника, и он походил в ней на какого-нибудь ученого грека. Высокий лоб, аккуратно зачесанные назад волосы, вот только нос обыкновенный, не

греческий. Я бы сказал. Лангедокский.

– И тебя приветствую, отринувший мир,– сказал я отдавая салют.

Гийом засмеялся, и потащил меня в дом. Разумеется, в свою библиотеку, свою нору и убежище.

– Ну уж, прямо и отринувший!

– А это? – я обвел руками полки с книгами.

– Это иллюзия. Признаюсь, да, я частенько позволяю себе нырнуть в иллюзорный поток чужих переживаний и размышлений, отраженных на древних пергаментях, мятежные умы прельщают меня своей первозданной красотой. Ведь я считаю, что Разум, чистый Разум создал нас по своему образу и подобию. Так отчего же порою не погрузиться во все-ленскую реку разума, которая течет на страницах этих со-кровищ?

Гийом теперь сам обвел рукой книжные ряды библиотеки.

– Дорогой друг, я все это уже где-то слышал.

– Не здесь ли? – этот книжный червь даже позволил себе улыбнуться. Конечно, можно улыбаться, когда имеешь такой доход, и тебе не нужно тащиться через полмира в дикую сарацинскую страну.

– Именно,– я взял с подноса яблоко и откусил хороший кусок.

– О! – Гийом хлопнул в ладоши,– наш рыцарь проголодался? Сейчас я прикажу подавать обед.

– Пустое, – я вяло отмахнулся,– не суетись. Мне нужно...

– Все потом, потом.

Хозяин уже отдавал приказания, и мне пришлось подчиниться, если откровенно, то и не без охоты. Я хотел порыться в библиотеке, чтобы найти хоть какие-нибудь упоминания о Реликвии, или если повезет осторожно распотрошить своего друга на эту тему. Правда от этого змея не ускользнет ничего, в том числе и мой интерес к вопросу, но что мне оставалось делать?

Однако у моего старого друга были совершенно другие планы. Сегодня он решил меня удивлять.

Об этом мне сообщили за обедом, который начался незамедлительно и как всегда был необыкновенно кстати.

– Скажи, – обратился ко мне Гийом, в его лукавых глазах была припрятана усмешка, – что знаешь ты об Иллюзии?

Он выделил это слово, и я это понял.

– Иллюзия и иллюзия, горячечный бред, еще у пьяных случается.

– Так. Еще.

– Видения, наверное, сны...

Гийом хлопнул в ладоши.

– Прекрасно! Именно сны. А ты никогда не задумывался, что есть их сутью?

– Да нет.

– А зря, я задумывался, а вообще есть люди, для которых это профессия.

– Сны?

– Именно.

– Очень забавно. А что есть и такие?

– А как же. И один из них сегодня у меня в гостях. Пойдем.

У меня сегодня намечается небольшое представление.

Мне стало любопытно, Гийом всегда любил удивить чем-нибудь эдаким.

Мы воспитывались вместе и дружили в детстве. Только я имел склонность к оружию, а Гийом любил книги. Потом... жизнь моя круто поменялась, а Гийом оставался все тем же молодым аристократом, который мог ни в чем себе не отказывать и ни в чем себя не ограничивать.

Со временем он унаследовал немалое состояние своего родителя и занялся наукой и искусствами, притом, что при наличии толкового управляющего, а старик Карлен также достался ему от отца, это было не сложно.

Мы прошли в сад, сквозь долгую анфиладу комнат, и я снова мог с удовольствием смотреть на картины великих мастеров, развешанные по стенам этого нескромного жилища.

Действо происходило в затемненной комнате без окон в левом крыле дома. Мастер Иллюзий оказался генуэзцем, или где-то рядом, представили его как Габриеля. Публики кроме меня было совсем немного. Три надменного вида господина в похожие друг на друга выражением своих бесцветных глаз как близнецы. Одеты в дорогие ткани, но без роскоши. Нас представили, мы равнодушно кивнули друг другу и я тут же забыл их имена.

Скосив глаза на Гийома, я понял, что он наслаждается ситуацией и едва сдерживает хитрющую свою улыбку фавна. Мы расселись в удобные кресла, генуэзец поклонился и стал зажигать свечи. При этом он стал говорить, и как-то странно, каждую фразу от отсчитывал, помню, что выглядело это примерно так.

– Раз. Сон – это форма мысли, два – суть вещей – измененная ткань вселенной принявшая некую форму, три – силы высшего порядка изменяют форму вещей по собственному разумению, четыре – осознающий себя во сне может управлять тканью сна, пять – во сне мы подобны богам, шесть – семь – восемь-...

Он говорил и говорил, я чувствовал, что улетаю куда-то далеко... далеко...

Последнее, что я увидел перед тем, как погрузиться в пучину сна была шахматная доска, стоящая на маленьком инкрустированном столике...

...Точеная фигурка черной королевы на шахматной доске, бесшумно скользящая с квадрата на квадрат. Расчерченный серыми и белыми плитками пол только усиливал впечатление. Я внутренне подобрался, я был далеко выдвинутой белой пешкой, которую сейчас должны были съесть. Под моими ногами лежал истекающий кровью чернокожий воин, покрытый леопардовой шкурой и зажимающий руками рваную рану в боку. Его украшенное диковинными перьями копье валялось в пределах клетки.

И пусть уйду я в безвременье,
В тот край, что вечно спит во мгле,
Души прекрасное спасенье,
Когда-нибудь приснится мне...

Не знаю, что чувствовали остальные семеро абсидиано-во черных, похожих на каннибалов воинов, но в горле у меня пересохло, они смотрели совершенно недружелюбно, хотя и оставались внешне спокойны. Тем не менее, наметанным взглядом старого ловеласа, я отметил, что Королева была чудо как хороша, даром, что черная, у нее были идеальные черты лица, жесткие курчавые волосы, под сверкающей темными рубинами короной, где каждый камень был размером с голубиное яйцо, а в глазах горел адский огонь. Она напоминала древних воительниц с фресок Египта и Карфагена, ее набранная из золотых колец изящная кольчуга хищно звякнула когда она пролетала мимо меня на жуткого вида животном, наряженном единорогом, но судя по негромкому ржанию все-таки бывшему конем. С рога украшавшего морду животного обильно капала кровь, а в трех клетках слева от меня истекал кровью молодой тамплиер, изображавший в этой партии офицера.

На мне был точно такой же белый плащ, в руках моих был каплевидный щит с изображенным на нем крестом, а в руках мой верный меч. Сзади подпирая меня, угадывались точно

такие же фигурки в белых плащах, но они казались ужасно далеко, словно в тумане.

Принцесса пролетела мимо меня и врезалась в мощную зубчатую башню, стоявшую на правом фланге. От удара, башня содрогнулась и от нее стали отламываться громадные каменные фрагменты. Они падали на доску и исчезали один за другим, пока не исчезли все. Через несколько, словно растянутых в пространстве мгновений на клетке, где произошло столкновение, осталась лишь висящая в воздухе тяжелая пыль и поднявшийся на дыбы черный единорог со своей великолепной всадницей. Она победно подняла вверх копье, черные воины издали леденящий душу торжествующий вопль и кто-то отчетливо произнес в моей голове:

«Мне нужна твоя кровь!»

Я вздрогнул и снова посмотрел на Королеву. Она тоже глядела мне прямо в глаза. Она не произнесла больше ни слова, но слова были уже и не нужны, я чувствовал исходящую из нее энергию, и странную тоску. Я чувствовал себя несчастной пешкой в чьей-то большой игре, но все это было уже не важно.

Я опустил глаза вниз и увидел клетки доски. Черная, белая, черная, белая...

х х х

Глава XIX

The Velvet Underground “Venus In Furs”

явь 0019

Сон во сне... Хм... Та еще хрень, и Гийом этот голубоватый. Однако и знакомые у моего, или как там его... А еще и дельце наклевывалось. Да... Сегодня предстояло ехать на шабашку, и если все сложится удачно, то в выходные я тоже буду с работой. Как не странно это радовало. Удивительное создание человек, постигает радость бытия через труд. Рабский.

Ну вот, скажите мне на милость, на хрена мне эта шабашка? Что я деньги там какие-то немереные заработаю? Нет. Немного конечно заработаю, как же тут без спортивного интереса? Ну, побухаем, ну время проведем с толком, и что? Надо, не надо, подрываемся и едем. И все это словно один бесконечный тоннель. Правда горит только местное освещение, да еще какая-то падла лампочки через одну повыкручивала, а в конце света пока не наблюдается.

Нашему человеку обычной работы мало, ему еще и приработок надо иметь обязательно, это вам не загнивающий запад, где свободное время люди проводят в праздности и тунеядстве, по Таиландам разъезжают да с трансвеститами хаятся.

Наш человек на основной работе отдыхает, по мере сил,

а работает на шашках и приусадебных участках. Таков уж наш менталитет.

Это у западников все наоборот. Такое впечатление. Что они на работу работать ходят. А у нас с этим все в порядке. У нас главное что? Прийти с работы живым. Ведь сколько опасностей подстерегает на каждом шагу ужас. Подвижной состав, который только и норовит человека, в смысле работника, переехать. А стрелки? А недостаточное освещение? Одни межшпальные ящики чего стоят! Чуть зазевался, не туда ступил и все, ноги, считай, нету. Это в лучшем случае.

Ага, а в понедельник соберемся бригадой и будем обсуждать, кто, как и где провел выходные. Как обычно выяснится, что все задолбались, ну очень сильно, ни хрена естественно не отдохнули, а потому работать сегодня ни в коем случае не будем, типа на хуй надо.

– Знаете, Александр, посмею утверждать, что наш мастер в последнее время стал изрядным снобом...

– Ага, и я заметил, он откровенно подзаебал...

Ну. Примерно в таком духе. Мне вот сюжетец недавно навеяло. Представьте себе сцену и спектакль для двоих. Ну, два актера всего в постановке занято. И оба несут пургу по философии. Один пускай классик по Канту или Ницше, суть не важна, а другой пускай что-нибудь из нового дискурса. Опять же не важно. Про смысл жизни и прочую лабуду. Все это долго и нудно. Декораций нет вообще. Голые стены и на стене дверь нарисована, но тут важно, чтоб так была нарисо-

вана, что зрителю сразу было понятно, что она не откроется никогда. Дверь из разряда тех офисных дверей, что когда идешь по определенному учреждению и ищешь нужный кабинет, двери дерг-дерг, дерг-дерг, а все заперто на хрен. И уже в конце коридора знаешь, что заперто, что это кладовка какая-нибудь для веников, а все равно ее дерг, и что? Заперто, конечно. Вот такая должна быть дверь. И чтоб попиздели философы два отделения, ни о чем, а потом, когда зритель уже засыпать станет, дверь эта невзрачная, рраз!!! И открылась. А оттуда мужик в кожанке и черных очках с пистолетом, автоматом, арбалетом, короче неважно с чем, бац-бац и оба философа – мертвые. Дверь закрывается Занавес! Какково?

Только начал я парням сюжет свой рассказывать, любят они бредни мои послушать, видимо от серых будней их это отвлекает, и тут оборотка приходит в лице Карпа Захаровича:

«Смирно! Строиться! Выходить по два-три человека. Пикет 83, два насоса не включилось, электрические уже там. И прививки от гриппа не забываем делать!».

«Да я уж делал!»

«Не ебет, всем сказали, там еще вакцина дополнительная, кто не сделает, выебу лично!»

И все это с милой такой озорной улыбочкой, типа сам все выходные в деревне с ногами на кровати провалялся, а не с лопатой в поле проторчал. Достал. И прививки эти достали.

И бредет зондеркоманда разбирать аварийный запас, и резиновые сапоги, и приглушенно переругиваясь и прикуривая на ходу, распихиваем по сумкам инструмент.

Неделя началась. Отдохнули.

После обеда, прошедшего в скучной невразумительной обстановке, поперлись в депо на склад. А в депо охрана.

Понабирают защитничков на базаре и стоят потом глазками лупают. «Покажи удостоверение, да покажи удостоверение!»

Один притомил, до самого не хочу. По три-четыре раза в день приставал. Уже ж и в лицо выучил падла, а все туда же: «Покажи, да покажи». Ладно.

Идем как-то с Леонтьевичем из КИПА, а на посту никого. Чудеса! Почти уже в домик зашли и тут вслед:

– Стоять!

Оглядываемся, а охранник сука камуфляжная из-за елок на нас зорко глядит и молвит человеческим голосом:

– Покажите удостоверения!

А сам штаны подтягивает, облегался значит за елками. Ну мы такого нарушения стерпеть не могли, конечно, Леонтьич и говорит:

– Вот смотри Саша, кто наше имущество защищает. Тут уже два грузовика с террористами на территорию заехало, а он сидит из себя пасту давит.

– Ага, – говорю я противным старушечьим голоском, – и по по мобиле триндит полдня вместо несения службы.

– Вот! – обрадовался Леонтьич, и взял на перевес воображаемое ружьишко, – а террорист он ведь какой нынче пошел?

– Какой? – интересуюсь.

– Умный, и опытный. – он в лоб на КПП не попрется, он заляжет в кустах и смотрит. Оппа, мобила зазвонила, оппа, охранник под елку в кусты присел. Он сразу... клац! – Леонтьич передернул воображаемый затвор.

Тут я включаюсь:

– Охранник услышал, подскочил, а штанишки то спушены! Он туда-сюда заметался. Куда прятаться?

– Через забор! – кричит Леонтьич снова прицеливаясь.

– Точно, через забор, он туда, а тут...

– Бабах!

Я закачался и медленно, словно тяжелораненый носорог пошел на охранника.

Тот в ужасе спрятался в домике, успев крикнуть:

– Клоуны!

– За клоуна ответишь! – грозно отозвался Леонтьич, и мы гордо пошли по своим делам.

На обратном пути удостоверения у нас не проверяли. В момент перехода границы юное чмо сделало вид, что нас вообще нет и зачем-то полезло под стол. Так-то, знай, падло устав караульной и гарнизонной службы!

Шли через базар наблюдали китайцев и прочих восточных людей, я сделал полезное наблюдение насчет того, что

китайцы потихоньку превращаются в евреев. Судите сами, во-первых они живут по всему миру, во-вторых там где они живут, они ведут семейный бизнес, в-третьих в случае начала чего-нибудь они моментально мобилизуются и непонятно где и в каком месте смогут произвести те или иные виды дестабилизации общества. Кроме того у них оказывается есть деньги. Они наполняют мир дешевым товаром, и не всегда понятно какими свойствами обладает та или иная вещь. А представьте платы на оргтехнике начиненные неким вирусом, или самовзрывающиеся, а потом по сигналу самовзрывающиеся в определенном месте и из единого центра? Не слабо? То-то же. Еврейскому господству приходит конец, из недр Тибета выходит Дракон. Красный с красным же удостоверением.

х х х

сон

...На сей раз нас атаковали всерьез.

Как раз тогда, когда Зибанежад, пожелавший от скуки пообщаться со своими телохранителями прокашлялся и испив из деревянной походной чаши освежающего холодного отвара принялся рассказывать:

– Однажды, Саладин вошел во взятый им город. Он восседал на дивной красоты жеребце, посреди окружавших его

эмиров. И вдруг одна женщина с истошными воплями прорвалась сквозь строй стражей и рухнула на колени перед султаном. Она просила разыскать ее сына, которого взяли в плен при захвате города. Мольбы этой христианки настолько тронули душу султана, что он положил ногу свою на шею коня и объявил эмирам, что не тронется с места, пока сына этой женщины не доставят сюда. И чтобы вы думали? Его разыскали и вскорости вернули матери.

– Дивные дела твои, Господи! – воскликнул Гарольд, которому я переводил и истово перекрестился.

Тут на нас и напали.

Это были не просто разбойники, а разбойники хорошо обученные, и еще я понял, что на сей раз, мы обречены сражаться. Случайно, или нет, они оказались здесь, но очень уж грамотно они произвели охват каравана, и лишили нас возможности всяческого маневра. И хотя навскидку силы были примерно равны, не было никакой гарантии, что у наших противников в скором времени не появятся союзники.

Проклятая крепость стояла там же где и была. А что с ней делается?

– Это люди Османа, – сказал Ахмед и добавил что-то про себя, из его интонации я заключил, что дела наши плохи.

– Кто таков? Разбойник?

– Да, он держит в страхе все караванные пути. Правда говорят, что он шагу не сделает без приказа Султана. И тот снабжает его всем необходимым. Только что-то мало их се-

годня. Не к добру...

Нам какая разница? Султан, не султан. Почему бы и нет. Хороший отряд на христианских пока владениях, чтоб не скучали христиане. Хороший ход.

– Отдайте купца и будете жить!

Он стоял весь в черном, крепко вбив ноги а песок и щурился разглядывая нас из-под белой, словно мертвой ладони. У него была черная борода и испрещенное морщинами и шрамами лицо. И волчий взгляд холодных глаз. Нет. Глаза не были холодны, они были словно замерзшая вода тысячетлетнего озера.

Переглянувшись с Гарольдом, мы двинулись навстречу, на переговоры.

Он втянул из кармана плотный мешочек из грубой ткани, развязал и протянул мне:

– Хочешь?

– Чего там? – опасливо спросил я.

– Грибы. Сушеные, – пояснил Гарольд.

– Нет, не буду...

– Как хочешь, – Гарольд меланхолично закинул в рот небольшую жменьку черных грибов и медленно задвигал челюстями. – А мне они сегодня понадобятся...

«Ого! – подумалось мне, – германец у нас-то не простой, сейчас наестся грибков своих и разбойников в раз покрошит самостоятельно!»

– Как зовут тебя? – подбоченившись спросил я по-араб-

ски.

– Хасан, – коротко, словно клинком рубанул, ответил человек в черном.

Гарольд дожевал грибы и шумно отрыгнул, араб покосился на него, но промолчал.

– Зачем он тебе?

– Много вопросов неверный, отдай и будешь жить.

«Я неверный? Сам ты неверный!» Как много диалогов здесь на востоке развивались по этому сценарию, ужас!

– А твои люди не побоятся прийти сюда?

Гарольд указал на толпу за спиной переговорщика, и страшно поглядел на разбойника. Я перевел.

С глазами германца творилось что-то невероятное, видал я эти штучки, но тут был особый случай, на Гарольда действительно стало страшно смотреть. Глаза его источали могильный ужас, борода встопорчилась, жилы на лбу надулись и запульсировали. А зрачки? Они расширились настолько, что глаз казался совершенно черным. Казалось сейчас, в сию же минуту с ним приключится припадок. Разбойник тоже все это понял и бормоча под нос что-то непонятное кинулся прочь. Его проняло до костей.

Лицо у этого Хасана перекошилось и пошло пятнами, на бегу он развел в стороны руки и вдруг резко хлопнул

Рябь какая-то побежала вслед за этим хлопком. Маревое. Не знаю как и назвать, только что-то двинулось в этом мире. Двинулось и потекло сквозь пустыню и сквозь нас...А

может это мне показалось. Резко стошнило, Гарольд, увидев мое удивленное лицо, захохотал, и я поспешил увести его, благо проклятый Хасан куда-то скрылся. Вот только что был на виду. А теперь раз и нету, и только строй всадников и их дурацкое улюлюканье...

Гарольд вынул из ножен двуручник и разрубил упавшее с телеги бревно. Как телегу не разрубил заодно, ума не приложу. Потом его вроде немного отпустило. Не знаю, я перестал за ним следить, у меня нашлись другие занятия.

Я скомандовал спешиться и более-менее грамотно расставил повозки и стрелков, юный египтянин попытался было что-то возразить, но я был не склонен к длительным беседам и просто швырнул его под повозку, приказав не высовываться, раньше времени, там он и исчез. Больше я его не видел.

Рядом танцевал Гарольд, он разделся до пояса и теперь ножом рисовал на груди какие-то узоры. Хороши в лесу грибочки, или берсерком по жизни, как говаривает незабвенный Гийом, любящий изящное словцо!

Меж тем все оставалось на местах. Строй разбойников, которые не решались атаковать, и наши оборонительные позиции слегка усиленные набирающим силу берсерком. В данный момент он танцевал некий сложный танец вокруг воткнутого в песок двуручника. В иной ситуации это наверное было-бы забавно, но сейчас, когда на тебя нацелено полсотни клинков... Не знаю. Все чего-то ждали.

– Эх, саиб, не надо было тут ночевать. Плохая примета, –

сокрушался Ахмед.

– Я в приметы не верю, – отвечал я.

– Они в тебя верят! – засмеялся Ахмед.

– Сейчас будут торговаться по-настоящему, зря он грибы съел, – сообщил Ахмед, – защити нас Аллах!

– Сходи, узнай у купца, чем мы можем пожертвовать из груза для спасения наших тел.

Ахмед возвел очи к небу и удалился.

Когда он вернулся с ответом, к нам уже двинулись новые переговорщики, Зибанежад обещал отдать каждого десятого верблюда с поклажей, учитывая, что животных было три десятка, отдавать пришлось бы трех, не думаю, что такое количество разбойников удовлетворится таким раскладом.

Я вздохнул и снова поехал навстречу. Один, Гарольд обеспечивал поддержку, кружа в своем бесконечном ритуальном танце. Кто его учил? Ноги б вырвать таким учителям!

Переговорщиков было двое, их лица под черными тюрбанами были закрыты платками, думаю больше от ветра, чем из-за боязни быть узванными. Бояться, они не боялись ни черта, ни дьявола, что становилось понятно при одном только взгляде в их пронзительные хищные глаза.

– Мы забираем все! – сразу и безапелляционно заявил один из них на неплохом французском, присмотревшись к нему поближе, я решил, что это определенно не араб, – и можете убираться на все четыре стороны. Аллах сегодня милостив.

– Заманчивое предложение, – ответил я, внимательно рассматривая собеседника, – и сколько человек ты желаешь положить в этих песках сегодня до захода солнца?

– О! Вы хотите отдать свои жизни, за этого жирного ублюдка Зибанежада?

«Ого, они даже знают имя купца! Впрочем, чему удивляться новости по пустыне разносятся моментально».

– Не знаю, на все Воля Божья! Это моя работа и я буду ее выполнять.

– Да, ты храбрец, нас вдесятеро больше! Прикажи своим людям сложить оружие!

– Нет, уважаемый, я прибыл в эту землю, чтобы найти немного славы и возможно денег, будем драться, тем более, что ты лжешь, вас от силы всемеро больше чем нас, а нас защищают повозки, и у меня хорошие стрелки. Пока вы доберетесь до купца, половина твоего отряда поляжет. Притом половина половины падет от двуручного меча моего берсерка. Учти, он очень дорого стоит, и привык отрабатывать вложенные в него деньги. Каждый второй... – я сделал многозначительную паузу и попеременно повел пальцем на одного, потом на другого, и повторил для вящей убедительности, – каждый второй. Или ты, или ты... Думай.

После этого развернул коня и насвистывая, поехал назад. Думаю, Гэлуэй был бы горд мною... Восток. Тут все как на базаре, не поторгуешься, не проживешь. Надо было выиграть время. Дорога тут наезженная, глядишь из Яффы кто-нибудь

да подъедет. Разбойников никто не любит, купеческая солидарность знаете ли...

Краем глаза я увидел, что переговорщики скачут по направлению к небольшой кучке всадников державшихся несколько в стороне от остальных. Видимо там и находился Хасан.

– Что? – набросился на меня Ахмед по возвращении. Он был очень недоволен, когда я поехал один. Гарольд не обращал внимания ни на кого. Я заметил, что глаза германца стали почти черными из-за расширившихся зрачков.

Я флегматично пожал плечами:

– Ждем...

– С наскака не выйдет у них, – пробормотал стоящий рядом со мной грузный охранник с опрятной седеющей уже бородой, спокойно жующий свою жвачку, – постреляют конечно, для того чтоб гонор показать и ускачат.

– Дай Бог...

– Выскочить бы сейчас, да порубить их! – запальчиво вскинулся паренек с едва пробивающимися усами, стоящий рядом с бородачом, но с другой стороны.

– Выскочи, порубай, – зевнув, ответил тот, – тебя самого порубают, рубака, не с нашими силами сейчас на рожон лезть.

– А что?

– А то, что сидеть надо пока сидится и молитву возносить, чтоб помощь пораньше подоспела, тогда с двух сторон и уда-

рим.

– Эх, а будет она, эта помощь?

– Должна... Район патрулируют рыцарские разъезды. Командует тут некий де Рошфор. Рано или поздно они доберутся сюда.

– Если только?

– Если только Крепость не выкинет коленце...

– Мда...

Такие вот разговоры. Солнышко меж тем припекало нещадно.

Как ни странно я был совершенно спокоен. Отчего-то пришла твердая уверенность, что все закончится мирно. Слава Богу, ждать пришлось не долго.

Когда все та же парочка выдвинулась вперед, я неспеша отправился навстречу уже абсолютно уверенный в том, что дело только в цене. Тем более, что танцы Гарольда понемногу стали сходить на нет и в конце концов он обессилено рухнул на песок, опершись спиной на ближайшую повозку.

Так и получилось, мы отдали три верблюда, и отправились дальше, Ахмед сказал, что провидение было на нашей стороне, я же считал, что с нас просто сняли плату за проезд, с соблюдением некоторых местных обычаев. Только и всего...

...но потом события стали разворачиваться с сумасшедшей скоростью.

Не прошло и десяти минут, как на склоне ближайшей песчаной горы появилась темная полоска, которая стала быстро

надвигаться на нас. Караван только-только пришел в движение. У нас не было времени даже развернуть повозки. Погонщики снова принялись с бешеной скоростью разгружать лошадей и верблюдов, а Гарольд невероятным образом, оказавшийся рядом, подтолкнул меня под правую руку.

– Сейчас повеселимся! – сообщил он подмигивая.

И откуда они взялись? Расстояние между нами и атакующими быстро сокращалось. Они были верхом на замотанных тряпками лошадях и похоже неплохо вооружены. В воздухе уже зазвенели стрелы.

Рядом вдруг оказался Франциско:

– Раздай паломникам оружие, – шепнул бенедиктинец, – они будут сражаться.

– Неплохая подмога! – ответил я.

– А сам будь начеку! Мы почти у цели...

Что-то в его голосе заставило меня напрячься.

– Ахмед! – крикнул я, – раздай богомольцам топоры!

– Это дело, – серьезно кивнул тот и началось...

Стрелки старались, как могли, но противников было как-то слишком уж много. Бой довольно быстро превратился в ближний, и началось совершенное веселье. Шальная стрела со звоном срикошетила от моего щита.

– И на все воля Твоя! – прокомментировал седой бородач.

И тут из-за повозки на свет божий выбрался наш незадачливый берсерк. Не знаю, что он там еще кушал, но это было прекрасно. Он пошел сражаться один. Вот прямо так съел

еще пару грибков и пошел.

Сарацины обстреляли нас из луков, мы ответили им из арбалетов, потом противник, приблизившись немного, порезвился верхом и принялись нарезать круги вокруг наших импровизированных редутов, меткими выстрелами выбивая зазевавшихся бойцов, то они удалялись, то возвращаясь.

Потом двое неверных не вернулись, так как наткнулись на Гарольда, который принялся кружить вокруг редутов по одному ему известному маршруту. Одному он начисто снес голову, а второго разрубил пополам и разразился при этом громкой тирадой на своем германском наречии, что сарацинам отчего-то совершенно не понравилось. Они вдруг кинулись на нас со всех сторон одновременно и тут им, и досталось от германца по полной. Он пошел вокруг нашего наспех укрепленного лагеря и успевал повсюду. Ни одна стрела не достала его, ни один клинок.

Если и есть на этом свете волшебство, то это было оно.

Мы как могли, поддержали берсерка, но со мной случилась одна неприятность, вернее приятность и неприятность одновременно. Забравшись на перевернутую повозку, мне удалось прыгнуть на скакавшего мимо всадника, смять его и вышвырнуть из седла, тем самым я захватил так необходимого мне коня, ибо расставляя оборонявшихся успел спешиться, и теперь мой верный Арк ржал где-то сзади и слева. Однако мой новый конь оказался с тем еще норовом, и никак не желал привыкать к новому хозяину.

Из прежнего жизненного опыта я заметил, что самое страшное, когда при падении, нога твоя попадает в стремя. Ты моментально попадаешь в дикую ситуацию, когда голова твоя находится на уровне конских копыт, а перевернутая картинка мироздания настойчиво говорит о том, что прожил жизнь ты как-то не так. Что у нормальных людей и картинка на месте и прочие части тела, а ты как бы завис на минуточку, еще не там, но уже и не здесь. И хорошо, если конь остановится, а если нет? Вот тут уж точно как рыба на крючке, когда тебя уже подсекли и летишь в воздухе, описывая загадочную дугу, не зная, куда тащит тебя неумолимый рок по воле провидения. Тут уж не только жизнь проскакивает перед глазами, а еще и кишки через рот пытаются проскочить.

Но в этот раз мне повезло. Относительно, но повезло, а все из-за моей странной привычки надевать обувь чуть попросторней, ну, нравится мне так, и вишь пригодились. А ведь есть люди, которые вообще без стремян обходятся.

Потому стоило мне на миг зависнуть головой вниз, как левый сапог благополучно соскользнул с ноги и еще через мгновение ускакал крепко зажатый в стремя от хозяина в неизвестном направлении. Я же, как нормальный наполненный человечими костями и внутренностями мешок, знатно грянулся оземь, при этом содержимое мешка соприкоснулось как друг с другом, так и с землей.

К счастью никто не кинулся меня добивать и я, перекатившись на живот, оглядел поле боя, насколько позволила

густая высокая трава.

«Надо вставать»,— мелькнула вполне здравая мысль,— «Иначе растопчут. Не чужие, так свои».

Над головой, звенело и грохотало железо, ржали кони, орали всадники. Я стал на колени и подобрал свой меч, благо было недалеко. Стало не так одиноко.

Потом пришла боль, как-то отовсюду и сразу. Вкус крови во рту и непреодолимое желание снова лечь и больше никогда не вставать.

Я зашатался, и в этот момент справа от меня появился конник. Наш. Он наклонился и, наверное, поинтересовался моим самочувствием, я на всякий случай кивнул, хотя не разобрал ни слова из того, что он мне говорил. В ушах звенело, и контур всадника казался размытым.

Сильные руки подхватили меня и потащили наверх...

Пришел я в себя в скорости, сидя верхом на каком-то верблюде, в правой руке у меня даже был кем-то заботливо вложенный топор. Я, подобно величайшим полководцам древних времен, оглядел поле боя и ужаснулся. Большая часть защитников была перебита. Но дорогой ценой, немало сарацинских тел украсило окрестный пейзаж.

Увы, далеко не все паломники взялись за оружие, многие просто стояли на коленях и молились, но это не спасало их от кривых клинков атаковавших. Повозки горели. Нападавшие не очень бережно отнеслись к товару.

В пылу боя мне показалось, что крепость несколько при-

близилась к нам, но может быть, я ошибался. На Гарольда уже успели набросить сеть, и он барахтался под нею. Потому я не долго думая двинул верблюда на выручку и разметал наседавших на германца вопя что-то совершенно невероятное во все свое пересохшее горло.

Когда нас осталась горстка, и я уже был уверен в том, что миссия моя останется невыполненной ко мне верхом пробился Франциско. Под уздцы он вел моего верного Арка. Помню, я еще удивился, как он позволил незнакомцу взять себя за повод, но долго удивляться мне не дали, я пересел в знакомое седло прямо с верблюда и принял из рук бенедиктинца предложенный мне меч.

– Скорее к крепости! – заорал Франциско, его дикие глаза казалось светились сквозь пыль.

– Она еще на месте?

– На месте рыцарь, вот сейчас нам пора и не медли.

Краем глаза я видел, как освобожденный из-под сети германец подобно древнему титану громоздится на подвернувшуюся под руку такую хрупкую, в сравнении с ним лошадь.

Я вскочил в седло, и мы помчались...

«И ад следовал за нами...»

х х х

Глава XX

Skazi “Xts”

явь

Несколько дней не снилось ничего. У меня прям разочарование наступило, полное, типа кризиса среднего возраста, мля... Может, кончились мои сны? И блин на самом интересном месте. Ну как так? Добежали мы с немцем до крепости или нет? Интересно же...

С одной стороны, конечно. Жизнь моя та, что во сне во сто крат насыщеннее и интереснее той, что я живу наяву. Однако, как говорил один мой знакомый чукча, не все так ужасно. Они обе мне одинаково дороги.

В результате решил поднять себе тонус в смысле настроение. А чем еще заняться мертвецу в Денвере? Отож...

У меня было несколько проверенных способов как это сделать. Можно было разыграть Захаровича, он всегда так смешно бесился, если я на него проверку какую-нибудь насылал, или там пожарников вымышленных, или из управления кого... Правда мстил потом не по-детски... Можно кого-нибудь из сослуживцев подводить. Про политику, там беседу затеять, а потом сказать, что у меня кум в особом отделе... Тоже прикольно, у некоторых так лица вытягиваются, ну чисто борзые со средневековых картин про охотников. Да...

А еще можно над дежурной по станции поиздеваться, осо-

бенно над молодой. Еще желательнее, чтоб она симпатичная была. За ними приятней наблюдать, чем за несимпатичными. И краснеют они прикольно. Тем более, что как известно, после тридцати уже не столько флиртуешь, как фильтруешь. Сидишь, бывало в ДСП, ждешь, пока напряжение с контактного рельса снимут, и в тоннель запустят работать, и говоришь, как бы невзначай:

– Да уж в такую ночь, гулы, наверное, спят...

Напарник, который в курсе едва сдерживает ухмылку, но подыгрывает:

– Эт точно...

Дежурная в 99-ти процентах случаев, отрывается от рабочих журналов и на всякий случай интересуется:

– Кто там спит?

– Гулы... – охотно подсказываю.

– Кто?

– Да, гулы же, вы что не знаете?

– Кого?

– Ну, это те, кто ночью по тоннелям бродит. В тоннеле-то кто угодно бродить может, в смысле гулять, оттого и гулы...

Тут главное, чтобы напарник не засмеялся. Мой не смеется, никогда. До дежурной начинает что-то доходить. На всякий пожарный она интересуется:

– Вы задрачиваете? – вот так, по-простому.

– Тю, – отвечаю с самым невинным выражением лица, – вот же бомж на станции такой-то жил? Жил. Возле СТП.

Факт установленный, а ночью в тоннеле гулял. Маркшейдеров пугал. Это из недавнего. А лет пять назад... Вы, сколько у нас работаете?

– Три месяца,– отвечает.

– Вот, лет пять назад на той линии, маньяк в тоннеле один укрывался. С милицией ловили. Полгода не могли живьем взять, он-то на ВОМДах, то на ОДП. Потом застрелили и запретили рассказывать. Ну, это чтоб журналисты панику не подняли. Но раз пять лет прошло, я думаю можно. Серега как раз тогда в смене был, когда его кончали. Да, Серега?

– Угу...

Дежурная начинает зябко ежиться.

– А вас, что сейчас не инструктируют по этому поводу?

– Нет.

– Понятно, но мы когда пойдем, вы уж двери плотнее закрывайтесь, станция у вас тихая, милиция пока добежит... Мало ли чего.

– Та ладно... Ручку вот, кто-то унес, – беспомощно сообщает ДСП.

Я важно киваю с пониманием:

– Вот так и происходит это...

– Что это?

– Да вот это. Сначала ручку унесут потом ножку, после другие органы. Потом хватятся, а нету дежурной.

Женщина бледнеет. Я зеваю.

Вот недавно на Восточной в ночь...

Что?

А то, пропала горемычная. Искали-искали не нашли. Говорят, увезли в Польшу, на органы...

Кто говорит?

Знамо дело кто. Милиция, блин.

На несчастную ДСП было жалко смотреть.

– Да, хоть ладно, хоть неладно. Еще вот был случай. На Кировской, кажется. Тоже как-то один гул забрел с поверхности, через венткиоск, а дежурная спала. Так он, падлюка, ее связал, шприцом ткнул, и кровь через трубочку пил. Извращенец оказался. А все почему?

– Что почему? – дежурная уже забыла про журналы и, округлив глаза по пять копеек, смотрит не мигая.

– Потому что спать на работе не надо...

Тут уже Серега не выдерживает и, согнувшись пополам, выскакивает в коридор.

Вслед ему летит какой-то журнал, другой, видимо, не слишком нужный летит в меня. Мне удается уклониться, и я головой врезаюсь в подставку с цветами...

Потом, где-то полгода я старался не попадать в ночь на эту станцию и в эту смену, а потом ничего – помирились...

Сегодня заходя через служебную дверь, посторонился и выпустил на платформу сухонькую старушку-уборщицу. Ходят они в красном, как палачи. А я добрый. Но мысли-то в черепушке бродят аномальные, за секунду придумал хохму. Захожу в помещение дежурной по станции и с порога гово-

рю вместо здравье:

– А вы эту бабульку давно знаете?

Дежурная мало знакомая попалась, говорит:

– Так это Павловна, работает она у нас тут...

Я сел и сокрушенно заявляю:

– Это хорошо, а то нам про бдительности усиление инструктаж сегодня проводили, так там ориентировка была, что ходит по станциям бабуля одна в уборщицу переодетая, а на самом деле маньяк-расчленитель. Одевает на себя форму красную, к дежурной подкрадывается в конце смены, когда бдительность притупляется, и спицей ее вязальной в ухо – чик... И все...

– Что все?

– Амба, на органы режет, вот на Восточной недавно случай был...

Дежурная слушала внимательно и делала вид, что-то пишет, но ручка в ее рученьке подрагивала заметно... Тут из подсобки выперлась Валентина Григорьевна, сменщица, ветеран метрополитена, заслуженный работник. Была она переодетая с ночи в гражданское, и походила на монумент «Рабочий и Колхозница», именно на женскую его часть, и уперев руки в бока заявила со всей ответственностью:

– Что б ты Сашуля зыв та б не пыздив... Рассказывает он тут молодым и красивым.

О великий могучий суржик! Дежурная мило покраснела, чуть-чуть и сделала вид, что все нормально.

– Пиздуй работай уже, рассказчик, а то щас вязальным шилом в жопу штыркну, так полетишь, шо птичка небесная.

– А я шо, я не шо, – улыбаясь во весь рот я вскочил и стал пятиться, – я ж про бдительность, понимаешь Григоровна... Все про нее проклятую...

– Вот смотри Настена, – погрозила кому-то пальцем Валентина, – сантехники, они самые опасные...

х х х

сон

Крепость вела себя странно. Словно во сне мы скакали к ней, а она отступала от нас в серую дымку. Арк храпел, ему совсем не хотелось туда, я подбадривал его, прижавшись к шее благородного животного, и оно терпело.

Казалось, время остановилось. Каждое движение давалось с трудом, словно плывешь по горячей реке, но вместо воды – смола, горячая, душная, сковывающая члены.

Сколько прошло времени я не знаю это как во сне, когда бежишь о неведомой опасности, а ноги вязнут и вязнут в песке. И ты словно стоишь на месте не смотри на все усилия. Что-то похожее ощущал я сейчас, интересно Арк тоже это ощущал. И видят ли кони сны?

Наверное, видят. Кони все видят, и все знают. Ну давай же родной поднажми еще немного...

Потом Крепость исчезла, растворившись в этом сером маре. Мы остановились, и я сполз с седла. Дальше отступить не было никакого смысла. Сейчас меня настигнут мои враги. Я сжал рукоять меча и приготовился к последнему бою. Но они не спешили. Серая дымка окутала нас, и стало темно почти как в тумане ночью, звуки исчезли, исчезли противники, словно и не было их никогда. Остались только раны и они болели. Сколько нас добралось сюда я не знал, темные фигуры вокруг меня не имели лиц, я с трудом различал силуэт коня он тихо всхрапывал и это были единственные звуки которые долетали до моих ушей... Потом. Когда прошло один Бог знает сколько времени, стало светлеть.

Братья держались плотной группой и творили свою странную молитву. Темнота наливалась алым, закручивалась вокруг нас и втягивалась внутрь крепости через черные провалы бойниц. Казалось. Что крепость насыщалась подобно древнему голодному чудищу.

Стены крепости, раскалившиеся на солнце, вполне ощутимо шипели, словно их поливали водой. От них шел пар. Братья молились, слова звучали все громче и громче. Странная это была молитва, скажу я вам. Я так и не понял, из какого языка были слова, те что они произносили, крепко сжимая кинжалы.

Момент перехода растянулся на несколько мучительных мгновений, наверное, я потерял сознание, ибо, когда я очнулся на песке, рядом со мной был Гарольд и стены крепости

были уже вокруг нас.

Города не было, стены казались ужасно древними, и алый туман постепенно впитывался в них, словно вода в сухую землю.

– Что это? – на лице германца читался настоящий животный ужас. И еще он был ужасно бледным, почти синим. А меня, как ни странно, охватила странная апатия ко всему происходящему. Меня беспокоила только судьба моего верного коня.

– Они знают... – я кивнул в сторону наших странных паломников. Те, несмотря на жару, натянули свои капюшоны и плавно раскачивались, держась за руки. Топоры валялись вокруг них. Там же валялись сумки с поклажей.

Гарольд тихо заскулил, он попробовал подняться, но ноги не слушались его. Лицо было белее снега, а доспех его был щедро окрашен кровью, и было непонятно его это кровь или нет.

– Колдуны... – прошептал Гарольд.

Я промолчал. Так оно видимо и было, нет, от этой поездки изначально пахло неважно, но теперь совсем явно запахло серой. А это немного не мой профиль. Ох, и герцог, подкинул работу. И де Фок туда же, какие у него, оказывается есть интересные знакомцы.

Я собрал все волю в кулак и попытался вскочить на ноги, но тело отказало мне, и я снова рухнул лицом в песок...

Глава XXI

Led Zeppelin vs. Rolling Stones vs. Rum Dms vs. Chemical Brothers vs... “Rock Mashup”

Явь

Начальницу станции звали Варвара Абрамовна. И фамилия была соответствующая – Фахрутдинова. Этот яркий продукт советской дружбы народов выглядел ярко и внушительно, особенно в дни планерок Управления. Сто двадцать килограмм живого, именно, живого и весьма деятельного веса, типичная печенежско-цыганская внешность с элементами Кавказа и Сиона, обрамляющие ее златокаменные украшения, невольно вызывали уважение окружающих, трепет подчиненных и благосклонность вышестоящих, частенько ставивших Варвару Абрамовну в пример и бормотавших про себя вслед ароматному парижскому сквозняку сопровождавшему ее уход: «Вот это, еб же ж твою ...»

Пожарных инспекторов она просто съедала на завтрак, их вдумчивыми и обстоятельными предписаниями подтирала предмет своей безусловной гордости, бормоча под нос слова классиков: «Контора пишет».

Взгляд густо подведенных черных глаз словно струя из огнемета уничтожал на месте любого, кто смел во внеурочный

час потревожить Ее Превосходительство либо в кабинете, либо в помещении ДСП.

Санэпидемстанция покидала станцию Фахрутдиновой сытой, обогретой и с чувством невыразимой благодарности судьбе и Абрамовне лично.

Начальница твердо усвоила две вещи необходимые в метрополитене для успешной карьеры – на станции должен всегда поддерживаться идеальный порядок в помещениях, и по мере поступления краски, устраняться все остальные недочеты. Дисциплина работников явственно вытекала из этих основополагающих аксиом, но при этом была лишь неизбежным следствием.

Захарович был с Абрамовной неизменно корректен и предупредителен. Мы, то есть сантехники, ее откровенно побаивались.

Нет, она никогда не жаловалась диспетчерам, просто однажды, некий уже не работающий у нас по причине длительного (трехмесячного, а потому уволенный автоматически) запоя товарищ, имел неосторожность некачественно поменять сливной бачок в одном из туалетов станции. После чего только ему известным способом подключил на бачок горячую воду с обогревателя «Сименс», только начавших внедряться в метрополитен. Из женского гардероба.

Получилась такая штука, если кто-то хотел принять душ, нагреватель включался и кипяток наполнял бачок унитаза.

В тот день Абрамовна по каким-то необъяснимым причи-

нам физиологического характера оказалась именно в этом туалете, а не в том, которым пользовалась обычно. Спустив воду, окутанная клубами пара, она не стала поднимать крик и гам, а поразмыслив, поступила следующим образом. Позвонила на участок Захаровичу и сделала предложение, от которого наш знаменитый и легендарный мастер никак не смог отказаться, не взирая на всю свою хитро... изворотливость. Скорее это было даже не предложение, а ультиматум и заключался он в том, что если в течение получаса некий деятель, а им оказался никто иной, как уже упоминавшийся выше работник, не появится у нее на станции и не исправит то, что он умудрился натворить, тогда... Далее следовал поток узкоспециализированных, даже не метрополитеновских, а скорее медицинских и отчасти гинекологических терминов, которые произвели впечатление даже на выдавшего вида Захаровича.

Ну и что? А то, что через полчаса несчастный товарищ наш в составе усиленной бригады, под легкий издевательский смех коллег переподключил бачок и уже к концу рабочего дня был вынужден проставиться в знак признания собственных ошибок в целях недопустимости их в дальнейшем.

Вот так производственные вопросы решались. Я вздохнул и вышел из вагона на платформу. Сегодня была моя очередь. По словам звонившей со станции Абрамовны дежурной, какая-то тварь чем-то забила унитаза, а это не есть хорошо.

Проклиная несправедливую судьбу, я отправился записы-

ваться и здороваться. Не тот лотерейный билетик я вытянул сегодня, ох не тот... Хорошо хоть Леночка на смене, нравится мне она.

Захожу в ДСП:

– Привет, говорю!

– Метро напоминает мне портал, – это вместо «здрасьте!».

Она такая у нас, вроде здесь, а вроде и не здесь, но работу знает, – Заходишь в электричку в одном месте, двери за тобой закрываются. Глаза прикрыл, открыл, а ты уже Бог знает где. Чем не портал?

Фантазерка она эта Леночка, «фантазер, ты меня называла...» Молодец, начитанная девочка, с воображением. И рыжая притом.

– У Реверте по-моему есть строки... « Ты рассуждаешь как муравей, который придает себе слишком большое значение...» Как-то так... – это я чтоб мордой в пыль не ударить.

Вроде получилось, меня одарили благосклонным взглядом.

– Чай будешь?

– Потом... Я под колпаком у «Натива». И цэрэушники где-то рядом...

– Я тоже под вечным колпаком у Фахрутдиновой и что?

– Вечерком?

– Ладно. Чеси, работай тогда... Трепло...

– Я не трепло, я... Короче, пойду.

Пошел, поработал, потом вернулся, посидел, потрепались

ни о чем. Чаю попили с печеньем. Покрепче не получилось, у нее в отличие от меня занятость на сегодня была полная, и я вернулся на базу.

Было ужасно интересно, чем там во сне бой наш закончился, но бежать домой и ложиться спать я не спешил. Успеется...

Там уже народ стал собираться, Колина бригада вернулась с дуркомбината, у нас так душкомбинаты называются. Одна буква разницы. А сколько скрытого смысла!

Эти неказистые одноэтажные строения оставляют после себя метростроевцы, когда уходят с уже построенной станции. Оставляют нам. То есть метрополитену. Во время строительства там только кабинеты, душевые (а именно благодаря их наличию и появилось это странное для неискушенного читателя название – душкомбинат) и раздевалки, но есть еще и теплопункт, который и обогревает это строение зимой. Бригада работала в нем, именно он представляет для нас ценность. Ибо там находится бойлер. Вот этот бойлер народ и перебирал.

Кто там будет дальше жить в этом дуркомбинате, что там будут за помещения неведомо, а тепло там должно быть. Вот и ебемся на благо человечества неблагодарного.

Туда-сюда время к обеду, перехватили наскоро, на сухую, отчего-то ни у кого не было сегодня хорошего настроения.

Представил, что я казачек засланный, в смысле разведчик, не только в метро, а вообще по жизни. Прикольно так стало,

радужно. Мысли потекли вообще не понятно в какую глядь сторону, вот что значит поел на сухую!

Или вот за немцев быть. Ну, в смысле против них, но как бы за. То есть разведчиком. Объяснил, блин!

Но не таким разведчиков, как Кожаный Чулок или там следопыты разные, а так чтоб офицером при штабе, или на фронте... Нет лучше при штабе. О! Как Штирлиц! И полномочия чтоб были самые полные. Чтоб не было вот этой вот фигни, когда тебя заподозрят немцы, что ты в Гитлера не веришь, дадут пистолет, приведут в подвал, где какой-то партизан или подпольщик парится, и говорят:

«На вот, убей, гада. Докажи, что ты один из нас!»

А Штирлиц такой бы в лице переменялся, сказал бы: «Увы!» и наверное стрелять бы и не стал.

А я ж полномочиями. Усмехнулся так, взял пистоль и партизана пристрелил. А что? Так надо. Родина приказала себя не рассекречивать. Мне за это ничего не будет. А за партизана убитого мною я еще немцам отомщу.

А вот интересно у Штирлица были такие полномочия? По фильму непонятно, книжку я не внимательно читал. Хотя, наверное, бы запомнил, если б он партизан там расстреливал массово. В Белоруссии... Он же на фронте был? Был? Награды за храбрость имеет? Имеет. Так не прост, значит Штирлиц, весьма не прост.

Разумеется, мне он и приснился. Точнее это был не совсем он, но очень похож. На актера, Тихонова...

Такие вот мгновения весны.

Лег на лавочку, полежать для пищеварения, не спится. Плюнул, вытянул книжку, одолженную у Данилыча, стал читать.

Осаду Акры в 1191 году вели совместно английский и французский короли с примкнувшим к ним австрийским герцогом Леопольдом. Леопольд со своим отрядом примкнул к войску после того, как знаменитый воитель Фридрих Барбаросса нашел свою смерть при переправе через горную реку Салеф в Киликии и примкнул к союзникам по крестовому походу уже под стенами Акры.

Ситуация была аховая, как в плане взаимной неприязни высокопоставленных особ, так и чисто в бытовом плане. Взять хотя бы тот факт, что все говорили на разных языках.

Французское ополчение носило на одежде кресты красного цвета, англичане – белого, а зеленые кресты были у фламандцев. Среди воинов было и немало сугубо штатских людей, которые и пошли в поход только затем, чтобы добиться отсрочки по выплате долгов или процентов, освободить себя и семьи свои от пошлин и налогов. Были и раскаявшиеся преступники, добивавшиеся для себя личного исповедника и отпущения грехов.

Потом вообще там у них кино началось, с немцами и конечно фламандцами, куда ж без них? Стали думать, как ошибку исправлять. Думали, думали, придумали. С подачи тех же венецианцев, кстати. А не замахнуться ли нам на Кон-

стантинополь. Что-то давненько мы в Босфоре не омывали обувь свою. И двинули на Византию. Там как раз свергли императора Исаака Ангела, так вот и порешили историческую справедливость восстановить.

А ушлые итальяшки снова денег не дали, только продукты и фураж, но при этом благородно разрешили в случае успеха предприятия пограбить город всласть, под процент, разумеется.

Сказано, сделано, Константинополь был взят, как и богатая добыча. В результате сего действия была основательно перекроена геополитическая карта Европы, сейчас не буду особо вдаваться в подробности, но Иннокентий, который Папа был так доволен падением Константинополя, что снял отлучение с крестоносцев.

Примерно на этом месте я и уснул...

х х х

сон

Оборванная створка ворот жалобно скрипела на песчаном ветру. Кто-то тихо скулил совсем рядом. Я открыл глаза и увидел, что это Паоло. Братья прекратили молитву, и теперь Франциско обрабатывал ему рану на ноге, поливая ее жидкостью из черного флакона.

Туман исчез, мы были внутри крепости. Старой, обтесан-

ной ветрами мышеловки для людей, которая выглядела теперь абсолютно буднично, так, как и должна была выглядеть старая заброшенная крепость, много лет простоявшая в пустыне.

Разбойники явно не спешили вслед за нами, толи засада ждала нас снаружи, толи они просто собирались с духом, толи странное колдовство отправило их в преисподнюю. А было оно это колдовство, или все это мне привиделось? Я поднял голову вверх и быстро пробормотал короткую молитву. Облака выглядели насупившимися и не предвещали нам ничего хорошего. Казалось еще немного и грянет хорошая гроза.

– На все воля божья, – сказал старший из Эсперо перебирая четки и глядя куда-то в тусклое недружелюбное небо. Он как-то совершенно незаметно оказался рядом со мной и теперь осматривал меня взором опытного лекаря.

– А? – я не сразу понял, о чем идет речь. Лежа на каких-то тряпках и слегка повернув голову, я увидел, что Пьетро хлопчет над неподвижным германцем в двух шагах от меня.

Я сделал над собой усилие и попытался сесть.

– Какому богу вы молитесь? – спросил я.

– Правильному. Молчи. Все в порядке. Теперь мы почти у цели.

– Крепость?

– Да. Нужна была кровь и жертвы. Все сработало, так как надо. Расшибся ты, а так ничего, руки ноги на месте, – про-

изнес Франциско и я сделал попытку подняться и сесть, что мне собственно и удалось, – ты славно сражался.

Не было ни чудно разодетой толпы, ни базара. Ни стражников, совершенно ничего не было здесь. Было странное ощущение того, что я за тысячу лиг от того места, где пребывал час назад. И еще... Тишина, полная, глубочайшая тишина. Даже ветра не было совсем. И цвет неба был не такой как с утра.

– Германец жив?

– Жив, хвала господу, постарайся ничего ему не говорить, он многое увидел, скажем, что это была горячка. Хорошо?

– Хорошо... А где мой конь?

– Животные не могут сюда попасть. Возможно на воле, возможно с нашими врагами.

– Он никого не подпустит к себе...

– Значит на воле, – улыбнулся монах.

«Хм, хотелось бы думать!»

– Что с нашими врагами?

– Думаю, они уже далеко отсюда. Мы почти у цели.

Я увидел, как пошевелился Гарольд. Значит живой. На душе немного потеплело.

– Что это к чертям за место?

– Я называю это портал, ты можешь называть, как хочешь.

Если все будет благополучно, скоро откроется вход, и мы отправимся дальше.

– За Реликвией?

Монах кивнул.

– Я же говорил тебе, что неверные не могут взять ее в руки. А ты сможешь.

Франциско протянул мне блеснувшую серебром флягу.

– Выпей, это придаст тебе сил.

Я принялся пить и размышлять своей бедной головой.

Размышлялось мне в край плохо.

– Отчего такая честь? И что еще ты теперь можешь мне рассказать?

Он пожал плечами.

– Ты слышал о миражах?

– Миражах?

– Ну да, обычные миражи, в пустыне может почудиться все что угодно.

– Да ладно... Хотя...

– Расскажи, что ты видел?

– Это как-то связано с тем, что мы ищем?

– Возможно.

– Ну... я видел город, таких уже нет, словно перенесся назад лет на сто, или тысячу...

– Скорее всего, тысячу.

– Ты знаешь что-то об этом...

– Немного. Совсем немного, – та штука которую мы ищем иногда проделывает интересные вещи, которые касаются времени... Понимаешь?

– Но Иерусалим...

– А что Иерусалим, скорее всего она действительно там, но обычным путем нас бы туда не пустили. Ты, я думаю, уже это почувствовал на себе?

– Да уж...

– Портал сам выберет место. Также как Реликвия выбрала тебя. Не правда ли, похоже, что сама Судьба привела тебя в это место...

«Уж привела, так привела...»

– Да что это за Реликвия такая?

Подошли братья, Паоло заметно хромал.

– Надеюсь, осадных машин у них нет, – попытался пошутить Пьетро.

– Надеюсь, брат, – откликнулся Паоло, – и хорошо, что тут нет леса.

«Что ж, духом наш маленький отряд крепок», – подумал я и подполз к германцу, который, похоже, уже стал приходить в себя. Напиток, которым попотчевал меня Франциско, придал мне сил.

«Неплохое пойло, – подумал я, надо бы спросить рецепт». Мне даже весело немного стало.

– Послушай Франциско, может быть, все же объяснишь?

Монахи переглянулись. Старший приложил палец к губам. Я оглянулся и увидел германца, он уже стоял на своих двоих, слегка колеблясь, словно проверяя собственную устойчивость. И вроде уже не такой бледный.

– Неважная из нас получилась охрана, – сказал Гарольд,

когда я приблизился. Франциско подхватил его и сунул ему свою фляжку.

Тот стал пить. Через несколько мгновений его лицо порозовело. Он шумно выдохнул, жизнь снова наполняла его могучее тело.

– А с другой стороны, нечего было экономить на охране. Все погибли?

Франциско обвел глазами наше войско и ответил:

– Вот, все что остались.

Он помолчал и произнес:

– Негусто... А где наши враги?

– Снаружи... И думаю уже далеко отсюда...

Гарольд подобрал свой меч, воткнул его в песок и уселся, опершись на лезвие спиной. Потом ткнул пальцем во францисканца и задал прямой вопрос:

– Ты колдун?

– Я не колдун. Просто этот мир немного сложнее, чем мы о нем думаем...

– Гм... Клемент, ты с ними?

– В данный момент да. Надо выполнить одно дело...

«А что я еще мог ему сказать?»

Гарольд покивал, что-то прикидывая в уме.

– Нам заплатят?

Мне стало весело:

– Пока платим мы... Но...

Напиток, похоже, всю занялся организмом Гарольда,

потому что на его лице появилось несколько мечтательное выражение, что для германца было совсем не характерно.

– Это да...

Гарольд усмехнулся своей обезоруживающей улыбкой и сказал:

– Ладно, монах, если Клемент с вами, то и я тоже. Он показал себя хорошим товарищем. Все в руках господ нашего. Давай посмотрим, что мы тут можем сделать! Они ведь придут сюда за нами?

Он сделал попытку подняться на ноги, и ему это удалось.

– Не спеши воин, всему свое время! – сказал Франциско.

– Дай мне еще немного этого напитка, – попросил Гарольд.

– Э нет... Злоупотреблять не стоит, – монах шутливо погрозил германцу пальцем, – к тому же у нас впереди еще долгий путь.

х х х

Глава XXII

Rolling Stones “Fancy Man Blues”

явь

– Что делать военачальникам в такой сложной ситуации?

Правильно, выяснять межличностные отношения. Чем они с успехом и некоторым даже, подозреваю. Тайным удовольствием и занялись. Начали еще по пути, на Кипре. Там интересный расклад образовался в том плане, что французский король предложил Кипр взять и поделить. Потому что перед началом похода якобы был уговор все захваченное делить пополам. – Данилович поднял вверх указательный палец и там сконцентрировал мое внимание на потолке. Потолок был прокуренный и рыжеватый. Хозяин продолжил:

– Минуточку, возмутился Ричард, как в том анекдоте, пополам так пополам, но только не Кипр, а все что после Кипра, а это и так английская земля.

Кипр же перед захватом его крестоносцами находился под властью Византии. Если вы внимательно читали, то должны помнить...

– Угу, – сказал я и Данилович этим удовлетворился. Ну и слава Богу.

– Тут конечно и австрийцы возмутились, в частности Леопольд, он хоть и не королем был, а герцогом, но себя считал полноценным монархом. Ричард и ему намекнул, что герцогам слова не давали, в общем началось.

Он махнул рукой и помолчал, помолчал и я, за компанию.

– Добрались до Святой Земли, там и продолжили. Тут еще и с Саладином отношения добавились. Три монарха, все люди из себя достойные, уважаемые, а устроили что-то типа любовного треугольника. Война типа войной...

Он хохотнул, я тоже и разрезал яблочко. Тихонечко налил в две рюмки на тонких ножках и жестом пригласил рассказчика промочить горло.

Выпили, закусили яблочком. Данилыч продолжил свой неспешный рассказ.

– Получилось так, что у Филиппа французского с Саладином отношения как-то сразу не сложились. А вот Ричард нашел в своем великом противнике нечто близкое и тот ответил англичанину взаимностью. Они с удовольствием обменивались посольствами, комплиментами и прочими знаками внимания, что не мешало ведению активных боевых действий.

Ну, а у Филиппа и Ричарда отношения не сложились еще в Европе, да еще и как не сложились! В свое время гордый, но недалёковидный француз позволил себе отказаться от брака с сестрой Ричарда, норманнской принцессой. Естественно, что не менее гордый англичанин не смог стерпеть подобного отношения и затаил на франка зуб.

– Это он зря... – ввернул я для поддержания беседы. Данилыч согласно покивал головой.

– Да уж... Поначалу побеждали крестоносцы, отщипывая кусочки Святой Земли у арабов по чуть-чуть, но уверенно и методично. И вот, наконец, она – Птолемиада. Акра прекрасная. Место, куда, как по мановению волшебной дудочки уже в течение нескольких месяцев стягивались сарацинские полчища со всех окрестностей.

Осадив Акру, Ричард через какое-то время запросил у Саладина Иерусалим. Мол, на том ограничимся и останемся верными друзьями. Тот от дружбы не отказался, но не такой ценой. Отказал. Верный друг немедленно приказал казнить две тысячи мусульманских заложников. Саладин огорчился и ответил адекватно. И все это на фоне все того же дипломатического расшаркивания.

Данилыч исполнил нечто вроде реверанса, я тактично улыбнулся и снова наполнил рюмочки. Выпили, закусили.

– Осада Акры продолжалась два томительных года и безуспешно, ибо крестоносцы могли атаковать только со стороны моря, тогда как с противоположной стороны из Месопотамии, к городу беспрепятственно подходили все новые и новые подкрепления. И тем не менее крестоносцы проявляли завидное упрямство. Так и тянулось до бесконечности. Менялись отряды, гибли люди, но все было напрасно.

Осадные орудия приходили в негодность, из Италии везли лес, и делали новые, а время шло.

Что интересно, Акра в то время была по составу населения практически христианским городом, но власть держали мусульмане, коих там проживало абсолютное меньшинство.

Потом как-то незаметно запасы защитников Птолемаиды все-таки истощились...

Я выразительно поднял бутылку и продемонстрировал, что у нас еще есть. Данилыч удовлетворенно кивнул.

– ... и начались переговоры о сдаче города. Обозленный

долгим ожиданием Ричард выдвинул такие условия капитуляции, что защитники города ужаснулись. Например, свободу гарнизону обороняющихся он обещал, только в том случае, если Саладин сдаст в придачу к Акре еще и Иерусалим. Естественно султан не собирался исполнять подобные прихоти, и все-таки компромисс был найден.

Когда крестоносное воинство вошло в город, произошел неприятный для коалиции инцидент. Первыми знамя на стене установили австрийцы, разумеется, свое, австрийское и шумно радовались притом. Ричарду сие не понравилось, и он приказал сорвать знамя, что и было исполнено, жестоко обидев тем самым герцога Леопольда.

Возможно, тем самым он способствовал образованию Тевтонского Ордена, который был основан здесь же в Акре, когда обиженные австро-немецкие крестоносцы создали братство любекских и бременских купцов. Впоследствии преобразовавшееся в вышеуказанный Орден.

– Во как! Я тоже одного германца знаю из Любека... Продолжайте!

– Да, именно так! После еще не раз Ричард удивлял своих соратников неадекватным поведением, и в конце концов разобидевшийся Филипп увел своих воинов назад во Францию, при всем обвинив Ричарда чуть ли не в предательстве и сговоре с Саладином, которого англичанин не раз ставил в пример своим партнерам по коалиции, вот, мол, пример, настоящего рыцаря и монарха, не то, что вы убогие!

Данилыч криво усмехнулся, и мне ничего не осталось, как снова наполнить наши «бокалы».

– После Акры, в связи с тем, что Иерусалим Саладин отдавать просто так не захотел, армию двинули на Аскалон. Странное решение обуславливалось тем, что командующие никак не могли прийти к единому решению о дальнейших целях похода. Победили версия Филиппа, о том, что надо захватить прибрежную полосу Святой Земли, для создания надежного плацдарма к дальнейшему ее освоению.

Вот франки, уйдя от Акры и двинулись к побережью. Сначала похода взяли Хайфу...

– Ту самую?

– Ну, да, а что?

– Да так ничего, ничего, просто товарищ у меня туда недавно подался...

– Кто-то близкий?

– Да так, вместе, работали.

– Понятно... Вот, о чем это я?

– Ммм... Франки взяли Хайфу и...

– Да, точно. А уже через три дня оказались в ущельях Атлита. Там пиеры шли в авангарде, замыкали госпитальеры, посередине двигалось все остальное войско с увеличившимся количеством обозов. Время от времени летучие отряды сарацин тревожили армию обстрелами, но в серьезные стычки не вступали. Основная масса людей Саладина поджидала крестоносцев под Арсуфом. Там собралось порядка двадца-

ти тысяч айюбидов, и почти все конные.

Голос Данилыча звучал уже где-то очень далеко. Перед моими глазами раскинулась необъятная пустыня. По ней вздымая тучи пыли скакали двадцать тысяч айюбидов...

– У Ричарда и его ближайших командиров Роббера де Сабле и Гарньера де Наблюса было примерно столько же людей. Но из двадцати тысяч – четырнадцать составляла пехота, четыре – конные рыцари и было еще около двух тысяч туркополов.

– Кого?

– Туркополов. Так их называли. Это были местные конные лучники в основном из принявших христианство сельджуков или из сирийских православных христиан. Мамелюки Саладина считали их предателями и в плен не брали. Вооружены они были луками и пиками, выполняли в основном разведывательные функции, либо прикрывали тылы. Но, как говорится, питались отдельно, ибо основное христианское воинство относилось к ним свысока и смотрело косо.

– Понятно. Национальный вопрос.

– Вот именно. За день прошли около десяти километров, под палящим солнцем, в состоянии постоянной готовности к отражению неприятеля. Устали как физически, так и психологически. Наконец вблизи города последовал приказ остановиться и разворачиваться в боевые порядки.

Стали коробочкой, причем конных рыцарей поставили в центр, а с боков их своими телами прикрыла от стрел пехо-

та. Мамелюки атаковать не спешили, продолжая методично обстреливать крестоносцев с безопасного расстояния. Постояли и видя, что противник не вяжется в бой медленно двинулись к городу. Как и прежде тамплиеры составили авангард, а госпитальеры арьергард. Кружившие вокруг войска отряды конных лучников все также терзали рыцарские ряды, и большие потери несли, как ни странно именно госпитальеры. В конце концов, нервы у них не выдержали и они атаковали, разрушив строй. Представьте эту разогнавшуюся железную массу людей и лошадей, строем, красиво..

В ближнем бою у арабов шансов не было, и вскоре Арсуф был занят крестоносцами.

Мы выпили за взятие Арсуфа, рассказчик продолжил повествование.

– Следующей на очереди оказалась Яффа, на тот момент крупнейший порт побережья. И тем не менее Саладин сдал ее практически без сопротивления, однако, разрушил стены при отступлении, он знал, что собрав силы вернется.

Ричард оставил в Яффе гарнизон, а сам двинулся к Святому Городу твердо решив взять его любой ценой.

Но после того, как он ушел, Саладин вернулся под частично восстановленные стены Яффы, подтянув осадные орудия и с немалым войском. Осадные орудия повели обстрел города камнями. Оставленный в городе гарнизон сражался храбро и не раз заставлял арабов отступить. В конце концов, стены удалось заминировать порохом, но храбрые защитники

выкопали его и взрыва не допустили.

Но, несмотря на все усилия, брешь все-таки была пробита, нападавшие устремились в пролом, однако крестоносцы собрали всех оставшихся в живых и собственными телами не дали арабам ворваться в город. Завязалась кровавая битва. И мамелюки отступили.

Потом они шли на приступ снова и снова, им сообщили, что в Яффе находятся несметные сокровища и алчность гнала их на штурм не хуже виселицы.

Помолчали. Мне говорить не хотелось, я снова наполнил бокалы. Данилыч проигнорировал это предположение и говорил как заведенный. Он уже всю жестикулировал, и я всерьез подумывал о том, как бы выпить в одиночку.

– Гарнизон укрылся в цитадели и продолжал сдерживать натиск. Тогда им предложили сдаться, но при этом беспрепятственно покинуть город с оружием и имуществом. Тамплиеры согласились и стали готовиться к организованному отходу.

Узнав об этом мамелюки взбунтовались против Саладина, ибо имущество уже давно считали своим и напали на отступающих. Саладин приказал казнить мародеров, а гарнизон снова укрылся в цитадели. Потом Саладин поднял над захваченной частью Яффы свой флаг, дабы поднять несколько упавший дух своего войска.

Ричард же, решив идти на Иерусалим, в очередной раз не рассчитал свои силы, ибо люди его были к тому времени из-

рядно вымотаны. А усталость людей усилилась многократно после того, как войско преодолело пустыню.

В конце концов, он отдал приказ возвращаться. Сам с отрядом свернул к побережью, где ждали его галеры, а часть войска возвращалась по той же дороге, что и наступала, медленно двигаясь к Яффе сушей.

Ричард лично вел эскадру галер со своими англичанами. Увидев мусульманский флаг над цитаделью, он решил, что город пал и немедленно десантировался в прибрежный песок и стал готовиться к атаке в тыл арабскому войску.

Одному из храбрых защитников города удалось прорваться из окружения и сообщить Ричарду, что гарнизон еще держится, известие сие вдохновило крестоносное воинство, и айюбидам было нанесено жестокое поражение прямо на берегу.

Их смутило то, как вышколенное войско моментально развернулось в боевой порядок, явив классику десантной операции тех времен.

Рядом с каждым вторым ошетилившимся железом рыцарем стоял арбалетчик, а то и два. А уж английские арбалетчики были той еще силой. И били без промаха, в чем мамелюки уже не раз могли убедиться.

Терпеть дольше сил не оставалось, и я придвинул рюмки друг к дружке и чокнулся ими. Данилычу пришлось сделать паузу и составить мне компанию. Стало значительно легче. Я даже закурил, а мой рассказчик продолжил повествование:

– Позже по суше подошел Генрих Шампанский, к тому моменту командующий французским воинством, несколько дней назад разбивший мусульман в Кейсариин. У него оставалось всего полсотни рыцарей и несколько сот арбалетчиков.

В результате этих сражений крестоносцам досталась узкая полоска суши от Яффы до Тира.

Со временем стало совсем грустно. Продвижение вперед не было. Иерусалим оставался чем-то недостижимым. Болезни делали свое дело. В праздник Святого Илария христианское войско охватили тоска и уныние, все чаще раздавались голоса о том, что пора возвращаться домой. Вьючные животные слабли от голода и холода. Зима не радовала крестоносцев. Участились случаи банального дезертирства.

Данилыч махнул рукой и уселся в кресло, по всему чувствовалось, что рассказ подходит к концу.

– Решено было двигаться к Аскалону, восстановить стены и зимовать там, укрепляя дух в ожидании подмоги. Отряды двигались по колено в грязи, люди и животные падали от усталости, многие роптали, даже рыцари проклинали все на свете и свою несчастную судьбу. Катастрофически не хватало лошадей.

Но, тем не менее, дошли, и до Пасхи усиленно работали на восстановлении стен города.

Когда было принято решение о возвращении, Ричард с несколькими сторонниками вышел на галере в Адриатическое море, и разбушевавшаяся стихия выбросила ее на бе-

рег, где-то между Венецией и Триестом.

Ричард тепло попрощался с выжившими и в сопровождении единственного оруженосца направился в Вену, где вскорости был пленен своим давним недругом Леопольдом Австрийским. Как утверждают источники, король на момент пленения был в одежде купца.

Вот собственно и вся история. Словно по команде в комнату ворвался вернувшийся с улицы кот и вспрыгнул хозяину на колени. Аут. Приходите завтра.

Сон

Мы принялись осматривать остатки укреплений. Снаружи стояла страшная серая муть, в которой терялись звуки. Крепость казалась полностью отрезанной от окружающего мира.

– Прежде всего, давай-ка установим ворота, – предложил германец и не теряя времени поднатужился и ухватив тяжелую створку поставил ее вертикально. Я бросился было помогать, но не успел. Германец справился самостоятельно.

«Ого!» – вырвалось у Паоло.

– Вот так! – резюмировал рыцарь, но чувствовалось, что ему приятно наше восхищение, – а теперь подопрем ее вон теми дровами и эти неверные не смогут пролезть сюда сразу.

Он оказался неплохим стратегом наш добрый германец.

— План сражения прост, мой друг, – сказал Гарольд, – бу-

дем стрелять, пока хватил стрел и болтов, а если наши противники окажутся слишком уж настойчивыми, то примем бой на мечах. Это ли не славно?

Я вынужден был с ним согласиться. Гарольд полез проверять снаряжение и громко посетовал на малое количество стрел и арбалетных болтов.

– Твой портал скоро откроется? – тихонько спросил я Франциско. Он пожал плечами.

Потом встряхнулся и принялся помогать стратегу укреплять створки ворот. Благо камней и крупных обломков было в избытке.

Не прошло и минуты как все прочие подключились к работе, и вскоре напротив ворот уже громоздилась солидная куча камней

– Ну вот, дружище! – утираясь рукавом, произнес Гарольд, – сам Август позавидовал бы таким укреплениям!

Я важно кивнул

– Что там? – германец обратился к младшему из Эсперо, который сидя меж зубцами стены, поглощал некий припас и выполнял функции дозора.

– Тихо, – откликнулся тот.

– Продолжай наблюдение! – скомандовал наш комендант. И Паоло замер, став похожим на Сциллу.

– Перекусим, – объявил наш верховный главнокомандующий и мы уселись в тень. – благо отступающие слуги Божьи, сумки с едой не бросили... Слышишь святой Отец, ты дей-

ствительно святой отец или как?

– Я на стороне света... – отвечал Франциско.

– В Господа веруешь?

– Я служитель его...

– Ну и славно...

До вечера нас никто не беспокоил.

С наступлением темноты старший брат распорядился зажечь факелы. У нас был небольшой запас просмоленных тряпок, и мы дружно взялись за дело. Теперь можно было не бояться, что нас застанут врасплох. Не знаю, на что мы рассчитывали. А если открытие этого волшебного портала затянется? У нас почти не было воды, не говоря уже о еде.

– Воду придется экономить, – германец оценил количество жидкости в кожаном мешке, – Это все. Неизвестно сколько нам тут еще торчать...

– Кстати, Клемент, а каковы наши планы?

Мы сидели вдвоем у ворот. Братья отошли в сторонку и что-то обсуждали, толи давали нам возможность прийти в себя, толи не хотели, чтобы мы слушали их...

– Нам нужно в Иерусалим. Там заберем одну ценную вещь и собственно все...

– Всего то? – германец ухмыльнулся. – и как мы туда попадем? нас выручит Цезарь? Или разбойников испугают шакалы?

– Да нет. Понимаешь, это место... Дело в нем. Я сам до конца не понял, но это как в шахматах. Конь. Да? Прыгает

через фигуры. Рраз, и там. Так и мы. В крепости мы можем прыгать между мирами. Наш мир не единственный.

Германец задумался.

– Похоже на сказки...

– Сказки? Хороши сказки? Ты же был со мной здесь и видел город?

– Мне это могла привидеться от жары...

– И часто у тебя видения?

– Да нет я вообще-то очень здоровый. С рождения!

– Я заметил. Вот.

Германец поскреб задумчиво бороду.

– Говоришь как конь?

– Мне так кажется, эти ничего не объясняют. Говорят, что скоро откроются некие врата, и мы сразу очутимся в Святом Городе.

– Неплохо если так. Но учти Клемент, меня не обманешь. Этот Франциско настоящий колдун. У нас в деревне, ну рядом с деревней один такой был. Раны умел лечить, но мог и порчу навести.

– и что с ним стало?

– А убили его? Когда чума пришла. Те кто выжил те и убили, решили что он виноват. Я еще слишком тогда мал был, мало что понимал, мне потом отец рассказал.

– Понятно...

– Но этот покруче будет я думаю. Видишь, какой туман сделал.

– Думаешь, это он его сделал? Я думаю это Крепость.

– Какая разница?

– Никакой.

– Постой, а что это... Вот мерзавцы!

Паоло и Пьетро вооружившись палками, устроили нечто напоминающее рыцарский турнир. Один разгонялся и на всем скаку пытался протаранить другого. Потом братцы перешли к рукопашной схватке и покатались по песку прямо к ногам Франциско. Получив от старшего брата свою долю подзатыльников, рыцарский турнир сам собой сошел на нет.

– Придурки! – резюмировал Гарольд.

Так мы и сидели беседуя...

х х х

Глава XXIII

Pink Floyd “Dark Side Of The Moon”

Явь

Брр...приснится же такое! Лучше бы приснилось, что все пить бросили... хотя это тоже бррр...

Ладно. В свое время я, как и все, заинтересовался религиозными вопросами. Ну, о пытливости умов двадцатилетних придурков немало сложено добрых песен. Тут я надеюсь, я

найду ваше понимание. Сами, небось, такие же.

Так вот среди прочего, я читал я тогда практически все подряд, и при этом запомнилось мне дикое ощущение того, что я постоянно стою на пороге открытия и еще чуть-чуть и... Ага, откроются заветные двери, и постигну я все тайны бытия без исключения. Интересовало все, кто, как, когда. Я был в шоке, когда в Ветхом завете, сопоставил некоторые факты и выяснил, что те люди жили лет по 800-900, в частности гражданин Ной и иже с ним.

Отсюда пошел интерес о происхождении рода человеческого в целом, к религиозной стала примешиваться научная, псевдонаучная и откровенно желтая литература. В голове образовалась суррогатная каша из затоптанной на корню теории господина Дарвина, дзэн-буддизма и инопланетной фантастики продвинутых американских евреев.

Я понял одно – никто, никогда не узнает правды, и не разберется в этом, по крайней мере, при жизни. После, возможно. И как-то сразу я к этой теме охладел. Просто охладел и все. Нет, я не прятался от книг и научно-популярных телепередач, с удовольствием обсуждал с коллегами по работе тематику жизни после жизни и поиски Ковчега, но уже, как бы это сказать, без всяческого азарта. По инерции. Да, пожалуй, слово подобрано правильно. По инерции. Именно, так.

Вудуисты как говорят – мертвых значительно больше и они намного сильнее. Вот стану мертвым, все узнаю. А так-то конечно интересно, чего оно там и как.

Вот, допустим темная энергия. Это что? Бред сивой кобылы, или действительно вещь стоящая?

А это уж как посмотреть, для кого-то стало бы – бред, чепуха, а для человека вдумчивого, на космосе двинутого, это такая конфета, что за уши не отдерешь.

Тут ведь главное, что? Что с энергией будет. Не с какой-то определенной, а вообще, глобально.

Эта пресловутая темная энергия, по словам ученых, заставляет галактики и звезды разбегаться в разные стороны и отвечает тем самым за расширение Вселенной. И ее, почти 70 процентов от общего содержимого Вселенной. Еще там материя темная присутствует, невидимая, но осязаемая приборами. А на нас видимых приходится всего 4 несчастных процента. Сплошная антигравитация получается вокруг нас грешных. И никакой романтики. И чем дальше и дальше в дебри, по ходу вырисовывается такая картина, что дух захватывает.

Тем более, что если мы захотим рассмотреть что-нибудь бесконечно большое или что-нибудь бесконечно малое, то трудности с которыми мы при этом столкнемся, будут примерно одного порядка. А у величин этих слишком много общего вырисовывается.

И я несколько не удивлюсь, что когда-то прилетит ко мне инопланетный гость и сообщит о том, что наша с ним вселенная не более, чем элементарная частица. Тут только другое интересно, и что мне с этим знанием делать? На ниж-

нюю часть тела надеть и любоваться? Такой вот парадокс, и так почти со всеми великими открытиями, за исключением сугубо прикладных, как, например, открытие (или открывание, как вам угодно) бутылки пива.

На хер эти открытия простому человеку не нужны. А пиво, это всегда – зеер гут!

Тут я снова оказался в реальности, потому что Тема делал как раз свое очередное откровение. Про Тему я вам как-нибудь в другой раз расскажу...

Так вот, Тема уже проглотил первую кружку и теперь, расширив чакры, вещал наяву над второй кружкой:

– А то вот есть у меня один знакомец, так он сука мочу сдавал в трехлитровой банке на анализ. Неделю, падла, собирал...

– Ну и? – от нечего делать спросил я.

– Что и, написали в результатах – «идиот!»

– Смешно...

– Конечно смешно, но зато, – Тема сделал хороший глоток и через паузу продолжил, – главное! Белый билет дали.

Скажу лишь одно, Тема откровенно и мастерски рассказывал истории о том, как он лично, а также все его многочисленные друзья мастерски же отмазывались от армии.

Я никогда не отмазывался, но было интересно. Он еще что-то бормотал про то, как один чувак руку на унитаз ложил, а другой с табурета на нее прыгал, а первый потом руку эту убрал в последний момент... А мне уже хорошо стано-

вилось и легкая дремота окутывала, как бы хорошо сейчас вздремнуть с открытыми чакрами, тьфу, с глазами. И мне приятно и Тема не обидится...

Сон

Небо совершенно почернело, и с него упали первые дождевые капли. Странное оцепенение овладело всем моим существом. Странное и невозможное. Словно я утратил что-то, словно это что-то уже не было мной... Гарольд. Рыжий германец, я поискал его взглядом машинально и не нашел. Где я? Что делаю здесь? Было ощущение, что я только что родился. Вдруг. Вот просто взял и появился в этом мире.

В мире о котором я знал так мало, что можно было сказать, не знал ничего. Утешало то, что я не одинок в своем неведении. Смешнее меня только люди, которые считают, что знают все. У них все просто, а у меня вот нет.

Подошел Гарольд, присел рядом вздохнул, потом проговорил негромко:

– Знаешь, эти монахи...

– Что не так?

– Да нет, я гляжу вы с ними, ну как это сказать...

– Связаны?

– Да... Не знаю что у вас за дела, но я не хочу об этом знать ничего. Как то так... Я воин, простой любекский рубака, и все эти тайны...

– Да я понял тебя...

– Короче, если меня будут пытаться, я не хочу ничего знать
понял...

Я хлопнул его по спине.

– Ясней некуда...

Гарольд улыбнулся:

– Но сражаться я буду рядом с вами до конца, попутчиков
бросать нехорошо... Я только хочу знать, то, что вы... мы...
делаете, это богоугодное дело?

Я приложил палец к губам и скрыв улыбку насколько мог,
шепнул:

– В высшей степени!

– Я тебе верю, – серьезно сказал германец.

В этот момент сверкнуло, и спустя несколько мгновений
ударил гром. Гарольд вздрогнул и перекрестился. Он боялся
грозы, человек, который не боялся больше ничего. Забавно.
Ну и что, кое-кто плавать боится.

Я рассмеялся, и мы пошли в сторону полуразрушенного
донжона, Франциско махал нам рукой оттуда, стоя самого
входа. Наверное, у них все-таки получилось. Дверь откры-
лась?

В этот момент ударил ливень.

Снаружи донжон выглядел также как и всегда, безжизнен-
ным каменным сооружением. Не знаю, может быть, я ожидал
чего-то волшебного, ну там свет изнутри, или каких-нибудь
странных звуков, не было ровным счетом ничего. Наверное,

так и надо. Откуда мне знать?

Тут что-то блеснуло под моими ногами. Мы как раз проходили мимо какой-то полузасыпанной песком каменной ниши, когда там что-то блеснуло в свете молнии

Я наклонился и поднял монетку. Маленькую медную монетку, ту самую, что я бросил в фонтан в наш первый визит.

«Делай, что должен и будь что будет...» – шепнула мне Крепость, и мы поспешили укрыться от дождя...

х х х

Глава XXIV

Fairport Convention “Autopsy”

Явь 24

А сегодня меня снова пытались убить. Странно это все как-то происходило. Тут без бутылки не разобраться, а то и не без трех... Толи у мен уже галлюцинации, толи я как бандероль стал в последнее время – ценный...

Еду утром на работу под впечатлением от этого сна дурацкого про проклятую Крепость и прочие перемещения во времени и пространстве.

Луаре еще какой-то привязался, и тут на тебе. Прямо на платформе, далеко холить не надо. На пути, так сказать, сле-

дования на рабочее место. Да. Короче, какая-то падла, как толкнет меня в спину. И электричка как раз из туннеля вот-вот появится. Спасло то, что я в метро работаю, а дебил этот нет. Толкать надо было позже, и хорошо, что я стоял под первый вагон, а не под последний. Такое... ну я свалиться свалился, но удачно, приземлился на все четыре. Народ заорал. А я сразу к поручням. Ухватился, подтянулся, люди помогли, парень какой-то среагировал. Короче, выскочил. В принципе ребята. Если кто так попадет, как я, то имейте ввиду, можно сразу в тоннель бежать в противоположном от электрички направлении. Электричка все равно дальше границы станции не поедет. Станет. А в тоннеле не опасно, на рельсах напряжения нет. Оно по контактному рельсу идет, а он еще и защитным кожухом защищен, так что под напругу попасть надо еще и умудриться.

Тут и дежурная подоспела с милиционером. Перепуганные оба, молоденькие. Я их как мог, успокоил, а самого-то трусит. Пошли акт составлять. Допытывались, кто толкнул, с какой целью. Понятное дело написали в протоколе, что несчастный случай, а уж по мне так и вовсе счастливый. Отпустили потом, слава Богу.

Позвонил я Михалычу, да и напились с ним в удовольствие. Михалыч историю мою выслушал молча, не перебивал, потом сказал значительно, как всегда:

– Живой и хорошо.

Михалыч, он молодец, сибиряк, мужик основательный и

не пьянеет никогда. Случай потом из своей богатой на события жизни рассказал, как его на севере волки чуть не загрызли. А среди ночи проснулся я и давай соображать. Соображалка заработала на полную, стал детали вспоминать, как да что. Вроде ничего не вспомнилось, а вроде бы и вспомнилось. Потом лицо на секунду перед глазами возникло. Неприятное такое. Я когда к краю платформы протискивался, там много народу стояло, но большей частью неприметные, а этот гад отчего-то запомнился. Длинный он был, сухой, что жердь и глаза мертвые какие-то. Я еще подумал, на Тимофеева похож, со склада, был у нас одно время такой кладовщик. Вечно в халате ходил, жадный, как сука. Точно этот меня и толкнул граблями своими. Или все-таки не он? Осадные блядь орудия... Охраны труда на них нет. Есть такой термин – работа на высоте, это когда выше чем метр тридцать.

Охрана труда. Охрана без труда. Труд без охраны... блядь... Работа на высоте, работа на глубине. Оказывается, если брать за норму нулевую отметку из метростроевских чертежей, то масса работ в колодцах, на водоотливных и прочее, будет считаться работами на высоте. Чуете, чем пахнет? Ага, пейотом. Кастанеда, блин. То есть, лезет человек по лестнице в яму, и насколько бы он в нее не опустился, все равно работник остается на высоте. Интересно? Еще и как. А почему? А потому, что станционные колодцы, не все, конечно, некоторые, находятся выше нулевой отметки.

Естественно, светлые умы тут же подскажут, что уровень нужно брать от пола помещения, в котором производятся работы, да не тут-то было, оказывается, что такой подход давно устарел и выглядит дилетантским. Но позвольте, господа, это значит, что все пассажиры метрополитена, ежесекундно подвергаются риску, так как, находясь на платформе, тоже находятся на высоте?

Э, нет, батенька! Пассажир работнику рознь, не стоит смешивать грешное с праведным, и так без конца и без краю. Охрана труда, курва, ничего не попишешь...

Вообще, так вам скажу, никому не интересно кем мы были раньше смысле когда-то, важно лишь то, что ты можешь делать на данный момент. Потому, вывод, если тебя переехал поезд, то извини, больше ты ни на что не годен. Где ваши татаро-монголы? Весь мир в страхе держали, Иерусалим брали, на минуточку, че огни сейчас? А ниче. Сидят в своей Монголии. Некоторые ученые правда утверждают, что и не было никаких татар с монголами и на Русь они не нападали, и вообще может это китайцы были. Не верьте им, были и точка. Да только вышли все, потому что каждому овощу свой фрукт. Так то. Вышло их время и все. На сцену вышли другие персонажи.

До утра я почти промучился, потом уснул, но на утро конечно, ни в какую милицию не пошел. Толку. Может и зря...

– Э, да тут подземный ход! – Гарольд выглядел озадаченным.

Мы стояли перед некой дырой в земле. И тупо взирали в образовавшуюся пустоту. Песок просыпался внутрь и продолжал сыпаться. Как в песочных часах, – подумалось мне.

– Это и есть твой портал?

– Да, отверстие открылось минуту назад.

– Похоже на песочные часы...

Эсперо поглядел на меня странно.

– Это и есть часы... Мы входим здесь, а выходим с изнанки...

– Сквозь время?

– Получается так.

Гарольд истово перекрестился.

– Надо прыгать туда! – объяснил я германцу.

– Э нет... Я туда не полезу... – А вдруг там ничего нет. Засосет и все... И потом не успеешь оглянуться, а тебя уже черти поджаривают...

– Резонно.

– Это слишком похоже на вход в преисподнюю.

– Согласен, но похоже, другого выхода нет.

– Крепость не отпустит нас иначе, – вмешался старший Эсперо, – теперь или в портал, или сидеть здесь вечно до скончания времен.

– А если в ворота? – хитро прищурился Гарольд.

– Там туман.

– И что?

– Это не простой туман, из него нет выхода, будешь блуждать там, пока хватит сил, а потом все равно выйдешь к Крепости, но тогда портал уже закроется.

– Откуда ты это знаешь?

Германцу явно не нравились описанные перспективы.

Франциско не успел ответить. А может, промолчал, потому что отвечать не мог.

– Спускаемся? – это Пьетро спросил у старшего брата

Глаза францисканца сузились, казалось, он думает о чем-то ином. Мы ждали. Наконец он кивнул. Пьетро улыбнулся нам на прощанье и ступил в сыпавшийся под землю песок.

Гарольд издал странный звук. Типа: «Эхм...» и перекрестился. Монах исчезал медленно по частям, сначала в этом песчаном водовороте? Или как назвать... исчезли его ноги, потом он уже пропал по грудь, и вот только голова в капюшон, раз и нет головы...

Паоло что-то запел и шагнул вслед за братом...

С ним все произошло еще быстрее, воронка набирала обороты.

– Ну же рыцари, – францисканец обернулся к нам.

– Это вынесет нас к Иерусалиму? – спросил германец, тербя бороду.

– Да.

– Всегда хотел там побывать... А ладно, Господи душу

свою вверяю в руки твои... Клемент, прощай на всякий случай... – с этими словами Гарольд смело шагнул вперед крепко сжимая верный меч.

«Эхм», – донеслось до меня из-под земли, и мы остались с Франциско вдвоем.

Я медлил.

– И что ты об этом думаешь, Клемент? – спросил Эсперо.

– Думаю, два мира столкнулись здесь, – подумав, медленно ответил я.

– Или все это у нас в головах... – задумчиво проговорил монах.

– Как это?

Монах хитро улыбнулся, от его улыбки кого-нибудь более нежного чем я наверняка бы стал бить озноб. Черты лица исказились невероятно, казалось со мной рядом стоит совершенно другой человек.

– Представь на минутку, что ничего этого нет... – он обвел рукой пространство вокруг нас.

– Как нет? – он определенно поставил меня в тупик, – а мы?

– И нас нет...

– ?

– Мы кажемся друг другу, или снимся...

– То есть...

– Ладно, брось, идешь или пропустишь старика?

Я ничего не ответил и шагнул в песчаный поток.

«Как песчинки меж пальцев»...

Сначала ноги мои, потеряв опору, провалились куда-то вниз, и в теле возникло ощущение затяжного падения в пустоту, желудок сжался, и меня стало словно бы выворачивать наизнанку, но это длилось совсем недолго. Через несколько мгновений тошнота прошла и ноги сами собой нашли опору, это было похоже на то ощущение, когда плывя по реке, ты останавливаешься, чтобы перевести дух и ищешь ногами дно. А его нет. Тогда ты еще немного проплываешь, и снова ищешь дно, а берег уже близко, и потом наконец происходит маленькое чудо, и ты стоишь, а река течет мимо...

Потом появился свет, вечерний сумеречный. Я стоял посреди пустыни, рядом со мной стояли мои спутники. Под ногами была та же воронка, только песок крутился в ней в обратную сторону и он плавно вытолкнул меня к моим спутникам. А над головой, наконец, было нормальное сероватое небо и солнце клонилось к горизонту, и даже мелкие облака присутствовали, что вселяло робкую надежду на завтрашний дождь...

х х х

Глава XXV

Пик Клаксон «Приют Святой Цецилии»

Утром я проснулся под журчание неторопливой беседы. Бу-бу-бу... Некоторое время лежал прислушивался и пытался определить где я, и что я... Вчерашнее полностью выветрилось из моей несчастной головы и потому было безнадежно утеряно. Потом все-таки разлепил одно веко и к удовольствию своему определил, что нахожусь в своей квартире. Но тут же к неудовольствию пришла мысль, а кто эти бу-бу-бу по соседству... Знаючи свою неугомонную натуру я подозревал, что притащил ночевать каких-нибудь друзей, а если не друзей... И что вчера произошло черт побери... Я заворочался, но все равно делал вид, что сплю. Бу-бу-бу прекратилось, и кто-то громко объявил:

– Проснулся что ли? Вставай, давай, бля на хуй...

«Ого!» подумалось мне, и я открыл второй глаз. Лучше бы я этого не делал.

Их было двое и оба мне незнакомы. Обычные такие мужики, не тонкие не толстые, крепенькие, один седоватый со сломанным носом, второй – обычный брюнет коротко стриженный, моего возраста. Говорил как раз старший, отрывисто и резко. И еще от них пахло Конторой. Той самой, с большой буквы. Я решил молчать, бесповоротно и непоправимо. Короче так как-то...

Седоватый подсел ко мне на диван и произнес почти ласково. Ох, не люблю я, когда седоватые мужички ко мне на

диван подсаживаются...

– Ну и здоров же ты спать, Александр Петрович, вставай, умывайся и идти надо. Начальство ждать не любит...

– Какое... – это было все, что я смог из себя выжать.

– Твое, какое же еще. Нам сейчас на спецобъект топать. Сопровождать нас будешь.

И книжечку красную мне в лицо тычет, а там все как положено фотография, звание. Ну я читать-то не стал, на фиг оно мне. Героически сел, глаза потер, седой книжечку убрал и опять на меня смотрит, ну прям чисто как Дед Мазай на тех зайцев.

– Подтверждение...

Седой вздохнул, кивнул моложавому, тот вынул сотовый, кого-то набрал, чего-то буркнул туда и мне тычет, на мол.

Я трясущейся ручонкой аппаратик принял и к уху приложил, а мне как гаркнет в ухо:

– Спишь бля, перебухал на хуй, – это главный наш инженер службы, ни с кем не спутать, – бегом руки-блядь в ноги и на спецобъект отведешь товарищей. Ясно?...

Чего не ясного, ясно. Я только: «так точно...» – выдохнул и все.

А седой улыбаться уже перестал, говорит:

– Теперь пулькой уважаемый, мы и так времени массу теряем.

«Вот сука, – думаю, – вот сука», – и в ванную, типа «щас».

Пока споласкивал рожу свою, у меня телефон задрезбел.

жал. Глянул на входящий и обмер, она. Черная королева. Анжела. Очень вовремя. Год не звонила и на тебе. Быстренько кнопку нажал, брякнул:

– Да, – а сам обмер весь и слушаю.

– Саша, – голос был далекий и глуховатый, но это была она, ни каких сомнений, – да, – говорю, а сам воду сильнее откручиваю.

– Они у тебя?

Меня морозом обдало, вот это поворот сюжетной линии. С Анжелой мы встречались немного, она мулатка была из наших. Дети разных народов, так это когда-то называлось. Прикольная девица. Вечно с панками какими-то шаталась, с рокерами. Потом расстались мы как-то нехорошо...

– Да, – чего-то я повторяюсь сегодня.

– Никуда не ходи, слышишь, – не смей, что хочешь, делай, но не ходи никуда...

– А собственно...

– Никуда не ходи...

– Что? – я уже вообще ничего не понимал.

– Китай... – и голос пропал, в дверь заколотили.

– Эй, ты там что, заснул?

Я спрятал телефон и с мокрой рожей открыл дверь, буркнув:

– Пошли что ли...

Мы шлепали по лестнице на улицу, а мысли в голове моей скакали лихо, что те кони на ипподроме.

– Че вы там забыли на спецобъекте то, могу спросить?

– Можешь, – ответил тот что помоложе, – но отвечать не обязаны...

– И если ты верить мог, мечты обрататься в явь... – продекламировал я первое что пришло в голову.

– Ты давай без этого поэт...

– Это не я, это Эжен Клаксон...

– Разберемся...

– Ай, молодца, – я восхитился и больше вопросов задавать не стал.

Спецобъект это сооружение такое специальное, глядь. Там дизеля стоят, электроэнергию давать чтоб, на случай ядерной войны. Не дай Бог война, если Контора заинтересовалась. Чего меня-то послали? Есть дистанция специальная, спецобъектов. Их бы и гнали, так нет, меня, простого сантехника. Поохуевали они там что ли?

Мы уже, кстати, по улице шли, потом в метро стали спускаться. Гляжу, как проходить будут товарищи. Уверенно прошли, книжечки свои чмошные контролеру сунули, ну а я по удостоверению следом. Смотрю, а лицо у девушки какое-то не живое стало, странное лицо. Как будто ей Медузу Горгону показали. Впечатлительная видать.

Скажу очередную банальность, но что-то происходило вокруг. Точно вам говорю

И такое вам скажу, недоброе. Людишки, видать, это недоброе тоже почуяли и часа пик в метрополитене не на-

блюдалось, а должно бы наблюдаться. Без всякой толкотни сели мы в подъехавшую электричку, в полном молчании доехали до конечной и вышли. В ДСП не пошли, что само по себе было странным, а поднялись по подниматься по лестнице на улицу.

– Ключи... – пропищал было я, но седой отмахнулся. Почти сразу же к нам подошел полужнакомый персонаж с дистанции спецобъектов, видимо ждал дорогих гостей, и чуть ли не с поклоном вручил седому спецпакет.

«Война, бля», – только и подумал ваш покорный слуга. Пошли дальше. Этот кланяющийся Вова-Вася, не помню как зовут, замкнул шествие и тем самым нас стало четверо. В полном молчании миновали мы перекресток, и перешли в парковую зону. Насколько я помнил вход на спецобъект находился где-то рядом с шахтой тупикового ВОМДа. Мы туда никогда не ходили. Незачем, но на ВОМДе бывали неоднократно, благо линия была наша родная.

Я поглядел вверх и изумился, небо приобрело страшный свинцовый оттенок, толи из-за сгустившейся облачности, толи из-за начала Рагнарека.

Подошли к объекту. К нему вели широкие бетонные ступени.

– Отмыкай, – скомандовал седой, а моложавый сунул руку в карман, словно проверял спрятанный там ствол.

Представитель дистанции спецобъектов отворил двери, и мы прошествовали длинным коридором с бетонными стена-

ми до металлического затвора. Вася-Петя поколдовал над кнопками шкафа управления и с неприятным звуком затвор приоткрылся, мы прошли внутрь. Там тоже был коридор, который заканчивался обычной бронированной дверью. Вася открыл ее ключом с красной пластмассовой биркой. За этой дверью коридор делился на два коротких ходка, в конце каждого было еще по одной бронированной дверце. Представитель открыл их по очереди, после чего скрылся внутри. За ним последовал молодежь, а седой повел меня в первую дверь. За ней оказалась полукруглая комната с выбеленными стенами и бетонным же полом. Окон не было была только узкая щель, а перед ней Матерь Божья! Настоящий пулемет «Максим», видать еще с гражданской, но смазанный и ухоженный. На специальной подставке. От пулемета тянулась набитая патронами лента, и уходила куда-то в пол.

«Ни хера себе!» – подумалось мне тогда. Напротив пулемета стоял стул и седой приказал мне присаживаться.

«Ни хера себе!»

Подумав так, я присел.

– Смотри боец, – сказал сурово седой, – сидишь, пока не сменим, или пока отбоя не дадут. Красная тревога это тебе не хухры... Короче так. Сидишь тихо, наблюдаешь, если... Короче...

Он вытянул тетрадку в кожаном винилисовом переплете и сунул мне:

– На вот, распишись о неразглашении, мы б тебя раньше

не привлекали, но ситуация такая, что персонала не хватает. Вот тут расписывайся... Ага. Военнообязанный?

– Ага, – я чиркнул чего-то в тетрадке напротив своей фамилии, в голове стучало только одно слов:

«Попал!»

Седой полез в карман и стал там копошиться.

– Это подписка о неразглашении, первый отдел, сам понимаешь. Время нынче беспокойное. Ты парень вроде сознательный, так что... Сиди тихо, поглядывай в щель. Мобильный твой я на кремья заберу. Внутренняя связь работает, достаточно. Если там чего-то... Ну короче думаю, что обойдется, но все же, если полезут, жми сюда. Лента не собьется, охлаждение ствола автоматическое. Машина пристрелянная, старенькая, но надежная. Просто нажимай и все... Понял?

– А я...

– Все вопросов не надо, – он подмигнул мне, и вдруг ловко вынув из кармана наручники, пристегнул меня к пулемету.

– Э! – возмутился я.

– Тихо! Так надо, сынок. Все будь.

После чего быстро вышел и захлопнул двери. Я остался с «Максимом» наедине...

Наступила полнейшая тишина. Я сидел и смотрел на пулемет, пулемет смотрел в щель. Напротив нас была нештукатуренная кирпичная стенка, местами влажная, ее освящало тусклое подземное освещение. Мне сразу вспомнилось ка-

кое-то старинное кино про войну, где немцы так же пулеметчиков к пулемету приковывали, а потом пионеры скелет нашли прикованный, не помни я дальше, да и не мудро, в такой переплет угодить, спасибо родному начальству. Не поскупились. Захотелось в туалет, но я стерпел. Даже не сказали, с кем воюем. Полезут, говорит, кто полезет? Шахтеры? Мысли скакали, как бешеные, ответов на вопросы не наблюдалось. Звонок этот. И этот падла Вася-Петя.. не предупредил ни хуя. И главный, глядь... Так вот чем они тут на спецобъектах страдают, суки! Пулеметы охраняют, и техобслуживание им делают, ишь, патрончики блестят, маслица не поскупились налить. Я потрогал патрон руками, он был маслянистый и холодный на ощупь, потом я сжал рукоятки Максима, и вдруг ужасно захотелось дать очередь в стенку, как том в боевике. Но я конечно же сдержался, потому что никто из нее не лез. А я при всех своих минусах, работник дисциплинированный и сознательный. Красная тревога, итить ее налево.

Незаметно я уснул, а чего еще было делать?..

Сон

Сегодня все было мирно. Мы нашей теплой компанией паломников сидели у костра на Иерусалимском холме. Одним из. Если бы было светло, то отсюда должно быть открылся бы великолепный вид на город. Но была глубокая ночь,

и мы грелись у огня, перекусывая остатками нехитрой снeди, которая завалилась в наших тощих паломнических сумках, несмотря на все наши приключения. Пара лепешек, кусок вяленого мяса, немного изюма. Франциско отыскал воду. Оказывается, он был мастер в подобных фокусах. Когда-то я видел человека, который искал воду с помощью прутика, но все это более походило на цирк. А у Франциско все было иначе. Мы просто шли, потом он остановился и сказал: «копайте здесь».

Гарольд и я принялись мечами ковырять землю, не благодарная это работа скажу я вам, но тем не менее, совсем скоро песок стал сырым, а еще через несколько минут в выкопанной нами яме стала собираться мутноватая желтая вода.

Мы напились, потом набрали воды с собой и двинулись дальше по направлению к Городу. Эсперо сказал, чтобы мы закопали здесь свои мечи и доспехи, и запомнили это место как следует, дальше мы превращались в обычных паломников.

Итак, несмотря на всю невозможность произошедшего, Крепость выбросила нас прямиком в окрестности Святого Города. Как? Да одному Богу известно как. Впрочем, без проявления высших сил тут никак не обошлось, в этом я был уверен на все сто.

В голове образовалась какая-то преграда между мной и окружающим миром. Я просто лежал у огня и смотрел прямо перед собой. Тихо трещали пожираемые огнем ветки чах-

лого кустарника, которого наломала по дороге младшая братия.

Франсиско шевелил прутиком угли. Гарольд был мрачен, он чувствовал себя безоружным. Я прекрасно его понимал, но что поделаешь на данном этапе лучше так. Наверное.

Потом Франциско заговорил медленно, и отрешенно, словно читая странную молитву:

– Конрад III, Людовик VII, юный Балдуин Иерусалимский, граф Тьерри Фландрский... Говорят ли вам что-нибудь эти имена? Под стенами Дамаска нас было двадцать тысяч, как рыцарей, так и простых воинов. Наше войско казалось огромным, а победа близкой. Ах, какие сады были тогда под Дамаском! Построившись для штурма, мы не могли сдержать снисходительных улыбок. Несчастная горстка воинов пустыни противостояла нам. Человек триста не более, в белых одеждах и как нам тогда показалось, без оружия.

Боже, как мы ошибались!

Лица воинов пустыни были наполовину закрыты, эти полоски ткани назывались капбшены и мы видели только злые беспощадные глаза, взирающие на нас – пришельцев.

А потом начался самый странный бой, который я видел. Воины в белом сблизались в нашими шеренгами и вдруг взмыли вверх, взмахнув руками, словно крыльями. На миг они напомнили ангелов, но воистину в них вселился сам Сатана. В высоком прыжке они перелетали через головы наших воинов и в полете убивали нас руками.

Сначала никто ничего не понял, задние напирали на передних, пытаясь разглядеть диковинных бойцов и гибли тут же на месте. Через несколько минут мертвецы уже лежали вповалку друг на друге, так толком и не вступив в бой. Как выяснилось потом, на руках у них были потайные лезвия, острые как все, что изготавливается на востоке.

Но мы этого не знали, не знали... – Эсперо помолчал, словно заново переживая тот страшный день, потом заговорил снова, все также размеренно и монотонно, – Они были подобны молнии. Христианская кровь лилась по их рукам ручьями. Но одежды по-прежнему казались белыми. Перебив седьмую часть нашего войска, они обнажили сабли...

Он снова умолк. Я закрыл глаза и представил эту страшную картину. Белые фигуры с окровавленными руками, посреди шеренг мертвецов, сраженных неведомой силой...

Лицо Эсперо неожиданно исказила кривая ухмылка, разрезавшая лицо подобно арабскому клинку:

– Нам удалось убить пятерых, одного взяли в плен, он умер, покончил с собой. Так мы узнали про лезвия на руках, и про кожаные жилеты со множеством острейших ножей, которые были у этих адовых воинов.

Мы отступили, но ночью они вернулись. Это была резня, сильных, вооруженных, обученных воинскому ремеслу мужчин резали как баранов. Нас погибло три четверти от общего числа. И мы ушли от города. Ждать помощи. Странные враги не беспокоили нас целых две недели. Мы хоронили дру-

зей и молились.

Когда подошло еще пять тысяч наших воинов, мы снова пошли на приступ. Но атаковать было некого, город оказался пуст. Мы беспрепятственно вошли в него, нашли еду и лошадей.

– А потом? – вырвалось у меня.

Эсперо сжал кулаки:

– Ночью погибли все, включая командиров. Те, кто остался, жалкие пять сотен человек в панике бежали прочь от города. И я в том числе. Так закончился этот бесславный поход.

– Почему я ничего не слышал об этом?

– Мы поклялись не рассказывать об этом, а если говорить, то только о том, что нас разбили превосходящие силы неприятеля. Намного превосходящие...

– Понимаю.

Эсперо встал на ноги и стал всматриваться в зыбкую расплывчатую линию горизонта.

– Самое неприятное чувство, которое я испытал в своей жизни – это даже не предательство, это – беспомощность. Когда знаешь, что у тебя есть сила, оружие, воля, но ты ничего, ровным счетом ничего не можешь изменить.

– На все воля Божья, брат, – сказал я, – так бывает.

Лицо соратника исказилось гримасой, но он промолчал. Может и правильно.

– А еще он говорил, что «айюбиды были первыми, кому

Всевышний даровал победу!»! – блеснул эрудицией Паоло.

Пьетро скептически хмыкнул.

– Ну, это еще как сказать, – недовольно пробурчал Гарольд, а Франциско ответил уже нормальным голосом:

– Это их пророк так сказал. Иисус такого не говорил. А вернее верно, что сказано это было специально, для того, чтобы поднять дух воинов перед битвой. И ничей Бог, если это действительно Бог такого сказать не мог. Потому что пред Богом равны все, и победители и проигравшие, и каждый приходит к Нему в свое время.

Замолчали. Я тоже не стал ничего говорить. Трепятся мужчины, да и ладно. Что в том плохого или зазорного? Тем более, что никто не ведает того, что будет с нами завтра. А сегодня тихо, спокойно, никто не напал, пока. Чего б не посидеть не потрепаться? Я еще и кувшинчик чего-нибудь оприходовал бы запросто в такой милой компании, да и Гарольд бы составил мне компанию, ишь какой грустный сидит. Ан нету вина...

Гарольд прокашлялся и прорычал, прерывая молчание:

– А меня учили по-другому. Мне говорили, что главная моя задача – немедля атаковать и уничтожать врага, а не расусоливать разные непонятные слова.

Я перестал делать вид, что сплю, приподнялся на локтях, потом сел по-турецки и зевая произнес:

– Знаете, как говорит один мой знакомый тамплиер? Не верить в победу – богохульство!

– Это как? – изумился Пьетро.

– А так, если хотя б на миг представить, что победят сарацины, значит усомниться в божественном начале крестового похода.

– И всего того, что мы делаем, – эхом отозвался старший из братьев, но как-то грустно он это произнес, с оттенком глубокой печали.

– Да... – неуверенно добавил гигант и снова все умолкли.

Через какое-то время забренчали струны, оказывается Паоло у нас еще и музыкант, то-то с мешком своим никогда не расставался.

У него оказался приятный голос как для менестреля, коих слыхивал я немало. И красиво повел он рассказ свой:

У Яффы в оливковой роще,

В прекрасном саду.

Божье войско

Поставило свои знамена...

Тихо потрескивал костер, было спокойно и благостно. Да именно так, иначе и не скажешь. О предстоящем деле не было сказано ни слова.

х х х

Глава XXVI

Deep Purple “Child In Time”

Явь

Проснулся я словно от толчка. Железная дверь загрохотала замком. Меня отпирали. Я был на удивление выспавшимся и бодрым. А хули, мельком глянув на часы, я увидел, что проспал почти шесть часов, полсмены, ни хуя себе!

– Подъем! – с порога улыбался моложавый, седой до моей скромной персоны не снизошел, куда нам... – Отбой, – продолжил он, – смена твоя пришла.

Я молча встал и подергал наручники. Все также мерзостно улыбаясь моложавый вынул из кармана ключик и отомкнул мои кандалы. Потом вернул телефон, я машинально сунул его в карман.

– Спасибо за службу, и не забывай про неразглашение...

– И вам не хворать, – я потер запястья, восстанавливая кровообращение, – и куда мне теперь?

– Домой, отдыхать, а завтра на работу как обычно. Если вы нам понадобится, мы сообщим дополнительно.

В коридоре уже ждал невыспавшийся и хмурый Вася-Петя, а с ним двое ребят в спецовках, явно с его же дистанции. «Ага, – подумал я, – смена караула». Говорить с ними совершенно не хотелось, тем более в присутствии товарищей. Плюс то, что в глубине души я подозревал, что и разговари-

вать со мной никто не захочет, слишком уж лица у моих новых коллег были ответственные. Я плюнул на них мысленно и поперся на улицу.

Там было холодно, но довольно таки оживленно. Поправив пошатнувшееся здоровье у ближайшего киоска, поплелся на участок, благо домой отчего-то не хотелось. Слишком много вопросов накопилось у меня за прошедшую ночь. Попробовал набрать Анжелу, но никто не отозвался.

Захарович оказался на месте, и увидев мою помятую физиономию, недобре, как мне показалось, на нее покосился. Хоть не покусился и за то спасибо.

Я молча сел перед ним и сложил руки на коленях.

– Отдежурил? – хитро спросил мастер.

– Ага, – кивнул я, – и чего это блядь, было?

– Подозреваю, что красная тревога? – с ленинской хитрецой во взоре поинтересовался лукавый мой мастер.

– Она самая... мы тут каким боком, че за новости?

– Сплюнь, учения это. Обычные учения. Но со смыслом.

Понял?

– Ни хрена я не понял, не хренушечки... Какие в хера учения?

– Приближенные к боевым. Как тебе объяснить... Ты особенно в целом не трынди, тут мало кого на эти вещи привлекают. Но смысл такой, что работник метрополитена должен быть как пионер всегда готов...

– К чему?

– Блядь, Саша, неужели не ясно. Обеспечить безопасность пассажиров. От всего. Понял? Короче, заебал ты, Саня, отдежурил, молодец, не ты первый, не ты последний, можешь отдохнуть-побухать, прогул не поставлю, но будешь должен.

– В смысле? – меня словно обухом стукнули, какой на хер прогул? Что он мелет?

– Шутка... Пить надо тоже умеючи. Учения, блядь. Я б вас поразгонял всех давно, да с кем работать за такую зарплату. Понял?

Ничего я не понял, но кивнул, а что мне оставалось? Шутник, на... Посидел бы с Максимкой наедине прикованный.

– Вот как-то так. Езжай домой отдыхай. Вид у тебя... Завтра выходи в день, поедем на Восстание по теплу. А я в управление.

Он стал собираться. Оделся и ушел, а я остался. С радостью, решив, что так умней. Так, кажется, у Вовки Кузьмина поется.

Я посидел-посидел и поплелся к Данилычу, надо же с кем-то поделиться тайной, а то ведь разорвет изнутри...

Сон

– Здесь и заночуем! – произнес Эсперо, устраиваясь у стенки, – тут мы хотя бы от ветра защищены будем.

– Разве, что от ветра, – недовольно пробурчал Пилигрим из Остенде.

Братья Эсперо по-обыкновению молчали, я тоже стал на их сторону и просто свалился на земляной утрамбованный пол, подгребая под себя соломенные ошметки. Может быть и удастся наскрести на подобие подстилки. Вот это действительно было бы неплохо. Хорошо, что за время своих бесконечных скитаний я научился засыпать где угодно и когда угодно. Я чувствовал подступающую сладостную истому, когда натруженное за день тело, наконец, выпрямляет суставы и расслабляется в ожидании столь желанного и необходимого отдыха.

Мы медленно приближались к городу. Не по прямой. Франциско вел нас странным зигзагом, словно продвижение наше по кратчайшему пути, могло разбудить некие таинственные силы. Кто знает, может это так и было, я не спрашивал, я вообще больше наблюдал и старался не задавать вопросов. Гарольд вел себя также, и то, что нападения на нас прекратились, я считал добрым знаком. Возможно, наш францисканец действительно знает что делает. По крайней мере, едой мы разжились, благо деньги у нас были. А вот с оружием было не очень. Только ножи.

Менее всего на пилигрима походил германец, но Франсиско придумал для него неплохую легенду, про то как Гарольд был взят в плен и выкупив свою жизнь принял обет не брать в руки оружия и совершить паломничество к Гробу Господню во искупление своей вины. Нельзя сказать, что германец был всем этим доволен, но пришлось подчиниться.

Пока никто нам не докучал, ибо Господь хранил нас.

Передвигались мы медленно, и когда появилась очередная деревня нам пришла в голову неплохая мысль разжиться повозкой и лошадью, хотя бы одной .

Увы, деревня оказалась пуста, ни коней, ни людей. Повозку правда нашли, но кого в нее впрягать? Гарольд предложил поймать парочку бедуинов, и мы долго смеялись над предложением германца. Он очень удивился нашей реакции, ибо пребывал в полной уверенности, что мы поддержим эту идею. Решено было остановиться здесь на ночлег, и как выяснилось, это решение было верным. Потому, что кони сами нашли нас.

– Тихо! – неожиданно шепотом скомандовал Франциско, и мы прислушались к вою ветра за хлипкой стеной.

–Вроде никого... – пробормотал германец.

– Тихо... – повторил Франциско и змеей выскользнул наружу.

– У этого монаха ушки на макушке, – подмигнул мне германец обнажая нож.

Теперь уже все, кто находился внутри хижины, услышали приглушенные невнятные звуки снаружи.

Бедуины, эти кочевники пустыни появились неожиданно. Они явно не ожидали увидеть деревню обитаемой, и мы справились с ним довольно легко. Гарольд придушил одного из них, притом, что как он выразился, то этого он делать не хотел, но не рассчитал силу. Франциско же первым зарезал

главаря и после этого мы получили пятерку неплохих верблюдов. Я даже не успел поучаствовать в этой скоротечной схватке, только стукнул разок по лбу невысокого вертлявого сына пустыни, у которого от страха перед неожиданным противником оказались явные проблемы с желудком.

Вот и вся стычка. Смех, да и только. В результате оружие и ездовых животных мы отобрали по праву сильного. Еще у них была вода. Хозяев же посоветовавшись решено было отпустить на все четыре стороны пешими. В назидание. Это германец так выразился. Какое назидание? Не знаю, он не уточнил, наверное, чтобы на мирных путников не нападали более.

Бедуины были несказанно удивлены такому решению и исчезли быстрее, чем появились.

Ветер понемногу утих. И мы, взгромоздившись на наших животных, двинулись к Иерусалиму, восхваляя Господа нашего и желая исполнить Волю Его. В этой компании я становлюсь чересчур религиозным.

А вообще, скажу вам, странная штука, этот сон во сне. Это случалось нечасто, но, тем не менее, случалось. Вот и сейчас я, зная о том, что вижу лишь сон, устроился на спине своего скакуна, и чувствовал, как мои веки снова тяжелеют.

Гарольд что-то бубнил у меня за спиной, насчет того, что его обычного рыцаря без причуд уже задолбали все эти тайны и всякие не простые рыцари, а Ahrenkranz, как он выразился. Это переводилось примерно, как «веночек из колосьев»

Это он так иносказательно намекнул на причастность нас к неким тайным службам, о которых среди простых рубак ходили очень неприятные слухи. Но при этом он уверял, что не предаст нас никогда и сетовал на то что таков его крест мыкаться вечно по пустыне в компании загадочных недоумков.

Нет, стычка с несчастными бедуинами несколько сбросила царившее в нашей компании напряжение. Ибо, как сказал однажды де Фок:

«Неприятности, случившиеся, намного лучше, чем их ожидание». Да старик мог иногда удивить, этого у него не отнимешь.

Вот странная штука, человек, который не боится ни дьявола, ни черта в открытом бою ужасно робеет при столкновении с непонятым, загадочным и тайным. Почему? Неведомо...

Меня покачивало и покачивало. В определенный момент на самой границе сна, я уже не осознавал, где нахожусь, то ли на корабле пустыни, толи на палубе нашего корабля несущегося на Мальту. Толи на утлой лодчонке посреди реки...

Потом я куда-то провалился, и уже зная, что сплю на полу, на огрызках соломы, отдыхая натруженным телом после бесконечного дня, обнаруживаю свое сознание в лодке, стремительно несущейся по извилистой горной реке. Вся наша компания тоже была здесь. Словно наяву. Но куда мы плыли и зачем?

Такие вот повороты. Не имея возможности взглянуть на себя со стороны, я крепче сжал весло и обнаружил, что у этого тела, хотя бы бугристые мышцы. После с еще большим удивлением обнаружил, что тело сие умеет весьма искусно управляться с веслом и лодкой, и после этого полностью погрузился в изучение новых своих возможностей.

Желание спать растворилось в реке.

Старший из братьев не спешил делиться новостями и выдавал их порциями. Небольшими, как в монастыре в постный день.

– Храмовник будет нас ждать у Северной стены. Каждый день в течение этого месяца.

– Как мы узнаем его?

– Узнаем...

– Не иди близко к берегу, сядем на мель, тут странная местность...

– Да уж места здесь странноватые...

– Ну... это место называется ...ччч...

Я поднял весла, Гарольд сделал то же...

– Стража? – шепнул германец.

– Да нет.

– Мы похожи на ночных рыбаков?

– Нет...

Кто-то сдавленно засмеялся, кого-то пнули его в бок.

И голос Франциско:

– Эй, рыцари прижимайтесь к берегу. Мы почти на ме-

сте...

Нос лодки уткнулся в песок, я проснулся...

х х х

XXVII

Infected Mushroom “Ballerium”

Явь

– А вот кто сильнее кит или слон?

– В смысле?

– В прямом. Когда ислам столкнется с китайцами напрямую. Не думал?

– Ммм...

– То-то и оно... Мало кто думает, все больше местные проблемы решаем. Сначала они поделят Евразию, а Африка примкнет к победившей стороне. Смотри, Китай жадным глазом смотрит на Сибирь, и он туда рано или поздно войдет всей силой, и русских использует для борьбы с мусульманами, причем сразу как только почувствует у русских слабинку. А арабы лезут в Европу с запада. Причем те страны, у которых есть деньги, бедных к себе не пускают. Они их используют как легкую пехоту в старину. Изматывают противника. Европейцы стары, слабы и ленивы. Они слишком долго жили

в сытости, а сытая и спокойная жизнь не способствует агрессии. Выживают лишь агрессивные и активные нации.

– Это типа как дела, да нормально – кушаю и какаю, а вот когда с чем-то одним проблемы, тогда и дела никакие.

– Ну да, примерно так. Арабы сомнут их изнутри и напрямую столкнутся с Китаем где-то в Карпатах.

– И наследники Дракулы выпьют лишнюю кровь...

– Именно. А вот потом, когда они перебьют друг друга и Евразия обезлюдит... Китай все-таки идет по пути У-Вэй, когда делать ничего не надо, а все делается само и к лучшему. Они просто ждут своего часа, и тогда...

– Придут американцы?

– Врядли, там не дураки сидят. Америку тоже будут рвать изнутри.

– Мексиканцы и майя?

– Кто знает, скорее черные против белых, там это назрело давно и исторически. Просто пока белые кормили черных в уплату прежних грехов, всех все устраивало, но стоит к власти прийти белым радикалам, и просто возмутиться существующим положением вещей, тут тебе такое начнется...

– Китайцы возьмут все, если арабы позволят. К сожалению или к счастью, я не вижу сейчас на планете Земля иной силы способной им помешать в ближайшие сто лет. Их диаспоры существуют повсюду, чтобы захватить мир им надо просто размножиться, и тогда они вытеснят коренное население. Согласитесь. Довольно приятный способ...

– Ну да.

– Христиане воевали с мусульманами за Гроб Господень, долго воевали, а толку? Пришли хорезмийцы и сожгли Иерусалим. Не доставайся ты никому. А их в свою очередь в те края монголы погнали, зело лютые были. В 1259 году и сами монголы в Иерусалиме были, вот вам Саша и третья и четвертая сила!

Сидел я у Даниловича, пил чай с китайскими, наверное, травами, почему-то так мне подумалось, беседовал о серьезных вещах, а мысли мои неуклонно возвращались к своей грешной персоне. Случайно или нет? Ну, вы-то меня понимаете. Стресс и все такое.

Данилыч та еще устрица. Выслушать меня выслушал, а вот в ответ принялся какую-то ересь мне нести, про китайцев, про исламистов. На хера оно мне? Не знаете? Я так точно не знаю. Ну, Данилыч тот еще крендель, и кот этот блядский, сидит, глядит исподлобья, скалится временами. Заколебали, короче.

Спрашиваю:

– Так же я охранял, как думаешь?

– Кто ж знает? – вздыхают с котом, – ты ж работник, не мы.

Ага, вы те еще работники, кто б сомневался.

– У вас там много напутано...

Отож, напутано, еще и как.

– А к пулемету на фигу приковывать наручниками?

Пожимает плечами:

– Ну, это в войну такое делали, чтоб стало быть ни шагу назад, еще и поили напоследок, тебя поили?

– Щас, – отвечаю. – Может у меня уже реальная белка, с видениями?

– Это многое объясняет.

– Спасибо Данилыч, утешил.

Помолчали. Стал я стены разглядывать, а у Данилыча фотообои страшенькие висели, изображали они каменных воинов азиатского происхождения. Такие узкоглазые, в шлемах, с оружием, и много.

– Че это? – спрашиваю.

– Странно, что вы спросили, Саша, – отвечает Данилыч, – они у меня уже лет сто висят, а вы только сейчас поинтересовались. Это так называемая Тартановая Армия императора Цзи. В Китае обнаружили на месте захоронения. Несколько тысяч воинов из камня, в полный рост с конями и оружием.

– Это император так развлекался? Хорошо хоть не живых зарыли.

– Хм, – Данилыч задумчиво поскреб подбородок, – есть версия, что они до сих пор живые.

– Как так?

– А вот так, ну это фантастика конечно, про то, что тут кремниевые структуры, знаете, экстраполяция души, прочий Тибет. Да разные версии есть. Типа того, что прикопаны до определенного момента. А в нужное время выступят. Вот

почему Китай в свое время не стал расширяться, когда все вокруг хватали территории. Закуклились у себя и все.

– Да, интересно...

– Не то слово... Приказ императора, ему видение было, и он приказал разрушить флот, который надо сказать, черт знает куда заплывал, финикийцам на зависть. Фантастика просто для тех беспокойных времен. Вот, приказ значит... и не покидать пределов империи. А может вторжения боялся, а может и другие соображения были.

– Это, какие же?

– Да разные версии есть, у европейцев одни у китайцев другие. Непонятная тут история совершенно, может, не готовы были. А вообще азиаты умеют ждать, знаете, Саша вот будет здорово, если они когда-нибудь выступят.

– Это каменные что ли?

– Ну да, поглядите на их лица, они словно спят. Сон воина, знаете ли, если б я был художником, и писал бы такую картину, я б ее так и назвал. Сон воина.

Короче поговорили. Ушел я. Спать. Сном воина. Похоже, я реально схожу с ума. Блядство, Анжеле, сколько не перезванивал, не отвечает. Че за бред...

Сон

На улицах Города было людно. Нужный нам человек так и не пришел. Храмовник у Северной стены нас не ждал. План

менялся. Даже не так, похоже, у Эсперо запасной план был, а у меня было только ощущение того, что меня используют втемную. Мне это не нравилось, но...

Я искал человека по имени Иерофонт. Он был единственной ниточкой, которая могла привести нас к Реликвии, так утверждал Франциско.

После того как прибыв в город мы затерялись в толпе подобных нам на одном постоялом дворе, Франциско оставил нас и куда-то пропал. Отсутствовал он довольно долго, а вернулся темнее тучи. Было ясно, что что-то пошло не так. Он собрал нас всех вместе, и тогда впервые прозвучало имя «Иерофонт».

– Нам нужен Иерофонт, – сказал монах, – тот человек, с которым я должен был встретиться для получения дополнительных инструкций, исчез несколько дней назад. Теперь только Иерофонт может указать нам путь к тому, что мы ищем.

Я спросил тогда:

– Поведай же нам, наконец, что ищем мы...

Бенедиктинец иронии моей не оценил, сверкнул на меня глазами, но удержался от язвительного комментария и произнес отчетливо:

– Пойми Клемент, я сам знаю совсем не много, нас собрали всех здесь по велению сил высших, ибо если бы Ему, – он ткнул пальцем в потолок, – было неудобно нас тут видеть, то наш корабль не дошел бы на Мальту, или Крепость... от-

правила бы нас в совершенно другое место.

– Я думал Крепость служит Вельзевулу... – пробурчал Гарольд.

– Нет! – хрипло крикнул Эсперо страшным шепотом, – Все служит Ему! И только Ему, и Воля только Его... – он перекрестился, братья повторили за ним, – раз нам позволили так близко подобраться к цели, то только потому, что он так хочет.

– Ладно, уговорил, – примирительно произнес германец, – как выглядит тот, кого нужно найти в этом муравейнике?

– Это книжный человек, – горящий взор францисканца, слегка поутих, – как мне объяснили, он там, где мудрость, то есть книги, ему много лет, он носит бороду, и у него не хватает одной кисти.

– Правой или левой?

–левой...

– Значит не вор... Бывший воин?

– Это врядли. Он пришел из Византии. Теперь он не живет долго на одном месте. Я предлагаю разбить Город на равные части и начать поиск немедленно.

Так мы и поступили. Разбили и начали. И вот полдня шагаюсь по святому Городу, осматривая все попадающиеся мне книжные лавки в поисках этой загадочной личности.

Толпы нищих и оборванцев наполнили город. Сказывалось то, что султан отменил ряд превентивных мер по отношению иноверцам. Было довольно жарко и я в очередной раз

подивился мудрости местных жителей, благодаря которой я в своем одеянии не испытывал особого неудобства.

Я знал, что мне нужно найти лавку Саида, недалеко от рынка. Там торговали травами и лечебными настоями. Так мне сказал один местный житель почтенного вида, к которому я обратился за помощью. И среди посетителей его были абсолютно разные люди, так что, избрав ее местом сбора, мы не должны были вызвать особых подозрений ни у кого.

Город жил своей повседневной жизнью и ему, как и всем другим крупным городам было абсолютно наплевать на наши проблемы и желания. Город торговал, влюблялся, скандалил, обманывал, клялся в преданности, пел, танцевал, задушно призывал к мессе и никуда не спешил.

Никуда не спешил и я, решив, как следует осмотреться. Прислонившись к стене, я развязал свой мешок и принялся методично перебирать содержимое с таким видом, словно всецело увлечен этим в высшей степени ответственным занятием. При этом я, разумеется, внимательно поглядывал по сторонам, изучая реакцию города на свою скромную персону.

Через пару-тройку минут я обнаружил, что мне удалось привлечь внимание двух живописных оборванцев лет двенадцати-тринадцати, которые как бы невзначай затеяли незатейливые игрища в нескольких шагах от меня, при этом время от времени бросая красноречивые взгляды на мой мешок.

Пришлось, зевнув продемонстрировать им, тоже, как бы

невзначай, свой рабочий нож сапожника, всего на миг, но этого хватило. Оборванцев, как ветром сдуло, и для меня осталось загадкой, толи содержимое мешка их не удовлетворило, толи демонстрация ножа произвела столь благодный эффект. Скорее всего, как всегда – истина оказалась где-то посередине. Решили не связываться. Что ж, разумно.

Шестым чувством, определив направление, поймав пульсирующие потоки человеческого движения, я побрел в сторону рынка и не заметил, как оказался у цели. Рынок неожиданно охватил меня своими разноцветными объятиями и запахами и я понял, что вырваться из них будет очень непросто.

– Пойдем! – кто-то крепко схватил меня за рукав и я увидел хитрое, но такое преданное лицо торговца кожей, что у меня тут же пропало желание отрубить посягнувшую на меня конечность.

– У меня лучший товар, нигде такой не найдешь, даже время не теряй. Клянусь Аллахом!

Пришлось уделить ему минут десять и даже для приличия поторговаться. Сапожник я, иль нет?

Потом был торговец сладостями, все-таки всучивший мне кусок шербета и пару сладких лепешек, потом торговец удовольствиями, потом... Потом я понял, что рынок надо срочно покинуть, ибо меня засасывало. Рынок нужно обойти по окружности, ни в коем случае не ступая на его отравленную деньгами и страстью наживы территорию.

Обойти, и найти, наконец, эту лавку. Увы, сделать это было совсем не просто. Не знаю, сколько бы я еще промучился там, если бы нос к носу не столкнулся с Паоло.

– Похоже, мы попали на след? – улыбнувшись, поинтересовался я.

– Лавка Саида, – нехотя произнес монашек. Забавно, наши поиски пересеклись. Я почувствовал охотничий азарт.

Он был наряжен лицедеем, и я его даже не сразу узнал, тем более, что он никак не мог обойтись без своих обычных флорентийских вывертов. Гитара болталась в мешке за спиной.

Сделав ему знак, я прошел немного вперед и остановился в тени под навесом. Через какое-то время францисканец присоединился ко мне.

– Его видели здесь... – объявил он. – И он должен вернуться... За какой-то книгой.

Я кивнул.

– Что еще?

– Канун праздника. Трудно с жильем. В городе много приезжих.

– Это для нас хорошо.

– Да, у нас жилье есть. Пока все спокойно. Саид, хозяин лавки, сдает комнаты, кроме лавки он содержит несколько лачуг, как раз для подобных случаев.

– Даже так?

– Именно, он производит впечатление отчаянного прой-

дохи. Я дал ему денег и сказал, что мне тоже нужна эта книга.

– Ты хорошо заплатил?

– Он остался доволен. Мы можем возвращаться.

– Нет, я хочу взглянуть на это место. Идем, покажешь дорогу.

Примерно через полчаса петляния узкими улочками мы добрались. Я шел шагах в двадцати позади францисканца, но ничего подозрительного не обнаружил.

В том, что у султана есть своя служба безопасности, я даже не сомневался, просто надеялся на то, что наши скромные персоны до поры не попали в сферу ее интересов. Нет, изредка попадались несколько странные личности похожие на наблюдателей, но это вполне могли быть обыкновенные члены разбойничьих шаяк, коими всегда славился Вечный Город. А уж в канун праздника и подавно.

Добрались до лавки.

«Ого! Да тут целый постоялый двор».

Пяток небольших хибар, над которыми весело курился дымок, находились внутри обнесенного в человеческий рост забором двора. Деревянные ворота, искрещенные затейливой резьбой, были полуоткрыты, а на пороге, прислонившись могучей спиной к калитке, стоял нетрезвый викинг.

«Его-то как сюда занесло?» – подумалось мне.

Я не стал испытывать судьбу, и мы просто прошли мимо. Викинг проводил нас внимательным взглядом, и я понял, что сын Одина трезв как стекло.

– Тут засада малыш... – как можно более мягко сообщил я Паоло. Он сделал глаза величиной с римский аск, и я повел его дальше легонько двинув в бок для большей секретности. Негоже военному монаху ордена столь явно выражать свои эмоции. Похоже, брату Франциско, еще работать и работать.

– Они тоже ищут его, и наши поиски подняли ил со дна...

– Они? Кто они?

Я пожал плечами:

– У брата своего спроси, у того что со шрамами. Он объяснит потом, если захочешь.

Снова хорошенько пропетляли, я убедился, что слежки нет, и лишь после этого направился к месту нашей дислокации.

Темнело. На пороге нашей гостиницы внушительно возвышался Гарольд, я провел параллель с викингом и Паоло уже пришедший в себя прыснул в кулак. Всем своим внушительным видом германец показывал, ваши секреты – это ваши секреты, мне они без надобности, а вот задницы ваши я, если что, прикрою, так и быть.

При нашем появлении некое подобие улыбки скользнуло по лицу великана и он слегка посторонившись пропустил нас внутрь.

«Слепые паломники» были на месте. Ага, вот и вся святая компания наконец-то в сборе, не хватало только вашего покорного слуги и малыша музыканта. Как и положено за столом. Перед каждым стояла миска похлебки и по куску ле-

пешки. Губы братьев Эсперо слегка шевелились, они творили вечернюю молитву.

Другие жители этого импровизированной гостиницы, занимались, но в целом «гарнизон» готовился к принятию пищи.

Ужин прошел в молчании, о деле не было сказано ни слова. Были ли тут шпионы, не знаю, но все были настороже.

С Франциско удалось переговорить ближе к ночи, когда село беспощадное солнце и жара немного спала.

Он молча выслушал мой рассказ, а потом сказал:

– Осталось два дня до срока.

– Хм, что ты предлагаешь, лезть в логово врага? Они там тоже похоже ждут не дождутся вашего озорника Иерофонта.

– Настало время поговорить, – Франциско был как никогда любезен.

– Да неужели? Надоело водить за нос доблестного рыцаря?

– Клемент, пойми, – монах миролюбиво тронул меня за рукав, – я действительно знаю мало. Нам, тебе, мне, нашим отцам командирам, на данном этапе нужен этот книжник.

– Дальше...

– Дальше, нам надо перехватить его до того как он придет в лавку.

– А если он тоже почуял неладное? И затаился?

– А если нет? Пойми Иерофонт, это козырная карта. Он обладает знанием, но он... я не сказал тебе, он немного не

в себе...

Час от часу не легче! Найди психа в святом Городе. Задача.

Я молча ждал продолжения.

– Как только он войдет в лавку его тут же схватят.

– Значит надо не дать ему войти в лавку. Смотри, вот карта города. К этому месту ведет пять улиц. Нас тоже пятеро. Мы станем здесь, здесь и здесь.

– И будем ловить всех седых стариков сумасшедшего вида без одной руки...

Франциско снова улыбнулся. Сегодня он был само очарование.

– Да, – сказал Эсперо, – именно так.

х х х

Глава XXVIII

The Beatles “Lucy In The Sky With Diamond”

явь

Ну, вот мы уже в Иерусалиме. Быстро как-то. Ощущение такое, что все движется к неумолимой развязке. Стал обращать внимание на ворон и черных собак. Насмотрелся видимо в свое время американской херни, сами знаете про что,

теперь вот расхлебываю.

Так не отвлекаться, намечается серьезный разговор. Николай уже теребил меня за рукав. Надо его помучить.

– А можно еще объявление дать. «Чудю, шо попало» и телефон, контактный, ну, чтоб деньги знали куда отправлять...

– Отправлять, – передразнил меня Коля, – чего сразу литру не взять? Не понимаю...

– Вы еще очень многого не понимаете, мой пожилой друг.

– Че?

– А процесс? Этот неуловимый миг, когда ты допиваешь, то что есть и понимаешь – мало!

Я стукнул кулаком по столу, звякнула ложечка в пустой чашке.

– Тихо, скаженный, – поморщился Вениамин.

– Та ладно, – я отмахнулся свободной от сигареты рукой, – Так вот. О чем это я? Ага, ну здравствуй, Омар, все убиваешь, режешь, веру забыл, заветы Аллаха...

Николай значительно покрутил пальцем у виска. Он все делал либо значительно, либо основательно, у него даже два сына было примерно моих лет и оба тоже под 100 кг

– Как всегда херню какую-то порешь, истинный ты ариец, конечно, но я тебя Сашок частенько не понимаю толком. Сидишь вроде нормальный, потом бац, переклинило. То до девки какой-то побежал, то ментов задрочивать. На хуя ты их цепляешь, скажи?

– Ха-ха, – ответил, чувствуя, что мое персональное море

становится все мельче и мельче и уже подбирается к колесам.

– Ладно, сидите, я схожу, – встает Вениамин, и прочувственно жмет ему руки. Молодец, ситуацию отсканировал и принял единственно верное решение.

Пока его не было, я сгреб домино и подмигнул Николаю:

– Партейку, дядя Коля?

– Пошел ты кобыле в трещину, – отмахнулся тот, – не мог сразу литру взять, – он все еще дулся на меня.

– Так вдогонку же! – возмутился я, – Вторая же пошла, куда? А пивком полирнуть?

– Я пива не пью...

– Да знаю. Не расстраивайся, сейчас принесет, о, а у нас тут закуски, еще на две. Ты чего консерву не жрешь.

– Я сало...

– Та понятно. Знаешь, Оскар Уайльд сказал когда-то: «Каждым выдающимся поступком мы наживаем себе врага. Чтобы завоевать популярность, надо быть посредственностью». Так-то.

– Это который пидор был? – хмуря брови и проявляя, вместе с тем, завидную осведомленность в личной жизни знаменитых людей произносит дядя Коля.

– Ага.

– И он на хуй пусть идет. Никогда нормальный мужик другого мужика посредственностью не назовет. Потому что или мы все пред Богом равны, а значит посредственности, или

все гении, сука.

Я заплодировал.

– Bravo! Ну, даешь дядя Коля. Это, по-твоему, значит, как в армии, строем и с песнями.

– А то как же?

– А Бог всех разными создавал.

– Похуй. Получилось-то все одинаковые, понты только разные, но это проходит.

– С возрастом.

– И с деньгами. С деньгами приходит, с ними же, сука и уходит. Вот у меня сын, папа дай денег, дай денег. На. Еще дай, на. Машину взял, девочки. Сука,– Коля сплюнул,– и ходит на понтах расфуфыренный, пока батька деньги дает. И рот еще раскрывать пытается, щенок. А та, конечно, заступаться. Заебали. А как не дам денег?

– Ну и не давай.

– Так сын же, жалко.

– Отож.

Помолчали, тут и Веня пришел, да не один, с тренером.

– Я ноль-семь взял, ну вас на хуй...

Коля сделал страшное лицо и попытку дать подзатыльник. Ни то, ни другое эффекта не принесло.

– На хер, хватит с нас.

– Ну, наливай, раз хватит. По чуть-чуть...

Выпили, закусили хлебушком.

– А я только что НЛО видел над площадью,– сообщил нам

Вениамин.

– Ты б еще мурцовки хлебнул своей вдогонку и не такого бы увидел,– проворчал Николай,– признавайся, хлебал?

– Та не, я серьезно. Все идут под ноги смотрят, а постоял, покурил на свежем воздухе, на тучки глянул, типа погоду, а оно висит окаянное. Потом, шусть, и нету. Кругленькая такая херня.

– Ну и даже если так, что нам с того? – это уже я спросил скептически.

– Да ни хуя,– ответил Коля,– зарплаты не добавят. И вообще никаких пришельцев нет, есть только галлюцинации разных типов.

Вениамин подумал немного и поинтересовался:

– Так что, уже белка пришла ко мне?

– Не к тебе, а за тобой,– наставительно произнес Николай и подмигнул мне, – наливай. Спасемся бегством.

Выпили.

– Ты не расстраивайся, Веньямин, – продолжил утешительную беседу наш аксакал, – то может какой шарик воздушный был...

– Или метеорологический зонд,– подсказал я.

– О! Или зонтик у барышни тю-тю улетел...

Вениамин стукнул кулаком по столу.

– Нет, это были они. И они за нами наблюдают. Я вот передачу смотрел, они сейчас в ожидании...

– Чуда,– резюмировал Коля,– ну началось...

– Не это так в Дании, семеро ебут, а один в ожидании...

Тут надо отметить, что у Вениамина пришельцы – большая тема. Ну как большая, нет, он не псих, врачей проходит всех, и психиатра в том числе, но вот любит он на эти темы потрепаться, а уж когда выкушает изрядно, то просто пиши, пропало. Ну и ладно, мне так практически все равно про что триндеть, не про работу же? Сколько можно, вчера бухали, про работу, позавчера – тоже самое, надо и о вечном вспомнить.

Вообще о пришельцах это мне мысль понравилась, свежая такая незатасканная. Может и впрямь внеземное вторжение, в смысле из-под земли, откуда никто не ждет. А тут Саша с пулеметом. Прикольнo.

Вспомнили о вечном. Еще по одной, короче, улетела ноль-семь вслед за Веника пришельцами, а потом конечно было пиво... накидался я в тот день изрядно, как домой дополз, не помню, знаю, что дополз оттого, что проснулся наутро в своей кровати.

Уже неплохо. Само по себе.

Сон

Слишком много заинтересованных лиц. Слишком много непонятных головоломок. Слишком много всего.

Итак, меня отправляют в Святую землю за некоей Реликвией, и только старший из Эсперо знает, да и то не полно-

стью, о настоящей цели визита. Впрочем, пока на этом и остановимся. История с одной стороны кажется весьма правдоподобной, но с другой стороны, что-то в ней не так...

Далее... А что далее. Проклятая крепость. Портал. Сумасшедший старик с книгой. Думай, Клемент, думай.

А чего думать, книга и сейчас у меня в сумке. По плану Франциско я должен был отвлечь ею нашего книжника в случае его появления, отвести в укромное место, ну а дальше по ситуации, но доставить его живым и невредимым в некий дом, который за бешеные деньги снял наш командор накануне. Другие участники нашего предприятия получили похожие указания и теперь болтались на подходах к лавке Саида в ожидании нашей безумной жертвы. Прошло уже три часа, как я заступил на пост, и мне уже захотелось кинуть чего-нибудь в рот.

Вчера на мой вопрос о том, как мы будем осуществлять связь между собой по ходу операции, этот гадкий итальянец опять стал разыгрывать шпиона, что похоже ему ужасно нравилось, и заверил меня, что он все продумал, и я все узнаю в свое время. Боже всемилостивый, как же меня все это достало!

Слишком много непонятого окружало меня в последнее время. Слишком много непонятого...

– Руфия нашла нашего человека, пойдем – произнес младший Эсперо, откидывая с глаз черную прядь, – он тут инкогнито. Он вынырнул из-за громадной кучи мусора, навален-

ной прямо посреди дороги, и я даже не успел удивиться.

Я молча смотрел на него, он сиял.

–Какая еще Рафия?

– Руфия. Он все-таки пришел, хвала Господу! Представляешь?

– Не представляю. Ты всегда был такой утомительный?

Паоло вспыхнул, но видя, что мой взгляд не предвещает юному монаху ничего хорошего, поспешил объясниться.

– Руфия – мавританка, она следовала за нами из Неаполя, она страховала нас на случай провала.

Вот те раз. Женщина! Этого еще не хватало. Как он сказа? Страховала нас?

– Понимаешь, мы держали сейчас каждый свою улицу. А она перемещалась по окружности с центром в лавке Саида. И в конце концов наткнулась на этого человека. Хитро? Это я придумал.

Я выразительно посмотрел на него, и малыш покраснел, толи от стыда толи от удовольствия.

– Учти малыш, гордыня смертный грех, – и погрозил ему пальцем.

Паоло насупился, шмыгнул носом и буркнул:

– Я не малыш... – потом лицо его просветлело, и он не удержался от продолжения:

– Руфия увела его за собой. Знаешь она какая? – глаза его мечтательно закатились.

– Но-но, лошадка, тебе про такое думать даже не смей!

Он снова насупился, но все равно остался при своем:

– Сам увидишь...

Не забывая о слежке, мы отправились по новому адресу.

Ничем не примечательный низенький глиняный домик посреди шумной улицы, мудро, где-то на окраине мы были бы заметны, а тут...

–Иди, – сказал Паоло, – мне нельзя туда. – в его голосе звучала неприкрытая печаль.

Я смекнул, в чем тут дело.

– Ага, – сказал я, – это Веселый дом? В Святом городе? Кошмар!

Он мрачно кивнул:

– Веселей некуда, иди, поговори с ними, я буду вести наблюдение. Я огляделся и на другой стороне улицы увидел второго брата. Дон Франциско берег их моральный облик. Чтож, если эта Руфия действительно, такая как говорит малыш, то можно познакомиться с ней поближе. Передвинув за спину нож, я двинулся к дому...

Войдя внутрь, я поморщился, в нос ударил сильный запах неведомых благовоний. Никогда их не любил.

Все были здесь. Франциско в обычной одежде горожанина, седой бородатый старик с ясными глазами, и руками, крепко сжимавшими потрепанную книгу, вернее одной рукой он ее сжимал, а второй, без пальцев просто прижимал к себе и стройная девушка, завернутая в дорожную ткань с лицом укрытым кружевным забралом. Именно так я называл

это приспособление местных красавиц.

– Гарольд где? – спросил я с порога.

Франциско развел руками и указал за стену из-за которой доносились звуки толи борьбы толи любовных утех.

– Понятно, – я присел на стоящий в углу сундук и приготовился слушать.

х х х

Глава XXIX

The Beatles “Penny Lane”

явь

– Привет пидорасам! – крикнул я.

– От такого слышу! – вежливо откликнулся Гоша. Гоша был вежливый, потому как интеллигент и немного художник. В данный момент он возвышался во весь свой отнюдь не маленький росточек за мольбертом и писал что-то воистину гениальное. Или генитальное, с него станется. Месяц свой член рисовал как-то с натуры. Сказал, что это Джону Леннону посвящение, тот вроде как фильм про хуй свой снимал, а этот значит, отблагодарил корифея. Сегодня его гениальность оттенял сдвинутый на бок лиловый берет, слава Богу что без перьев, оттопыренное парой сигарет ухо под

ним и серая книжица на табурете с броским названием «Пополь-Вух».

Кроме того татуированное тело гения кожаная безрукавка и потертые вельветовые джинсы. Ну как скажите было его не подъебнуть?

Как Гошу звали на самом деле, никто не знал, Гоша – это вообще сокращение от Ван Гог, а вот Ван Гог – это погонялово.

А вот еще интересно. Пишут же писаки разные – пифпаф. Убили там, застрелили. Горы трупов герои наворачивают. А вот лучше бы про тех, кого застрелили писали. Честнее было бы и правдоподобнее. Там Фрейд, допустим Зигмунд Соломонович, такого-то года, жил с той то или с тем-то. Дети опять же остались и подробненько, по пунктикам... Может застреленные на самом-то деле герои, а не эти которые с пистолетами? Может они передовики производства, или сталевары известные, может, они просто пользу приносят своим нелегким каждодневным трудом, а их тут очередью из пулемета...

А вот Гошан он не такой, во-первых он не пишет, а рисует, вернее все-таки пишет... Но в смысле... Блин, да что же это такое. Художники ж не рисуют, а пишут. Только не красками, а буквами, вернее наоборот, красками. Блин, задолбался...

Им попробуй, скажи, вернее, спроси: «что ты там нарисовал»?

Вмиг гады отбреют бритко, скажут: «мы пишем»! Как моряки которые не плавают, а ходят. По воде, блин.

Но Гоша повторюсь, молодец. Он кроме писания и говорунов неплохой, он как бы это покрасивей сказать, не стесняясь, брал краски с палитр известных художников слова и щедро украшал ими свои блеклые полотна. Этот процесс назывался – цитированием классики. Классики молча глядели на это дело с некрашенных стен и только глубокой ночью, тихим шепотом проклинали художника добротным литературным русским языком.

У Малколма Брэдбери хорошо сказано насчет литераторов: «Догадаться, что перед вами литераторы, можно было лишь по косвенным приметам: брюзгливые, зловредные физиономии, взаимная неприязнь». Точнее и не скажешь. Интересно, а про художников у него, что-нибудь есть?

– Чем больше я наблюдаю разных пидорасов, тем сильнее начинаю себя уважать...

Вот такой он у нас философ, кроме того, что пишет.

– Что друг ситный, – говорю, – демоны одолевает?

– Да где там... Кризис экономический распространился и на культуру. Ты принес чего-нибудь жидкого?

– Нет, блядь, не принес...

Губы художника растянулись в довольной улыбочке.

– За что я тебя...

– Не говори это слово. Посуду давай!

– Это мигом...

И понеслось.

Вчера за мной снова приходили, не испугались того, что я в отпуске.

«Надо», – сказали, отвели на объект приковали и все. Сидел как положено не моргал... Суки, ненавижу. Что за блядская работа? И в отпуске достали, еще и бухого, вернее не выпавшегося. Первый отдел бля... И зачем? Непонятно. Но неприятно.

Потому в раздерганных чувствах я к художнику нашему и приперся. Тоскливо мне одному стало. Он хоть совета и не даст, но время скрасит.

– Это как с англичанами. Плохо, когда они у тебя в противниках, но еще хуже, когда они у тебя в союзниках. Это не я, это кто-то умный сказал.

– Или вот например интроверты и экстраверты. Если вы находитесь в подходящей компании, то только затронь эту тему и головная боль обеспечена на весь оставшийся вечер. Даже вопросы национального самосознания не надо поднимать.

– Интроверт и экстраверт. Все. Никто толком не знает. Что это такое, но в то же время что-то где-то слышали, и этого достаточно. Вполне.

– И еще. Последнее время, просматривая интернет и изумляясь обилию пишущей публики, у меня появилось четкое убеждение, что половина человечества строчит доносы сама на себя в суды высшей небесной инстанции, а другая по-

ловина оправдывается во всех грехах, переводя тонны электронной бумаги.

А еще у нас был Паша, так вот он выпивал стыдливо, словно извинялся все время, за свою склонность к алкоголю.

Вот так каждый раз, выпил, и вину свою усугубил. Как по мне, так с такими мыслями вообще за стол садиться не стоит. Сожрут тебя подобные мысли, пьешь – пей, гуляешь – гуляй, летать, так летать, короче. Так опять отвлекся. Че там?

– ...замерзаете, то моментально прячете ногу под одеяло, потому что там теплее. Так и во всем. И не надо себя обманывать. Личный комфорт – это великая жизненная сила. Если вы не аскет. Хотя даже если аскет, тут вы наоборот осознанно идете на дискомфорт, но только потому, что сами же себе и внушали, что так лучше. Всего-то и делов.

Надо что-то сказать в тему, сейчас скажу...

– Было бы с водкой как с онанизмом. Подергал себя за какой-нибудь орган и лежишь пьяненький балдеешь. И не надо никаких лишних растрат.

– К чему это?

– А так!

Мозг мой всхрапнул как рыцарская лошадь, дал команду языку и началась самая моя любимая стадия опьянения, когда я чудил и болтал, что попало. Гоша в этом плане был идеальным собуты... собеседником, потому что был точно такой же. Конь моего мозга вынес меня на литературную кочку.

– И еще интересно. Вся литература написанная людьми,

интересна лишь живым. А для мертвых хоть кто-нибудь пишет? Нет Только рассказывают про ноосферу, про всякую херню. Про Послесмертие. А для своих же усопших литературу не удосужились завести. А зря. Я так думаю им бы весьма приятно было бы прочитать что-нибудь. Или опять, блядь, информации не хватает? Так найдите, вы же умне-хонькие суки, академики и доктора наук. Мне кстати больше нравится словосочетание Врач Наук. Как-то оно веселей звучит. Врачеватель типа. Мозгом своим толоконным врачу-ет науку сию... Хе-хе...

– Как представлю – врач сельскохозяйственных наук. Ага. С сумками полными курей.

– Или Врач исторических наук.

«Так больной, где болит? Здесь? Что тут у нас? Средневековье. Хм... Малоизученный орган... Весьма, весьма. Отрежем!» Так его!

Посмеялись и я продолжил:

– Вот мне для живых писать, допустим, трудно. Как для них писать? Я не знаю, я не знаю чем они живут, чем дышат, что им в конце концов интересно. А вот многие люди, которых я хорошо знал, уже умерли, и я если пишу, то думаю, а чтоб допустим тот или другой сказали бы прочитав это. И примерно знаю ответ. А может, даже наверняка они в этот момент рядом стоят и кивают, видя мои каракули или возмущаются. Но с мертвыми все равно проще, они у меня в голове, а живые нет, у живых свои дела. Так-то вот. Потому

всю эту дребедень можно было бы смело называть «Книга для мертвых». Тех что я знаю, и которые знают меня, того прежнего. Вот им-то это стопроцентно было бы интересно, типа, а чего это Сашок опять тут наваял, ага, про крестоносцев, ну молодец, почитаем, так... Потом через время. «Ну-уу, херня это все на постном масле. Но все равно занятно», и уже как бы время не зря потратил.

А живой глянет равнодушно, и вообще ничего не скажет, ему в принципе такая тематика не интересна, ему допустим, секас подавай, а мне про секс писать неинтересно. И мертвым моим не интересно читать было бы, если б я про секс писать начал, сказали бы, что по мелководью поплыл, увлекся сиюминутным ну или еще чего-нибудь. Потому что я в них целиком отражаюсь, на них оглядываюсь и к ним же прислушиваюсь.

– Глобальная концепция единого Бога – проста как палец и неоднократно воспевалась поэтами и художниками. Суть на поверхности – Бог есть любовь, Бог – есть разумное начало. Деньги – есть зло, цель которого отвратить человечество с дороги, ведущей к Богу и думать сугубо о хлебе насущном, желательно с маслом.

Желание людей делать деньги ради денег ведет человечество туда, куда оно пришло в настоящий момент. Наличие на планете земля разных религий способствует тому, что в процессе соревнования на тему «А чей же бог лучше?» различные религиозные концессии занимаются лишь тем, что

продолжают делать деньги ради денег и духовность немедленно отступает на задний план.

На момент третьего Крестового Похода, на планете как ни странно это теперь звучит, сложилась уникальная ситуация, когда в случае успеха данного предприятия, весь ход истории мог поставить во главу угла бескорыстное служение Богу, не замешанное на материальной выгоде. Удержись на Ближнем Востоке, там, где столкнулись жестко ислам и христианство, государство крестоносцев, произойди смешение верований, не сразу, но через сотню-другую лет, глядишь и произошло бы то, что должно было произойти. Ведь не секрет, что добродетели у представителей большинства религиозных концессии суть одинаковы. И сводятся к простому – живи сам и дай жить другим.

И не войной должен был кончиться третий крестовый поход, но миром.

Потом без всякого перехода:

– Анекдот. Просыпается мужик с дикого перепоя. Ничего понять не может, ни где он ни кто он. Ощупывает себя и обнаруживает гандон торчащий из жопы. Такие дела... испугался. Вытащил гандон. Сел на кровати. Задумался.

Тут жена в комнату заходит. Радостная такая. И спрашивает:

« Ну что, дорогой, славно вчера с друзьями посидели? »

Мужик на гандон смотрит и говорит медленно:

« Нету у меня больше друзей... »

– Серьезный анекдот...

– Да уж.

Содержательно отдохнули. Как настоящие, блядь, интеллектуалы.

Сон

Когда я вошел, сразу все зашевелились. Потом мы выяснили местоположение нашего германца, и перешли непосредственно к делу.

– Наконец-то. Не прошло и полгода, – произнесла замотанная в яркие ткани женщина, сидящая в углу комнаты. Произнесла на языке короля Филиппа.

«Ага, – сказал я про себя, – это и есть та загадочная Руфия. А тряпок- то намотано, и лица не рассмотреть».

– Как все прошло, брат? – это Эсперо, он сидел на низком лежаке рядом с лохматым стариком с совершенно безумным взглядом, сжимающим в руках какую-то книгу.

Старший из братьев вопросительно глянул на младшего и Паоло исчез за порогом ему тут похоже присутствовать не полагалось. Иерархия!

– Руфия – Рыцарь пятого круга...

– Ого! – вырвалось у меня... – Есть женщины рыцари?

– У нас есть все, что нужно для дела, – скромно ответил Франциско.

– Я даже не знаю, кто ты... – буркнул я.

– Когда Орден нуждается в чем то, он это получает... – негромко на своем хорошем французском произнесла женщина, – есть миссии, когда мужчины бессильны... Салют Клемент. Идущие на смерть приветствуют тебя.

– У вашего Ордена хотя бы название есть? – устало поинтересовался я, чувствуя себя полным идиотом.

Мне и ответили как идиоту.

Мы в нем не нуждаемся. Но если хочешь, зови нас Тени.

Мне без разницы. Хоть гашишины. Тьфу, и не выговорить... Рассказывай что считаешь нужным и покончим со всем этим поскорее.

У нас есть время.

Плохие вы тени, если без смертного не можете решить свои проблемы. Вот что я вам скажу...

А он забавен! – мавританка хрипло засмеялась. Эсперо поморщился.

– Руфия, перестань...

Франциско выглядел недовольным. По-моему, наша рыцарь была в стельку пьяна, и нашего монаха это немного напрягало. Ладно сделаем вид что все нормально.

– Руфия нашла его. В переулке Ахада она остановилась и сделала вид, что подвернул ногу. Там плохая дорога. Он стал ее лечить, я был неподалеку, и мы доставили его сюда.

Странно старик был совершенно не от мира сего, не похоже чтоб он мог кого-то лечить. Он и занозы вытащить не сумеет.

– Свидетели?

– Вокруг не было никого, и за нами никто не шел.

Наш книжник все время этого диалога или точнее монолога, сидел в углу и отрешенно лохматил свою шевелюру. Он изучал трещины на потолке и слегка раскачивался при этом.

Руфия сняла платок прикрывающий лицо и я обомлел. Она была диво как хороша. Черты ее лица были европейские, а кожа была чернее ночи. Блеснули белые зубы, африканка улыбалась, насладившись эффектом, произнесла:

– Наконец-то можем поговорить как нормальные люди, эти дикари заставляют женщину ходить закутанной в такую жару... – голос ее был хрипловат и проникал в самое сердце мое. Черная клетка, белая клетка. Дьявольское наваждение! Ни к месту вспомнился давний сон, и Черная Королева сразившая наповал Белую Башню... Да что же это такое?

Старик, словно пес на запах, моментально прекратил рассматривать потолок и вперился взглядом в лицо красавицы.

– Рыцарь Клемент, – произнесла она внимательно разглядывая меня своими влажными черными глазами, – брат Франциско поведал о вашей доблести...

Я слегка склонил голову. Слегка. Пусть не думает... Дьявол у меня создалось впечатление, что под взглядом черной красотки кто-то влез в мою голову и роется там... Как только я так подумал ощущение исчезло. Руфия продолжала разглядывать меня. Орден колдунов вот как я вас буду называть...

– А рыцарь Гарольд... – в этот момент из-за стены донес-

ся истошный женский вопль, – рыцарь Гарольд доказывает свою доблесть постоянно.

– Уже два часа подряд, – скромно добавил Франциско.

Рафия, глядя на мое вытянувшееся лицо, как-то совсем неофициально прыснула в ладошку, что совсем не вязалось со всей этой вальяжностью, и я с трудом придал своей физиономии нормальное выражение.

– Вижу, что отцы наши оказались весьма предусмотрительны. – не просто... – добавила мавританка, тряхнув кудряшками, и глаза ее мрачно сверкнули. – каких парней привлекли... А ты хотел взять с собой тамплиеров. Толку с них...

Я почувствовал себя племенным жеребцом на рынке где-нибудь в Константинополе. Неприятное чувство скажу я вам.

– Но ближе к делу братья мои, – Руфия очаровательно насупила свой совершенно не африканский носик, – Реликвия будет у нас благодаря этому человеку, в этом я совсем не сомневаюсь. Главный вопрос транспортировки ее ...

– Не слишком ли спешит госпожа? Пока еще... – сказал мой непослушный голос.

Две черные молнии впились в меня, словно два дротика.

– У нас рыцарь Клемент более не будет возможности собраться в таком составе. Потому обговариваем все сейчас и здесь. И не нужно называть меня госпожа.. я такой же рыцарь как и все здесь присутствующие, исключая нашего любителя книг...

Я ничего не ответил ей. Я просто стоял и хотел ее всю и немедленно. Учитывая то, что я был уверен в том и, что мысли мои будут прочитаны, мерзкий холодный пот потек по позвоночнику. Ей не нужно этого знать. Дьявол! А как смотрел на нее книжник!

– Так, – продолжила леди рыцарь, отведя от бедного Клементы свои глаза-арбалеты, – далее. Сейчас вы оставите меня наедине с блаженным Иерофонтом и я выясню, то, что нам необходимо знать. Затем, рыцарь Клемент отправится к месту и возьмет то, что нужно взять, после передаст это мне. Далее. Каждый покинет город своей дорогой. Как будете выбираться вы, мне без разницы, думаю Франциско уже составил план. Он у нас мастер по составлению планов? – Эсперо никак не отреагировал на этот выпад, и мавританка продолжила, – растворитесь в пустыне, исчезните, лучше всего примкните к тамплиерам или к этим... госпитальерам, не важно, – она махнул рукой и чуть не сшибла на пол глиняный кувшин с водой, что стоял на маленьком столике, – Я же со своими женщинами и тем, что отдаст мне Клемент, буду пробиваться в Яффу. Оттуда в Каир. В Египте заждались местных красавиц, – она лукаво улыбнулась, – женщинам доставить товар легче, особенно если они сами являются товаром.

– Мудро, – заключил Эсперо, – идем Клемент.

– Минутку, она будет его пытаться?

– Фу! Зачем пытаться того, кто сам как раскрытая книга? –

Руфия толкнула носком изящной туфли книжника, на миг мелькнула очаровательная ножка. и тот повалился на четвереньки, из угла его рта отчетливо свисала нитка слюны. Он реально стал похож на старого потасканного пса, только что не скулил. – нужно просто уметь читать, – донеслось вдогонку, и тут, наконец, Франциско вытолкнул меня в коридор. Там я отдышался и спросил:

– Ты действительно думаешь, что от этого старика будет какой-нибудь толк?

– От него не знаю, но от Руфии толк будет...

– Допустим, все равно я не понимаю...

– Насколько я понял, этот книжник чует церковь, точнее место ее появления. Он конечно немного не в себе...

– Немного? Да он блаженен...

– Вот именно. Это блаженный, который живет в Святом Городе, понимаешь? Тут разные люди есть, они близко к небу живут, и у каждого свой талант. Увлекаясь книгами, этот Иерофонт, сам превратился в книгу. В нем скрытое знание, он и сам не подозревает об этом, а Руфия сумеет его прочитать.

Сказанное с трудом укладывалось в моей бедной голове.

– Как...

– Да плюнь и забудь, Клемент. Ты уж не подведи, когда будешь там...

– Я даже не представляю, что я там буду делать...

– Руфия представляет. Понимаешь кроме чисто женских

талантов у нашего рыцаря есть еще талант предвидения, или дар если тебе угодно...

– Она еще и колдунья? И как...

– Она медиум.

– Кто?

– Не важно. Для богоугодного дела лишний талант только на пользу.

– С ума можно сойти, кто еще есть у вас в запасе, людоеды?

– Был один. Убили...

Франциско помолчал. Я тоже, похоже, монах не шутил.

– Она предсказала, что именно рыцарь Клемент войдет в Церковь Луны и найдет Реликвию... – его голос понизился до шепота и я так и не понял насмеялся он надо мной или был серьезен.

Вскоре двери открылись и из них пошатываясь вышел наш книжник, не глядя на нас, он потопал на улицу и скрылся во тьме. Я хотел задержать его, но Франциско остановил меня.

Через миг с улицы появился перепуганный Пьетро:

– Он ушел! – страшным шепотом сообщил он.

– Хорошо, – кивнул Франциско, – все закончено...

– Может проследить?

– Не нужно. Все хорошо, ступай к брату, наблюдайте.

Пьетро немного недовольный удалился.

– Ничего удивительного, кто-то теряет силу, а кто-то на-

полняется ею.....

– В смысле?

– В прямом ...

– Эй, где вы там! – требовательный голос нашей африканки позвал из глубины комнаты.

Когда мы вошли она возлежала на кушетке совершенно обнаженная и курила кальян. Терпкий запах носился по комнате. Мы как вкопанные замерли на пороге. Она засмеялась, глядя на наши вытянувшиеся лица.

– Простите, я, наверное, вас смущаю... – она накинула на себя покрывало и выдохнула ароматный дым.

Франсиско пробормотал что-то себе под нос, и сплюнув присел на низкий табурет:

– Говори...

– Успеется. Все чудесно. Чего ты такой серьезный брат-рыцарь? А ты же под обетом, я и забыла. С этой работой совершенно забываю о том, что я не только рыцарь, но еще и женщина. Вот Клемент не такой, он настоящий, правда, Клемент?

Она меня вывела.

– Эта, как там тебя, Пифия, гарпия, фурия?

– Руфия! – тонкий кинжал впился в дверной косяк в пальце от моей глазницы.

– Руфия! – ласково повторила метательница. – Я думала ты любезный, а ты такой же грубый мужлан, как и все эти.

– Что он тебе сказал? – Франсиско готов был взорваться.

Руфия внимательно смотрела на него:

– У тебя давно не было женщины Иско? А хочешь? Этот ваш книжник выпустил семя, я даже раздеться не успела...

Я выдернул кинжал из двери и покрутил его на пальце. Удобная вещица, правда, слишком изящная, не для моих ладоней.

– У меня еще есть, – на всякий случай сообщила Руфия и добавила, – Ну раз вы меня не хотите, доблестные рыцари, тогда о деле... – сделала еще одну затяжку и села на топчане, скрестив ноги и закутавшись в свое покрывало. Но не совсем. Франциско снова сплюнул. Я незаметно выдохнул. Достала она меня эта черная колдунья.

– Значит так. Завтра ночью, на месте храма Яковитов...

– Как на месте?

– А так... Он все равно пустой. Один исчезнет, другой воздвигнет.. Как Клемент... воздв...

Руфия засмеялась нервно и болезненно.

– Кальян хорош. Очень хорош!

Я попытался отобрать у нее трубку, да где там. Она скинула с себя покрывало и сделала попытку меня поцеловать. Вторым кинжалом у самого горла. Так что кальян пришлось ей оставить.

– Все ясно, – Франсиско резко поднялся, – у нас сутки. Идем Клемент.

– Вы что оставите меня одну? – возмутилась Руфия, – я же жен... Как это слово? Ха-ха... Женщина я! Слышите...

– Уходим...

Мы двинулись к дверям.

– Твари, жалкие трусы! – хохотала нам вслед колдунья.

Еще два кинжала просвистело над нашими головами.

Когда мы очутились в коридоре и Франциско перевел дух, он произнес:

– Вот так и работаем..

– Да уж... – ответил я.

– Впрочем, ты можешь остаться. Если хочешь...

Меня передернуло. Воистину от желания, до полного его отсутствия...

– Нет уж. Найду себе кого попроще...

х х х

Глава XXX

Damo Suzuki “Q”

явь

– Знаешь, сколько этот фонарь стоит?

– Не.

– Ну хотя бы примерно, прикинь.

– Ой, ну рублей сто.

– Залупу. Шестьсот не хочешь?

– Сколько?

– А вот столько...

– Ни хера себе!

– А я тебе о чем? По документам естественно. А на базаре они лежат за шестьдесят, валом, но наша организация покупает их в десять раз дороже, разумно?

– Весьма.

– А потом мы удивляемся, почему так живем.

– Я уже не удивляюсь. Я больше удивляюсь, почему мы вообще живем. Еще. Или вопреки.

– Мда...

Чудны дела твои Господи!

Мы покурили и, поболтав еще немного ни о чем, пошли на платформу. Интересно, а сварочники они почему покупают? Наверное, и цифр таких в природе не существует. Суки.

Такое важное и ответственное событие в жизни каждого метрополитена, как комиссионный смотр, случалось раз в полгода и отражало готовность, как коллектива, так и оборудования служить великому делу Безопасности Пассажи-ров, что являлось неременным условием функционирования нашего предприятия в целом и в частности.

И я нисколько не иронизирую. В дни комиссионного смотра наблюдалось удивительное единение людей и механизмов. Видимо, проникаясь грандиозностью момента, оборудование вело себя согласно норм и технических характеристик, было вымыто, выкрашено и протерто от пыли. Люди были

особенно аккуратно одеты, предупредительны и трезвы. Начальство – солидно и подчеркнуто вежливо.

Бывали, конечно, исключения, но они сразу же переводились в разряд ЧП и легенд и лишь подчеркивали правило – во время комиссионного осмотра все должно работать как хронометр. Хотел написать, как часы, но вовремя вспомнил, что в метрополитене все и так должно работать как часы каждый день, включая выходные и праздничные дни, у нас даже все часы на всех станциях и линиях работают синхронно. Такая специфика. Так что, пусть будет хронометр, что ли. Для красного словца, для эффекта. Ага.

Ну а когда все заканчивалось, тогда...

Вот, допустим, на линии двенадцать станций. Комиссия едет со стороны тупика. Там вышли, там вышли, там решили пропустить, там опять вышли. Вопрос, на какой из станций им захочется перекусить? Проблема? Та, еще! Напрямую же не спросишь, да и у кого. Вот поэтому начальницы станций и накрывают в день смотра столы, за свой и своих работников счет, разумеется. Ну а там, кому как повезет. Отобедают – значит, отобедают, не отобедают – сами отобедаем, да еще как. Весело, если замечаний мало написали. Сердито – если много, но не пропадать же добру, тем более полгода к смотру готовились.

Но уж если комиссия какую-то станцию облюбовала, тогда берегись. Тут у тебя в гостях все будут регулярно: и пожарники, и санэпидемстанция, и энергонадзор какой-ни-

будь. Запах жертвы распространяется мгновенно, и тогда все стервятники моментально слетаются, чтобы полакомиться ее плотью. И редко кто выживает.

Это я к чему веду так длинно, а к тому, что смотр на носу и мне сегодня красить насосы выпало. Не самая хреновая работа я вам скажу, но и не самая чистая. Краска – это знаете, краска. Это не огрызок собачий.

Вот допустим, вам надо покрасить два насоса в зеленый цвет. Невелика премудрость, но при этом крышки электродвигателя и Борно необходимо покрасить в красный, корпуса задвижек и фундамент установки в черный, их маховики в желтый, а потом дать всей композиции просохнуть, и беленькой красочкой аккуратненько нанести маркировки. Такая вот подземная радуга. Спрашивается, сколькими цветами будет сиять моя спецовка по завершении работы и за сколько выветрится запах керосина после того, как я ототру руки?

Ответы такие – пять и долго. Вздохнув, я приступил к работе. Зубами отодрал акцизную марку от горлышка, свернул пробку и в приступе жесточайшей меланхолии сделал хороший глоток. Вообще-то пить в одиночку – признак дурного тона. Я с этим полностью и абсолютно согласен, не согласен я с другим, почему Захарович не выделил мне сегодня напарника. Нет, я прекрасно понимаю, что людей, как всегда, не хватает, но ведь и работа-то какая?

Что я, глядь, мастер курва, маляр-штукатур? Хера. Ты

вот, поди попробуй сам это все до обеда покрасить...

Так, повторить. И на финиш оставим. Еще глотнул и зажевал заранее припасенным сухариком. Теперь покурить и можно работать. А в облом-то как...

Но делать нечего, сигарета закончилась быстро, и пришлось распаковывать кисти. Художник, бля, от слова хуево, да еще и как.

Потом я услышал, как открылась дверь, и кто-то добренько приложился мне по черепушке. И все погасло...

х х х

Сон

И я таки нашел себе. Та еще ночка получилась. Девчонку я как следует в темноте и не рассмотрел, но дело свое она знала. Потому и спал я как убитый, излив на несчастную все накопившееся за этот бесконечный день раздражение. Впрочем, она недовольной не казалась. А с первыми лучами солнца вошел Франциско. Девицы в отведенной мне комнате уже не было и монах укоризненно глядя на мой растрепанный и заспанный вид сказал:

– Иди к ней, она будет говорить...

Я пробурчал что-то типа того, что голову ее черную откручу. Франциско уверил меня, что в этом сегодня нет никакой необходимости:

– Ты пойми, она невозможная да, но она все время рискует своей черной шкуркой почище нас.

– Да понял я, – успокоил бенедиктинца, оделся и пошел.

Руфия сегодня выглядела, словно египетская статуя некой богини. Черная королева на белом поле. Тут же сверкнула в моем уставшем мозгу шахматная ассоциация. Она указала мне место, где я мог пристроить свою задницу и сказала:

– Слушай и молчи. Вся эта возня здесь, между христианами и неверными служит одной цели, чтобы мы как можно быстрее истребили друг друга.

Я ждал продолжения.

– И тогда придут они...

– Кто?

– Люди с Востока, – ответила Руфия, – там лежат громадные земли, и живут люли, много людей, их скоро станет еще больше и тогда им понадобится пространство. Жизненное пространство. Звезды назвали мне странные имена. Тимудзин и Гао. Я не знаю, кто они, но кто-то из них предъявит свои права на этот мир. Ты можешь себе представить миллион всадников?

Я представил, получилось много.

– А воинов из глины?

– Какой глины? – сумела удивить. Из глины.

– Не знаю это видение. Оно не всегда понятно, воины из глины, не живые, не мертвые. Их невозможно убить. Они спрятаны где-то до времени и ждут сигнала.

– И что тогда?

– Равновесие нарушится.

Он так и сказал, а я запомнил, хотя и не понял.

– Они ждут, они умеют ждать. И у них есть что-то, что может уничтожить всех нас. Какое-то тайное знание. Но этот мир так устроен, что у него на всякое колдовство всегда находится свой ответ. То, что мы ищем здесь, оружие сдерживания. В этом городе много веков хранится нечто, что поможет сдержать Проникновение.

Пока Святой Город в руках Саладина, или христиан, наша святыня в безопасности. Они не придут за ней. Но если война опустошит эти земли, и настанет хаос, тот что ... тот что мы умеем устраивать, вот тогда... Пойми Клемент, – она обращалась непосредственно ко мне, – здесь становится слишком опасно, нужно найти Реликвию и вывезти ее отсюда.

– Если все так серьезно, то почему...

– Наши правители никогда не договорятся между собой

– Ты хочешь сказать, что сарацины..

– Да, – горько усмехнулась Руфия, – они тоже ищут ее здесь, и не могут найти.

– Откуда ты это знаешь? Этот старик...

– Он не старик.. Да это и не важно. Он как губка впитал знание, витающее в воздухе этого города. Как же объяснить тебе. Вот ты дышишь. Воздухом. Он вокруг тебя, так?

– Допустим.

– Допустим... – черная маска слегка исказилась легкой

улыбкой, – Знание тоже вокруг нас, как воздух. Все события, те, что были и те, что будут, нужно только закрыть глаза и прочесть их, или просмотреть. Есть люди, которые умеют это делать. Он умеет, но он делает это неосознанно. Нужно было вынуть это знание из него. Сегодня он не будет помнить того, что говорил вчера...

– Но как такое возможно?

– Возможно. Запоминай, пригодится. Мы ищем церковь, или заброшенную часовню, – голос Руфии наполнился металлом, и зазвучал как набат, – она подобна Терминалу...

– Кому?

– Проклятой Крепости, это одно из ее имен. Так вот, часовня то появляется, то исчезает. Ее охраняют восемь бессмертных стражей из числа Первых людей, – смена по два человека, строго по два часа. Смертный может попасть туда только один раз в двадцать четыре года. Он должен быть уроженцем Лангедока, и не иметь в своей крови примесей иной крови, кроме той, что зовется вином и течет в гроздьях виноградников.

Можешь себе представить, что количество таких людей на земле с каждым годом все меньше и меньше. Кровь имеет привычку перемешиваться. Ее чистота падает. Скоро не останется никого... Улавливаешь Клемент?

Я промолчал «Лангедок», – это было круто, это многое объясняло и хотя это было не совсем приятно. Я проглотил ком стоящий в горле и выдавил из себя:

– Кто еще знает. Нет, кто был тот, кто входил туда до меня?

– 24 года назад там был де Фок...

– Ты знаешь это имя?

– Я прочитала его...

Мозаика сложилась. И тут же рассыпалась. Где прочитала, чего прочитала? И, тем не менее, что-то отчетливо щелкнуло у меня в голове.

– И что..

– Его пропустили внутрь. Он говорил, что глаза стражей насмеялись над ним. Там не было ничего. Часовня была совершенно пуста. В караулке был стол, а на нем яблоки. Желтые и красные, но он не смог их взять. Стражи не угостили...

– Руфия неожиданно хихикнула, совершенно по-детски. Что я тут делаю?

– Они охраняли пустоту?

– Да, получается, что так.... А может быть он не умел искать. Как он говорил помещения два. Собственно церковь с алтарем. Без скамеек и прочей мебели. И караулка, где находятся стражи.

Повисло молчание, теперь надолго.

– Что мне там искать?

Она очаровательно повела плечиком.

– В тебе кровь Лангедока. Она подскажет тебе. Но я знаю. – она резко наклонилась ко мне, – я знаю что ты найдешь. А теперь иди сюда. У тебя сильная кровь, поделись

немного со мной... Тем более время наше уже совсем вышло...

Как я мог ей отказать?

х х х

Глава XXXI

Twink “Suicide”

Явь

...– И вывод из этого, какой?

– Ты молодец, Федя.

– Нет, я мудака!

– Перестань, мы все мудаки. Каждый в своем.

– Нет, вы нормальные, а я...

– Тихо, не ори. Давай еще по бабушке и баста.

– Не наливай ему.

– Как не наливай! Наливай, бля!

Тишина и бульканье.

– Вот, другое дело, а все равно я – мудока!

– Опять, бля.

– Да, и говорю это с полной ответственностью.

Я разлепил глаза, лежал я на участке. Мужики пили по обыкновению. Ночь был или день было непонятно, впрочем,

как и всегда у нас в подземном царстве. Жутко болело под лопаткой. На лавочке была выступавшая из дерева шляпка гвоздя, и я спал, разумеется, как раз на ней. Арбалетный дротик, блин. Глупо-то как...

– О,бля, очнулся! На хлебни!

Я хлебнул, я не гордый, голова, как ни странно, не болела.

– И че это было?

– В смысле?

– Оказался я тут как?

– А! – Петрович махнул рукой, – видать тебя с краски за-тошнило, не в коня корм, бля. Я ж Захаровичу говорил, на хуя такую едучую краску берешь? Вот и нанюхался наркоша. Давай еще махни от вредности.

Я и махнул. Потом зажевал корочкой и говорю:

– А мне почудилось, что какая-то падла мне по башке треснула!

– Так бывает! От этих растворителей и не такое... – серьезно объяснил Петрович, – у меня такое было в девичестве. Это все ебаные нитраты. Красишь, красишь, все нихуево, а потом бац! Нитрокраска! И лежишь, девчатам спасибо скажи уборщицам, это они тебя подобрали...

– И обобрали! – нечесело пошутил Жека.

– Ага! – кивнул я и подставил свою фарфоровую чашечку, куда немедленно было набулькано.

– Троекратно и на работу не пойдем! – объявил Петрович и я снова прилег подремать.

Много позже, когда самочувствие наладилось, я принялся пересказывать Петровичу то, что на днях наплел мне Данилыч. Мы брели по пустынной улице, и прохожие были редки и нетрезвы, как впрочем, и мы. Я говорил о делах давно забытых, и у меня было стойкое ощущение того, что я сплю наяву. Петрович был настолько любезен, что даже делал вид, что слушает и слушает внимательно.

... – У Ричарда и его ближайших командиров Роббера де Сабле и Гарньера де Наблюса было примерно столько же людей. Но из двадцати тысяч – четырнадцать составляла пехота, четыре – конные рыцари и было еще около двух тысяч туркополов.

– Кого?

– Туркополов. Так их называли. Мля. Это были местные конные лучники в основном из принявших христианство сельджуков или из сирийских православных христиан. Мамелюки Саладина считали их предателями и в плен не брали. Вооружены они были луками и пиками, выполняли в основном разведывательные функции, либо прикрывали тылы. Но, как говорится, питались отдельно, ибо основное христианское воинство относилось к ним свысока и смотрело косо.

– Понятно. Национальный вопрос.

– Вот именно. За день прошли около десяти километров, под палящим солнцем, в состоянии постоянной готовности к отражению неприятеля. Устали как физически, так и психо-

логически. Наконец вблизи города последовал приказ остановиться и разворачиваться в боевые порядки.

Стали коробочкой, причем конных рыцарей поставили в центр, а с боков их своими телами прикрыла от стрел пехота. Мамелюки атаковать не спешили, продолжая методично обстреливать крестоносцев с безопасного расстояния. Постояли и видя, что противник не ввязывается в бой, медленно двинулись к городу. Как и прежде тамплиеры составили авангард, а госпитальеры арьергард. Кружившие вокруг войска отряды конных лучников все также терзали рыцарские ряды, и большие потери несли, как ни странно именно госпитальеры. В конце концов, нервы у них не выдержали и они атаковали, разрушив строй.

Я злобно пнул ближайшую урну и она ответила мне чужуно. Аж нога заболела.

– В ближнем бою у арабов шансов не было, и вскоре Арсуф был занят крестоносцами. Пожалуй, тут и остановимся.

Усевшись на ближайшей лавочке, мы выпили за взятие Арсуфа, и рассказчик продолжил повествование. Ну надо же с кем-то поделиться новым знанием, иначе к чему все это? Башку ж разрывает! Петрович молодец, слушать умеет. Уважительный у меня бригадир, хотя и строгий, как де Сабле.

х х х

Сон

Франсиско выглядел печальным.

– Ты думаешь там засада? – спросил я у него.

Старший из братьев пожал плечами.

– Не знаю, может быть да, а может быть и нет. На все воля Божья.

Гарольд шумно раздул ноздри:

– А мне все равно, тем более, если есть шанс умереть с оружием в руках.

– Твоя жизнь еще может понадобиться Ему. Не спеши умирать.

– А я и не спешу! – расхохотался гигант, – более того, я с удовольствием пропущу кого-нибудь впереди себя. – и учтите, мне совершенно не интересно с кем вы там будете встречаться и с какой целью. Только обидно проделать такой далекий путь и не получить того чего хотел...

– А чего ты хотел?

– Отпущение грехов и Царствие Небесное.

Воцарилось молчание.

– У нас нет этих полномочий, – сказал я.

– Есть, – произнес молчавший все это время Пьетро и добавил после паузы, – есть.

И еще посмотрел прямо в глаза Франсиско. Тот глаз не отвел и некоторое время они буравили друг друга, мне показалось, что вокруг уже сыпется бетонная крошка. Семейная сцена ни дать ни взять.

Но дальше этой борьбы дело не пошло. Вот и славно. Вообще-то они забавные, эти дети Римской империи. В бою стоят друг за друга, а в мирное время частенько друг дружке глотку перегрызть пытаются. Что за люди?

– Тебя кто за язык тянул? – прошипел Франциско.

Пьетро ничего не ответил.

Я церемонно поклонился монаху. Кто он на самом деле, кардинал, воинствующий епископ? Или сам...

– Ваше преосвященство вы полны сюрпризов...

Франциско метнул в меня молнию, но сдержался.

– Наклонись, – негромко каким-то совершенно чужим голосом приказал он Гарольду.

Тот поспешно выполнил приказ.

– Здесь и сейчас волей Господа нашего отпускаю тебе сын мой прегрешения твои...

– Аминь! – хором пропели близнецы.

Краткая церемония в условиях приближенным к боевым. Ай да Франциско! Кто бы мог подумать... То-то он ко мне неровно дышал, обидно конечно с их стороны целый не знаю кто, а с нашей де Фок отправил обыкновенного наемника. Хотя кровь... Это аргумент.

–Клемент!

– Да!

– Мы будем прикрывать тебя. Ассасины близко я чувствую это. Они следят за нами и потому нападут только тогда, когда Реликвия будет в наших руках. В твоих руках. Хо-

да в часовню им нет. Мы будем прикрывать тебя до последнего. Твоя задача выбраться из города и не ввязываясь в драку передать Руфии то что возьмешь. Как только выйдешь из часовни двигайся прямо по направлению к реке. Вот этим маршрутом.

Он вынул карту Иерусалима и прочертил пальцем путь моего отступления. Я взгляделся в лабиринт нарисованных улиц.

– Запомнил?

– Запомнил. Примерно.

– Хорошо, маршрут я проверил, там идти минут десять, если быстро.

– Понесусь как птица.

– Главное чтоб не как курица... – это Пьетро, вот же язык!

– Заткнись! Острослов...

– Потом просто уходи от города, просто уходи от города, постарайся добраться до Аскалона, если останешься сам. Иначе, иди к деревне, ну той где мы...

– Понял.

– Да на холмах. В том же доме жди нас до рассвета. Если никто не явится, уходи один. В остальном действуй по ситуации.

– У нас получится. В этот раз получится, – это Пьетро.

– Заткнись! Допросишься...

– Господу одному ведомо, что тут происходит...

Я знал, что близнецы расстались и Паоло теперь с Руфией.

Ему придется разбираться с устройством Реликвии, Руфия и ее девушки отвечали за доставку. Наверное, Паоло тоже переодели девушкой. Мне стало смешно, уголки губ дернулись и Франциско с удивлением поглядел на меня. Ничего пробьется. А там ищи ветра в поле...

Ассасины конечно серьезные парни. И много чего умеют, но и мы...

– Откуда они знают?

– Они знают время. Они не знают места, где появится часовня, потому тоже наверняка просто блуждают по городу. Но это только мое предположение. Наверное, кто-то следит за нами. Я слежки не заметил, но они умеют делать это так незаметно...

Нет, ради Бога, умереть я не боялся, опасался немного за то, что миссия в таком случае врядли будет выполнена должным образом. Ведь плохо работать я не привык. С другой стороны, наверное, я все-таки тщеславен. Как ни странно у меня даже не возникло желания бросить весь этот бред и уйти. Или я был не в себе, или почувствовал достойный вызов. Не знаю. Одно знаю точно, у меня прям мурашки по коже бегали, так мне было интересно.

Франциско был одет католическим священником, переодетым к ночному служению, мы с Гарольдом изображали его помощников. Пьетро должен был идти по крышам, что при его ловкости и скученности здешних построек представлялось вполне возможным. Франциско считал, что ассасины

могут следить за нами сверху и тогда Пьетро подаст нам знак. Наверняка ценой своей жизни.

Изначально наша миссия напоминала мне блуждание слепого в темноте. Но приказ есть приказ, а я солдат Господа. И хотя я не выполняю никаких обетов, иронизирую над его служителями, чтоб их, но в Него я верю, иначе все просто не имеет никакого смысла. Простите за высокий стиль. И если Ему угодно, а в моем приказе так и звучало «Ему угодно», значит и обсуждать здесь нечего.

Нет, я прекрасно понимаю отцов церкви и ту досаду, которую весь христианский мир испытывает после неудачи крестовых походов. Относительных, как они говорят, хотя каких там относительных, неудач и все тут. Вышвырнули нас и из Иерусалима, и вообще скоро вышвырнут со Святой Земли.

Значит, и это Ему угодно, кто бы, что не говорил. А что до всего остального... Не знаю, не знаю. В одном только я был уверен, чем бы не закончилась наша миссия, несмотря на всю ее фантастичность, кто-то очень хорошо нагреет на этом руки. Без этого тоже никуда, какими бы клятвами и призывами не прикрывались. Ищите деньги. Именно так, как всегда говорит мой друг Гийом. А он всегда оказывается прав.

х х х

Глава XXXII

The Yardbirds “Heart Full Of Soul”

Явь

В свое время я, как и все земляне, узнал о готовящемся согласно предсказанию древних майя конце света.

Что тут можно сказать? Забавно было слышать высказывания многих вполне адекватных людей, о том, что все это чушь, бред и прочая хрень, а потом узнавать, что худо-бедно, но по мешку муки и сахара, а также свечи, заряженные аккумуляторы, спички и соль, в обязательном порядке, они на этот черный день припасли.

Интересно было следить за нагнетанием истерии в прессе и на телевидении, а уж, сколько различных мнений от авторитетных специалистов удалось выслушать!

Когда все указанные сроки прошли, включая и несколько так называемых резервных дней, если честно, то лично я был несколько разочарован. Нет, не подумайте дурного, мне как и вам дорог этот мир, и пускай все идет, как идет. Но...

Что но? А то и но, обманули же блин, опять обманули! Пусть я не закупал рис или сахар, пусть я плевался в телевизор, на долбаных, и обдолбанных провидцев, но ведь обманули. Как всегда.

Это как с жизнью нашей, только войдешь во вкус, только наладится – бац, или болячка, или смерть. Рождают тебя

без твоего согласия – это раз. А так бы еще и подумал, да и не раз. Потом живешь себе, живешь, набираешься этого пресловутого жизненного опыта, и тут тебе раз, кто-то добренький говорит:

«А ты в курсе, юноша, ты ж умрешь, как и все!»

Ты в панике:

«Как так, уважаемый?»

А тот хохочет:

«А вот так!»

Ты опять:

«А меня не предупреждали!»

А уважаемый доброхот все смеется. И все. Картина мира разрушена, настроения никакого, бежишь с вопросами к родителям, типа, а на фига меня рожали, если все равно умирать.

Те плечами пожимают, инстинкт говорят, сработал к размножению, так надо говорят, и ты, мол, своим детям когда-нибудь подобную подлянку сделаешь, а сейчас иди, беги, радуйся, играй.

Вот заебись! Кричишь в слезах:

«Но я же умру?»

«Да еще не скоро!»

Вот ведь хороший ответ! Правда? Отож, так и живем. Вот и какие теперь сны после всего этого человеку сниться должны? Да и заснет ли он, человек этот? Тот еще вопросик.

А какие сны мне раньше снились после ночи... Ночь, это

не то чтобы, вот просто ночь. Ну, там день и ночь. У нас у метрополитеновских, ну и вообще у железнодорожников, слова «день» и «ночь», наполнены совершенно особенным смыслом. Это в зависимости оттого, какой у тебя график работы на сегодня. Можно как все нормальные люди работать «вдень» – восемь часов, как с куста и домой. Можно работать в ночную смену с десяти вечера и до первой электрички. А можно быть в смене – а тут, чу, внимание: «день, ночь, сорок восемь». Вот так это называется. Объясню для тех, кто не в курсе. Выходишь «вдень», но на двенадцать часов с восьми утра до восьми вечера, потом – домой. Отдыхаешь всю ночь и весь следующий день, но в ровно в 20.00 ты уже должен быть на работе. И работаешь до восьми утра следующего дня. Ага, каламбур, вы тоже заметили? Прикольно, до восьми утра следующего дня. А почему не просто до восьми утра? Ладно, не отвлекаемся. Отработав до утра, вы отдыхаете два дня и одну ночь(которая между ними) а всего это получается 48 часов, и выходите на работу снова «вдень» к восьми утра.

И потому иногда ты спишь ночью, а иногда после ночи днем. Но тут уже, кто как привык, можно в принципе и вообще не спать, но это тяжело. Некоторые ухитряются спать на работе, но это тоже не совсем то. Хотя на любителя. Я пытался – ничего хорошего, и не отдыхаешь, только еще более разбитый становишься. А многие дрыхнут только так, короче, дело вкуса и привычки.

Единственное, что заметил, сны разные получаются совсем. На работе под утро прикорнешь – одно, дома – другое, с ночи – третье, с дня – и так далее. Со временем стал замечать некоторые закономерности. Связанный с Реликвией, последовательный практически недискретный, скажем так, сон снился тогда, когда я работал в день и спал как все нормальные люди, но если случалось работать в ночь, то с ночи снилось что-то из разряда воспоминаний о прошлых жизнях, как я это себе называю. Абсолютно не связанные между собой сновидения, наполненные неясным практически не поддающимся объяснению смыслом.

Если же удавалось закемарить под землей, в ночь. Тут вообще мистика в три листика плелась, такая, что не позавидуешь. Хочь плачь, хочь кричи. «Никто не услышит», – как поет незабвенный Миша Шахрин. Ну и разумеется, от степени выпитого, тоже немало зависело. И хорошо, что я, уподобившись героям Кастанеды, не удалбался пейотом и прочей наркотической дурью, хотя сторонники этой школы иногда и упрекали меня в нелепой, с их точки зрения, приверженности к традиционной русской алкогольной школе, но это их точка зрения. Кто к чему привычен. Да и сновидения, точнее их содержание также напрямую зависело от количества и качества выпитого. Вот и попробуйте тенденцию уловить. Время, место, количество, качество. С ума сойти легче. Точнее, дешевле.

Нет, я где-то читал, что можно сновидения по выбору за-

казывать, но я этим не занимался. Это происходило независимо от моего желания и знания подобных вещей и процессов. Иной раз такое снилось, что и спать в следующий раз страшновато было ложиться. А разбираться со всем этим... Ну я же в конце концов не НИИ какое-нибудь, я простой слесарь метрополитеновский.

А этот бесконечный сон про Реликвию и разведчиков-крестоносцев... На хрена мне это? Допустим, один из них это я. Причем, был. Ладно. Был и был, в смысле, было и было, как говорила одна старушка некоему Василию после того, как он геройски установил ей унитаз. Ну и что, я вас спрашиваю? Мне нынешнему это зачем? Я простой обыкновенный, среднестатистический человек. Ну, пописываю стишки иногда, там рассказы разные, в стол. Да мало ли кто сейчас чего пишет? Писателей этих развелось, сука до хрена. Зла не хватает. А почитать, между нами, нечего. Сплошные штампы и рукоблудие, э-э-э... Я хотел сказать графомания, ну, вы поняли если что.

Заговорился, блин. Так, все спать, спать, спать...

х х х

Сон

Знакомый туман окутал Город. Или ту его часть, где находились мы. Улочки были пустынные и нас никто не встречал.

Казалось, столь шумный днем, к ночи Город вымер, и нет никого здесь кроме нас. Мимо тянулись унылые постройки, а мы все сворачивали и сворачивали. Людей практически не попадалось, казалось, Город расступался перед нами. Неужели Господу действительно угоден наш промысел?

Как произошла подмена, я не понял. Казалось, часовня эта всегда здесь стояла.

Была она старая и казалась неприметной что ли. Она была в стороне от того места, где находился Храм Венеры и Гроб Господень и Вифлеемская базилика. В стороне от Голгофы и самого места Креста Животворящего. Три дня назад я был там, и видел Анастасис и сам Гроб Господень, под шести-гранным шатровым навесом, кивиклией. Был даже в базилике, что располагалась чуть далее. Видел и Крипту, отмечающая место Обретения Креста.

Но сейчас мне не туда. В старую обветшавшую церковь, часовню сиро-яковитов.

Уж если святыня действительно была здесь, то спрятали ее очень хорошо. Никто из причастных даже предположить не мог, что она спрятана тут. Даже сами яковиты.

Дверь открылась бесшумно, я прошел сквозь пустую темную комнату и оказался собственно в самой часовне. Я медленно прошел вдоль алтаря и огляделся. Сумрак и запустение царили здесь. Именно так, сумрак и запустение.

Братья с Гарольдом прикрывали меня каждый со своей части света, разумеется, Гарольду достался север, а Франциско

юг. Я усмехнулся, интересно они специально их выбирали или так получилось

На фресках кое-где оставались образы героев прошлого, кающихся грешников и грустные лики святых. Под ногами шелестели обрывки пергамента, мелкие камушки, мусор, тряпки и опавшие листья. Последние, очевидно, попадали сюда через отверстие в прохудившейся кровле.

Довольно быстро я обошел помещение присматриваясь к обстановке и с первого взгляда даже предположительно не смог определить место возможного тайника. Меньше всего это место подходило для того, чтобы устраивать тут тайники. Так мне казалось.

Здесь и вправду не было ничего, что могло бы служить Реликвией.

Однако с учетом поставленной мне задачи... Простукивать стены? Я вздохнул и принялся простукивать стены, но уже минут через десять я понял, что занятие мое глупое и не перспективное. Если Святыню действительно прятали здесь, то наверняка придумали что-нибудь более оригинальное, чем банальный тайник в стене.

Тем более, что подобных мне искателей здесь побывало уже не мало, судя по тому, что все ценности, какие тут могли бы быть уже давно отсюда были вынесены предшественниками.

Я остановился посередине и глубоко втянул в себя затхлый сладковатый воздух. Спрашивается, что они охраняют

и что может унести вор из пустой часовни? За тысячу лет никто ничего не украл, да и что можно украсть оттуда, где ничего нет? Забавная история? Или дань некому древнему ритуалу? Или здесь что-то еще?

Итак, если вы обладаете действительно ценной вещью, и имеете перед собой цель спрятать ее как следует, то, что бы вы сделали? Спрятали на самом видном месте? Замаскировали бы вещь под ненужную? Вздохнув, я принялся добросовестно пересматривать камешки на полу и прочий мелкий мусор.

Реликвия в Храме, Клемент., сказал я себе. Но где? Такая вот загадка. И еще должно быть караульное помещение, где восемь стражей охраняют пустую часовню. Нет тут ничего, ни идола, ни распятия, ни караульного помещения. Только алтарь. Думай Клемент, думай. Я облокотился на алтарь и прикрыл глаза. И представил себе караульное помещение, где стоит стол, а на нем яблоки, желтые и красные, и, наверное, песочные часы. Иначе как им знать время, когда меняться? Каждые два часа охранник меняется, и когда он заступает на смену, его предшественник переворачивает часы. Песок сыпется в одну сторону ровно два часа. После этого снова происходит смена караула, и так продолжается уже тысячу лет.

Я потерял ощущение времени и бдительность. И почти сразу же получил тупой колющий удар в спину, с уже прекрасно знакомыми мне болевыми ощущениями. Эсперо был

прав, за мной следили и следили внимательно. Неизвестный стрелок подстрелил меня, тупое как зазевавшееся животное.

Свалившись на пол, я замер и притворился мертвым. Все плыло перед глазами, но я сообразил, что стрела влетела через отверстие в крыше, причем угол для стрельбы был не самым лучшим, иначе стрелок вряд ли бы промазал, а потому лучше не двигаться и сэкономить силы, и рассчитывать на помощь братьев.

Все же не зря я поддел под рясу доспех...

Он спустился из-под потолка и озарил светом своим за-пустенье. Сначала я услышал шум крыльев, словно гигантская птица спустилась с небес. Потом легкие пружинистые шаги и приоткрыв глаза, увидел я, мощные икры ног обутых в алые сандалии.

– Вставай смертный, – устало произнес Страж.

Я встал. Он был огромен, примерно как полтора меня. В коническом шлеме. В доспехах, алый плащ. Могучие крылья, белые перья. Словно сошел с фрески на стене. А может и вправду сошел. Обычное лицо воина. В огромных глазах читалась невыразимая скука. Под мышкой он держал изломанную бородатую куклу в серой хламиде, на шее у куклы висел переломанный лук и отчего-то не падал. Такое вот чувство юмора. И на ассасина бывает укорот, гласит известная сиро-яковитская поговорка. Только что придумал. Интересно, где второй?

– Ступай за мной. – абсолютно не опасаясь меня он дви-

нулся прочь из часовни в ту дверь через которую я пришел.

Труп ассасина подметал руками пол и от пальцев скребу-щих ногтями бетонную крошку потянулись зигзагообразные узоры, похожие на арабское письмо. Ну что ж, домой так до-мой.

Увы и ах, за дверью часовни не было улицы, за дверью ча-совни было караульное помещение в точности такое, как я нарисовал в своей голове, облокотившись на алтарь три ми-нуты назад. Только в нем уже находился второй страж, а еще там стоял стол и на нем не было яблок, зато на нем, грубом неструганом столе стояли песочные часы, стоял огарок све-чи в глиняной кружке, стаканчик с игральными камнями и дивной красоты кинжал с инкрустированной драгоценными камнями рукояткой .

– Он пьяный... – сообщил страж напарнику. Они были похожи как братья, второй, правда казался немного крупнее и это несмотря на то, что сидел на скамейке. От их присут-ствия комната казалась ужасно тесной.

– Пил? – спросил второй.

– Немного, – еле выдавил я из себя, язык мой шевелиться отчего-то отказывался.

– Для храбрости?

– Угу...

Первый распахнул дверь на улицу, и швырнул туда труп.

– Еще одна наполненная горечью капля сорвалась в бес-конечность с вечного древа жизни... – прокомментировал он

Я с ужасом отметил, что никакой улицы за дверью не было, там была только чернота и редкие звезды.

Похоже, миссия моя провалилась не начавшись. Молчание затянулось, струйка песка в часах бежала неотвратимо. Если мои предположения были верны, то прошло уже почти половина смены.

– Я тоже когда-то пробовал вино... – мечтательно произнес второй страж.

И снова молчание. Я лихорадочно соображал. Потом набрался наглости и уселся на край лавки.

– Простите, я не подумал. Пришел с пустыми руками. У меня был кувшинчик прекрасного вина. Но понимаете. Со мной один германец. А это такие люди.. Такие люди... В общем вина не осталось. А он только разок глотнул. Но они-то германцы, уж если глотнут, так глотнут... – я нес полную околесицу. В глазах Стражей не читалось ничего кроме жесточайшей скуки, ну а каково тыщу лет охранять пустую часовню?

– Это не важно... – сказал второй, и я осекся, жадно облизывая пересохшие губы.

– Дай нам крови своей. Мы так давно не пробовали... Вина.

Ах, вот как? Была, не была! Двум смертям не бывать, оставалось только сохранить лицо. Я смело подставил руку.

Первый страж вынул свечу из кружки, канул воском на стол и установил ее на расплавленную каплю, потом отодви-

нул часы, взял кинжал и полоснул меня по вене. Кровь брызнула в емкость, я молча смотрел и терпел.

Когда кружка наполнилась до краев, он капнул мне воском свечи на рану. Боли не было, рана задымилась, и кровь перестала течь. Все еще держа свечу в руке страж сделал хороший глоток и передал кружку напарнику. Его ясные глаза затуманились и приобрели так знакомое мне мечтательное выражение старого выпивохи.

Второй не заставил себя ждать и осушил кружку до дна. Потом они уселись напротив меня, и второй сказал первому:

– А тот старик отказался...

Первый кивнул.

– Да, только он был не старик, даже по их меркам...

– Старик он сейчас, старик.

– А тогда был не старик.

– А сейчас старик.

– А тогда нет...

Тут я понял две вещи, и обе меня рассмешили. Во-первых, они имели ввиду де Фока, а во-вторых, были вусмерть пьяны. На посту. И я стал ржать. Точь в точь как мой несчастный Арк во время купания. Я ржал, я сгибался напополам и не мог остановиться. Стражи в молчании взирали на меня и не говорили ни слова. Наконец я отсмеялся, поднялся на ноги и сообщил им:

– Пойду я... Был рад оказаться полезным. – и сделал шаг по направлению к выходу. Эх, чего уж теперь...

– Стой! – сказал кто-то из двоих. Я замер.

– Ты можешь взять с собой одну вещь. Он указал на стол. Яблок там по-прежнему не было. Там по-прежнему лежал смоченный моей кровью кинжал, который все еще немного дымился, стояла кружка, и прилепленная к столу свеча, и еще стаканчик с игральными костями. И стояли песочные часы...

Моя рука дернулась в направлении кинжала, но в последний момент увидел стекающие из емкости в емкость песчинки, и лицо Руфии возникло передо мной, и ее последняя фраза насчет того, что время наше почти вышло.

Я выбрал часы. Не знаю, как они там дальше будут без них меняться.

х х х

Глава XXXI

БГ «Псалом 151»

Явь, чем-то похожая на сон

А иногда, довольно часто мне приходит сон о том, как я еду в дилижансе. Он скрипит и подрагивает, подсакивает на неровностях дороги, а я сижу себе в уголке, в окошко поглядываю и или размышляю о чем-то, или беседую с разными

случайными попутчиками, причем, что интересно, что попутчики меняются, а дилижанс нет.

Вот и сейчас сидит напротив меня человек, немолодой, уставший, жизнью изрядно потрепанный. И беседу мы с ним ведем неторопливую, под стать движению. Знаю, что зовут его Илларион, и он торговый агент, и еще отчего-то четко знаю, что год от Рождества Христова, 1877. И смешно мне почему-то оттого, что Ленину семь лет исполнилось, да только сказать я об этом Иллариону не могу, не поймет ведь, а самому смешно, спасу нет. Как там, когда был Ленин маленький с кудрявой головой... Нет время иногда выделяет забавные штуки.

Пытаюсь анекдот рассказать, да анекдоты все современные попадают, надо бы на злобу дня переделать под статью времени на коней 19-го века, а хлопотно это, и тем не менее пытаюсь:

– А вот давеча историю рассказали, уехал один еврей из Киева в Изр... короче за границу.

– Ага,– при слове еврей Илларион оживает.

– Так вот, ну не сам конечно уехал, с родственниками, ну у них же семьи изрядные, вы знаете, плодятся, простите, как эти...

– Ага, ага...

– Вот, и кто-то там у них умирает, и шлют они в Киев телеграмму... – тут я едва не прикусил язык, и стал лихорадочно соображать, изобретен ли к тому времени был телеграф

или нет. Но судя по тому, что моего собеседника слово телеграмма не смутило, я успокоился и продолжил, – А услуги телеграфа как известно дороги чрезвычайно...

Илларион снова закивал: «Мол, дороги, дороги».

– Изя – все!

– Аха-аха, – зашелся Илларион, – как вы сказали? Изя, все? Аха-аха... Замечательно! Превосходно!

Я поднял руку:

– Минуточку! Это не все.

– Да? – у попугайчика даже слезы на глазах выступили.

Я продолжил:

– А ему в ответ, внимание, в ответ из Киева, телеграфисты руют: «Ой!»

Какое-то время Илларион молча, взирал на меня, а потом стал икать и биться в радостном истерическом припадке.

«Дошло!» – обрадовался я.

Вообще-то у них тут с юмором туговато. Но, что поделаешь, у каждого времени свое. С другой стороны мне тут была бы уготована слава Петросяна, если бы я решил идти на сцену, наверное, и это как минимум. Но зачем? Ведь это только сон, сон, сон.

Встал... Почесался, ходил в туалет, потом испил водицы холодненькой и снова свалился... Сплю сегодня целый день. Хреново мне. Основной сон просмотрел как-то бегло, стражи там конечно красивые. Потом до работы еле дополз, туда-сюда и как только на меня внимание перестали обращать

сразу и спать. И дилижанс тут как тут...

Не напрягайте меня сегодня, ну пожалуйста...

Сон после яви чем-то похожей на сон

Брр... Странное ощущение просыпаться во сне. Дилижанс. Какой дилижанс? Слово-то какое непривычное и странное. Во сне я ехал в дилижансе и наяву я ехал...

Проснувшись, я огляделся, наша повозка, поскрипывая катила в сторону от Великого Города. Внутри вповалку спал Пьетро. Очевидно, Франциско и Гарольд управляли лошадьми. Я сладко потянулся и сел. Да я прекрасно выспался, вот это да. Мелочь, но приятно. Осторожно я высунулся наружу и осмотрел окрестности.

Жара, каменистая дорога, на которой наша повозка подпрыгивает и стонет, впрочем, все как обычно. Германец и итальянец мирно покачивались в такт движения повозки. Потомки Римской империи, однако. Забавно, германский император зовет себя императором Римской империи, но Римом не владеет. Король Ги кличется Императором Иерусалимским, а Иерусалим в руках Саладина.

– Эй! – позвал я. Оба тут же обернулись. Немец улыбнулся, Франциско по-обыкновенно не выразил никаких эмоций.

– Как?

– Тихо, – откликнулся Гарольд. Он был счастлив, вчера

мы откопали его двуручник и теперь меч, замотанный в тряпье, ждал своего часа под днищем повозки.

– Слишком просто все прошло, – пробурчал Франциско, – он пристально вглядывался в горизонт, но вокруг не было ничего примечательного кроме унылого пейзажа.

Я перебрался к ним, преодолевая боль, и снова сладко потянулся, хрустнув костями.

– Если не будет ничего непредвиденного, к вечеру свернем в пустыню.

Я кивнул. Просто. Это с какой стороны посмотреть. Вчера я потерял много крови. Когда я выполз из часовни, то просто свалился на землю рядом с трупом ассасина, того, со сломанным луком, и просто потерял сознание. Помню, что труп валялся прямо напротив входа и злобно скалился в небеса.

Все, потом меня куда-то несли, Гарольд что-то бубнил на ухо, я то приходил в себя, то проваливался куда-то. Пришел в себя я на постоялом дворе, недалеко от западных ворот. Гарольд сказал, что я бледен подобно мертвецу. Я и чувствовал себя мертвецом, потом появился Франциско и сказал, что видел еще два трупа, один был с удавкой, другой с отравленным кинжалом. Видимо вчера была ночь падающих ассасинов. У обоих были сломаны шеи. Я вздрогнул, когда вспомнил кинжал на столе у ангелов и подумал, чтобы было со мной, если б я выбрал именно его.

Франциско напоил и накормил меня, я почувствовал себя лучше и снова уснул. Часы все время были со мной. Спал я

урывками, мне все чудилось, что кто-то отбирает их у меня. Сначала турки, потом какие-то всадники в высоких меховых шапках, потом желтолицые воины в пластинчатых доспехах с изображением драконов, с узкими, словно прищуренными глазами. Они измотали меня совсем. Потом пришла Руфия. Я сказал ей, что если снова усну, то больше не смогу защищать Реликвию. Когда я сообщил об этом, она засмеялась и сказала, что теперь это уже не важно, и белый рыцарь может отдыхать, а черный рыцарь обо всем позаботится. Мне показалось, что она была счастлива. Руфия... видели бы вы ее лицо в тот момент, когда я передал ей часы... Я не видел, оно было скрыто платком, но глаза...

Хлебнув из фляги, любезно предоставленной германцем, я почти не скривился, кисловатый отвар прекрасно утолял жажду, но вкусовые его свойства оставляли желать лучшего. Лопатка болела нестерпимо, повязка пропиталась кровью, а рука не слушалась меня совершенно.

– Кстати, за нами едут, – сообщил старший из Эсперо, – но пока не суются. Держатся на расстоянии. Как ты?

– Бывало лучше...

– Хм...

Приглядевшись, увидел легкое облако пыли на границе видимости.

– И кто это на сей раз? – поинтересовался Гарольд. – Опять ассасины?

– Может так, а может, и нет... – резонно отметил фран-

цисканец, – думаю главные встречи у нас впереди.

– Главное, чтобы Руфия добралась.

– Думаю, упустив Реликвию, они будут досматривать все, что выехало сегодня из Города. Особенно через западные ворота.

– И даже девушек для египетской знати...

– Кто знает, там не дураки командуют. Правда наша красавица имеет серьезную поддержку в окружении султана, но кто знает.

Гарольд зевнул.

– Я бы предпочел добрую драку.

– Посмотрим...

– Посмотрим. На все воля Божья.

– Объясни, с кем мы вообще сражаемся? Эти ассасины кто они?

– Секта. У них что-то вроде Ордена. Занимаются в основном убийствами. Берут заказы у богатых людей...

– Короче как мы...

– Ну да... – на хмуром лице монаха скользнуло легкое подобие улыбки.

– А султан?

– А что султан? Он сам по себе, они сами по себе. Официально они ни во что не вмешиваются. Сидят себе в горах.

– Ясно...

Так и ехали. Медленно и большей частью печально.

– Скажи Франциско, а вот другие Реликвии, что слышал

ты о них, допустим, Плащаница, она существует?

– Говорят, да... в Лире ее даже выставляли на всеобщее обозрение многие, в том числе и лиц приближенных к Папскому престолу, убедились в том, что Реликвия подлинная. в Турине в Соборе Иоанна Крестителя тоже выставляли разные интересные вещи..

– А правда, что на ткани угадывался лик человека?

– Более того, я слышал, что остались даже следы от монет, коими прикрывались глаза усопшего. На самой же Реликвии ясно прослеживались контуры человеческого тела.

– Как может быть такое? – удивился Гарольд.

– Сие неведомо... Они отвернули. Слава Богу!

– Как ты видишь их?

– Поживешь с мое, научишься. Странно все это, очень странно...

– Надо было изображать циркачей, или артистов.

Гарольд фыркнул, а зря он вполне мог бы сойти за силача. Франциско выразил мысль, что когда-нибудь циркачи станут управлять нами. И профессия эта станет настолько почетна, что под музыку цирковых дудок запляшут короли и султаны. Я промолчал, но в который раз восхитился оригинальностью мышления нашего брата во Христе. А вот Гарольд сцепился с ним не на шутку. Даже пару раз сжал свои огромные кулачищи, в ответ на то, что оппонент заметил, что Гарольд был бы в этом искаженном мире – королем королей.

Гигант обиделся не на шутку, но сдержал себя и прекра-

тил общаться с нашим философом.

Мрачность монаха куда-то испарилась. Эсперо даже уселся на крыше фургона и стал насвистывать легкомысленный мотив, напоминающий тарантеллу.

А я, наблюдая однообразный и уже довольно примелькавшийся пейзаж, задумался о том, что предстоит сделать нашей команде в ближайшем будущем.

По большому счету можно было расслабиться, свою часть контракта я выполнил, теперь только бы добраться до уже упоминавшегося выше Баит-Итаба, где ожидала меня награда. А потом... У меня были планы, и тех денег, что обещаны были мне должно было хватить на то чтобы завязать с опасным ремеслом. Правда, я не был уверен, что готов бросить свою теперешнюю жизнь и осесть где-нибудь в ожидании старости.

Да бред это все. Нет, не бред. Была у меня мечта. Старина Гэлуэй, был бы впечатлен, если бы однажды я вернулся в золоченой карете под видом богатого негоцианта. Он любил меня, как сына, но свято верил, что лишь на королевской службе можно добиться подобающего положения в обществе. Где-то он сейчас? Наверное со своим безумным Ричардом готовится к очередному Крестовому Походу. Да.

И тем не менее, мы едем.

Едем ну и ладно.

На миг появился Пьетро. Посидел немного с нами и снова уполз внутрь кибитки.

– Переживает о брате... – подытожил Гарольд.

– Близнецы, что сделаешь... кивнул Эсперо.

В этот момент что-то показалось вдали. Черные точки. Неподвижные. Мы пристально всматривались в них. Они оставались неподвижными по мере нашего приближения и вскоре...

х х х

Глава XXXIV

The Who “The Song Is Over”

Явь

– Знаешь из-за чего все твои проблемы?

– Ну.

– Вистуешь с жадностью, ты без жадности попробуй, по-человечески, понял?

– Та идешь ты...

– Вот. О чем я и говорю.

– Трус в карты не играет.

– Опять начинается. Пас.

– Вист.

– Ого! Ну-ну...

– Гну, восьмерочка...

Ага. Играли мы как-то в домино, я, Руколом, Гонибес, и капитан Алатристе. Шутю. В преф мы играли. Жестко. Премудрости этой старинной игры всегда привлекали меня своею вечною неразгаданностью, что ли. Я был в курсе, что сколько не играй, все равно все их не освоишь, и, тем не менее, предпочитал играть, будучи на сто процентов уверен, что простое шлепанье картами по столу не делает игру привлекательней.

Некоторые играли именно для того, чтобы пошлепать, и при этом ухитрялись получать от игры удовольствие.

Нет, кроме игры было еще и общение. И коньячок, ибо играть старались под него. Под водочку считалось дурным тоном, хотя иногда приходилось и под нее родимую. А че делать? Бюджет же не резиновый. Игра в похер является разновидностью игры в классический покер. Играют так. Один из игроков, а их должно быть четыре раздает по две карты. Сидящий слева(!) и это действительно важно! От него игрок вскрывает свои карты, демонстрируя их окружающим. Оставшиеся игроки, а вот тут важный момент! Согласно собственному желанию могут посмотреть свои карты, а могут и не смотреть и тогда игра для них идет в темную, швыряют карты на стол и по очереди объявляют: «Мне похер!»

После этого сдающий собирает карты, кладет их в коробочку и игра на этом заканчивается.

Вот примерно так, многим нравится. С классическим покером у похера много общего, как-то количество игроков,

наличие на карточном столе выпивки и сигар, задумчиво-сосредоточенное выражение лиц, общая атмосфера подлинного благородства и азарта.

С друзьями я играл по чуть-чуть, лишь бы интерес подогреть. В казино мы не ходили, хлопотно это, да и уровень доходов не позволял. А так, для себя в самый раз.

Так, что тут у нас. Ага, похоже у Вадика сильная пика на руках, а у меня черви неплохие. Поторгуемся, или подсадить?

Тут осторожненько надо. И еще – следить за лицом. Вот играли когда-то у Славика. Хорошо играли, душевно, под вермут. Сначала...

Вадик карты рассмотрел и говорит:

– Все решают за нас.

А он у нас вроде как из начальничков мелких, на фирме какой-то крутой работает, короче при бабках, хотя и не при огромных.

Мы на него смотрим с удивлением смешанным с непониманием, и Варяг Иванович, да, это имя такое, дедушка наградил в свое время, а мы уж по-дружески Ивановича Варей кличем, душевно, по-женски. Тем более он в нашей компании самый длинный и самый старей. В смысле опытный.

Так вот, опять отвлекся, Варя и говорит:

– Ты, блядь, про себя говори...

Вадик брови свои кустистые хмурит, в носу волосок выдирает с мясом и гундосит:

– Я и говорю...

– Что там за тебя решили, объебас покровский? Взял карту играй, мычишь, бля...

– Та играю, а ведь все равно. По жизни так и выходит, что рождаешься – тебя не спросили, помираешь, тоже, когда никто тебя не спрашивает...

– Дебил! – переглянувшись, мы вынесли свой окончательный вердикт.

– Да, дебил! – Вадик прикупил и опять надолго задумался.

Вот что за человек! Испортит настроение и ходи потом с ним, с испорченным.

– Козлы! – выругался вдруг Варя, что было для него в целом не характерно, обычно он употреблял более крепкие выражения. Но, видимо из-за отсутствия более крепких, чем вермут напитков он несколько понизил градус беседы.

Мы поинтересовались, кто?

– Все, – объяснил Иванович, морщась допил свое вино и сказал, обращаясь к хозяину:

– Больше такого никогда не бери!

– Так у меня еще пять бутылок! – обиделся Славик, – куда его теперь?

Варя отмахнулся.

– Пойдет в дело, я не о том...

– А о чем Иваныч?

– Да, так... Ты вот скажи, на хрена нам все это? – Варя широким жестом обвел стол, игроков и все помещение в це-

ЛОМ.

– В смысле?

– В самом обыкновенном. На хуя?

– Ну начинается, философия.

– Не пизди, а отвечай!

Варя встал из-за стола, подошел к окну и выбросил в форточку окурок.

– Сука, сбился из-за тебя! Нету никакого смысла ни в чем, никогда! Понял?

– Эт, точно, – веско произнес Роман, молчавший все это время и неплохо, кстати, просчитавший все варианты. Он вообще играл лучше всех и сейчас довольно что-то мурлыкал себе в усы составляя полный контраст со спорящими и уже надутыми друг на друга игроками.

– И никогда не бросай окурки в форточку! Там внизу может стоять и мирно писать хороший человек!

– Тьфу, дурак! Сбил!

– Мы разучились просто разговаривать с друг другом, а ты про философию, – Варя осушил рюмочку и недовольно поморщился синеватым и хищным носом, – улавливаете суть?

– Ну, началось...

– Продолжается, бля. Философы все бездельники, а мы работаем, так что слушай и молчи. Все мои умозаключения основаны на житейском опыте, а не просто высосаны из... Короче, парни, я вот что вам скажу, человеку по сути своей просто нравится рассуждать о жизни и смерти. Нравится

просто трюндеть ни о чем, худшие – все это записывают на бумагу. Это уже на уровне инстинкта.

– Как говаривал одна моя знакомая: «Будет спермотоксикоз заходите».

Он зашел с девятки снова наполнил свою рюмочку и повертел ее в руках.

– Был вчера на балке. Сколько там книг! И никто ничего не покупает, только пишат. А авторов сколько развелось, из ниоткуда! Я вам повторяю парни, человечество делает скачек, сознание меняется. Писать что-то на бумаге становится нормой.

– Это раньше грамотных не было, теперь полно, – я тоже вставил свои пять копеек.

– Вот именно. Суки.

– Выпьем! Еще две.

– Заебали уже со своими разговорами, мы играть сегодня будем?

– И выпивать тоже. Вперед!

Выпили. Потом Роман объявил мизер, и философская беседа сама собой сошла на нет.

х х х

Сон

Воздух горячей пустыни гудел от жары. Или этот гул был

у меня в голове?

Она лежала, спрятав руки под себя, и казалась ужасно маленькой посреди всей этой пустоты, которая была и внутри меня и снаружи. Они убили всех и погонщиков и охранников, а охраняли девиц люди султана, и самих девиц. По разбросанным в беспорядке вещам и вскрытым тюкам, Было видно, что что-то усиленно искали, и я знал что. И видимо ничего не нашли, потому что убивали жестоко, применяя пытки. Это было видно по растерзанным телам. Более того искали не только внутри грузов, но и внутри тел. Половина погибших была выпотрошена, половина просто разрезана на фрагменты. Руфия умерла быстро, наверное, приняла яд. Надеюсь она уже ничего не чувствовала когда эти нелюди терзали ее плоть. Маленький флакон в виде фигурки Харибды из черного камня валялся рядом с телом, я поднял его и машинально положил в карман. Тихонько поскуливал Пьетро. Над телом брата. Тот был еще жив, но говорить не мог и глядел в небо пустыми невидящими глазами. Франциско что-то делал с его внутренностями, наверное, пытался засунуть их обратно, потом резко поднялся и подошел ко мне. Лицо его было совершенно черным.

– Ищи Клемент, Часы где-то здесь...

Я непонимающе поглядел на него. Он медленно качнул головой.

– Рыцарь...

Что-то блеснуло на шее Руфии, я нагнулся ниже и увидел

медальон в виде монетки. Я снял его с шеи африканки. Это была вторая монетка из Крепости, я узнал ее.

Это ввело меня в совершеннейший ступор. Кто-то мощно хлопнул меня по спине. Гарольд.

Он сообразил раньше всех. Взяв тело Руфии на руки, он оттащил ее легко, как пушинку, немного в сторону и по-собачьи принялся разгребать песок под собой. Я принялся помогать ему, несмотря на душившие меня слезы.

Мы рылись в земле, словно два бешеных пса. Смешанный с кровью песок так и летел в разные стороны. Потом что-то блеснуло. Это были Часы. Руфия и тот, кто помогал ей, думаю, это был Паоло, закопала их, за то короткое время, что оставалось у них, после чего она накрыла тайник своим телом и приняла яд.

Я так ярко увидел все это, что слезы сами потекли из моих запорошенных глаз.

– Есть! – крикнул Гарольд и тоже закашлялся и отошел в сторону, отворачивая от меня лицо.

Мы подошли к братьям. Паоло бледный, с распухшим языком пытался что-то говорить. Франциско гладил его по щеке, Пьетро откровенно рыдал.

– Перестань! – Франциско выпрямился и требовательно протянул руку, я передал ему Часы.

– Малыш разобрался. – сказал Эсперо, – малыш будет жить. И еще...он просит монетку...

Глава XXXI

Hawkwind “Earth Calling”

Явь

Я – трезвый, слегка выпивший и вусмерть пьяный – это три совершенно разных человека. Причем подозреваю схожие проблемы не только у меня.

Вот допустим, жили-были два грузина Веселидзе и Кувыркадзе, один любил веселиться, а другой соответственно кувыркаться. Ну и поехали они скажем на ярмарку, чтоб побухать. Как-то так, а в результате с ярмарке в родную деревню вместо двух замечательных горцев вернулся понурый и злой армянин Похмелян. Отсюда спич:

«Воистину, вчера я был грузином Веселидзе, сегодня хмурый армянин я – Похмелян!»

Как всегда на выходе из метро стояло четыре гипперолевых кавказца, бросающих жадные взгляды на проходящих мимо девиц. Но не до девиц им было, они деньги меняли. На деньги. Эдакие менялы, словно с картины одного моего знакомого Рафаэля. Это я ему, кстати, идею подал. Напиши, говорю, Гоша картину – «Современные менялы». Вот таких, как есть и напиши, и взгляд этот постоянно оглядывающий-

ся по сторонам, и душонку мелкую сквозь радужку глаз поблескивающую, короче. Как ты умеешь Никодимыч. Георгий Никодимыч трубку пососал и говорит:

– Не буду их рисовать, пидарасов. Противно...

У него как что, так все вокруг пидорасы. Такой человек.

Примерно через месяц полотно было готово. Даже продал потом какому-то эфиопу дагестанскому. Тот там, в смысле на картине, родственника случайно обнаружил...

Славная сегодня была погода. Я уселся возле венткиоска и с удовольствием вытянул ноги, облокотившись при этом спиной о шершавую стену строения. Хорошо!

Апрель набирал силу и был уже совсем похож на май. Девушки понемногу раздевались и поглядывали по сторонам со все возрастающим интересом.

Потенциальный предмет их интереса курил и с удовольствием рассматривал окружающий мир.

Как часто бывало, в голову лезли совершенно посторонние, а отчасти и потусторонние мысли.

Вот, например, было бы забавно, если б НЛЮ сейчас между теми двумя домами приземлилось. Это чего б началось сразу! Тут тебе и милиция понаехала бы и пожарные.

Или нет, не так совершенно, наоборот, все б с перепугу поразбегались на хрен, ну кроме меня конечно, а я за венткиоском залег и наблюдал бы. А может даже зарисовал бы на бумажке, сколько у них, бля, пулеметов. Хе-хе...

А гуманоиды такие раз, высадились бы, и пошли по квар-

тирам шнырять, или по ганделикам, а чего им еще делать после длительного перелета, ночлег искать и пожрать. Нет, конечно, можно и у себя на лодке, тьфу ты, на тарелке, или в тарелке? заночевать, но в квартире лучше будет, наверное. Мягче, так стопудово. Я бы, например, точно в захваченной спал, предварительно над хозяевами инопланетно поглумившись. Тем более, что там наверняка студентки бы жили, так как это общага и есть. Или не общага? Не, вроде общага, хорошо.

А я, еще, если они вдруг агрессивные окажутся, сразу вниз по стволу и на ВОМД, там хуй найдут. Может и искать не будут, но не найдут точно.

А вообще на хер никому эти инопланетяне сейчас не нужны, ну может ученому какому-нибудь, для опытов. А нам, в смысле простым людям они без надобности. А зачем? Ну, прилетят, ну даже не агрессивные. А с технологиями, где гарантия, что технологии эти до нас до людей дойдут, а не осядут на даче у какого политика педерастического. Захапает себе бессмертие, а нам потом по кусочкам продавать будет за бешенные бабки в виде лекарств. Ну как сейчас.

И без инопланетян, я так думаю, все уже давно изобрели и эликсир молодости и скатерть-самогонку и все что хочешь, даже особое биотопливо ничем не уступающее по характеристикам нефтепродуктам. Только нам не говорят. А если бы и сказали, то что?

Вот собрали бы всю службу в актовом зале и официаль-

но с трибуны, как положено, донесли бы до ведома общественности, что инопланетяне передали нам, всему человечеству технологии, только вы их, суки, хрен получите, потому что вы, блядь, отверженные, а мы, блядь, избранные. И всю жизнь мы вас сука наебывали и наебывать будем, а вы в своем говне как копошились, так и продолжайте, потому что там вам самое место.

Вот так скажут и уйдут. И что? Революция свершится? Хуя. Поругаемся в курилке, обсудим все, обсосем. Скажем, вот ведь гандоны, и ответим сами себе, гандоны конечно, ясен красен. И все. Располземся по норам.

Так и есть. Всю жизнь нам обосрали, денег девать некуда, а все тянут, тянут и тянут...

И разговоры эти говнистые, тайное правительство Земли, золотой миллиард. Масоны. Жидомасоны. Херня это все.

Да даже придут нам и скажут, что не херня, что все это есть на самом деле и ебет нас в спину всю нашу долбаную жизнь, от нашего знания или незнания об этом – проблема не решится и не изменится!

Всем все по хуй, кроме бабла, естественно. И это было, есть и будет, чтобы ни говорили нам господа идеалисты.

Козлы, бля, все.

Я выматерился вслух, выкинул вонючий окурок и полез в свою нору. Весеннего настроения как не бывало. А еще и песенка страшенькая привязалась. Да знаете вы ее. Из старых.

«Этот мир, придуман не нами, этот мир придуман не

мной». Только вдумайтесь. Я вдумался, сразу страшно стало. Вопросов много возникло.

Кем придуман? С какой целью? Кому, наконец, выгодно, было придумывание этого мира?

Додумался до того, что никому мы тут давно уже на фиш не нужны. Поиграли с нами, и бросили как надоевшую игрушку. Которая к тому же очень беспокойная, мнительная и постоянно чем-то недовольная.

Вот такие мысли меня посещают по этому поводу.

А песня? Сколько лет пели, пели, и никто даже не поинтересовался историей ее написания.

А есть еще люди, придумают себе фишку и ходят с ней радостные до невозможности. Вот Ефремыч у нас был, потом на пенсию ушел благополучно. Каждое утро орал дурным голосом: «Ах, мой милый, Августин, Августин, Августин!»

Люди слышали и говорили: «О! Ефремыч пришел!»

А я вот сегодня реклама I-PAD видел, так это же просто кошмар: «У тебя большой, а она хочет мини!» Еб твою... Такая злоба меня взяла. Это ж как наживаются корпорации на слабостях человеческих. Купил уже человек игрушку, а все не такая, надо блядь, мини. Пиздец!

А завтра ей захочется, чтоб ты с окна кинулся, прекрасно, покупайте надувные подушки и спасательные коврики, кладите их себе под окно и прыгайте, хоть целый день! Так?

Все, решено, напьюсь сегодня обязательно, где же этот Серега, на пять минут говорит, отойду, час уже прошел...

Сон

Монетка идеально вошла в углубление на стойке Часов. После этого песок внутри повел себя странно. Несмотря на то, что Часы стояли как и положено вертикально, песок сначала прекратил свое неукротимое движение вниз. Потом вообще перестал сыпаться из одной части Часов в другую. А потом. Медленно, очень медленно песок из нижней части стал подниматься вверх подобно пару над чаном с кипятком и постепенно заполнять собой верхний резервуар.

– И что дальше? – шепотом спросил заворожено наблюдавший эту картину германец.

– Ждать... – прошептал белыми бескровными губами Франциско и добавил повернувшись к Гарольду, – приготовь свой меч, воин...

Германец бросился к повозке и вернулся к нам уже во всеоружии.

Ждать пришлось недолго. Запустив часы в обратную сторону, Паоло вернул нам два часа. Переход произошел как-то одномоментно что ли. Только вот еще сидели мы в кружке друг напротив друга посреди черных птиц и мертвецов, в абсолютной тишине и тут вдруг тишина лопается лязгом железа, криками и звуками боя, и мы оказывается посреди всего

этого. И кто-то воет нечеловеческим голосом. Звенят стрелы и бой уже вокруг нас. Стражники-мамелюки сражались со странными раскосыми воинами со старинными, будто нарисованными лицами, в кожаных доспехах с изображенными на них золотыми драконами. И им очень нужна была наша подмога. Женщины визжали, лошади ржали, и Паоло в женском платье выглядел вполне симпатично, особенно когда резал горло какому-то узкоглазому лучнику, неожиданно свалившись ему на плечи с крыши повозки, а горло не резалось, и лезвие ножа елозило по нему как по точильному камню. Хорошо Гарольд оказался рядом и разрубил лучника практически напополам своим ужасным мечом. И было странно видеть, когда вместо крови на землю медленно потекла похожая на нефть черная вязкая жидкость.

Но главное – она была жива и уже держала флакон в левой руке. Я схватил ее за руку и спросил, где тут можно напиться. Одновременно ногой я отшвырнул уже готового наброситься на нее воина в бронзовой маске. Хвала Господу, Гарольд уже раскрутил свой двуручник над головой и воин, быстро вскочивший на ноги, попал аккурат под его карающий удар.

Она удивилась лишь на короткий миг и непроизвольно схватилась свободной рукой свой медальон. Она поняла, что и я понял. Улыбнулась, и даже немного смутилась, вы когда-нибудь видели как краснеют мавританки? Я да. Сердцем увидел.

Ох, и задали же мы им жару! Сначала ножами и всем, что

попадалось нам под руки, потом Франциско и Пьетро разжились широкими кривыми саблями, а я шестопером. Против этих големов, а как их еще назвать, он оказался весьма эффективен. Особенно когда Руфия крикнула мне, чтобы я чаще бил этих демонов по ногам. Под шестопером они ломались словно прутья, словно глиняные, а их хозяева валились на землю и становились беспомощны и неуклюжи. Нет смысла описывать эту бойню. Противников было чертовски много. А наших союзников слишком мало, но Эсперо и Гарольд были просто великолепны. Двуручник в руках германца работал, словно настоящая мельница смерти. Он рубил, он колот, он отбивал... Человеческой крови в них не было, из отрубленных конечностей текла странная черная жидкость. Чем это объяснить я не знал, но в ходе боя я заметил, что намного быстрее самых быстрых из них и это давало огромное преимущество.

Когда чаша весов качнулась в сторону нашей победы, наши противники даже не делали попытки спастись бегством и полегли здесь все до единого. Не знаю кто были их командиры, но наверное они их чертовски боялись, иначе что двигало ими? Или големы ничего не боятся, а просто не имеют мозгов?

Когда все закончилось, я отнес рыцаря Руфию в наспех поставленный шатер. Она нуждалась в заботе, так как правая рука ее сильно кровоточила. Спустя некоторое время к нам присоединился Франциско. Убедившись, что с Руфией все в

порядке, он устало присел на коврик.

– Кто эти дьяволы? – спросил я, – Может, наконец, расскажешь?

– Их называют Чина, – негромко сказал монах, – Они поклоняются Дракону и носят железные головы. Они из далекого царства на Востоке. Как оказались тут мне неизвестно, похоже, они пришли, либо их перенесли в эти земли задолго до нас. У бедуинов есть предание, что в давние времена в Аравию приплывали гигантские корабли неведомых и сильных богов, и эти боги сеяли странные семена, называемые зубы дракона, из которых через тысячу лет должны были вырасти неуязвимые воины.

– Что за странная легенда?

– Это не легенда, это Закладка, и хвала Господу не слишком большая, да к тому же воины эти были разбужены совсем недавно и потому были не совсем... – пояснила Руфия, разглядывая свою рану, – быстры... и еще я слышала, что их император запретил морские путешествия. Но толи не все согласились с императором, толи не было никакого запрета. Они снова здесь и выступают в конфликте Саладина и христиан на своей стороне.

– Что? – Франциско был явно обескуражен, я не помню, чтобы он когда-нибудь был таким растерянным, наш железный воин. Куда этим чинам сражаться с Франциско. У них только головы железные, а наш легионер полностью выкован из железа

Тут до меня стало доходить, я вспомнил наш странный разговор в Святом Городе и ляпнул:

– Это те воины из твоего видения?

Руфия скромно опустила глаза, надо же она и так умеет!

– Знайте, рыцари, что на Востоке есть умение создавать бесстрашных воинов, замораживать их, ввергать в состояние покоя, на многие века, и они будут спать, до той поры пока не наступит великая битва. Тогда они проснутся.

– То самое Проникновение?

– Да и, похоже, оно началось...

Я внутренне содрогнулся и опрометью бросился из шатра наружу. Я думал, мне показалось. Похоже, что нет. Я осматривал трупы воинов, лежащих на песке и то, что я видел, ввергало меня в оцепенения. Сама сущность моя отвергала увиденное. Я ощупывал застывшие, словно каменные мышцы этих странных воинов. Осматривал их доспехи, Но, увы, увы. Вот глаза у этого лучника. Как он мог целиться? Защищенные суровыми нитками веки, а у другого поверх век были нарисованы краской искусственные глаза, вот у отрубленной звенящей медью головы полностью отсутствует нос, словно у статуи, когда он отваливается от времени. Мы действительно сражались с мертвецами. Мертвецами, которые двигались.

Подошел Франциско.

– Драконово семя... – только и сказал он.

А что тут еще скажешь? Помолчали. Пьетро и Паоло веселились неподалеку. Близнеца невероятно тешил наряд бра-

та.

– Здесь нам придется разделиться. Первоначальный план не сработал, будем готовы, что теперь нас будут встречать повсюду.

– И что ты предлагаешь?

– Пусть Руфия с мальцами следует в порт, налегке. Они уже навоевались, а мы втроем с Часами двинемся на север, на побережье, там собирается христианское войско, а слухи о падающих с неба рыцарях отвлекут внимание от каравана.

– И слава наша будет идти впереди нас?

– Где-то так...

– Думаешь, так у нее будет больше шансов?

– С нами их совсем не будет. Я уверен, что эти... – он немного замялся, – ты называешь их големи?

– Как-то же надо было их называть...

– Они оповещают друг друга о случившемся.

– Откуда ты знаешь?

– Они все вместе одно. Как пчелиная семья. Эти закладки... Они словно улы.

– И собирают кровавый урожай подобно меду?

– Пусть так. Я думаю, они настроены на Реликвию.

– Как?

– Настроены. Тут что-то со временем, может пока Часы были в Небесном Доме, все оставалось прежним, но теперь, когда Реликвия в нашем мире... Они чувствуют ее. Эти закладки могут быть, где угодно, и по мере того как мы будем

двигаться, они станут оживать при нашем появлении. Не думаю, что они разбросаны слишком часто, и тем более одну мы только что уничтожили. Все равно будет лучше, если рядом окажется войско. Тем более, что Паоло говорит, что Реликвией теперь нельзя будет воспользоваться лет сорок.

– Откуда он знает?

– У него свой Дар... Он чувствует суть некоторых вещей, которые простые люди называли бы волшебными.

– Скорее колдовскими.

– Ну да, тебе виднее, ты же у нас с ангелами разговаривал.

– Хорошее дело! Я был кормом для них!

– Один раз в сорок лет, можно и потерпеть, – усмехнулся Франциско, – Знаешь можно было наверное найти Часам более весомое применение, чем возврат нескольких жизней и думаю мои ... – он кротко указал куда-то в небо, – будут недовольны нашим самоуправством, но думаю оно того стоило.

– Еще бы. Тем более мы еще очень далеко от цели.

Помолчали. Я наблюдал за тем, как воспрянувшие охранники тщательно исследуют тела поверженных, цокают языками, яростно жестикулируют и бормочут что-то о полном отсутствии карманов на трупах.

– И что ты теперь обо всем этом думаешь? – спросил монах, вынимая четки.

– Хм... Серьезная штука и отношения к себе требует серьезного. Вообще я слышал, что на Реликвии положено мо-

литься, а использовать их нехорошо как-то.

Франциско кивнул и задумчиво произнес странные слова:

– Клемент, я подозреваю, что теперь нам придется расплатиться за то, что мы сделали.

– Что?

– Со временем, знаешь ли, надо осторожно...

Об этом я вообще не думал. Черт. Тут и Гарольд подошел.

– Вот и наш славный германец! – приветствовал его Эсперо. – Ты славно бился!

Германец скромно потупился и дернул себя за бороду.

– Я тут меч неплохой нашел. И кое-какой доспех. На мой размер конечно не оказалось, а вам пригодится... Только скажи Франциско, как думаешь, а эти улы пчелиные, за морем они тоже есть?

– Надеюсь, что нет, – ответил наш боевой монах, однако без прежней уверенности в голосе.

Потом вытащил из-под одежды очередную карту. Сколько их там у него.

– Тут недалеко есть оазис.

– И?

– И там должны быть верблюды. Взамен павших.

– Двугорбые?

– Не уточнял, но думаю, пощипав их хозяев, мы это узнаем.

– Пощипав? – Гарольд тоже присоединился к нам, он был

непривычно задумчив, и стоял, подобно воинам древности опираясь на воткнутый в песок высокий щит. В стороне от него молились выжившие сарацины.

Франциско развел руками:

– Иначе они нам их не отдадут.

– Стражники волнуются, – сообщил Гарольд, – они не могут понять, откуда мы появились.

– Скажи, что Исса послал нас.

– Я плохо знаю их язык...

– Клемент?

Я вздохнул:

– Проповедник из меня так себе.

Франциско тяжело вздохнул:

– Опять все самому...

Германец встрепенулся:

– Так чего же мы стоим! Надо готовиться к представлению. Бог услышал мои молитвы. Теперь сражаемся по нескольку раз в день! Это благое дело, наказать одних неверных, чтобы было неповадно другим!

– В смысле?

– Ну... – германец замялся и снова взялся за бороду, – Если...

Франциско слегка подмигнул мне. Незаметно. Я кивнул.

– Сие дело угодное Богу! – Гарольд погрозил нам пальцем и наконец, улыбнулся. – Укажи нам путь, брат!

– Да будет так! – возвестил Франциско и указал путь, а

после пошел утешать сарацин, поглядывавших на нас с откровенным страхом.

Потом было короткое прощание. Руфия была еще очень слаба. Мы ничего не сказали друг другу, она только сунула незаметно мне свой медальон.

Миг, и мы уже уходили. Не оглядываясь.

х х х

Глава XXXVI

Pink Fairies “When’s The Fun Begin”

Явь

В моих сновидения стали появляться некоторые лакуны. Не знаю, связано ли это с попыткой покушения или нет. Но это факт. В реальности пока все спокойно, новых попыток покушения не было. Пью от страха.

Страх появился неожиданно, и теперь он повсюду со мной. Его природа животна и идет откуда-то из темного средневековья. Или от снов. Не знаю пока. Не могу сказать, но как-то так.

Сегодня, правда, ничего особенного со мной не происходило. И то хорошо. Надоело все, покушения эти. Чем я кому не угодил, не пойму. Не трогают и ладно. Не фиг меня тро-

гать. Как говаривает наш Жека, покакал и хорошо.

Сегодня отправили на разгрузку. Или погрузку, кому как нравится. На склад завезли трубу, а кто ее будет разгружать? Правильно сантехники. Ну и поехали, благо погодка была просто песня.

Склад находился в депо. Вернее нам была выделена специально огороженная территория, а на ней здания, составляющие целую систему складов.

Прибыли вовремя, уселись под воротами, благо кладовщик к нам не спешил, а нам его торопить тоже понятно никакого резона. Закурили, хотя предупреждающий плакат, ясно говорил: «Не курить».

Покурили по первой, ничего не случилось. Самые заядлые тут же закурили по второй, и что бы вы думали? Снова ничего не случилось. Вот и верь после этого предупреждающим плакатам!

Посмеялись над смешным дворником, который ругался с местной лохматой собачонкой, причем побеждало четвероное, ибо дворника облаяло. Обсудили вчерашние парламентские новости. Хотели уже по третьей закуривать, когда, наконец, появился его высочество Князь Складской с документами и хмурым водилой, и дал добро на начало разгрузки.

И понеслось...

Часа через два все было кончено, как говорят авторы военных романов, описывая великие битвы титанов. Титаны

устало попадали на задницы в траву на газончике и с бешено вытаращенными глазами хватали, кто кислород, а кто табачный дымок.

– Да, выебло нас знатно... – это было общее мнение высказанное Петровичем.

– Теперь не грех и по-маленькой, – это тоже было более мнение высказанное мной.

– Ага, сейчас, а деньги есть?

– Для такого дела найдем без проблем.

– Ну-ну...

У народа резко поднялось настроение и мы стали собираться в обратный путь. В смысле встали на ноги. Потом поплелись по дорожке. Солнышко ласково светило с небес и озаряла нам два пути. Я задумался.

– Зайдем до Зины?

– Да лучше с собой возьмем, так выгодней и сердитей.

– Уже и жратиньки захотелось...

– Да, не помешало бы.

– Так, а время сколько? Опять на обед не успели, а говорят – распорядок дня, распорядок дня.

– Одно хорошо, что не каждый день такие подарки.

– Да.

Так разговаривая ни о чем, мы добрались к цивилизации.

– Теперь все по-другому... – опрокинув пластиковый стаканчик вовнутрь себя, сказал Петя-слесарь с другого участка, немолодой вислощекий мужичек с кругленьким животи-

ком под полосатым свитером.

– Всегда все по-другому, это только в немецкой порнухе все одинаково, – я попробовал пошутить.

– Не скажи,– степенно вступил в беседу, строго глядя на нас сквозь очки, работающий пенсионер Силантьич, разворачивая конфетку синими пальцами,– не скажи...

Он сунул конфетку в рот, причмокнул и погрозил нам пальцем.

– Ну да, ну да,– рассеянно отозвался Витя-электрик, все время куда-то торопящийся, в своей призвезденной кожаной кепочке над хитрыми узенькими и вдобавок голубенькими глазками.

Силантьич откашлялся и произнес:

– Желает ли многоуважаемая публика, чтобы я развлек ее анекдотом?

– Желает,– отозвался я, больше никто не возражал.

– Так вот. Приходит как-то до попа одна старушка. Набожная...

Я отключил мозг и закурил, ловя момент кайфа от первых ста граммов прошедших по пищеводу. Анекдоты Силантьича были притчей во языцех, ибо рассказывать их он не умел, но любил, и подолгу со вкусом и только ему ведомым садизмом. Причем все они были не смешные.

Включил мозг я только тогда, когда пришлось заказывать по второй, каждый платил за себя, потому что в нашей сборной команде грузчиков все были в основном с разных участ-

ков и угощать никто никого не собирался. Я тоже не был исключением, чай не премия и не получка.

Когда я снова включился в реальность, народ вокруг вежливо хихикал, наверное, из-за анекдота. Я тоже милостиво скривил губы в подобии усмешки и похлопав Силантыча по плечу сказал:

– Ну, Силантыч уж как расскажет, так расскажет. Повторяем и разбегаемся?

– А то.

Так и сделали. Попустило на время...

х х х

Сон

Теперь мы снова ехали по пустыне. Пейзаж был довольно однообразен. Погода стояла знойная.

Мы двигались по направлению к Тиру. Франциско определял направление по солнцу и звездам, и мы ему верили. Во время короткой битвы при безымянном оазисе, Гарольду удалось поймать несколько сарацинских лошадей, с хозяевами, от последних пришлось отказаться и теперь у нас появились сменные кони. Все-таки к верблюду я так и не привык. Там же мы вдоволь напились и пополнили запас воды.

Странные Чина не появлялись, хотя я до рези в глазах всматривался в песок в ожидании того, как воины с драко-

нами на доспехе станут выпрыгивать на нас из-под земли. Но ничего такого не происходило, и мы беспрепятственно продвигались вперед.

Наконец, ближе к вечеру нам встретился христианский патруль. Он представлял собой небольшой отряд из пяти всадников, судя по флажку, прицепленному к одной из пик, это были французы, и мы объяснили соотечественникам, что движемся из Иерусалима, куда совершили паломничество вместе с монахами, но прослышав о том, что христианские монархи затевают крестовый поход, желаем теперь примкнуть к объединенному войску и поучаствовать в нем, дабы освободить Гроб Господень из рук неверных.

Командир выслушал нас и представился как Люк де Грасси, мы наконец-то попали к друзьям. Француз любезно предложил нам сопровождение, и мы не менее любезно согласились.

Спустя какое-то время впереди показался военный лагерь. Здесь всю готовились выступить в поход. Если бы мы ехали через эту местность немного позже, то наверняка никого бы здесь уже не застали. До недавнего времени французы патрулировали этот район, занимаясь охраной паломников и грузов, а теперь получив известие о том, что король Ги собирает разрозненные войска и направляется к Тиру чтобы навестить засевшего там Конрада де Монферра собирались выдвинуться на соединение с основным войском.

Я переглянулся со старшим из Эсперо и тот успокаиваю-

ще кивнул головой.

Лагерь был не огражден и представлял собой, по сути, палаточный городок, десяток рыцарей и полсотни слуг и оруженосцев. Не скажу, чтобы наше появление кого-нибудь сильно впечатлило, тем не менее, к нам подошел обвешанный оружием воин и поприветствовал де Грасси, одновременно нас с любопытством разглядывая.

– Мы уже жаждали вас де Грасси, – произнес он гулким голосом большого церковного колокола.

– Вот, у нас пополнение...

Мы представились, я назвался Клементом Португальским, Франциско – Антонием Ассирийским, а Гарольд не долго думая брякнул Гарольд из Любека... Все трое искатели лучшей доли борцы за дело Господне и проще говоря наемники. Внимательно осмотрев наши приятные бородатые лица, барон остался доволен и даже предложил экипироваться, так как лишнего железа у них было в достатке. Отряд время от времени нес потери в стычках с разбойниками, но в этих же сражениях получал и некоторые трофеи, так большая часть этих стычек оканчивалась в пользу франков.

– Барон де Лузиньяк командует здесь, – пояснил де Грасси, – это его люди.

– Гасконец?

– Разумеется, – сверкнул зубами рыцарь, – мы все здесь гасконцы в той или иной степени... Мммм... Почти.

Однако, найти посреди пустыни человека с неплохим чув-

ством юмора – это ли не Чудо Господне?

– Не доводилось ли вам де Грасси знать достойного Обраньяка из Менга...

– О да! Вы знакомы?

– Когда-то я чуть было не женился на его племяннице. Но не успел. Принял обет безбрачия...

Де Грасси помолчал немного, а потом прыснул в кулак и хлопнул меня по плечу.

– Де Вольт! – на призыв откликнулся длиннющий носатый и давно нестриженный парень в кожаной расстегнутой на груди куртке. – Этот человек знает старика Обраньяка.

Тот, кого назвали Девольтом, хищно раздул волосатые ноздри и довольно покрутил гигантским носом своим. Одновременно он салютовал нам железной своей шляпой.

– Пойдемте друзья, у меня припрятана пара галлонов анжуйского для особого случая, небольшой подарочек с последнего каравана, а так как мы выступаем сегодня, и приняли в наш скромный отряд такое пополнение, не вижу повода не распить их...

– Во славу Господа! – теребя бороду, вставил Гарольд, – это была единственная знакомая ему французская фраза, но вставлял он ее всегда ко времени, как и на сей раз.

– Спроси у него, немцев здесь нет? – на всякий случай поинтересовался германец.

Я спросил.

– Нет, – отвечал де Грасси.

– Жаль, – тут же погрузстнел он.

– Гарольд...

Германец шумно выпустил воздух и насупился.

– Обидно, что и говорить, но твои соотечественники уже наверняка под Акрой или под Арсуфом, правда, брести нам туда еще несколько дней.

Гарольд кивнул и ничего не сказал.

К вечеру мы выступили. По мере продвижения, к нам присоединялись еще люди, небольшими отрядами и группами. Я насчитал два таких же патруля как у де Грасси, десяток горластых фанатиков вооруженных длинными рогатинами и несколькими мусульманскими клинками не особо хороши-ми надо отметить, и с огромной хоругвью, которую они пер-ли, как выяснилось от самого Иерусалима. Брели они на сво-их двоих, питались неизвестно чем, но приложившись к свя-тым мощам, воспылали теперь страстью немедленно всту-пить в бой с неверными. И преуспели в этом, потому что про-демонстрировали пяток обритых сарацинских голов, от ко-торых невыносимо смердело, и которые фанатики тащили с собой в мешке. Я видел, что барон поморщился, осматривая эти трофеи, и даже поставил условие предать останки земле и только тогда позволил присоединиться к своему отряду. Думаю тела поверженных противников они съели. А что, и такое бывало. Подобные этим представителям рода челове-чьего, неверных за людей не считали вовсе, а с другой сторо-ны чем-то же они питались во время своих скитаниях? Но-

венький костяной нож за поясом предводителя только подтверждал мою догадку.

Главарь фанатиков посмотрел на барона недобрым глазом, но приказ выполнил. При этом, я был просто уверен, в случае чего он немедленно обвинит барона в недостаточной преданности Делу Христову при первом удобном случае.

Я поделился своими предположениями с де Грасси, с которым у меня быстро установились самые дружеские отношения и гасконец со мной согласился, но отметил, что на сегодняшний день нам особо выбирать-то не приходится, а вот десяток головорезов лишними никак не будут И это было вполне резонно.

Потом мы догнали когда-то шикарного, но теперь изрядно поизносившегося рыцаря с двумя слугами, занятыми похоронами третьего слуги. На лбу рыцаря был прилеплен кусок пергамента, видимо с просьбой для нашего Владыки, чтоб тому было удобнее читать. Рыцарь как раз возносил молитву, а двое несчастных копали могилу при виде нашего приближения, хозяин несчастных, я так его про себя и назвал Хозяин Несчастных, бурно и радостно приветствовал нас и возжелал немедленно присоединиться, как он выразился: «Во славу Господню к Великому войску Христианскому!»

Он явно был немного не в себе, но Бог услышал его молитвы и послал нас ему навстречу. Так мы и комплектовались.

Вот и сейчас отряд, состоящий из пары десятков несчастных, изможденных и пыльных приближался к нам. Точнее

будет сказать, что это мы к ним приближались, ибо большей частью воины сии лежали и сидели вповалку среди припорошенных пылью бревен невнятного назначения, и только одинокая лошадь бродила меж ними. Я представил, как они тащили все это по пустыне, и мне стало плохо.

Нас увидели и по мере того, как мы приблизились, одно из тел при помощи двух других все-таки взгромоздилось в седло и приняло начальственный вид.

Отряд состоял из двадцати пяти десятков душ, довольно износившихся и по всему выдавших виды. На солдат они не походили вовсе. Типичные фламандские крестьяне, в основном высокие и светловолосые, но вялые какие-то. Без блеска в глазах. Это и понятно, если учитывать их длительное скитание по здешним местам.

Я подъехал поближе и сумел получше рассмотреть их предводителя, державшегося, как и подобает истинному фламандскому рыцарю надменно, несмотря на немалые страдания, доставшиеся на его долю. Сквозь зубы он поучал одного из своих подчиненных и тот смиренно слушал, опустив голову. По всему было видно, что процесс этот ни тому ни другому особой радости не доставляет, более того и тот и другой выглядели одинаково измученными.

Мое появление в компании рыцарей Девольта, осуществлявшего прием всех этих разрозненных военных объединений и сдружившегося со мной Де Грасси отвлекло сего достойнейшего предводителя крестьянства от нравоучения

и освободившийся вассал расправив плечи побрел к кучке своих соплеменников борющихся с бревном. Во всяком случае, их возня с этим предметом более всего напоминала борьбу, причем в партере были крестьяне, а бревно решительно наседало. Я усмехнулся своим мыслям и тут же заметил, что моя улыбка рыцарю не понравилась, очевидно, он принял ее на свой счет, так уже бывало.

Мы учтиво поприветствовал его и он, несколько помедлив, ответил. Взгляд у него был нехороший, неприятный совсем..

Услышав наши имена и титулы, сей достойный рыцарь прокашлялся, снова помедлил, но все-таки произнес:

– Барон де Луаре.

«Ого! Целый барон, а войско-то где? Тем более не похоже, чтоб они уже побывали в серьезном бою и понесли потери. Захудалый ты у нас барон, а спеси-то спеси!»

Все это я успел продумать за ту секунду, что я рассматривал барона и делал выводы.

– Как добрались, барон? Не беспокоили ли вас неверные?

– Пусть только сунутся! Они боятся приближаться на длину клинка, постреливают издали – барон сжал кулак, – но ничего де Луаре покажет им ...

Что именно покажет им де Луаре, осталось загадкой, потому что кучка крестьян бросилась вдруг в рассыпную, и освободившееся бревно радостно плюхнулось на землю подняв облако пыли. Я заметил, что из него торчит свежесвы-

пущенная стрела. Очевидно, летучий разъезд хорезмийцев, шутя выпустил стрелу, чтобы повеселить новичков. С юмором у этих ребят в отличие от фламандцев все было в полном порядке. Зато я понял почему фламандцы не бросили свои бревна, видимо они за ними прятались, по крайней мере, они это выполнили довольно шустро, по мере появления стрелы.

Еще краем глаза я заметил, что де Грасси как-то хитро ухмыляется при этом ухмылку свою, пряча от барона.

– Сарацины, шалят, – любезно пояснил ваш покорный слуга. Барон витиевато выругался. И вынув кнут, грозно стал надвигаться на своих подопечных. Те нехотя потянулись к бревну.

– С прибытием, – сказал я, переглянувшись с де Грасси, – когда обустроитесь, разумеется.

– О, Фландрия! Страна чудес... – прошептал де Грасси и фыркнул.

– Что? – не разобрав, обернул на нас свой багровый лик де Луаре.

– Вам нужна помощь? – с невинным видом поинтересовался рыцарь.

– Справимся! Разве что немного воды... Эти свиньи выхлебали всю.

– Присоединяйтесь и скоро мы доберемся до источника, с водой тут как вы заметили проблемы...

– Уж заметил, так заметил. Шевелитесь свиньи!

Кнут врезался в спину сразу двух бойцов, де Луаре владел

им в совершенстве. Думаю, своего предводителя фламандцы боялись более, чем неведомых сарацин. Мне стало вдруг тошно глядеть на это.

– Позвольте дать вам совет...

– Я в советах не нуждаюсь, – кнут рассек воздух, – Свиньи! Грязные свиньи!

– Барон де Луаре! – четко проговорил я, и снова барон обернулся.

– Барон вы вступаете в объединенное войско трех королей, и у нас тут не принято издеваться над солдатами без причины. Ваши люди вымотаны, а нам еще предстоит немало боев..

– Эти свиньи!

– Эти люди сейчас получают воду, и займут свое место в колонне. Похоже, они вас не любят, и это плохо.

– Мне не нужна их любовь, – процедил барон, – мне иногда могут понадобиться их жизни. Только и всего.

– Только и всего... Действительно, забавно. А вам никогда не приходило в голову, что когда-нибудь и ваша жизнь может понадобиться солдатам?

– Что? – глаза барона быстро наливались кровью, было в нем все-таки что-то испанское...

Рыцарь снова злобно сверкнул на меня глазами:

– Бунт? Они слишком тупы для этого. Эти грязные свиньи знают твердо только одну вещь, о том, что их брюхо должно быть постоянно набито. Служба в армии дает им это, зачем

им бунтовать?

– Действительно,– восхитился я, одновременно обратив свой взгляд на двух замызганных по уши в грязи доходяг куда-то тащивших две огромные охапки хвороста, едва не падая от усталости, – а не слишком ли они у вас перекормленные?

– В самый раз, – процедил сквозь зубы рыцарь,– они мне нужны максимум до завтрашнего вечера, а там пусть убираются к дьяволу. Если сумеют...

Какое-то время мы внимательно рассматривали друг друга, потом барон скрипнул зубами, но взглянув в безмятежные глаза и де Грасси и окинув суровый лик Девольта, прикинул шансы и последствия, соизмерил их со своими возможностями и взгляд отвел.

– Прошу вас следовать за нами, представиться командору и отобедать, да угодно сие будет Господу нашему... – предложил Девольт.

Барон нехотя подчинился, чего бы это ему не стоило...

– Откуда такое богатство? – поинтересовался Де Грасси указывая на бревна и меняя тему опасной беседы.

– Мы волокли все это от самого побережья, та жалкая посудина на которой мы плыли, имела несчастье перевернуться у самого берега, а объединенное командование испытывает недостаток в строительных материалах, а здесь...

– Барон – вы герой! – улыбнулся де Грасси, я уже изучил эту улыбку и ждал продолжения. Барон подбоченился и что-

то буркнул.

– Треклятые неверные, – из-за них я уже потерял половину отряда и две осадные машины, – можно сделать крюк в пару десятков лье и мы подберем, их они понадобятся потом...

– К сожалению мы не можем сейчас сворачивать и дробить силы, – Вздохнул Де Грасси, – но помилуйте барон, вы шли от самого побережья Неаполя и я полагаю к Тиру?

– Да.

– Но как вы очутились здесь?

– Чертовы местные названия, я все время их путаю, – покраснел барон, и потом добавил, – к тому же мы немного заблудились...

Ловить тут было нечего, я уже с трудом сдерживал смех и потому, быстро кивнув дворянам, поспешил прочь, развернув коня, успев услышать продолжение этой милой беседы.

– Что означает ваш герб? – поинтересовался Де Грасси, заметив стоящего в стороне со щитом оруженосца, либо лицо осуществляющее сии обязанности. Впрочем, рисунок на нем был выполнен довольно небрежно и как по мне мог обозначать все что угодно.

– Кнут, разбивающий пряник, – отвечивал рыцарь.

– О! Элегант! – восхитился де Грасси.

«Хм, солдаты вас точно не любят, обладатель такого забавного герба забавно, – подумал я..»

Глава XXXVII

Aphrodite's Child "End Of The Word"

явь

Курили тут изрядно и как-то все одновременно, чтобы не выделяться, я тоже с удовольствием закурил.

– Давай!

– За здоровье!

Чокнулись. Выпили. Хорошо. Собеседник медленно исчезал в сизых клубах сигаретного дыма, обволакивающих его со всех сторон. Музыка орала из темноты, но это было даже хорошо, можно было вырубиться и из разговора и из реальности, и этого никто бы не заметил, и не услышал.

– Ты учти, что проблемы жидомасонов, это проблемы самих жидомасонов! – мозолистый палец медленно поднялся и завис на уровне моих глаз, я инстинктивно отпрянул.

– Америке скоро пиздец, – донеслось слева, – причем полный и окончательный.

– Самый полный!

– Это подтверждено самыми точными математическими выкладками.

Палец покинул опасную зону, и я вернул голову в исход-

ное состояние, над столом, на руке. Жутко захотелось спать.

– А как понять, жидомасон человек, или нет? – вместо этого спросил я.

– Это просто, если бабки есть, много, значит, жидомасон, а если нет...

Против воли я заинтересовался такой постановкой вопроса:

– Значит и этот, миллиардер, который русский...

– Тоже жидомасон, – безапелляционно ответил мне клуб дыма с противоположной стороны стола.

– И кто бы мог подумать, ай-яй-яй.

– Не юродствуй, это закон бытия. А все законы создали они.

– Жидомасоны? – на всякий случай я уточнил.

– Обязательно, кха-кха-кху! Пойду отолью... Кха!

Я уронил голову на руки. Мрачная картина бытия сначала тяжело нависла, а потом сомкнулась надо мной и я уснул.

Кто-то еще добавил:

«А в недрах инета сидит под сервером инопланетная тварь, и тарашится...»

А вот и еще одна странность. Это у меня вечно с утра, если не выспался, подобная дребедень в голову лезет. Сна не помню, как такового, а такое ощущение, что не спал, а где-то лес валил. Устал, что называется...

Нет, вчера, конечно, приняли, как положено, ну не то чтобы сильно, а так, ну, как положено, короче...

Эх, чегой-то я заговариваться стал, словами паразитами. Так о чем это я? Ага. Сны, сны... Лес валил. Хрен с ним, не вспомнить все равно. Вот что там сегодня снилось? Думаете, помню? Фига, чего там я помню.

А еще, вот... Допустим сновидения большей частью рыцарские, и если предположить, что все это отзвуки моих предыдущих жизней, то что ж получается, сколько это я лет-то живу? В смысле душа моя. Где-то я читал, что четырнадцать перерождений допускается, выходит, что больше? Прикол.

А с другой стороны, ну больше и больше, какая в хера разница. Другое непонятно, Вот я, допустим, людей там убивал, мечом рубил и копьем колол, а сейчас почему от крови то мутит? Не порядок. Курицы за свою жизнь не зарезал, даже, извините, представить себе этого не могу, как можно животную жизни лишить, притом, что рыбу чищу вполне нормально, даже живую. И ем и тех и других тоже абсолютно спокойно.

Короче, одни вопросы. С другой стороны может оно дело-то наживное, может зарезать надо было кого-нибудь попробовать, гада какого-нибудь, а там глядишь и стронулось бы дело с мертвой точки. Хе-хке...

Не, на фиг. А меня ж гады резали, и неоднократно, и ничего. Недорезали, и ножиком и бутылочкой. Суки, но позаживало, ничего так.

И тут вдруг Саня говорит:

– Мне кажется, что после смерти мы все соберемся здесь на этой камере ВОМД. И будем сидеть и молча курить, в ожидании, пока кто-нибудь ходит за бутылочкой. Это будет очень большая камера, и очень большая бутылочка. Ее будут пить до той поры, пока новый Входящий не принесет следующую.

Все такие замолчали сразу, а потом сразу еще по одной налили, да уж, Санек как скажет, так скажет.

И еще мне понравилось, что никто ничего комментировать не стал, такие вот у нас в метро железные люди работают.

Не я че, я тоже придумать могу, вот вам допустим сценарий готовый для фильма.

Странного фильма, без слов. Вот представьте, огромная бетонная коробка, окруженная бетонными же заборами и колючей проволокой. Внутри работают четверо, изо дня в день. Молча, по-крайней мере зритель не слышит того, о чем они переговариваются, а может они и не переговариваются, потому что говорить уже не о чем и все сказано.

И все в вязаных шапочках, и в фуфайках, причем фуфайки одинаковые, а шапочки разные, это чтоб зрителю удобнее было работяг различать. И так несколько дней подряд одно и то же, железо гнут, сверлят, сварка там, все дела. Ага, а потом в один прекрасный день, в цех приходят трое, и приносят одну шапочку, и вешают ее на крюк. Садятся под ней, достают бутылку водки, стаканы, разливают ее. Выпивают. Немного

сидят, а потом встают разбирают инструменты и снова начинают пилить, сверлить, резать. А шапочка висит крупным планом. И все молча, а потом музыка, сначала тихо, потом громче и громче. Aphrodite's Child "End Of The Word" или Лука Турилли, тоже мне нравится, паразит. И камера выше и выше, и прочь из цеха в небеса. И оттуда цех маленький-маленький такой, и снег всюду на многие километры...

Через некоторое время замечаю, что говорю вслух, даже не говорю, кричу и все слушают молча, а у Петрович слеза с края глаза...

И молоточки в висках: тук-тук-тук... тук-тук-тук... тук-тук-тук...

х х х

Сон

...уже через три дня мы оказались в ущельях Атлита. К тому времени нас уже набралось ровно 123 человека, я от скуки пересчитал. Наш отряд, почти полностью состоящий из полутора десятка тамплиеров, шел в авангарде, очень медленно и отчасти печально. Конница была вынуждена передвигаться со скоростью пехоты оттого, что мы и так сильно растянулись, и появилась опасность набегов легкой конницы противника с целью истощить наши силы и ресурсы.

Замыкали госпитальеры, их было около десятка, они при-

мкнули к нам накануне и держались обособленно, к неудовольствию Гарольда они оказались каталонцами. Остальное разношерстное войско, почти сотня измученных плохо кормленных и отчасти как бы выразился Гийом: «немного не в себе» отягченное обозом двигалось между нами, когда сарацины появлялись на горизонте, вся наша процессия останавливалась, обозы сдвигались, люди укрывались щитами и поджидали дождь сарацинских стрел. Пока нас не трогали, Сарацины тоже шли к Арсуфу, стягиваясь под знамена султана. Их командиры трезво оценивали соотношение сил и потому исчезали так быстро, как могли себе позволить. Это было дважды. Во второй раз горячий де Грасси сотоварищи, к коим примкнул и ваш покорный слуга, кинулись было в погоню для острастки, но погоня закончилась ничем, ибо кони наши были очень уставшие.

Лазутчики, которых де Лузиньяк отправлял в ставку пару недель тому назад, вернулись вчера и донесли, что главное войско Саладина уже поджидает нас под Арсуфом. По их подсчетам там находилось до двадцати тысяч одних только конников.

В данный момент я жевал полоску сушеного мяса и наблюдал, как мой неунывающий германец наводит лоск на своем новом ноже.

От нечего делать я поинтересовался:

– Думаешь понадобится?

Он мотнул головой отрицательно.

– Нет, это не для неверных... Разве, что попадетса сам Саладин...

– Ого! – восхитился я широтой фантазии Гарольда.

Германец ухмыльнулся и продолжил драить клинок.

– Или по возвращении, когда мы не будем единым войском, с этими...

Он презрительно ткнул пальцем назад в сторону арьергарда.

– Не любишь ты госпитальеров...

– А за что их любить? – пожал могучими плечами Гарольд, – они не женщины...

– Женщины? А если бы ты был связан обетами?

Гарольд странно посмотрел на меня и вдруг громко расхохотался:

– Ты бываешь таким наивным... Обеты... Это для высших, а меня Бог любит таким какой я есть... А я есть...

– Такой! – подсказал я.

– Ну да, – кивнул Гарольд и продолжил драить клинок. Иронии моей он не понял, ну и хорошо не будем омрачать чистоту его души грязными намеками.

Спустя пару минут вокруг началось серьезное движение. Сарацины! Сарацины!

Паники не было. Отрывистые команды, бряцанье доспехов и оружия. Отряды готовились к бою.

Потом началось, их оказалось. как-то очень и очень много. Кто бы мог подумать. Навскидку их было сотен пять.

Регулярное войско не иначе. Со знаменем, словно на парад двигались. И командир у них наверное амбициозный. Решил неверных покрошить и с таким подарком пожаловать к Султану. Стратег ни дать ни взять.

– Да, – эти не откажутся нас пощипать, – поделился я своими предположениями с Гарольдом и де Грасси. Они хмуро промолчали в ответ, а вечно хмурый немногословный Девольт выдал неожиданно:

– И отверзнутся хляби морские, и выйдет оттуда нам ...

И еще добавил неприличное, наверное, чисто гасконское словцо для обозначения этого самого нашего мужского естества. Из чего следовало, что конец наш близок.

Мы заржали одновременно с конями и очень довольный Девольт даже слегка покраснел, чего за ним ни разу не замечено было за короткое время нашего с ним знакомства.

Оставалось ждать, и по возможности молиться на благоприятный исход дела.

Ожидание было томительным, но кто знает, может быть иногда лучше такое ожидание, чем сеча с заведомо известным результатом?

Нет, предстоящее сражение не страшило, их было немало на моем веку, тоскливо было просто как-то от этого песчаного пейзажа, от этой духоты, хотелось к морю, или еще лучше на реку, под сень раскидистых деревьев, полежать на траве, закинув за голову руки, и ни о чем не думать. Не думать, не думать...

Обозы сдвинули, позиция как для обороны получилась неплохая. С двух сторон отвесные стены ущелья. Сзади пологий подъем. В случае отступления мы бы медленно поднимались вверх, а противник все время оказывался бы ниже нас. Для королевских арбалетчиков то, что надо. Только успевай заряжать.

Первые стрелы запели свою песню. В ответ наши арбалетчики дали организованный зал.

– Конников мало у них, – констатировал де Грасси, – и тяжелых так нет вовсе.

– Стрелами закидают.

– Пускай не впервой. Нам бы сблизиться...

– Хочешь? – Гарольд протянул мне свой мешочек с грибами, и я с улыбкой снова отказался:

– Ну как знаешь, – он кинул себе щепотку в рот и стал тщательно их пережевывать.

За нашими спинами кто-то отчетливо и весьма уважительно произнес слово:

– Берсеркер!

Мы прикрыли собой хороший кусок пространства. Стали двумя шеренгами. Рыцари впереди, щит воткнут в песок, сзади стрелки со своим нехитрым оружием. Стоим, опираясь на длинные копья, знамена развернуты, флажки трепещут. Сарацинское войско надвигалось снизу, и мы смогли оценить соотношение сил. Поучалось примерно один к четырем-пяти, как я и думал.

Справа, я отметил, держался де Луаре со своими несчастными фламандцами. Лошадей отвели подальше, не хватало их потерять.

– Жаркое намечается дельце, – проговорил кузнец Жозе, стоящий справа от меня, по его лицу ручьем тек пот. Он был полностью закован в собственного изготовления латный доспех, хотя и не принадлежал к рыцарскому сословию, как по мне так немного переусердствовал, одно дело, когда ты верхом и совсем другое сражаться в этом железе пешим. Слева молился Рауль, каталонец. Он был смугл и высушен как доска. Похоже жара на него не оказывала никакого воздействия. Сейчас госпитальеры перемешались с нами. Сейчас ощущалось, что перед Богом реально все были равны. Неизменный Гарольд меланхолично опирался на щит, словно раздумывая использовать его или нет в предстоящей мясорубке, и я склонялся ко второму варианту.

Франциско я сразу и не признал. Он вышел из наспех поставленного шатра над которым установили знамя в компании Лузиньяка. Оба выглядели торжественно и благочестиво. Наш монах наконец-то нарядился, как подобает, в шикарнейшей кирасе украшенной лилиями и тонком вышитом странными крестами белом плаще поверх нее. Он сидел верхом на абиссинском черном жеребце и двигался к нам со стороны обоза, выполнявшего сейчас функцию заслона для арбалетчиков, но заслона условного, ибо крики боли доносились и оттуда по мере увеличения интенсивности обстрелов со сто-

роны сарацинских лучников.

В руках у монаха был отливающий серебром шлем, который он не спешил надевать. Красавец! Где он все это взял? Разве что в личном гардеробе командора. Что делать, у францисканцев везде свои люди и снабжение на уровне. Мы с моим верным германцем были одеты попроще, хорошо хоть оружие досталось добротное, хотя Гарольд и сетовал на отсутствие лишнего двуручника. Он всегда мечтал поработать с двумя мечами сразу, но все как-то не подворачивался удобный случай. А я представил себе Гарольда попеременно работающего двумя этими монстрами и воображение нарисовало совершенно жуткую картину.

Со стороны лагеря сарацин неприятно и резко задули в дудки, это конным лучникам дали приказ отойти. Они сразу же прекратили свое хаотическое передвижение и организованно свернули в сторону лагеря.

Сарацины запели, если этот немелодичный вой можно было назвать пением. И двинулись вперед.

Я оглядел строй, он выглядел непоколебимым и внушал уверенность. Кровь стыла в жилах от этого пения, несмотря на жару, но я знал, что это сейчас пройдет, так и случилось.

– За веру! Мы не отступим ни на пядь! – это де Грасси. Ему ответил нестройный шум голосов, на миг перекрывший пение детей пустыни.

Сарацинское мертвенное пение не умолкало. Они пошли на приступ. Откуда-то из глубины резко забил гонг. Их было

много примерно три к одному. Я увидел, как барон собирает тяжелых всадников вокруг себя, он явно вознамерился нанести прямой сокрушительный удар в самом начале драки, чтобы располовинить пехоту противника. Их легкая кавалерия никак не могла бы препятствовать этому. Но вот пехота... Дышать стало трудно, а тут как на грех на нас поперли во всю мощь крепкие парни в кожаных доспехах, вооруженные кривыми клинками и круглыми небольшими щитами, причем и тем и другим они действовали достаточно ловко.

Гарольд тоже тяжело дышал и смотрел на все отрешенным замученным взглядом. Не такой войны он хотел, и я его прекрасно понимал.

– Скажи, я вот тут подумал...

– Ого...

– Не смейся! Это серьезно. Вот интересно, если я истово молился, долго, а Божья милость не снизошла ко мне, это что значит, что я молился недостаточно, или ...

– Что или?

– Наш Бог, слаб?

– Гарольд!

– Я серьезно.

– Это ересь, Бог не может быть слабым, потому что он всемогущ. Понимаешь всемогущ. Он сам решает, кому помогать, а кому нет.

– Даже сарацинам?

– Причем тут сарацины?

– Как причем? Почему он помогает им? Один никогда не стал бы этого делать!

Я сделал паузу и шумно вобрал в себя воздух, этот ревностный северный язычник сведет меня когда-нибудь с ума.

– Гарольд пойми, он не помогает сарацинам, он отворачивается от нас. Иногда, понял?

Гарольд шел, низко опустив голову, и молчал. Задумался, это хорошо.

– Как же все это сложно, – наконец произнес он.

На том беседа и кончилась потому что, дико завывая, противник пошел на приступ.

Это было красиво, художник вознамерившийся описать эту битву был бы доволен. Белые плащи рыцарей неуклонно складывались в кулак. Минута и вот они двинулись навстречу сарацинскому гонгу. Перестраиваясь на ходу в клинообразное построение. В передних рядах мелькнул серебряный шлем нашего монаха. Медленно неуклонно, все набирая темп.

– Похоже, наше время не пришло... – несколько разочарованно произнес Гарольд.

Я кивнул.

И как выяснилось зря. Пришло, ох как пришло!

– Рыцари отойти к лошадям! – колокольный бас Лузиньяка пронесся над ущельем.

Вот и нам занятие. Гарольд сплюнул на руки и подмигнул мне заговорщицки.

– Это дело!

Конников набралось ровно 22. Это с командором и нашим блистательным монахом.

– Клемент! – позвал он меня. Я уже был в седле. Вблизи Франциско был не похож сам на себя. Это был совершенно другой человек. Даже вечная смуглота куда-то сошла с его лица. Потом присмотревшись, я увидел, что лицо его натерто чем-то белым, что и создавало это ощущение бледности. Зачем все это? Снова какой-то ритуал?

— Послушай меня, рыцарь, не знаю, кто выберется из этой мышеловки, на всякий случай, я хочу чтобы ты знал...

Я вопросительно поглядел на него, монах да нет, как есть кардинал или магистр Ордена тени, кто знает, что у них там за иерархия, и это красное перо...

– Временем можно управлять. Тот, кто создавал наш мир, это умел. Мы тоже это умеем, но никто не знает об этом, и я не знал до недавних событий... – он криво ухмыльнулся и прежний Франциско проступил сквозь кардинальский лик, – ... То, зачем мы находимся здесь, помогает в этом, заложенном внутри, каждого из нас умении.

– Как так?

– А так, Господь же умеет?

– Наверное...

– А нас создавал он по образу и подобию своему...

– Возможно. Как вас величать теперь ваше...

– Перестань, – это уже прежний Франциско ответил, – для

тебя и Гарольда я всегда останусь францисканцем Франциско... В общем, так. Следи за мной внимательно, и если что-то случится...

– Подбери Реликвию и доставь... А кстати кому? Ваше святейшество... И что у вас с лицом?

– Клемент, все шутишь. Впрочем, так и надо. А с лицом... Это маска смерти... Сегодня мой день.

Я не знал что сказать. Просто заткнулся.

– Если встретишь братьев, скажешь, что я любил их...

– Они знают, я думаю.

– Да.

Подъехал Лузиньяк и вопросительно поглядел на нас.

Внизу уже вовсю рубились пехотинцы.

Оппа, а у нас, похоже, сменился командор! Вот это да!

– Пора? – это Лузиньяк спросил у Франциско.

– Пора, – откликнулся тот.

– Рыцари на коней!

И мы поскакали.

Около часа мы кололи пиками, рубили мечами, отбивались щитами. Противники падали, истекая кровью. Падали и мы. Обе стороны горячо молились на десятке разных языков и наречий, и алыми розами были устланы дороги на небеса для тех, кто не пережил тот день.

Удар наш был мощен и силен. Несмотря на численное превосходство, враг рассеялся и стал позорно отступать. Даже гонг захлебнулся.

Эх, не бывать ихнему командиру султаном. Еще восхитила меня слаженная работа арбалетчиков, кажется, ни один болт не пропадал у них зря. А тут еще мы в броне...

Нет, мусульмане сопротивлялись, их было много, но вскоре на лицах у них возник благоговейный ужас, а это было первым знаком нашей победы.

Франциско носился над полем брани подобно бледному ангелу смерти, он был великолепен, как и Гарольд, сменивший неудобный меч на тяжелую кованую секиру.

– Ариман! Ариман! – вопили сарацины, завидя его окровавленную бороду.

В конце концов, они побежали. Это был разгром, полный и беспрекословный. Какое-то время мы преследовали их, те кто остался в седле, потом решили поберечь лошадей и преследование прекратили.

Фанатики, прекрасно проявившие себя в ближнем бою, теперь бродили по полю боя и с видимым удовольствием да под молитву добивали раненых не забывая мародерствовать.

Гарольд сидел на сером камне, напоминающем трон, и ту-по глядел на свою секиру. Он был похож на большого уставшего пахаря в конце трудовой недели. Но никто не спешил к нему с кувшинчиком вина и краюхой хлеба.

Но не успели мы перевести дух, как с той стороны, куда спешно ретировались сарацины, появились воины Чина...

Глава XXXVIII

Пикник «Вплети меня в свое кружево»

явь

Сегодня я отдыхал, прислонившись спиной к стене ремонтного цеха на мастерских. Молоточки меня отпустили, и страха почти нет. Надолго ли? Не будем заморачиваться. Просто побалдеем пока. На всякий случай слушаю только русскую психоделику, иначе страх возвращается. Мало ли что мне на незнакомых языках напеть могут? Рисковать не будем. Не будем...

Мимо прошел человек с веником. Это было нормально и это было хорошо. Мне если честно на это было наплевать. Идет себе человек и дет, какая мне разница, что движет его телом и какие мысли бороздят просторы его мозга?

То, что он идет с веником, говорит о том, что человек это опытен, что он не новичок. Все правильно. По депо лучше перемещаться имея. Что-нибудь в руках, даже если тебя слегка пошатывает от усталости, движения твои неровны и в глазах поселилась мечта, где-нибудь лечь.

Тогда на возможный вопрос: «А чего ты тут ходишь?», всегда можно ответить: «А вот...», и для убедительности веником ткнуть в морду тому, кто осмелился этот вопрос за-

дать, а то и просто махнуть веником перед лицом непонятого проверяющего и идти дальше. Девяносто девять процентов, что больше тебя не тронут, и упадешь ты в душистые заросли деповской травы, в районе забора, в относительной недостижимости от КПП, и спокойно и мирно проведешь там остаток рабочего дня, никем особо не тревожим.

«Перфоратор дыр-дыр-дыр мы с ребятами за мир».

Бывает же так, привяжется какая-нибудь глупость и вертится потом в голове целый день. А то и не один.

Руки уже начинали болеть, а от постоянного сотрясения все мои несчастные внутренние органы вопили:

«Жрать! Жрать! Жрать!»

Но прерываться не хотелось, сами ж знаете, какая работа после обеда, тем более я наметил себе кусок работы и хотел его сделать, а потом конечно поем, потому как противоположная житейская мудрость утверждает обратное:

«Какой с тебя голодного работник».

Ну, что-то типа того, в смысле с меня. Зашел Тимоха, сурово посмотрел в мою сторону, сплюнул и вышел, ни говоря ни слова. Дотошный паразит, промолчал и хорошо, а то вечно он недоволен, вечно у него проблемы.

«Дыр, дыр, дыр, мы, сука за мир!»

Как там еще:

«Я боец отряда дружных, скажем громко – на хуй нужно!»

Сколько же еще долбить? Задал вопрос мне мой мозг и сам же себе ответил:

– До хрена.

Надо напиться сегодня. И к Светке не пойду, надоело. Хотя можно и паузу от водки взять, но что-то меня останавливает. Не бывать ентому, не бывать...

Тут она и позвонила, как раз.

– Приезжай, говорит, – а я ей:

– У меня писюн маленький стал. Наверное, я исчезаю.

– Дурак, – говорит, и сразу отбой, типа напугала. На хуй. Я человек свободный. Захочу пойду денег заработаю на дорогую проститутку, захочу подрочу.

А можно сесть роман написать. Запросто. Вот, например:

«...Однажды немолодой некрофил Гришка Отребьев решил вымыть окна в своем захолустном жилище, располагавшемся на шестом этаже многоквартирного блочного дома в одном из спальных районов города.

Раздевшись донага и нацепив короткую майку, продранными местами, он влез на подоконник...»

Интрига? А то!

Есть много друг Горацио такого, что и не снилось здешним подлецам.

А дело-то в чем? А все дело-то в чувствах. Тут ведь как? Можно, что угодно думать о загробной жизни, есть она, нет. Но мир-то дан нам в ощущениях, а значит, что во что верим, то нам и сбудется. Хотим рай – будет рай, ад – ад, и все...

Теорий миллион, но сердцем чувствую, что будет именно так. Ангелы, допустим, есть? Пускай, есть. Хорошо. До-

пустим, все узнают об этом, и что? Ничего. Тупо продолжают заниматься своими делами. Что всем с того?

Теперь категории чувств. Что мы тут имеем. Ага. Высшие и низшие. Высшие – это любовь, тяга к прекрасному. Низшие – страх, ненависть, зависть. Короче, кровь, пот и слезы. Точнее это уже и не чувства, а их следствие, но такое впечатление, что в мире действуют некие силы, стремящиеся, во что бы то ни стало, задавить в нас чувства и оставить лишь следствия.

Слушаешь иную теорию, и прогоняешь ее через себя родимого, то подходит, а это не подходит. Смерть есть? А как же! Но не верю! А значит, нету ее, а дальше вторая серия, а за ней третья. Возможно? Еще и как!

– А ты никогда не думал о том, что китайцы не только Великую Стену выстроили, а кроме нее что-то еще? – это я сам у себя спрашиваю, люблю, знаете ли с приличным воспитанным человеком пообщаться иногда.

– Да мало ли? – это вторая лучшая моя часть отвечает.

– Не мало, не много, а Великий китайский туннель.

– Чего?

– Того. И по этому тоннелю они могут абсолютно свободно распространяться в любую точку земного шара. Точнее в пределах Евразии. А при наличии порталов, что в связи с близостью Непала не является чем-то фантастическим и в пределах Земного шара.

– Та ладно.

– Так и есть. Терракотовая армия ждет своего шанса.

– Кто?

– Армия. Не слышал? Расскажу, археологи откопали. Застывшие бойцы. Много, несколько тысяч, еще и конница. Официально решили, что это захоронения. Но думаю, что могилы являются только прикрытием, а точнее тупо аккумулируют и частично консервируют жизненную энергию этих бойцов, которая понадобится им впоследствии.

– Это когда?

– А когда надо будет, тогда и узнаем. Тут такой Рагнарек начнется, мало не покажется. Вот был же, или есть у них лама, который сам себя законсервировал, реально в живую мушкетера превратил. Примерно думаю, по тем же принципам вся эта хренотень и работает. Я знаю точно, это их резерв. Если экономически они мир не подчинят, кинут тогда своих универсальных солдат через порталы на Вашингтон и пиши, пропало. Вавилон снова будет разрушен, или Карфаген или Новый Рим, не знаю, чем там себя эти янки в данный момент воображают.

– А это твое мировое правительство, что допустит?

– А кто его спросит? Мир должен быть многополярным, минимум двуполярным, а иначе застой и привет.

О как вывел! Аж самому приятно и работу сделал и многозначительные выводы о всепланетном заговоре.

Нет, на кое-что нас еще, наверное, хватит. Это я имею ввиду, что мы найдем в себе силы грозно пройти по улице с

маршевой песней на устах. Руки в бока, ноги на ширине тротуара. Становимся по двое на рыло и вперед! Но пройдем ли? И споем ли? Это врядли. Потому что, лень.

Эх, молоточки мои, молоточечки молотливые...

х х х

Сон

А когда сражаться с той стороны стало некому, появились они. Спокойные, уверенные в себе. Бравшие пространство по праву сильного. Словно охотник, высидевший в засаде и теперь пожинаяющий плоды своего терпения, словно узник, отсидевший в темнице длительный срок, но таки не признавшийся где спрятан клад, и теперь спокойно тратящий свое богатство.

Это были они – воины Чина. Несомненно. Я сразу понял, что это они, по раскосым нарисованным глазам и непривычным доспехам.

У них были боевые колесницы, напомнившие о великой империи и их было много, очень много как для нас, так и для уцелевших сарацин. Усталых, окровавленных, измученных...

Колесницы выезжали из открывшейся прямо в земле пещеры, и вытраивались в боевой порядок и возницы взирали на нас спешно латавших поредевший строй немного надмен-

ным, немного покровительственным и очень древним всезнающим зором.

Арабы разбежались, кто пеший, кто конный их вопли и проклятия летали над пустыней и затихали, только столкнувшись с железом.

– Их боги старше наших и намного мудрее, – сказал тогда Франциско. Я ничего не понял и промолчал.

Многие доспехи и одежды вышедших из преисподней воинов выглядели так, словно долгое время находились под землей. Гийом бы высказался бы примерно так:

«Да с них песок сыпется!»

Я оглядел наше несчастное воинство и отметил сильно пошатнувшийся боевой дух и общую растерянность.

– Похоже, нам крышка? – улыбнувшись, спросил Гарольд. Жутковатая у него при этом была улыбка, по бороде текла кровь, передние зубы торчали в разные стороны, лицо все в красных точках и кровавых разводах.

– Похоже... – говорить было трудно, голова кружилась, конечности плохо слушались головы.

Небольшой отряд сарацин с перекошенными от ужаса лицами кинулся в нашу сторону, что-то отчаянно крича. Франциско сделал движение рукой и строй щитов на миг разомкнулся, позволив туркам укрыться за нашими спинами. Я отметил, что большинство из уцелевших были лучниками. Что ж, какое-никакое подспорье, да вот от стрел против это-

го врага толку чуть.

Вперед пошла тяжелая терракотовая пехота, молча и основательно. Выставив оставшиеся целыми копья, мы какое-то время мы держались, потом стали организованно отступать. То и дело кто-нибудь выпадал из поредевшего строя, и нам приходилось смыкаться, но знамя Святого Георгия все еще реяло над нами. Тяжелое копье отягивало руку, напротив, совсем близко надвигались бесстрастные желтоватые лица оживших мертвецов, укрытые масками и железными забралами, иные сами по себе похожие на дьявольские маски с неподвижными ртами и нарисованными улыбками. Слепые лучники дали организованный залп и стрелы засветили в воздухе и принялись стучать по доспеху. Доспех не подводил, пока... Наши арбалетчики ответили, турки тоже перевели дух, перестали причитать и натянули тетиву...

Ужас читался на лицах наших воинов. Даже Луаре перестал кричать и давать советы своим крестьянам. Я впервые увидел бледность на его румянном лице.

А как тут не побледнеть, когда на тебя подобно големам прет идеально ровными шеренгами узкоглазая пехота с торчащими из лбов стрелами.

Будучи не понаслышке знакомым с этими ребятами я сразу смекнул, что стрелять стрелами, да и арбалетными болтами по ним пустая трата боеприпаса. Их надо рубить доброй сталью и желательно в куски.

Потому шепнул об этом озадаченному де Грасси и тот от-

реагировал неожиданно, завопив подобно безумному:

– Это дети дьявола братья! Отходим, скорее отходим!

Наше преимущество было в том, что чина передвигались достаточно медленно, словно подчиняясь зову неведомого колдуна, как восставшие мертвецы в страшных сказках, которые слышал я в детстве.

Этих видать совсем недавно подняли, еще не расходились их мертвые суставы, еще не растеклась по жилам мертвая черная кровь или что там у них текло.

За нами был холм, и мы шаг за шагом стали взбираться по нему вверх, пытаясь выиграть позицию и время.

Выручили фанатики, которые на фоне всеобщего изумления вслед за своим предводителем с дикими воплями ринулись в самую гущу коварных врагов и сгнули там все до единого, Господь да упокой их души, дав нам возможность перестроиться и немного прийти в себя.

– Лошади устали! – не пробиться нам, – посетовал Девольт, и я был с ним абсолютно согласен. Мы устали, а лошади и подавно.

Перемолов фанатиков терракотное воинство двинулось вслед за нами. Медленно, неумолимо.

Споткнулся барон де Луаре. Споткнулся и остался лежать на песке С воплями и проклятиями он призывал своих фламандцев, но те отступали так поспешно, что помочь ему ничем не могли.

Я развернул было коня, но почувствовал чью-то руку у

себя на плече.

– Часы подбирать не нужно, – мягко произнес Франциско все такой же бледный, хотя пудра или что там было у него на лице местами осыпалось. Говорил он мягко, но как-то тяжело, наверное, был ранен, – вот они. Я нарекаю тебя Хранителем... Постарайся выжить и добраться до Тира и отдай их королю. Только не Ричарду. Лучше Филиппу. Он знает что с ними делать... У него есть человек, который знает толк в подобных вещах. Если не допустят к королю, разыщи его. Однорукий Франсуа-Вандеец. Еще возьми вот это.

Он протянул мне странный жетон. На жетоне была непонятная надпись, мне некогда было разбирать письмена, и я попросту спрятал жетон в потайной кармашек.

– Отдашь в любой орденской конторе, получишь золото, – просто объяснил Франциско. – много... Гарольда не забудь...

Я хмыкнул:

– Забудешь его... А как же...

– Возьми этих коней, они посвежее остальных, – И протянул мне холщевый сверток. И одарил меня взглядом, таким, что спорить тут было просто невозможно. Так, наверное, смотрит король на своего вассала, когда жалует ему полцарства. И брать страшно и не брать нельзя. И не ослушаться. Подъехал Лузиньяк тоже ужасно торжественный.

– Ступай брат, – сказал он мне и я понял, что он тоже знает все то, что знает Франциско, – и да поможет тебе Бог!

– Прощайте! – я больше не мог говорить, обнял их обоих, влез в седло и, развернув своего коня, двинулся прочь...

х х х

Глава XXXIX

БГ “Афанасий Никитин буги или хождение за три моря»

явь

Сегодня я в разъездах целый день. По поручениям Захаровича. Мастеру отказывать чревато, в смысле нельзя ни в чем, даже в интимах. Шутка, а то еще подумаете. Захарыч у нас не такой, за что и уважаем. Словом сегодня время бежит незаметно. Заехал к связистам на соседнюю станцию. С ними я дружил, иногда мы вместе выпивали и обменивались новостями.

И хорошо, а то что-то грустно мне после сна последнего. Грустно...

Ребята были примерно моего возраста и довольно продвинутые во всех отношениях, по-крайней мере с ними было не скучно. Звали их Геннадий и Иннокентий.

Геша ненавидел все человечество в целом, не размениваясь на персоналии, и абсолютно открыто, что выражалось в его частых публичных дебошах и демонстрациях независи-

мости. Человечество на эти проявления смотрело равнодушно, в рамках действующего законодательства, и в целом все было хорошо. А вот Кеша окружающих ненавидел втайне, но окружающие это чувствовали и вели себя соответственно. Такой вот бином Ньютона. Или теорема Фарси, кому что нравится.

Эта ненависть вращалась по кругу, и была постоянной как смена времен года. Причем обе стороны это абсолютно устраивало.

Эти два абсолютно разных человека проводили друг с другом времени больше чем с собственными семьями, и специалистами считались замечательными по праву. Помимо основной работы они занимались компьютерами и всем сопутствующим оборудованием. Оттого их консультации были для меня очень полезны, и я никогда не стеснялся обратиться к ним за советом.

Три дня снилась полная чушь, опять какие-то немцы, потом индейцы отчего-то пришли, наверное, из-за Гойко Митича. Это мне на работе рассказали прикол.

Тут вот какое дело. Когда снимали очередное кино про Чингачгука, а если кто помнит, то фильм совместный был: ФРГ – Югославия, так там по сюжету Митич, который этого самого Чингачгука и играл, прискакал на лошади в свою деревню и радостно сообщает:

«Мы расстреляли обоз бледнолицых!»

Ну, сволочи. Короче. Ага. А в немецком языке на котором

собственно действие и велось, есть два глагола «эршиссен», что и есть расстрелять и «эршайссен», что означает... Да, да, вот именно... обосрать. Специально в словаре смотрел, в натуре похоже: erschießen, erscheißen. Scheiß – дерьмо, чтоб вы знали.

И как вы, наверное, уже догадались, взмыленный Гойко Митич подлетает к стойбищу на взмыленном же коне, и радостно так сообщает, гордо возвышаясь на фоне вигвама, что мы мол, обоз бледнолицых эршайссен...

Как сообщает первоисточник съемки в этот день отменили, не до того было ни актерам, ни съемочной группе.

Насмешил... так и мне вот какие-то Митичи снились, к чему? Непонятно.

А в третью ночь бабы, две. Но это я так понимаю издержки молодого и все еще растущего организма. Это мне таким нехитрым образом организм подсказывает, что пора к Светке съездить, или к Ленке. Ладно, там видно будет. Может и съезжу. А действительно, вот возьму сегодня и съезжу. Просто так. Вина только возьму, и водки, и пожрать что-нибудь, и проедусь.

А то получится, как у Филиппа, тоже тот еще ходок был. Хотя почему был? Есть, да только уже не тот, Федот, в смысле, Филипп. Замутил с тремя телками одновременно, а потом ходил всем рассказывал, как он устал и про то что они ему теперь на фиг не нужны, но в гости ездил по очереди. Потом все реже и реже, потом вообще перестал, но при этом

хвастался регулярно, что стоит ему только захотеть и он станет сразу как султан турецкий, мол, только сидят там барышни и только его звонка ждут, а ему типа по фигуре. Потом говорил, что подумывает о смене ориентации и операции по перемене пола, так его женское внимание достало, что просто... Правда от последнего я его отговорил, потому что пригрозил сразу же выебать, когда можно будет. Потом подпил как-то изрядно и мужское самосознание в нем проснулось. Говорит, щас в гости поеду к одной тут...

Стал звонить настойчиво. И что? Первая замуж за время его отсутствия успела выйти, вторая, наоборот, с мужем развелась, переехала к новому сожителю, третья просто на хер послала в извращенной форме, так что обиделся Филипп на баб всерьез.

Сейчас совершенно к ним интерес потерял, или они к нему непонятно.

Так что, дабы не уподобляться этому славному товарищу моему, придется напрячься и ехать, а то совсем заработался, хе-хе, некогда и стаканчик вина опрокинуть.

Потом в управление поехал. В управлении тоже бывает интересно. Я редко туда попадал, обычно, если посылочку кому-то отправить надо было. Захаровичу понятное дело. Мне там делать нечего, там начальство, дресскод у них там, в шортах нельзя. Противно. Можно подумать, что если кто-нибудь в управление в шортах пойдет так и метро сразу остановится.

Но приколоться тоже можно изредка, хотя они там все сильно серьезные, с виду. С 8 до 17.

Но мне везет, раз в бухгалтерию бумажки отвозил, так зашел следом за мной один украинец щирый з вусамы, як у Тараса Грыгоровыча:

– Зробыць мэни ласку дівчата, – кажэ, – тоже зараза с бумажками какими-то. А «дівчата» они ж нормальные все. Ну не все так большинство. Они ж, как им говоришь, так и воспринимают.

– Какую тебе, блядь, ласку? А ну пшел отсюда, паскудник. А он всего лишь копию кода хотел сделать кода идентификационного. И получил ни за что. В смысле ни за грош. Ласкатель. Ласкун, бля.

Еще у меня тут друг Птицман работал. Понятное дело, что еврей. Но его на рабочем месте застать сложено. Зайдешь спросишь:

«А где говорю, друг мой Птицманн?»

«А ушел ваш друг по этажу, с лекциями о вреде алкоголя!»

Понятное дело. Работа есть работа. Профком это вам... профком. Птицман работал наставником молодежи, а звание сие ко многому обязывает. Мы с ним изредка на природу выбирались с бабами побухать.

Так вот Миша Птицман входил в воду резко без раздумий. Не так как некоторые, постепенно, чтоб яички окунуть, а потом все остальное тело, нет – резко. Потом с шумом уходил

под воду и мощно молотил по ней своими худыми лапками.

Наш общий друг Иван традиционно комментировал с берега:

– Мда... Редкий Птицман добежит до середины Днепра...

Некоторое время я наблюдал движение облаков и их причудливые формы, потом в голове сами собой родились строчки сонета, почему-то я решил, что это будет именно сонет:

– Я тоже хочу петь как ветер, и лететь над землей...

Следом пришло продолжение:

– Но как далека, дорога в облака.

«Надо записать, а то забуду...» – подумалось мне, но, увы, записывать было нечем. Ненаписанный сонет улетел дальше, а я побрел вслед за ним. Впрочем, кто-то такое уже по моему исполнял.

х х х

Сон

Безжалостное солнце, пыль, песок и ужасное зловоние окружали меня. Редкие кривые и скрюченные деревья напоминали распятых мертвецов, у них не было тени, а в них не было жизни. Господи Всемилостивый и Всевышний! Ведь есть в мире Твоем места, где журчат реки, стыннут меж прохладных скал холодные озера или просто идут дожди... Слез

не было, я давно забыл о том, что они существуют, я представлял свою несчастную голову выбеленным ветрами черепом с пустыми и мрачными глазницами и тем не менее где-то в глубине сего костяного дворца печали возникло странное ощущение, как когда-то в далеком детстве от нанесенной обиды... Но нет прошло, прошло. Тяжело опираясь на обломок копья, я сделал еще несколько нетвердых шагов туда в дрожащее над голой пустыней марево, туда, где когда-то я видел море.

Но моря не было. Уже три дня, как мы ползли из-под Иерусалима, остатки великой христианской армии, ненужные теперь ни людям, ни Богу, двое мертвецов зачем-то пришедших в эти пустыни из-за моря. Нас никто не преследовал, видимо, у наших врагов были дела поважнее.

Время исчезло и теперь здесь всегда быд полдень.

Я, как показалось мне со скрипом, повернул голову вправо и увидел своего товарища. Гарольд – голый по пояс, огромный, напоминающий великих героев Древнего Мира, с длинной рыжей спутанной бородой, ввалившимися глазами тащит на себе обернутый в грязно-серый плащ, двуручный меч, ноги германца покрыты потеками засохшей крови и вздрагивают при каждом шаге. Я предложил оставить меч. А Гарольд глянул на меня, один только раз, взвалил на плечо и потащил... С кем будет он сражаться здесь? Он похож на Иисуса идущего на Голгофу с крестом на плечах. Но тот знал для чего он идет, а мы?

Если бы не Гарольд я бы давно уже бросил все и рухнул бы на эту каменистую неприветливую землю, но он идет, и я иду...

Наверное, со стороны я похож на несчастную собаку, из тех, что пасут стада в горах. Мы идем медленно не разговаривая, на слова уже давно не было сил. Небеса не обращают на нас никакого внимания.

Солнце забралось невыносимо высоко. Я сделал еще несколько шагов, и увидел, что Гарольд почти добрался до вершины холма. Неожиданно он упал на колени и замер в молитвенной позе. Сцепил руки перед собой и низко наклонил голову.

«Сарацины!» – мелькнула слабая мысль, – «Слава тебе Всемилостивый Боже! Быстрая смерть, что может быть прекраснее тебя в нашем беспокойном мире?»

Но я ошибся... Проклятая крепость ожидала нас. Она была сродни миру, и я засмеялся, громко и безжалостно круша своим смехом незыблемую тишину пустыни. Мелькнула мысль, будет смешно, если там уже засел кто-нибудь и нам придется брать Крепость штурмом. О том, как это будет выглядеть, думать не хотелось.

И я оказался не так уж и неправ.

Отряд каменный воинов стоял оцеплением вокруг Крепости. Стоял без движения, глядя прямо против себя раскрашенными каменными глазами своими.

– Вперед!

Гарольд сбросил плащ, и меч грозно блеснул на солнце, я крепче стиснул мешок с часами и свободной рукой потянул кинжал из-за спины.

Воины никак не отреагировали на наши действия. Мы двинулись прямо на них. Гарольд раскрутил меч над головой и где брал он силы одному Господу нашему известно и мощным ударом мельницы разрубил двух ближайших истуканов в районе груди.

Верхние половинки их глиняных тел со стуком упали на камень, нижние остались стоять. Гарольд с бешено горящим взором принялся крошить соседних воинов, и те так же стойко приняли свой конец.

– Стой! – крикнул? нет, прошептал я и германец услышал меня. Он замер и опустил свой страшный меч.

– Идем к ней, – я ткнул пальцем в направление крепостных ворот, – они пропускают нас...

Гарольд воткнул меч в землю и, опираясь на него как на посох, медленно побрел в сторону ворот.

Внутреннего двора не было. Вместо него внутри крепости зиял странный тоннель, уходящий куда-то вниз в глубину. Казалось, что стены тоннеля вращались. Оттуда тянуло свежим прохладным воздухом. Я оглянулся. Стражи снаружи сомкнули строй, и я почувствовал, что назад как раз дороги теперь нет.

Не сговариваясь, мы шагнули вперед и двинулись навстречу неведомому...

х х х

Глава XXXX

Агата Кристи «Корвет»

явь

Предчувствие психоделики

...Это когда пришел на концерт психоделической музыки, все уже в зале, а музыка собственно еще не начинается. И музыканты уже на сцене и по проходам никто не шоркается, а музыки еще нет. Сидишь и чувствуешь, вот еще одна, ну максимум две секунды и начнется... Но эти секунды еще не прошли, а музыка еще не началась...

Третий укол за месяц, и все от гриппа, не до хуя ли? Понятно дело, что в честь такого события взяли. Сидим теперь дезинфицируемся. Спать не могу совершенно, как забрала Клементя Крепость, так у меня и сон пропал совсем. И не хочется. Всю ночь лежал, ворочался, как перед праздником каким-нибудь ответственным.

Кстати, я давно заметил, что есть люди не равнодушные к праздникам. К любым. У некоторых это прямо в фобию

некую развивается.

Вот один наш общий знакомый, не буду приводить фамилию. Не зачем это, так вот у него даже календарь специальный был. С Самантой Фокс. Там все все дни рождений были указаны. Друзей, знакомых, родственников, начальников и сослуживцев. Целый год сплошного праздника. Если дней рождений не хватало, их места занимали праздники религиозные и государственные. Если пересекались... Это было просто замечательно.

А по производству... Лучше всего старый анекдот подходит. Про то как из Японии приезжает инженер, ну по обмену опытом. Его повели по заводу. «Сколько цехов у вас?» – спрашивает.

«Десять».

«О, и у нас десять».

«А людей сколько работает?»

«Две тысячи».

«О и у нас две тысячи. А инженеров? У нас шесть».

Тут наш главный крепко задумался. А все от того, что в производственном отделе двести инженеров сидит, ни хера не делают, только зарплату получают. Подумал, дай дкмает скажу – семь. И сказал.

Японец головой своей покрутил и в раздумия погрузился.

Наутро приходит из гостиницы злой, невыспавшийся. Наши сочувствуют, спрашивают:

«Плохо отдохнули?» – любезно так спрашивают без наез-

да. А тот:

« Плохо, ночь не спал, все думал, чем у вас седьмой инженер занимается? »

Или вот Израиль взять. Там в этом году вообще вешалка. Зима наступила человеческая. Со снегом, как положено. Весь Израиль на хер завалило. Отсюда анекдот рождается.

Сидит старый еврей на автобусной остановке. Снег валит. Военные технику выгнали на дорогу расчищать завалы. Рядом стайка молодых русских пьяно орет.

Сидит еврей, думу думает:

«Зима, снег, танки, русские... Где я?»

Или свобода. В нашем, насквозь больном, обществе, имеющим себя демократическим, есть одна единственная свобода – свобода быть посланным. А тут два варианта или на, или в... А деньги поделят другие.

Что-то я сегодня конкретно, растекся по дереву, как говорит один мой знакомый старший мастер, мыслью, или спиваюсь уже, не пойму, надо бы паузу взять. Или до Гоши съездить. Давно не видел маздона. Решено, съезжу.

Короче отпуск мой никто не отменял, значит надо идти и затариваться, поляну бригаде накрывать. Ибо традиции надо чтить...

А пока можно и почитать, так на чем я тут остановился... Ага...

Переговоры велись с представителями императора Алексея. Совсем еще молодого на тот момент человека. Решив

поднять боевой дух защитников города, Алексей со свитой продефилировал вдоль стен Константинополя на десяти галерах.

Однако видом юноши-императора народ вдохновился мало. Своя рубашка считалась ближе к телу во все времена. И уже 5-го июля войска крестоносцев высадились в предместьях Пера, расположенного на противоположной от столицы стороне залива Золотой Рог, и в тот же день начался штурм Галатского бастиона.

На следующий день галерам объединенного войска удалось порвать цепь, которая перекрывала вход в залив и уничтожить находящиеся там вражеские корабли. После этого была произведена высадка десанта в Галате.

Еще через день, седьмого числа пала галатская башня, увидев это, уцелевшие защитники Константинополя, не принимая боя, отошли за основную городскую стену и укрепились там.

Крестоносцы стали лагерем напротив Влахорианского дворца. Воинов разделили на семь отрядов и принялись одновременно атаковать город и с суши и с моря.

Обороной же руководил Феодор Ласкарис – будущий никейский император и зять Алексея.

На приступ пошли только семнадцатого, сообразив, что тянуть дальше нет никакого смысла. Венецианцы подводили корабли прямо под стены вплотную. И таким нехитрым образом удалось захватить двадцать башен. Видя, что все пло-

хо, Ласкарис бросил в бой огромное ополчение, по свидетельствам доходившее до ста тысяч человек, но плохо обученных ратному делу.

Все они были отброшены назад в город умелыми крестоносцами и обращены в бегство. В городе вместо того, чтобы сражаться с неприятелем они подняли бунт против императора и на том оборона Константинополя практически завершилась.

х х х

Сны прекратились. Странно это все, странно... Вчера потерял сознание. Прележал до утра под подъездом, никто даже не обшманал, потом встал и не заходя домой ушел на работу. Молоточки в голове совсем озверели, и шкура чешется от чего-то. Страшно до жути... Может, укол виноват? Поди, знай...

Пили сегодня особенно много и как-то отчаянно. Наверное, накопилось. Не знаю, как-то так.

Потом меня грубо отвлекли. Паша Кроликов по-обыкновению загадочный и немного сердитый предъявил мне с порога:

- Где ты бродишь? Тебя разыскивает масса людей.
- Например? – тускло поинтересовался я.
- Хаммурапи, Покахонтос и пара нетрезвых иудеев...
- Ого! Так много? Ладно, давай начнем с последних...

Паша хохотнул и крикнул куда-то за кулисы:

– Мойша, иди сюда, он нашелся!

Кулиса отъехала в сторону, и появился нетрезвый Птицман. В его глазах было мутно. Но когда они узрели мое несчастное тело, все на краткий миг наполнились неземным смыслом, и скрипучим голосом было мне сказано:

– Ты где, блядь, ходишь?

Я не обиделся. На Птицмана было невозможно обижаться. Отчитался по всей форме:

– В пизде, Миша, как свернешь, сразу налево.

Миша некоторое время бессмысленно глядел на меня, что-то прикидывая в уме, потом повернулся и пошел прочь, маня за собой прокуренным пальцем. Знаете, есть анекдот про женский праздник. Это из той серии, что если бы женщины праздновали свой праздник как десантники свой, то они бы целый день бродили бы по паркам пьяными в полуголом виде, купались бы в фонтанах и приставали к мирным прохожим противоположного пола с вопросом:

«А ты рожал?»

Это я к чему, а к тому, что Люда и Ксюха были именно такими. Я вообще-то в управление поехал бумаги кой-какие подписать, даже кабинет нужный нашел, но подергал дверь, а она закрыта оказалась, а тут Птицман, ну и понеслось...

Я тоже пошел прочь, в смысле следом. Мы у девочек были вообще-то. У хороших.

Мы уже задолбались пить, но тем не менее упорно броди-

ли по городу в ожидание чуда. «Прибьют меня нахрен, допрыгаюсь», – неожиданно явилась мне вполне здравая и совершенно не пьяная мысль. «А насрать!» – пришла другая не менее здравая. Мимо прошла группа вьетнамцев в смешных шляпах. Я салютовал им кепкой. Никто на меня не покусился. Обошли стороной. Отчего-то вспомнился Данилычев гобелен с китайцами и стало жутко весело, я немедленно поведал о нем Птицману, и даже спросил, что он думает о терракотовой армии. Птицман икнул и посмотрел на меня бессмысленным взглядом.

– Чего-то слышал...

Паша стопудово ничего не слышал, по ходу он уже даже и не видел ни хрена.

– Да кто они такие? В смысле что оно?

– Големы... Слышал про таких, то ли то, то ли что...

– Големы?

– Ну, да, а чему мы удивляемся? Они неподвижны до тех пор пока не будет произнесено ключевое слово. А скважина замка под этот ключик находится где-то внутри них. После этого их не остановить.

– Но как-то можно?

– Как-то можно. Кремниевая основа организмов. Технология, похоже, передана той самой кремниевой цивилизацией, что в свое время плотно занималась нашей землей. Закладка по сути своей является неким отложенным проектом.

Тут нас перебил Паша, он тыкал пальцем вперед и гово-

рил:

– Добрый!

Я проследил за пальцем и увидел мужчину в болоньевой белой куртке, глядевшего на нас внимательно и печально.

Кличка была у него Добрый Швей. Говорят, когда он попал на зону, какой-то баклан хотел поучить Доброго понятиям. Тогда с застенчивой улыбкой наш хороший знакомый предложил баклану «завалить ебало», тот разумеется не прислушался к мудрому совету, после чего был завален на спину, обездвижен несколькими точными ударами по вышеназванному лицу, а после того подвергнут одной занятой экзекуции.

Добрый Швей зашил ему рот, подвернувшейся под руку иглой с суровой нитью. Причем, когда бедолага приходил в себя от боли, то тут же гасился новым точным ударом. Потом долго камера решала: беспредел – не беспредел, но кто-то авторитетный дал отбой и все сошло само собой, только кликуха приклеилась.

А так Швей был, как я уже и упомянул, скромн и тих в общении. Очень «сникерсы» любил, видать в организме чего-то не хватало. Но это так к слову.

И еще кто-то стоял рядом с ним. Мне сначала смешно стало, потом страшно. Как вам объяснить? Вот допустим, смотрите вы на человеческий силуэт стоящий у стены. Стоит и стоит, чего тут особенного, а этот был словно фломастером узеньким обведен, прям по силуэту, по плащу и ка-

пюшону. Представляете? Нет? А вы попробуйте и проследите собственные эмоции. Я сначала решил, что это от водки, пригляделся, хер. Швей необведенный, а этот обведенный.

Подошли ближе. Швей оглядел нас и говорит:

– Пойдем...

Мы и пошли. А тот остался. И Миша с Пашей шагах в пяти от него.

Потом мы говорили, вернее Швей говорил, а я молчал и слушал. Наехали на него, и не менты, а вроде из спецслужб.

– И смысл этого всего?

– А ты не понимаешь?

– Нет.

– Ты скажи другое... Анжелу Черную помнишь?

– Ну, – сердце мое затрепетало.

– Убили ее...

Сердце рухнуло куда-то вниз.

– Эй, ты как... – в голосе Швея прозвучало некое подобие сочувствия.

– Дда так...

– Короче, мы с ней мутили немного. Все одно к одному.

– Как ее... она...

– Задушили, прямо на улице... Ты давно ее видел?

– Года два не видел...

– Она тебя вспоминала...

Я молчал и пытался думать. Ни хрена мне не думалось.

Швей долго тер затылок, потом понял, что толку от меня

нет, стал прощаться.

– Ладно, ты это, бывай... Хочешь, нож подарю?

– Зачем?

– Просто, на вот, держи, хороший нож. Из подшипника...

Машинально я протянул руку и почувствовал, что что-то больно укололо меня в живот. Я согнулся, и меня качнуло в бок. Похожий на испанскую наваху нож с широким лезвием торчал...

Меня подхватили с двух сторон, Добрый уже уходил и этот второй тоже. Теперь он сверкал и переливался как праздничная открытка.

– Ты как? – издалека донесся голос Паши.

– Ой, бя... – это уже Птицман, – Звони в Скорую, у меня телефона нет...

Меня мягко опустили на асфальт.

– Кто это с ним был? – спросил я непослушными губами.

– Где?

– Там... Обведенный...

– Обдолбанный по ходу это да... Нет там уже никого, ну и знакомые у тебя, ты это держись Саня, мы сейчас...

– Ага, – сказал я и потерял сознание...

Последнее, что помню фраза странная, ее кто-то из космоса сказал стопудово: «А в конце того тоннеля стоит странная электричка. Ее надо пройти от последнего вагона до первого».

Кто это сказал, а главное зачем – неведомо...

Собственно психоделика

Космическая зима сковала город. Ледяная пустота окружала меня, медленно бредущего по безлюдному проспекту. Вокруг были только оставленные без присмотра автомобили – унылые и неприятные. Особенно жалко смотрелись «шестерки» и «копейки», они напоминали брошенных невнимательными хозяевами собак. Иномарки смотрелись намного независимее, у них не настолько было развито чувство привязанности к человеку. Где-то играла музыка. Это был «Аукцион». Помните вот та:

...Еще не поздно, день уже прожит...

Но город не был пустым, за холодными, промерзшими за ночь стенами домов, были люди. Иногда я замечал подрагивание настороженных занавесок и жалюзийных решеток и казалось почти физически ощущал, как испуганные лапки скребут стены изнутри. Толи чтобы согреться, толи просто от безысходности.

Безысходность, вот слово, которое полностью описывало состояние города. Вот то, что было внутри меня и снаружи. Вот то, что висело в низком небе над головой, и то, что маячило вдали.

В конце улицы мел снежную крошку одинокий дворник.

Он был сосредоточен и безучастен. Я дошел до него и прошагал мимо, он даже не удостоил меня взгляда. Ну и пусть. Что-то сильно колет в бок... Плевать.

И пусть... Накрашенная девица, похожая на китайскую пагоду, прошелестела по другой стороне луны, в смысле улицы и удостоила меня взгляда, я не удостоил ее.. Зачем? Хлопнул дверь подъезда, наверное, она спаслась.

...Все бродил в состоянии аффекта, только нож в животе у меня...

Нож окровавленный, в целлофан завернутый во внутреннем кармане. С отпечатками, наверное. Это Добрый мне вчера подарил. Зачем я его взял? Что ж у меня за аффект такой странный получился? Чудно...

В милицию надо, – сверлила утомленный кавказским алкоголем мозг единственная трезвая мысль, – или что тут у нас сейчас, полиция? Жандармерия? Хрен редьки не слаще. Может и вправду там отпечатки какие-то присутствуют...»

Боль становилась невыносимой. Я распахнул куртку и увидел точащий из живота давешний нож. Кровь пропитала одежду и смотрелась очень неприятно. Запахнув куртку плотнее, я двинулся дальше. Вот оно как значит...

Дальше, больше. О милиции вспомнишь она и появится. А тут не появилась. Я засмеялся собственному афоризму и вставил в уши наушники.

...не за что биться, нечем делиться, все об одном...

«Аукцион», и тут. Надо же...

Ожидание висело в воздухе, и оно касалось меня. Я шел. Меня окружала совершенно балабановская безысходность.

... Птица, я птица...

Эх, Леня, ты прав как всегда...

На углу Тверезовой, светился банкомат. На асфальте лежала банковская яркая карточка, я механически поднял ее и сунул в приемник. Внутри банкомата, что-то заурчали и через миг из него посыпались деньги. Много, и они все сыпались и сыпались мне под ноги, и ветер уносил их вдоль по улице. Потом поток банкнот прекратился и поднял одну. На ней отчего-то была свастика, и пятна бурой крови, засохшей и намертво впечатавшейся в рисунок.

– Рейхсмарка! – громко сказал я вслух и за мой спиной зарокотал мотор мотоцикла.

Мне что-то кричали в спину на лающем немецком, но я уже бежал, подняв воротник я несся по знакомым следам, туда куда бежал каждое утро на протяжении долгих лет, в метро...

На ступеньках у входа сидел дядя Вася и лихо наяривал Баха на своем выдавшем виды аккордеоне. Я сунул ему пачку рейхсмарок и быстро стал спускаться вниз, аккордеон звучал сегодня совсем как церковный орган где-нибудь в Кельнском Соборе, величественно и монументально.

В метро было пусто. Н не так холодно как снаружи. Людей не было вовсе, но было ощущение, что они только-только ушли. Я быстро миновал вестибюль, проводивший меня

эхом моих же шагов, слетел по ступенькам на платформу и спрыгнул на рельсы.

« Так, тупик у нас там, значит мне сюда... »

Привычно пошлепал по шпалам, было ощущение, словно я вышел работать в ночь. Один, с осмотром оборудования. Как у нас говорят: «в одно лицо». Пока все было как обычно, я полностью выключил голову и тупо уставился под ноги. Вспомнились все эти разговоры о послесмертии, странных туннелях и прочем... Кто-то услужливо включил дежурное освещение, и тени замаячили на стенах и дюпингах. Они были похожи...

...Далеко, далеко ли далеко... Одиноко ли...

Нет, только не думать полностью, полностью отключить воображение, а то напридумая себе... Так и есть, напридумал. Сука...

Цокот когтей послышался из ближайшей вентсбойки. Аппетитный такой цокот. Клянусь, я не думал ни о чем таком, ускорившись и прыгая через несколько шпал, я бросился вперед понимая, что кроме Великого Ловчего меня никто не спасет...

В начале сопрягаемой кривой он вышел из-за черного путейского ящика и улыбнулся мне, разворачивая сеть. Он был похож на Рутгера Хауэра с улыбкой от старины Кокера. Глаза его прищурились и ясно сказали:

«Беги!»

Стоит ли говорить, что повторять мне было не нужно. Они

сцепились – громадная Серая Кошка и Великий Ловчий, и не было конца этой битве. Все еще думая, кто же мне подсказал про Великого Ловчего о существовании которого еще пять минут назад я вовсе не подозревал, я ушел по скруглению тоннеля на ходу подумав про то, что на каждую хитрую жопу есть хер с винтом, и зря... потому что все окружающие меня винты стали угрожающе скрипеть и потихоньку выкручиваться. Наушники выпали из моих ушей.

... Поле – русское поле! – запел я первое, что пришло в голову, и скрип прекратился. Какое-то время реально было тихо, и слышался только мой надтреснутый голос. Он эхом отражался от дюпингов и уносился куда-то по спирали прочь от меня. Аккомпанировал мне топот моих ботинок по шпалам. Нож уже почти не мешал, он стал частью меня, вернее того, что от меня осталось...

– светит луна или падает снег...

Русское поле, русское поле...

И тут я забыл слова, просто вышибло их из головы и все. Начисто...

Тут же пошел снег. Снег в тоннеле это было зрелище насколько сюрреалистическое, насколько прекрасное. Вы себе представляете? Я никогда не представлял, а тут увидел и попал под него. Летел и таял. Точнее не скажешь. А говорили, что зимы не будет? А вот она. Холодные хлопья сыпали мне за шиворот и таяли на щеках, они были тяжелые и пушистые. Снег быстро наполнял тоннель и через несколько минут уже

стал покрывать собой шпалы, идти стало намного труднее, и надо было что-то с этим срочно решать.

Снова тихо заиграла музыка, по-моему, Гайдн. Не силен я в композиторах, но когда я слышал подобную музыку, всегда думал, что это Гайдн... Душа моя легко откликнулась на нее и двинулась куда-то вверх, но вскоре вернулась. Я поднялся на ноги и побрел вперед. Музыка сменилась метров через двадцать.

Впереди послышались звуки задорной комсомольской песни. Замаячили красные флаги, и навстречу мне прогрохотал заставив меня вжаться в стену тоннеля выдавший виды бульдозер, чем-то неуловимо похожий на бронепоезд времен гражданской войны. Как в кино, сходство дополнял транспарант с задорной надписью белым на красном полотнище:

«Все на субботник!» Следом спешила радостно оглушенная молодежь. Шла на субботник... Снег убирать. Я пропустил их и по прочищенной колее продолжил путь. В голове все еще звенели обрывки песни:

Могучая, кипучая, никем непобедимая, страна моя...

Кровь гулко била в голову. Начинается. Как он говорил? Материализация мыслей? Хо-хо... Мысли мои скакунны. Вдалеке что-то заржало. Я споткнулся и едва не свалился между рельсами. Потом отбежал в ближайшую вентсбойку, благо она была неподалеку, и залег под решетку в тень...

Они летели по тоннелю не касаясь копытами шпал, пахло степными травами и конским потом. Громадные, бурые

какие-то с мохнатыми ногами и раздувающимися ноздрями. Вскрапывая на бегу, табун унесся в сторону станции и скрылся за поворотом кривой.

«Однако», – нейтрально подумал я, и ничего не произошло, потому что сложно кому бы то ни было материализовать слово «Однако».

«От улыбки станет всем светлей!» – подсказал мой испуганный мозг и туннель засиял яркими праздничными гирляндами блуждающих огоньков. Неплохо, что ж буду петь.

«И слону...» Тут я понял, что погорячился. Скользкий хобот протрубил мне прямо в левое ухо и попытался захлестнуть ногу. Я вырвался и не оглядываясь двинулся к отметке 129+70.

Сразу перешел к припеву. В голове было пусто и страшно. «... наверняка. Вдруг запляшут облака. Не здесь, а там наверху. Пусть пляшут, мне без разницы. И вообще мне все без разницы. Дойду только, а там уже сами. Ничего... Так дальше что? Ага, кузнечик запиликает на скрипке...»

Метрах в двадцати нарисовался одинокий скрипач. В военной форме. Времен войны с немцами. Да это же Кузнечик, лейтенант Александров, ну тот, из фильма про «в бой идут одни старики». Лейтенант казался совсем не опасным, я на всякий случай отдал ему честь, а он наградил меня грустным взглядом артиста Иванова и исполнил что-то толи из Моцарта, толи из Гайдна.

На отметке 130+20 совпавшей со словами про голубой ру-

чек, сквозь дюпинги ожидаемо хлынула вода, но к этому я был готов и даже матюкаться не стал, чтобы не перегоразживать себе и так непростой путь частоколом разномастных половых членов, ну и чем там еще люди матюка...

Потом без всякого перехода я затянул песню про Голубой же вагон и сразу вскочил на банкетку. Вагон пронесся примерно под 30 км в час причем без паровоза и машинистов, следом быстро промчалось два десятка рептилий в черных строгих шляпах. Они немного напоминали хасидов. Такие же сосредоточенные и глаза мертвые. Меня они не тронули и я благодарно поклонился вслед. Все правильно, крокодилы Гены из подсознания должны быть добрыми. Правда пасти у них были зубасты и хищны.

Еще сорок метров без мыслей, без песен...

Ага похоже на поэзию. Повторим.

Еще сорок метров без мыслей, без песен...

Неплохо может, стоит посочинять? Так глядишь, и на станцию выйду. Вспомнилось, как бригадой мы сочиняли стишки в пять утра перед выходом из тоннеля.

«Вот идем мы все толпой на Сад на Ботанический и вдыхаем полной грудью воздух венерический»

Сад – де Сад... Ага накаркал. На плечо графу присела ворона. Но Граф не выявил агрессии, похоже ему было интересно, он присел на корточки и заинтересованно щупал рельс. Ну да в его времена о таком даже не мечталось, я прошел мимо словно тень, а кто знает, может Граф и видел меня

в качестве тени?

Проверил «АукцЫон» в наушниках:

...Меня почти что догоняет, моя любовь... – пропел мне Федотов и я сорвал наушники. Этого мне только не хватало!

Так, как там у классика? В смысле у меня... Без мыслей без песен...

Девочки играли в классики. Девочки были странными, синими, словно из фильма про Аватара, и белыми, словно только что из мертвецкой, и еще красными. Особенно меня поразили красные девочки с начисто содранной кожей. Им было очень больно, но они все равно прыгали через свою натянутую веревочку, падали между шпал, до хруста в костях, вставали и снова прыгали... Я разбежался, и перед самой веревочкой прыгнул на банкетку, а потом попрыгал все дальше и дальше от их разноцветных жадных рук и волчьих глаз, наполненных океаном боли...

По сути, я был их палачом...

Этого только не хватало. Мое воображение сорвалось и полетело на бреющем. Я так и знал... Мы уже забыли родные места, и одни не знают, где родились, а другие не желают об этом говорить. Некоторые уже владеют в этой стране домами и слугами по праву наследования, некоторые женились на сирийках или армянках и даже на принявших благодать крещения сарацинках. Один живет с зятем, или невесткой, или тестем, другой окружен племянниками и даже внучатыми племянниками. Этот обрабатывает виноградники, тот –

поля. Они говорят на разных языках, но уже научились понимать друг друга. Разные наречия становятся общими для той и другой нации, и взаимное доверие сближает самые несхожие народы. Чужеземцы... стали местными жителями. А странники обрели пристанище...

Когда я увидел железную дверь, то немедленно толкнул ее, пытаясь спрятаться от назойливого голоса в моей несчастной голове. Она поддалась... Это был трактир «У Голема», в предместьях Берлина. И был 1945-го года, апрель. В роли голема выступал Карл, в роли единственного посетителя ваш покорный слуга. В штатском. В штатском, но с такими железными документами, что позавидует любой военный.

Пьем пиво у стойки, а Карл свободной от кружки рукой все трет и трет полировку. Наверное, хочет протереть в ней дыру, и зная его тевтонское упорство, думаю, сумеет достигнуть желаемого.

– Отчего же все-таки нескладно все так? – задаю неопределенный вопрос с претензией на легкую ироничную философию.

Карл сопит и все трет полировку.

– Да, – хочется общения вслух, но спровоцировать этого молчуна на задушевную беседу, задача для избранных, – Наверное, не буду тебе сегодня платить...

Еще один круг и тряпка наконец-то останавливается. Голова Карла вопросительно поворачивается в мою сторону –

это молчун задает свой вопрос:

«Что на этот раз?»

Ну, хотя бы так.

– Русские на подходе, они несут с собой коммунизм, а при коммунизме деньги будут не нужны. По крайней мере, так утверждает их пропаганда.

«Я слышу эту шутку уже две недели». Сокрушенно ворочает головой молчаливый бармен, не произнося при этом ни единого слова. А что? Так мы и общаемся. А еще он посмотрел на меня с таким видом, что и следующая фраза стала мне сразу понятна:

«Придумай, что-нибудь новенькое».

Теперь киваю я, типа понял. Делаю хороший глоток и говорю:

– Все философы – немцы.

В ответ удивленный домик из бровей:

«Немцы?»

– Ну, арийцы, арии. Скажу, как ты любишь.

Довольный кивок и тряпка плавно пошла на новый круг.

Продолжаем беседу.

– Истинная философия заключается в том, что ничего не имеет никакого смысла, а точнее все не имеет никакого смысла.

Допиваю пиво, протягиваю кружку за новой порцией. Карл кладет тряпку, открывает кран и медленно наполняет мою кружку темным пенистым напитком. Пены при этом по-

лучается немного, ровно столько сколько я люблю.

– Благодарю, – легкий кивок в ответ и бармен наполняет собственную кружку, после чего значительно тычет в бочку пальцем и грозит им куда-то на восток.

– Согласен, – комментирую вслух, – им эта бочка не достанется.

Многозначительное подмигивание, традиционное кружечное приветствие, пара хороших глотков и беседа продолжается. На работу мне сегодня не идти.

– Смысл жизни, настолько простая штука, что после третьей кружки твоего удивительного пива, я чувствую, что постигаю его во всем, так сказать, глубине и величии.

Ироничный взгляд из-под рыжих кустистых бровей. Еще один хороший глоток. Через миг на стойке появляется тарелка с невероятно вкусно пахнущими колбасками. Это за глубину и величие, несомненно.

– И еще... Когда нам не хватает смысла, мы приходим в трактир. Его тут предостаточно.

Карл улыбается, Карл доволен. Такая вот нехитрая немецкая философия.

Желая развить успех, я продолжил, но то ли напиток уже стал оказывать на меня свое действие, то ли, что-то еще, хотя врядли, какое там еще «что-то»? Короче, я понес полную чушь:

– И самое смешное, мой любезный Карл, во всем этом, – я многозначительно обвел рукой помещение, – есть четкая,

наполненная аксиомами система. И даже, я бы сказал, система в системе. Вот так!

Истина, находящаяся на дне бутылки, там и остается. Во как. И чтобы понять ее, чтобы, хотя бы краешек увидеть, мы начинаем пить новую бутылку. И когда уже все, уже почти вот-вот... У меня кончаются деньги, и истина в очередной раз ускользает от нас, осенив... Ммм... Я хотел сказать...

– Мимолетно... – подсказал Карл, как всегда верно ухватив суть. Молодец. Истинный арий. Люблю этого человека. Он сует мне сдачу, машинально беру блестящую монетку и сую в нагрудный карман. Киваю и говорю:

– Да!

Потом я обнаруживаю себя сидящим на рельсах. Только туннель тут был уже другой, квадратный, я перенесся на Красноармейскую линию. Перегон Буденного – Осовиахим. Чудеса продолжают. Мне становится смешно, надо же так быстро набрался.

Впереди на банкетке стоит плаха и рядом с ней мускулистый мужчина в бордовом костюме и такой же полумаске. Он обведен черным фломастером, и я приветливо машу ему рукой.

«Привет, белка!»

– Меч или топор? – спрашивает он устало.

– Топор! – крикнул я почему-то.

– Держи! – он протягивает мне тяжелый инструмент, а свободной рукой вынимает из-за спины клинок и добавля-

ет, – Тогда меч мне...

Я хватаюсь за обух обеими руками и пытаюсь увернуться от рассекающей воздух полоски стали. И тут зазвенело. Меч ударил о щит. И тяжелая рука оттолкнула меня в сторону.

Рыцарь в белом, выдавшем виды плаще с нашитым на него крестом, с непокрытой головой и лицом, украшенным давними шрамами усмехнулся мне и ободряюще сказал:

– Если получится, запомни. Я принял крест, и меня зовут Гарольд! Вот возьми свою монетку, ты обронил...

Он опирался на два громадных меча. Их называли двуручными и насвистывал что-то... Или он просто сказал: «Гарольд»» А остальное мне померещилось? Я машинально сунул в карман блестящую монетку. Палач ударил снова и рыцарь парировал легко переставив один из мечей чуть в сторону, а потом засмеялся, выдернул из земли второй меч и нанес удар, обведенный палач, чертыхаясь отпрыгнул назад, Гарольд снова воткнул двуручник в землю, легко словно тростинку выдернул из земли первый меч и раскрутил его над головой, а я восторгаясь этой удивительной техникой, поспешил обогнуть место несостоявшейся казни и двинулся дальше.

«Двигаться дальше, я еще помню это место, когда здесь не былолюдно...»

На стенах тоннеля зацвели цветы абрикоса...

Дальше. Правая рука, сжимающая топор постепенно наливается огнем. Бросаю его на рельсы и слышу как металл

звенит о металл. Лезу за пазуху и вынимаю нож, он светился в темноте и немного покалывает кожу.

«Интересно, чего боятся китайцы?» – пришла в голову интересная мысль.

«Японцев», – ответил молодой генерал в белом мундире и лукаво улыбнулся глазами. В воздух поднялись камикадзе, сыновья микадо отправились в свой бессмертный полет. Самураи спустились со склонов и обнажив кривые мечи ушли навстречу славе. Несчастные солдаты последнего набора 1916 года примкнули штыки к незаряженным винтовкам и утопали следом, смешно волоча кривоватые ноги в тяжелых английских ботинках.

«Минут пять у меня есть», – грустно подумал я и увидел наконец Великую Армию, разворачивающуюся у подножья холмов.

Пространство расширилось и заблестело серебряной мишурой. Слово с неба, неба? Пошел вдруг блестящий праздничный дождь. Но это был не дождь. Мишура разрежала людей на части и тела исчезали, дымясь и плавясь в этом апокалипсическом кошмаре. Потом белый дым заполнил все, и холмы исчезли. Какое-то время я шел в полной темноте, с трудом нащупывая ногами шпалы, пока снова вдали не слышался знакомый перестук колесниц.

Четвертый день двигались мы к Аскалону. Противник особенно нам не досаждал. Изредка летучие отряды мамелюков появлялись со стороны солнца и сделав несколько вы-

стрелов так же быстро исчезали.

Наконец вдали появились городские башни. Город был укреплен. Это бросалось в глаза, понятно, такое войско, какое было у нас спрятать в пустыне не возможно, и неприятель был прекрасно осведомлен и о нашей численности и о наших возможностях. Насколько я знали з достоверных источников, прямого штурма не планировалось. Но и о длительной осаде речь не шла. Ждали Ричарда, он двигался морем, а пока приходилось рассчитывать только на свои силы.

Потом появились двое, просто вышли из вентсбойки, я знал, что их зовут Пьетро и Паоло и были они близнецами. Они молча смотрят на меня оба бледные почти синие, я машу им рукой и они послушно следуют за мной. Их одежда разорвана во многих местах и покрыта бурыми пятнами. Дальше двигаемся втроем. Я знаю, что нас преследуют, Паоло о чем-то просит меня на незнакомом языке, я не понимаю слов, но понимаю, что он хочет увидеть небо, я киваю и мы быстро движемся к ближайшей вентшахте, но потом соображаю, что это не выход, потому что даже если бы мы попытались там подняться наверх, почти наверняка там бы нас уже встречали с распростертыми объятиями. При наличии плана расположения вентшахт операция «перехват» включалась моментально. Более того уже сейчас по тоннелю должна была двигаться мобильная группа.

Вопрос только в том насколько они подготовлены и уком-

плектованы ли сотрудниками МЧС.

Мои спутники с тревогой глядели на меня, и потому пришлось, не теряя уверенности двигаться вперед.

Спрятаться в туннеле только, кажется что просто. Есть, конечно, спецобъекты и некоторые другие мышинные норы, но это в основном тупики. Дырок на поверхность не так много. Оставался только выводящий на поверхность метромост протяженностью около километра. И частый сектор вокруг него. Там можно прорваться потому точного места нашего выхода на поверхность знать никто не будет. А там уже с боем или еще как-нибудь...

– Подтянулись рыцари, – приказал я, и пошел вперед, крепко сжимая топор. Мои спутники двинулись следом. – Когда выйдем, разбежимся в трех направлениях. Кому повезет, тому повезет. Других вариантов я не вижу.

Не знаю, понимали ли они меня, но шли как приклеенные, похожие на оживших сомнамбул.

При этом синхронно крестились и бормотали что-то, не разжимая губ.

– Ага, начнем помолясь, – пробурчал под нос Александр Васильевич и бодренько поскакал в сторону метромоста.

Добрались. Пьеро подошел ко мне и прикоснулся к моим вискам указательными пальцами, я почувствовал космический холод и еще то, что голову мою наполняют неведомые доселе знания. Среди них был и некий певучий язык, напоминающий современный итальянский. И еще латынь... Пао-

ло читал молитву и перебирал черные блестящие четки. Я понял, что мне нужно делать и вынул нож. Потом размахнулся и бросил его в стену тоннеля. Полыхнуло неслабо, и образовалась дыра, сквозь которую легко мог бы пролезть человек.

– Грацио! – хором произнесли братья, и я впервые увидел, как они улыбаются. Потом они отряхнулись, словно два задорных щенка, мертвенная бледность стала сходить с их лиц, и братья полезли в образовавшееся отверстие.

«Повезло», – стучала в голове кровь, – «теперь ищи их свищи», – шептал разум вдогонку.

Потом я все же спросил то, о чем не решался спросить:

– А Руфия где?

Пьетро на миг остановился и грустно сказал:

– А она тоже умерла тогда. Ты еще не помнишь. Мы остановили время всего на два часа, а этого делать было нельзя. Все вернулось на круги своя. После того как мы расстались на наш караван напали бедуины, обычные бедуины, но их было так много...

Силуэты братьев начали таять, я кивнул им на прощанье и двинулся дальше.

Музыка заиграла громче. Невидимый мне оркестр грянул Штрауса, какой-то из вальсов. И я четко понял «Смерти нет. Совсем нет». Звуки отражались от дюпингов и уходили по спирали вглубь тоннеля. Слезы катились по моим щекам и это были слезы радости.

– Тра-та-та-ти, тра-та-тара тата! – заорал я вслед невидимым музыкантам, и смело ринулся вперед. Меня охватила радостная ярость, я чувствовал себя молодым хищником, идущим по следу крови. Мои ноздри раздувались в предвкушении пира, и схватки. Кулаки сжались в кувалды, я готов был разорвать любого. Кто посмел бы стать у меня на пути.

Оранжевая фигура, появившаяся на секунду, трусливо спряталась в вентсбойку.

– Ага! – заорал я и почувствовал внутри себя закипающий энергетический фонтан. Я покрывался стальной чешуей, на голове у меня ветвились стальные рога, а суставчатый щелкающий бичом хвост высекал искры их рельсов.

Все живое и неживое в страхе исчезало с моего пути, а потом вдруг лопнула где-то струна, и все кончилось, и остался я сидящий в нелепой позе на банкетке, в разорванной куртке, с обломком арматуры, лежащим у ног. И чьи-то шаги из мрака. Крадущиеся, опасные, переходящие в цокот.

Я рванул решетчатую дверь помещения дренажной перекачки, замок лопнул и рассыпался. Здесь можно было перейти с первого пути на второй. Я вихрем промчался сквозь помещение насосной, рванул вторую дверь. Цокот не отставал, без ножа я чувствовал себя голым. Дверь оказалась открытой.

Новый поворот Да только там у них оказался еще один тоннель, из него пахло недавним ремонтом, это была Новая линия, хотя она и не могла здесь быть, потому что она была

только перспективная и ее еще не было вообще.

Новой линии, она стремилась куда-то вниз и за каждым поворотом ожидало...

– Я – эвкид!

Что получилось на самом деле я не знал, но по виду окружающих меня шипастых воинов, звучало это угрожающе. Они почитали меня за берсерка и очевидно так это и было, потому что вокруг меня было пустое пространство, в горячке боя берсеркеры не щадили никого, ни своих ни чужих.

Кроме набедренной повязки на моем истерзанном палачами теле были только шрамы и кровоточащие раны. Еще были цепи, я гремел ими время от времени и мычал. Холода я не ощущал, хотя стояла поздняя осень, и в десяти шагах вокруг смыкался туман.

Кроме боли и ненависти я не чувствовал ничего, и только время от времени мычал в ожидании вражеского мяса и крови, которые я желал пить и есть.

Враги были где-то рядом за стеной тумана и нападать не спешили, а может это мы ждали команду, но я знал, что это они держали меня в холодной яме и пытали меня, трезво рассуждать я не мог, я вообще никак не мог рассуждать, потому, что мозг мой был тяжело травмирован и почти не работал.

Просто сон был настолько ярок, что проснувшись, я долго лежал недвижимо, меня бил серьезный озноб, и я почему-то подумал. Что в яме меня могли держать и свои, если им нужен был хороший берсерк, то почему бы не выдержать хоро-

шего парня с неплохими физическими данными в тонусе.

Какой-то опасливо озирающийся воин в трех шагах от меня держал в руках угрожающего вида шипастую же хрентень на длинной металлической ручке, когда послышался шум толпы, чужой толпы, орущей на странном языке, и из тумана стали вырастать неясные силуэты, он с воплем подкатил мне это забавное орудие и отскочил в сторону.

Он был абсолютно прав этот неизвестный мне воин, потому что почувствовав металл в своих огрубевших ладонях, и то как мир вокруг меня окончательно померк и боль, кровь и смерть пролились из меня наружу...

Неужели все это действительно было?

А это, кажется, уже было даже не на земле. Скорее всего, в аду. У меня не было половины мозга, чего-то еще из внутренних органов, и я знал только одно, что я беглый раб и желаю одного – отомстить.

Мой народ назывался эвкидами, и единственное, что я мог мычать с помощью основательно подрезанного языка:

– Я – эвкид!

Отмотать бы все назад. На пару лет хотя бы. Ведь хорошо же было. Нет, надо было все испортить. Но как?

Линию построить не успели, ладно, но тоннель-то пробит. Там может в районе тупика прошерстить, глядишь и отыщется. Да ведь засыпало там все. Или не все? Фонарь надо хороший, а то и два. Помощника бы мне взять, а то загнусь, не успею...

Незаметно для самого себя я уже принял решение. Теперь его надо было воплотить в жизнь.

Кто-то взял ля-минор, и у меня сразу испортилось настроение. Глупо ничего же не происходит, а вот услышал звук и на тебе...

-Эй, франдж!

Я медленно оглянулся. Кричал некий человек в развивающейся на поднявшемся ветру хламиде. И так он стоял весь в черном, крепко вбив ноги в песок и щурился, разглядывая меня из-под белой, словно мертвой ладони. У него была черная борода и испрещенное морщинами и шрамами лицо. И волчий взгляд холодных глаз. Нет. Глаза не были холодны, они были словно замерзшая вода тысячелетнего озера.

Он выразительно провел ребром руки по горлу, прошипел что-то неразборчивое по-арабски, повернулся и пошел прочь...

– Называй меня паладином! – крикнул ему я.

Он остановился, обернулся, еще раз сверкнул глазами и прохрипел:

– Я запомню тебя... Не думай что у тебя получится...

– Что получится?

– Все переиграть, ты уже пробовал, помнишь?

Я не помнил. Он это понял и ушел не оглядываясь. Прямо в небе за ним открылась дверь, туда он и ушел.

Я бросился следом.

...человечек в заляпанном кровью медицинском халате все клацал и клацал по старенькой клавиатуре. Он был один в один похож на Гийома, ну того из сна. Он отвернулся на миг от экрана, вскочил и бросился навстречу:

– Чего тебе?

Он пытался закрыть собой экран монитора, но я разглядел зависшую на паузе картинку, где замерли в ожидании террактотовые воины, сгрудившиеся вокруг высокого трона, на котором сидел золотой дракон с человеческим лицом. И песочные часы на столе...

Мне подписать...

Потом, все потом. Выйди из кабинета. Сейчас тут обед...

Да мне только...

Он теснил меня, руки у него дрожали.

Вы кто? – вырвалось у меня.

Кто надо. Иди...

И тут я понял, это то самое место, где они играют в нас. Потом вдруг все погасло и запахло паленой пластмассой.

– Пробки! – сказал громкий голос сверху, – проклятые пробки...

Я упал и пополз в темноте. Свет был вдали, очень далеко, но я полз, пока не уткнулся в чьи-то ноги в железных башмаках.

– Меч и щит! – произнес хмурый рыцарь, поджидавший меня на тридцатом пикете. У него не было коня, а белый

плащ был измазан кровью, лицо было подобно гипсовой белой маске и покрыто странным узором.

Я кивнул. Он был прав. Щит надо запустить. Он-то в тоннеле точно, никак его на поверхность поднять не успели, по любому. Со щитом-то сподручнее. Он им всю малину разнесет, да только... А как его запустишь без электрики? Да и работать я с ним не могу. Надо с Метростроя кого-нибудь, кто там у них остался? Петрович? Иваныч? Или Юрка вот тот оглашенный, как его фамилия не помню ни хера, не помню. Где их искать? И если я пойду до конца, то все можно будет переиграть? Всю мою долбанную жизнь? Или нельзя?

– Ну что решил? – спросил Франциско, похоже, он читал мои мысли на раз..

– А что я могу решать? Я же уже того... – я распахнул куртку и показал торчащий из живота нож, – терять нечего...

– Выбор за тобой.

– А хули... – я пожал плечами, – пойдем, бля, буду тебе инструктаж проводить. По технике безопасности.

Он серьезно кивнул головой. Ни хрена чувства юмора нет у человека. «Делай, что должно и будь, что будет...»

Новый день облегчения не принес. Поутру оказалось, что державшие наш правый фланг люди Мейвилля отошли, повинуясь неведомо чьему приказу, и непонятно из каких соображений и оставили нас на съедение «шакалам пустыни» Омара, чем тот, разумеется, не преминул моментально вос-

пользоваться. А чего ж не воспользоваться?

И с удовольствием щипал нас по маленьким кусочкам от рассвета и до заката. Его конники в островерхих шлемах, то появлялись, то исчезали, тем самым выводя нас из равновесия, почти ежечасно. Осыпали стрелами и визгливыми криками, танцевали на своих подпрыгивающих лошадках и снова исчезали. Благо выручала импровизированная линия полевых укреплений из сдвинутых наспех повозок, которые мы успели скрепить между собой и все попытки «шакалов» пробиться сквозь них успехом не увенчались.

Ближе к ночи прибыл гонец от Верховного, и мы тоже получили приказ отходить, что и сделали под покровом ночи, наспех зализывая раны.

В кромешной тьме, факелы было решено не зажигать, столкнулись с авангардом Мейвилля и приняв их за наших противников едва не вступили в жестокую схватку. Спасло то, что после первых ударов, они завопили на французском, и на том дело и закончилось почти без потерь с обеих сторон.

Выяснилась и причина их вчерашнего отступления, оказывается, отступило все христианское воинство, только нам почему-то приказ о согласованном отходе не передали, почему Мейвилль не знал. Может гонец не доехал, может, забыли в ставке в суматохе, сие осталось загадкой.

Не по-христиански выругавшись, я отказался от предложенного бароном ужина и отправился спать.

Так прошел еще один бесконечный день.

– Щит я не запущу, извини. Не моя компетенция. Сделаем по-другому. Сразу за линейным, отстой. Там электричка, мы должны пройти ее насквозь и сразу за ней вход на новый спецобъект. Думаю там уже все готово.

– Артефакт? – Франциско внимательно слушал, наклонив наполовину отрубленную голову.

– Пулемет, – засмеялся я, – та еще штука, получше артефакта будет. Там мы их и задержим.

– А эта... электричка...

– Я должен. Пойдем, иначе я не сумею...

Мы запрыгнули на банкетку и двинулись в темноту.

Двери состава были приветливо раскрыты.

– Идем...

Когда я поднялся по ступенькам дошло до меня, что я не тот герой, что лупит из автомата по своим противники, прячась по за углами, а герой – скромный, тот, что безоружным пытается спастись от своих кошмаров, которые преследуют его, меня, всю жизнь.

– Терракотовая армия – это не китайцы... – сказал Франциско.

Повисла томительная пауза. Потом я все-таки спросил:

– А кто?

– Хм... Хороший вопрос, главное своевременный. Почему ты считаешь, что мы, то есть люди, единственные претенденты на главный приз?

Я уже ничего не понимал.

– Какой такой приз? – просто так спросил, чтобы не молчать. Моего собеседника мой вопрос несказанно позабавил.

– Смешно, – так он и сказал, – откуда мне, тебе и вообще всем нам знать? Мы планету свою особенно-то и не любим. Говорим, что любим, песни поем... А на самом деле как раз наоборот. Уничтожаем в основном и с каждым годочком все интенсивнее и интенсивнее. А кто-то считает иначе. И возможно рассматривает человечество в качестве некоего вредоносного вируса, который надо уничтожить. Ну или как-то еще...

– Мы мешаем?

– Выходит, что так... Закладки эти понатыканы по всему миру. Это счастье, что ту, что в Китае официально обнаружили, теперь мы знаем примерно, с чем нам придется столкнуться. А в других местах? Все дальше сам, нам нельзя... Постой, я заберу...

Он выдернул из меня нож и я ничего не почувствовал. Впрочем, нет, идти стало намного легче, словно занозу из меня вынули.

Странным вагон был не по виду по цвету. Он был розовым, словно только что вышел из покраски. Еще он был украшен странным граффити, религиозного содержания, но распятие тут соседствовало с мусульманским полумесяцем, а Папа Римский стоял в обнимку с улыбочивым нэцкэ Будды. Старинные гравюры на вагоне тоже присутствовали повсеместно, тут были изображены фрагменты великий битв про-

шлого, и я знал осаду Акры и взятие Константинополя тоже узнал. Интересно. Кто ж тут так постарался... Но это были цветочки, когда я вошел через открытые настежь двери. То понял что состав странный не только снаружи. Еще он был странным внутри. Я шел по нему, а он все не кончался и не кончался. И было это так странно, так странно...

Первый шаг дался с трудом, потом воспоминания нахлынули на меня.

Первый вагон.

Короткий удар вправо, переход, выдернуть, отбить левой рукой, поворот, удар, еще поворот. Кажется, прокатило. Чей-то бородатый дурно пахнувший рот, очень близко и очень громко, удар всем телом, мощно. Рот захлебнулся, брызнуло красным. Еще полшага вперед, еще полшага. Справа мелькнуло копье, ага, есть поддержка, это хорошо, стало не так тесно. Кони ржали где-то слева от меня, надо пробиться туда, к ним. Тогда можно будет взять чьего-нибудь коня и высидеть над этой безумной схваткой.

Да только где? Кто-то ухнул справа, сначала бьем потом смотрим, а как иначе? Угадал – не наш. Слюни с кровью, тьфу. Куда лезешь болезный? На и тебе, щитом промеж глаз, чтоб не волновался зря.

Накапливалась усталость, постепенно, но неотвратимо. Потом к ней добавилась злость, я вспомнил обо всем сразу, и о странных ухмылках некоторых особ, и о предательстве

«союзников», чтоб им пусто было, и даже о скотине Бастарде, пролившим вино на мой новый плащ неделю назад. Я физически чувствовал, как внутри меня разливается досада, размером с эту пустыню и нет ей конца. Наверное, это меня и спасло. Злость вытеснила усталость, теперь ей не было места внутри моего измученного тела, оно превратилось в бездушный автомат, кололо и рубило на все стороны и враги с ужасом разбегались с моего пути. Гиль потом сказал, что это Господь наделил меня силой Архангела, что это Озарение Божье и Сила Святая. Я промолчал, потому, что больше запомнил негромкое «берсерк», что шептали наши же пехотинцы, собравшиеся вокруг меня в тот момент, когда сознание вернулось ко мне, и я обнаружил себя в обнимку с отрубленной головой какого-то несчастного араба, подвернувшегося мне под руку.

Ей-ей, высушу и повешу на пояс, чтоб боялись, твари. Причем все, и наши и не наши.

Мы выстояли. Как выяснилось позже, враг отступил, имея почти пятикратное преимущество. Это было Божьим чудом. Самым настоящим. Кольцо блокады разжалось и распалось. Мы получили возможность убраться из этих мест, чем и воспользовались. Султан нас определенно зауважал и преследовать не стал. Отчего? Оставим сие на усмотрение султана.

Мы организованно отступали к побережью, где я рассчитывал кое с кем, кое о чем побеседовать. С глазу на глаз.

Второй вагон.

– Держаться! Держаться!

Наш небольшой строй становился все короче и короче. Люди падали, на их места становились другие, еще немного и заменять ушедших будет не кем. Я отчего-то вспомнил, как Марк мне рассказывал о древних воинах, скреплявших свои щиты цепями и продолжавших сражаться с мертвыми в строю. Строй, в нем было наше единственное спасение.

Противник это чувствовал и все усиливал натиск.

– Держаться!

Да сколько же их?

Из силы тоже были не беспредельны, гора тел напротив нас росла, а нас становилось все меньше. Если нам не хватит людей чтобы удерживать перевал...

Арбалетчики били в упор, мы насколько могли, прикрывали их, и рубили, рубили, рубили.

Рядом со мной пал Максимилиан, мне некогда было смотреть, что с ним, потому что меня атаковало сразу двое. Один из них визжал, глаза его закатились изо рта текла слюна, у другого глаза источали такую лютую злобу, словно я только что зарубил его молодую жену.

Кто-то из-за спины ткнул его копьем, и он остановился, раскинув руки и выронив свою кривую саблю и маленький щит.

– Держаться!

Ударом меча я прикончил второго, и тут же в щит ударило копьё. Пришлось рубить наконечник, благо ударивший, был

недостаточно ловок и позволил мне сделать это.

– Они тоже устали! – заорал я и оставшиеся в живых отвели мне одобрительным гулом.

Мы двинули из последних сил, но мощно уверенно. Вражеский строй рассыпался, они действительно не ожидали.

А собственно, какая разница, в этом мире мы оставались собой, рыцарями, верными сторожевыми псами христовыми. И верили мы свято в то, что чтобы не случилось с нами, все есть только лишь Деяние Божье. И мы были здесь не одни, не раз и не два по пути на площадь я встречал глазами кресты на плащах.

Потом толпа завопила:

– Принцесса! Принцесса! Слава! – и нас принялись толкать со всех сторон, что вывело нас из состояния глубокой задумчивости. А потом события понеслись с калейдоскопической быстротой.

Именно в тот момент, когда эта загадочная принцесса должна была появиться с неведомой нам целью на глаза своему, я так полагаю народу, со стороны ворот раздались прекрасно знакомые нам звуки труб и означать они могли только одно – «Тревога!»

И враз все изменилось, толпа заколебалась, толпа шатнулась. Мы быстро переглянулись и стали пробираться к дворцу, ибо основная масса людей пыталась покинуть площадь.

Когда это нам удалось, и впереди забрезжило свободное пространство, мы увидели строящихся рыцарей и других во-

оруженных людей. Среди них были и плащи с крестами. Мы направились к ним. Определив на глаз, командира я обратился к нему, но он нетерпеливо отмахнулся латной рукавицей и сказал:

– Не до церемоний, становитесь в строй, иначе будет совсем худо...

– Что тут происходит?

– Потом, все потом. Если хотите жить присоединяйтесь к нам. Жан! – И он поспешил куда-то влево.

Мы переглянулись, и стали в строй, вообще я заметил. Что перед лицом всякой опасности, лучше всего находиться в строю.

Площадь медленно пустела. Находившиеся рядом с нами в строю люди ни по-французски ни по-германски не говорили, и на наши вопросы просто возводили к небу глаза и молчали. При этом все были серьезно встревожены.

Через некоторое время ожидание был отдан приказ выдвигаться, и мы двинулись к главным воротам.

– Это наша война? – на всякий случай поинтересовался я у германца.

Мне понравился его ответ:

– Нашей будет победа и слава.

Не добавить, не прибавить.

– Ну же, принцесса! – я протянул ей руку в перчатке.

– Нет!

– Чего у нас нет, так это времени, – пробурчал ваш покорный слуга.

– Я останусь здесь и погиб...

Не до сантиментов, не здесь и не сейчас. Я подхватил чернокожую красавицу и перебросил через круп последнего оставшегося коня. Забросил за спину щит, и теперь пускай все решат скорость и удача. Черная клетка, белая клетка... Потом клетки кончились. Мы бежали с шахматной доски.

Король что-то кричал нам вслед, думаю, он желал нам удачи.

Справа. Что-то догорело и обрушилось. Конь дернулся влево, но там тоже было жарко. Вперед, красавец, только вперед!

Мы поскакали. Повсюду еще продолжались мелкие стычки, но нам было не до этого. В темноте и в свете пожара мы помчались по улочкам странного бело-черного города. Надеюсь, что ворота здесь не слишком тщательно охраняют, не думаю, что кто-то еще решался на такое...наоборот, пусть все кто желает, бегут из него и не мешают мародерствовать тем, кто остался. Бегут желательно налегке. Я вывозил единственное сокровище, которое смог уберечь. К тому же оно уже начало подавать признаки жизни, очевидно. Мой удар был недостаточно силен. Пусть так.

Принцесса зашевелилась, пришлось усадить ее впереди

себя, и мы тесно прижались друг к другу.

Навстречу вывалилась толпа основательно разогретых воинов неопределенного вида, но явно не европейцев. И не мусульман точно, так как истинные сыны Магомета вино не приемлют. Наемники.

– Стой! – завопили они в шесть глоток, но мы уже набрали разгон и выполнять их команды не собирались, ни в коем случае.

Разметав их неплотный строй, мы промчались дальше. Следующий переулок был перекрыт повозками обороняющихся, повсюду валялись их неприбранные тела. Прыгать мы не рискнули, и пришлось возвращаться.

– Больше не возвращайся! – приказала принцесса.

– Слушаюсь ваше величество! – отрапортовал я.

– Я не знаю что это, но я должна сказать, чтобы ты знал. Артефакт в первом вагоне, в кабине машиниста...

– Что?

– Я сама не понимаю, просто запомни, может это поможет тебе ... потом...

– В кабине машиниста, – на всякий случай произнес я вслух непонятные слова и ухитрился при этом сбить с ног какого-то зазевавшегося мародера, волокшего в неизвестном направлении несколько тяжелых мешков. Он, молча, свалился в лужу, не издав ни звука.

Где же здесь... Ага! Я направил коня в просвет между домами, потом между горящими столбами, конь захрапел, но

послушался. Да, это здесь!

Мы выскочили на площадку прямо перед западными воротами, они были сорваны, и охраны около них не было. Не долго думая, мы ускорились и вылетели на мост, вот там-то нас уже и ждали.

Сразу несколько рук попыталось схватить нас, и пришлось отмахнуться мечом прямо на скаку. Люди завопили, что-то бросили коню под копыта, чудом он удержал равновесие. Я стиснул зубы и не опускал руку с мечом. Надеюсь, что появится достижимая цель, в голове быстро летели обрывки разных молитв, складываясь в музыку Спасения.

Целей не было, мы мчались дальше. Когда прилетела первая стрела и воткнулась в висящий за спиной щит, я понял, что в цель превратились мы сами.

«Отче наш...»

4 вагон

Конница обошла нас по длинной и кривой дуге. Мы прозевали ее появление, потому что из-за поднявшейся в воздух песчаной тучи уже давно ничего не было видно.

Патрик что-то кричал, пытаясь перестроить ряды, но было поздно. Ветераны, те, что поняли, сразу более-менее организованно отошли в центр позиции, пока конники Сулеймана увлеченно резали молодежь. Молодежь яростно отбивалась и старела просто на глазах. То, что не побежали сразу, радовало, значит теперь упрутся и будут стоять. Хотя бы

из нежелания упасть в глазах ветеранов. Гулко бил барабан, сзывая уцелевших. Мой отряд, бросившись на перехват, сковал правый фланг противника, и избиение немного приостановилось. На всякий случай я отправил гонца к Себастьяну, но на помощь надеяться не приходилось, потому что я знал, ему тоже сейчас нелегко.

Некоторые всадники стреляли из седел, и уже пару раз я слышал четкие удары наконечников о доспех. Мы усилили натиск насколько могли и, наконец, легкая кавалерия не выдержала и сначала один, затем другой, а затем еще и еще стали отваливать в сторону и уходить назад в песчаную бурю, во всю поднявшуюся над полем брани.

Рядом со мной поймал стрелу тот самый латник из Бронь, что хвастал накануне своим испанским доспехом. Судьба. Похоже, он даже не мучился.

Патрик остановил коня рядом с моим, и стукнул меня по щиту.

– Отбились, – прокричал он хрипло.

Я кивнул.

– Нужно узнать, что происходит вокруг, я ничего не вижу!

– Он хотел, чтобы мы держали позицию.

– Мы ее удержали, нужно двигаться.

– Куда? Сколько у нас осталось людей?

Все по делу, я вздохнул.

– Давай сигнал «В кольцо». Передвигаем повозки и отправляем разведку во все стороны. И будем ждать.

Патрик подумал не более секунды и поскакал в сторону барабанщика. Только теперь у меня появилась уверенность в том, что мы пережили и этот день. По мере того, как наши люди собирались у повозок, она крепла, с каждым щитом, с каждым копьём.

Они сидели и чистили оружие. Каждый думал о своем, а молчали все об одном и том же. И этим был завтрашний нелегкий день. В том, что он будет именно таким никто и не сомневался вовсе.

Горели костры, слабенькие, жечь здесь было нечего. Обломки от повозок разве что. Беседовали негромко, даже смех если и возникал, то какой-то нервный. И прекращался быстро. В войсках всегда ценилась хорошая шутка, с ней, и помирать легче и сражаться. Я смотрел на своих ветеранов и видел их озаренные пламенем лица и пытался угадать, сколько их останется к завтрашней ночи. И останусь ли я.

Потом выбросил весь этот хлам из головы и решительно зашагал в сторону командирской палатки, там наверняка уже все собрались.

Я угадал, все причастные были здесь. Пройдя к импровизированному столу, я сделал знак Раулю и тот наполнил кубки из большого кувшина. Не говоря ни слова, мы сделали по хорошему глотку.

Все молчали, но я чувствовал, что они смотрят на меня и ждут. Что мог я сказать им? Что завтрашний день для многих из них будет последним? Они это знали и без меня. Что

то, что мы делаем – есть наш долг пред Господом нашим? Это нам внушили много лет назад, и не было смысла повторять очевидное.

Поставив кубок на стол, я недовольно пробурчал:

– На завтрашний вечер не хватит вина, чтобы отпраздновать победу... Рауль.

Слуга бесшумно возник предо мной в почтительной позе, чуть наклонив голову и сплетя руки, как при молитве.

– Когда мы разобьем неверных, позаботься о том, чтобы пополнились наши запасы. Чувствую торчать нам в этой дыре еще долго. А преподобный Август позаботится о том, чтобы их вино прошло все необходимые процедуры очищения, пред тем как попасть в христианские желудки.

Подняв голову, я увидел, что лица рыцарей понемногу озаряются светом надежды, на некоторых даже заиграли несмелые улыбки.

– Да и еще... Вы, братья позаботьтесь по мере сил ваших, о сохранности утроб ваших, ибо как сказано в Писании... Как там сказано, Жиль?

– Ээээ... – Жиль смешался, он никогда не был знатоком Писания.

Заулыбались все, даже Грене изобразил некое движение лицевых нервов на своей неподвижной бледной маске.

– А сказано там следующее, ммм... «Да сохраните вы животы свои для того, чтобы принять в них плоды лозы виноградной, ибо так угодно Отцу нашему... Присно». Ну, или

что-то в этом роде... – лишь после этого я позволил себе улыбнуться.

Дружный хохот потряс палатку, и я понял, что больше ничего не нужно. У нас все есть. И в дорогу мы собрались, а там, как Отцу будет угодно...

5 вагон

Идти было тяжело, но я шел. В ушах сами собой оказались забытые наушники:

Губы одна к другой прилипли,
Чтобы зубы изо рта не выпали...
Замотал ресницы связал,
Чтоб не вывалились глаза...

Внутри крепости было пусто и горели факелы. Много. Широко распахнутые ворота донжона открывали освещенный факелами широкий тоннель, уходящий куда-то в неведомую даль. Вокруг была ночь.

Я иду дышу,
Голова-нога ...

В этот миг нас атаковали. Несколько стрел просвистело над нашими головами и воткнулось в створки. Пути назад не было. Время стремительно полетело назад...

– Спускаемся в подземелье! Хуже не будет.

Гарольд последовал за мной.

В тоннеле шла битва. Кто с кем сражался было непонятно, было даже не понятно, люди участвуют в битве или демоны. Просто звон железа и неясные хрипы. Все смешалось. Пламя факелов дрожало и исчезало. Луна пропала вовсе. Потом земля ушла из-под ног и было ощущения того, что я парю в черной маслянистой жиже, меня тянет вниз, но вес моего тела слишком мал, чтобы пронзить эту жидкость, а вверх не дает подняться отсутствие опоры для ног...

Потом кто-то невидимый воткнул в меня полфута стали, прямо в правое плечо, было невыносимо больно, и я зарывчав стал рубить все что преграждало мне путь с утроенной силой.

Потом ноги нашли опору, и рубить стало некого, я был липким от своей и чужой крови и почти ничего не видел, глаза мои были залиты алым...

Я долго, очень долго брел в темноте. Я потерял Гарольда, потерял направление, потерял половину лезвия меча, потерял все кроме жизни и небольшого свертка с часами. Единственный факел выхватывал непонятные знаки на стенах, но сворачивать было некуда, туннель был прямой как стрела. Потом было что-то похожее на дверь с изображенным на ней золотым драконом. Еще какие-то рисунки воинов избивающих непонятных созданий и друг друга. Но рассматривать всю эту живопись у нас не было времени. Я чувствовал, что враги где-то рядом и был начеку.

Потом я очутился в просторной комнате с круглыми сте-

нами. Посреди нее был выложенный аккуратно обтесанными камнями колодец. Я почувствовал, что мне ужасно хочется пить и припал к воде, но она оказалась немного дальше чем я рассчитывал, я нетерпеливо уперся руками о камни и свесился вниз настолько насколько позволяла длина моих рук. Вода пошла рябью и на ней появилась картинка. Потом другая и третья. Словно я смотрел в окно и передо мной кто-то прокручивал мою недолгую, но полную опасностей и приключений жизнь. Вот я совсем маленький, вот постарше, на зеленом лугу в Лангедоке. Идет легкий приятный дождик. Потом Англия, сэра Гэлуэй учит меня правильно держать меч. Потом первая битва, первая кровь. Первый убитый мною человек, не знаю, как звали его. Но кто-то услужливо подсказал мне: «Томми» и тогда я сказал: «Прости меня Томми», и ветерок прошелестел по моим щекам. Вслед за этим картинки стали меняться с бешеной скоростью, и я перестал воспринимать показываемое мне. Это как в жизни, когда перестаешь после определенного возраста отмечать течение лет. Текут себе и ладно. Потом вдруг появилось перекошенное лицо Гарольда, и только тогда что-то вспыхнуло в моем мозгу и все померкло. Я смотрел, как Гарольд схватил сразу два копья и удерживает наступающих невероятным усилием. Меня выбрасывало в реальность. Потом с высоты птичьего полета я увидел, как крупная группа бедуинов атакует караван, картинка приблизилась, и малыш Паоло схватил свою гитару, и на глазах изумленных врагов ударил

по струнам:

У Яффы в оливковой роще...

И Руфия кусает до крови губы, сжимая короткий кривой клинок посреди облаченных в серое убийц, потом ракурс картинки поменялся и Пьетро ловко всадил кинжал в горло здоровяку в красном тюрбане, а двое других занесли над ним свои сабли.

Потом поднялась стена песка и заслонила от меня обреченный караван. Когда песок осел, я смог увидеть истошно орущего Де Грасси, и хмурого Девольта в их последней шикарной и уходящей в вечность атаке, верхом на изможденных лошадях, и Франциско ударяющего с разбега в строй глиняных воинов железною палицей своею, и мечи ринувшиеся навстречу ему... Бенедектинец на миг обернулся, и мне показалось, что он пронзил меня своим взглядом, а потом отчетливо произнес:

– ПРОСТО ПЕРЕВЕРНИ ЧАСЫ!

Или мне послышалось? Или это его отлетающая в небеса душа попрощалась со мной? Я кивнул и услышал топот ног за спиной, схватил сверток и почувствовал, что окаянная стрела впиалась у меня между лопаток. Пальцы мои разжались и Часы исчезли среди внутри колодца, потом я почувствовал, что колодец принялся внимательно всматриваться в меня и вода, это не вода, а песок, и течет сквозь мои окровавленные

пальцы. Я почувствовал, что куда-то падаю, и песчаная воронка захватывает меня, и я лечу, я лечу, лечу и таю...

Соединительная ветка. Сразу за ней вход на спецобъект. Я тут ходил бесчисленное количество раз. И будучи дежурным сантехником на заре моей подземной карьеры. И просто по текущим заданиям. Ветка соединяла две станции расположенные на разных линиях метрополитена. Ближе к Нетрезвым Строителям, было у нас в обиходе и такое название, был линейный пункт, уже заброшенный, и выкрашенный в мрачные черные цвета Кузбасс-лака. Когда то там жили люди, теперь там не жил никто. Примерно посередине располагалась водоотливная и чуть далее шахта ВОМД.

На объект только я не заходил, у них там железные двери и все изнутри заблокировано, но я знал, что артефакт поможет.

Часы я нашел в кабине машиниста под сиденьем, лежали там завернутые в мешковину, словно некий хозяйственный мужичок припрятал их там до поры, чтоб увезти на выходные на дачу. И забыл.

С Артефактом я не ходил здесь никогда. Я прошел этот странный поезд насквозь и снова вышел на пути через кабину машиниста. Только теперь меня звали Клемент. Кто звал? Да все они. Дорогие мои мертвецы. Но ничего скоро все кончится, и я приду к вам, а как же иначе. Я без вас не могу. Тыщу лет мог, а теперь все, встречайте. Только так. Так за-

ведено и так будет, только каждый должен выполнить то, что ему назначено. Дверь, тяжелая бронированная дверь открылась сама, за ней открылся длинный бетонный коридор. Пахло ремонтом и свежей стяжкой. Я двинулся вперед...

Ну вот один, в смысле совсем один. Даже воды нет. Это плохо, очень плохо. Тем не менее, я попытался идти. Интересно, насколько долго ноги смогут нести меня?

Никто не преследует... Я засмеялся, а зачем меня преследовать, я уже никому не нужен. Нужен только Артефакт. Но его подберут потом, когда найдут мое бездыханное тело. Только и всего.

«Только и всего...» – странная фраза накрепко засела в голове и стала вращаться по кругу на манер рыцарской баллады. Только баллада какая-то странная получилась, разухабистая и жесткая. Было в ней что-то от ереси.

«Только и всего»... Еще пару шагов. Вон там впереди неплохие камни с цифрами 3 и 4, Саша называл их Могилами Погибших Машинистов. Прекрасные камни, чтобы под ними умереть.

Интересно мой голый череп возьмут в руки, или просто пнут ногой? Я уже смеялся не переставая, хотя не пристало этого делать рыцарю Ордена Тени. Да, Франциско, я теперь тоже Тень. Хоть ты и не успел меня посвятить. Или успел? Может даже меня подарят кому-нибудь. Мне стало смешно. Меня подарят...

Я добрался до камня с цифрой 3 и тяжело облокотился на

него. Настроился на молитву и почти произнес растрескавшимися губами первое слово, но тут впереди метрах в пятидесяти приметил странный черный ящик.

А может добраться до него? Сначала мне показалось, что в этом нет совершенно никакого смысла, а впрочем, нет, смысл в этом нашелся. Пусть те, кто идут за мной, пройдут несколько лишних метров, как и я. И тогда уже пускай делают, что должно.

Я пополз и таки добрался до цели. А потом наметил следующую, и еще и еще...

Вот он спецобъект и амбразура уже готова. Боже всемиловитый! Камень стены был влажным на ощупь, и словно пульсировал. Или это кровь у меня в голове пульсирует?

Нет, из под камня на той стороне бил маленький, но упрямый ручеек. Я припал к нему губами.

Стена напротив амбразуры пошла трещинами. Первый воин хищно осмотрелся по сторонам и перепрыгнул невысокий барьер. Клинок в его руке блеснул и оскалился. Боец топнул ногой, словно проверял прочность почвы и следом полезли другие, расходясь нешироким полукругом. Тартановая армия выступила. Лучники натянули тетиву. Из преисподней, иначе и не скажешь, стали появляться странные воины. Они были словно на одно лицо, с раскосыми глазами, в кожаных доспехах обшитых металлическими пластинами и двигались подобно сомнамбулам.

Нас с Максимом они не замечали, и шли прямо из-под земли, но только им одним видимый свет. А может быть это я все время шел на свет, а они предпочитали идти на тьму? Ну, что ж, пора. Я сжал рукоятки и плавно нажал на гашетку...

Их разрезало практически напополам, глиняная крошка летела во все стороны и висла в туннеле непрозрачной тяжелым занавесом. Видимость падала до нуля, но они все перли и перли. Ленту пока не клинило, но у меня уже заканчивался первый из ящиков. Становилось тоскливо. Как осенью на балконе. За стенкой громко играл «Дюран-Дюран»:

Who you need? Who you love...

Как-то так, хуевая любовь какая-то, не ласковая...

Откуда-то из-за занавеса вылетела первая ракета. Искристым фейерверком она лопнула, не долетев до позиции, и рассыпалась огненными кострами.

– Блядь, – произнес отчетливо мой рот и я, бросив пулемет, перебежал на новую точку. В этой точке пространство расширилось до необъятных пределов. Потолок подземелья взлетел куда-то ввысь и исчезал в густой темноте. Стены туннеля раздвинулись, и теперь я лежал в глубоком окопе посреди василькового поля. Противник же наступал плотной группой и похоже подтаскивал странное орудие напоминавшее своей конструкцией катапульту. Для миномета самое то. Ну-ка... где тут у нас?

Миномет был пристрелянный, и я стал кидать заряды в трубу с минимальными промежутками. Через пару минут

я выглянул наружу и ничего не увидел. Сплошное черное облако закрывало все пространство передо мной. Никто не кричал, никто не орал. Но я чувствовал, что они все прибывают, молча неотвратимо. Подтверждая мои догадки, из облака вылетело сразу три ракеты и что-то здоровенное, разлетелось в крошки с пренеприятным звуком. Видимо заработала катапульта. Меня хорошенько присыпало каменными обломками от лопнувшего снаряда, и я перекатился к третьей позиции.

Орудие было заряжено, я это знал, как и то, что у меня только один выстрел. Старинная корабельная пушка, двухсотого калибра. Нужно только прижечь в этом месте. Интересно разорвет или не разорвет?

Не разорвало, но грохнуло так, что высокий потолок надо мной загудел как пробитый барабан. Впереди творилось уже что-то невообразимое, я снова пополз к миномету, а что еще оставалось мне делать? С вновь опустившегося потолка лилась илистая зеленая вода, перемешанная с песком. Что-то звякнуло совсем рядом.

– ПРОСТО ПЕРЕВЕРНИ ЧАСЫ! – крикнул голос Франциско и я почувствовал, как окаянная стрела впилась мне между лопаток.

Часы были совсем рядом, они лежали на минометной плите, на боку и песок сыпался внутри них в обе стороны сразу. Это были они песочные часы Иисуса, и в них был песок, из той пустыни и из того времени, когда его искушал Сатана. И

я знал, что если перевернуть их, то для того, кто делает это, время будет идти в обратную сторону. Какое-то время...

Запредельным усилием я протянул руку и прикоснувшись к нему почувствовал космический холод. Стоп, нужна еще монетка. Я нашарил ее в кармане свободной рукой, и она идеально вошла в корпус...

Кровь Лангедока стучала в моих висках, вместе с ней стучали тысячелетия и просились наружу. Я сжал пальцы и потянул Часы на себя. Мне удалось... Кажется, да, мне удалось... Я почувствовал, что стрела выходит из моей спины, а разорванные ткани снова становятся целыми...

Когда замелькали белые плащи с кровавыми крестами, я уже просто лежал на спине и думал, глядя в потолок.

«А не дурак ли я?»

И кажется, потолок мне что-то отвечал. Потом я понял, что это не потолок, а звездное небо, и звезды на самом деле живые, такие же как мы... Потом чья-то дружественная полупрозрачная рука протянула мне смоченную водой тряпку и все исчезло...

Мимо нас неслись боевые колесницы. Грохотали колеса, всхрапывали кони. В молчании взирали на нас раскосые воины в дивных доспехах. Они проносились мимо, вздымая пыль, и уносились куда-то в лиловую тьму безвременья, назад до срока... и я чувствовал, как непонятная радость на-

полняет меня. Дивным восторгом наполнилось все существо мое и стоявшее в зените солнце больше не жгло мою истерзанную кожу, оно милостиво освещало меня и дарило надежду на то, что наконец-то все действительно будет хорошо.

Вдалеке уже затихали звуки боя, там что-то еще сталкивалось, скрипело и ухало, но меня это уже никоим образом не касалось. Я почувствовал, что непонятная сила берет меня под руки, или у меня уже прорастали крылья? И меня понесло вверх, туда навстречу беспечному Светилу и я раскрываю объятия, и кто-то приветливо машет мне, и лечу... лечу... лечу...

Эпилог:

– Пока мужики скорую вызывали, пока то да се, пьяные ж, блядь. Сашок-то и пропал. Скорая приехала, а его нет. Видно он в состоянии аффекта сразу как в себя пришел, так в метро и двинул. С ножом в пузе... И что интересно. В смысле главное, Шурик-то наш в ту ночь сразу на всех трех линиях замечен был. Как он успел-то, это ж какой километраж надо было накрутить. Просто ебануться, он сначала по Заводской хуярил, считай с Рассвета до Стадиона, по прямой, говорят к путейцам заходил, по рюмке с Данилычем ихним приняли, и вроде такой был, как обычно, поболтали о том о сем и дальше пошел. На СТП заходил, Слава выгнал его. Потом перескочил на вторую, сломал ограждение метромо-

ста, потом неожиданно нарисовался на Новой, чего он туда поперся? И главное как? Дрезин попутных вроде не было. Тогда там и рвануло не по-детски, и электричка на отстое загорелась. Потом его дежурная видела еще раз в камеру, как он с линейного выползал весь в кровище. И вроде заметить уже не один. Она ему в дуду дудела, да он по ходу в шоке был и уже ничего не соображал. Исчез где-то в районе 30-го, с напарником, и все. Там выход есть на поверхность и китайцы чего-то строят. Вроде паркинг. Вот там он на них и напал. С ножом. Заправка уже после рванула. И хоронить нечего, там такое пламя бушевало, что... Да.

– А второго нашли?

– Да где там... Там видимость плохая была, темно может показалось дежурной. Все ж на нервах. Ревизоры понаехали. МЧС.

– Допился, бля! И мы допьемся...

– Ага вот эту и больше не будем... Помянем.

– А соединительную ветку закрыли?

– Да, по невыясненным причинам, но думаю топит там не по-детски, песок пошел, – и бригадир понизил голос, – песок странный, красный, там в жизни такого не было, мне Иваныч пэтээсник рассказывал.

– А откроют когда?

– Да теперь-то не скоро, хотя до смотра должны бы по хорошему.

– Ага...

– Помянем!

– Помянем, раба Божьего, неплохой был парень, только вот беспокойный. Странный был он в последние дни, это да...

– Ага.

– Да уж... Четырнадцать душ узкопленочных... И все нелегалы.

– Круто! Все насмерть?

– А я знаю?

– Не то слово, – дежурный мент судорожно сплюнул, – не я то как раз не против, заколебали они если честно... Но как по мне, так вроде и жестковато...

– Ну да... Жестковато, мог бы просто отпиздить.. Ну будем...

.....

...Перезагрузка... сбой Программы....

PS:

...Нас выручил отряд французского рыцаря по имени де Рошфор, который патрулировал этот район и привлеченный звуками боя поспешил на выручку. И успел как раз вовремя. Молодцы французы, теперь с таким сопровождением мы доберемся до Иерусалима без хлопот. Гарольд даже немного разочарован... Во-первых, что не удалось толком подраться,

а во-вторых тем, что в Проклятой Крепости кроме развалин мы ничего не нашли...

PS-2: ...Инспектор отдела кадров метрополитена, типичная «женщина, заслуживающая большего», по моей классификации, устало поглядела на меня своими серыми накрашенными глазами и поинтересовалась:

– Ну, вы долго там еще?

Я поднял голову от стола, поглядел на унылые гардины, на пыльные цветочные горшки на подоконнике, на красный телефонный аппарат, на декоративные песочные часики с краю стола, на горы бумаг в стеклянном шкафу и неожиданно для самого себя скомкал уже почти дописанное заявление.

«Прошу принять меня слесарем-электриком 4 разряда...»

В глазах этой милой в принципе женщины промелькнуло удивление общепланетного масштаба, словно ей только что сообщили, что долгожданная высадка марсиан задерживается на неопределенный срок и по невыясненным обстоятельствам.

– Знаете, – проникновенно глядя инспектору прямо в глаза, произнес я, – не буду я у вас работать.

– Отчего же?

Я хулигански шмыгнул носом и с интонацией уставшего от жизни наркобарона объяснил:

– Зарплата у вас маленькая, а мне гарем кормить надо.

– Кого? – судя по выражению сидящих напротив меня прекрасных глаз, почва под ногами их обладательницы была выбита окончательно.

Я встал и пятясь принялся загибать пальцы:

– Джамиля, Зарина, Гюзель...

Примерно на Лейле я ткнулся задницей в двери и через миг уже был на яркой весенней улице. На фиг, не хочу я сегодня на работу устраиваться. Тем более на ежедневку. Завтра Артему позвоню, он давно меня в охрану зовет, не клятый не мятый, сутки-трое. Красота... Я сунул наушники в уши и, насвистывая, двинулся в сторону весенней реки.

Мертвый жил у леса, а теперь уходит.

День хорош,

Мир хорош,

Все найдешь,

Все возьмешь.

Все вертится!

...